

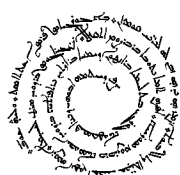
ISSN 2500-2902
URAL-ALTAIC STUDIES
УРАЛО-АЛТАЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

№ 4 (27) 2017

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

МОСКВА

Ural-Altaic Studies
Урало-алтайские исследования

ISSN 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Ural-Altaic Studies

Scientific Journal

№ 4 (27) 2017

Established in 2009
Published four times a year

Moscow

© Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2017

ISSN 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Урало-алтайские исследования

научный журнал

№ 4 (27) 2017

Основан в 2009 г.
Выходит четыре раза в год

Москва

© Институт языкознания Российской академии наук, 2017

CONTENTS

No 4 (27) 2017

Vadim Dyachkov. Deadjectival verbs in the Hill Mari language: derivation and semantics.....	7
Aryuna Ivanova. Typological peculiarities of morphemic structure of a word in English and Buryat (based on the texts in different functional styles)	23
Valey Kelmakov, Alevtina Kamitova. Study and tutorial guides of V. A. Islentyev: genre and thematic contents of the translated texts.	39
Daria Mordashova. Analytical constructions using forms of the verb 'to be' in Hill Mari	59
Elena Napolnova. Verbs of motion in the modern Turkish (means of movement)	77
Natalia Serdobolskaya, Svetlana Toldova. Direct Object marking in Finno-Ugric languages: between sentence and discourse.....	92

DISCUSSIONS

Maria Klyucheva. The first Mari alphabet books of the meadow dialect (1870s): Part II. Features of Consonantism	113
Yulia Normanskaya. A polemic note to the article “The first Mari alphabet books of the meadow dialect (1870s): Part II. Features of Consonantism” by Maria Klyucheva	138

PERSONALIA

Anna Dybo, Badma Salaev, Svetlana Trofimova. Valentin Ivanovich Rassadin	144
Ilya Gruntov. Valentin Ivanovich Rassadin.....	147
Elvira Grunina. Dmitry Mikhaylovich Nasilov	150
Loseva-Bakhtiyarova Tanem. Memories of Dmitry Mikhaylovich Nasilov.....	155
Elena Oganova. Memories of Dmitry Mikhaylovich Nasilov.....	156
Style sheet	157

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 4 (27) 2017

В. В. Дьячков. Деадъективные глаголы в горномарийском языке: словообразование и семантика	7
А. Г. Иванова. Типологические особенности морфемной структуры слова в английском и бурятском языках (на материале текстов разных функциональных стилей).....	23
В. К. Кельмаков, А. В. Камитова. Учебно-методические пособия В. А. Ислентьева: жанрово-тематическое содержание переводных текстов	39
Д. Д. Мордашова. Аналитические конструкции с формами глагола 'быть' в горномарийском языке	59
Е. М. Напольнова. Глаголы перемещения в современном турецком языке (способ перемещения).....	77
Н. В. Сердобольская, С. Ю. Толдова. Оформление прямого дополнения в финно-угорских языках: между предикацией и дискурсом	92

ДИСКУССИИ

М. А. Ключева. Первые марийские буквари (лугового наречия) 1870-х гг. Ч. 2. Особенности консонантизма.....	113
Ю. В. Норманская. Дискуссионная заметка к статье М. А. Ключевой «Первые марийские буквари (лугового наречия) 1870-х гг. Ч. 2. Особенности консонантизма»	138

PERSONALIA

А. В. Дыбо, Б. К. Салаев, С. М. Трофимова. Валентин Иванович Рассадин.....	144
И. А. Грунтов. Валентин Иванович Рассадин	147
Э. А. Грунина. Дмитрий Михайлович Насилов	150
Т. В. Лосева-Бахтиярова. Воспоминания о Дмитрие Михайловиче Насилове.....	155
Е. А. Оганова. Воспоминания о Дмитрие Михайловиче Насилове	156
Требования к оформлению статей.....	157

Главный редактор

А. В. Дыбо

(д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН)

Заместитель главного редактора

Ю. В. Норманская

(д.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционная коллегия

В. Ю. Гусев (к.ф.н., Институт языкознания РАН), П. П. Дамбуева (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), Е. В. Кашкин (к.ф.н., Институт русского языка РАН), О. А. Мудрак (д.ф.н., проф., Российский государственный гуманитарный университет), С. А. Мызников (д.ф.н., проф., Институт лингвистических исследований РАН), И. Николаева (PhD, Школа восточных и африканских исследований, Великобритания), Ф. Ш. Нуриева (д.ф.н., проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет), Г. Ц. Пюрбеев (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), М. Роббеетс (PhD, Лейденский университет, Нидерланды), И. Я. Селютина (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), Р. А. Тадинова (д.ф.н., доц., Институт языкознания РАН), З. Н. Экба (к.ф.н., Институт языкознания РАН), А. Б. Шлуинский (к.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционный совет

В. М. Алпатов (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН), А. Е. Аникин (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт филологии СО РАН), Р. Г. Ахметьянов (д.ф.н., проф., Бирский государственный педагогический институт), М. Бакро-Надь (проф., Университет Сегеда, Венгрия), В. Блажек (проф., Масариков университет, Чехия), Т. М. Гарипов (д.ф.н., чл.-корр. НАН РБ, Башкирский государственный педагогический институт им. М. Акмуллы), Н. И. Егоров (д.ф.н., проф., Чувашский государственный институт гуманитарных наук), И. В. Кормушин (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), И. Л. Кызласов (д.и.н., проф., Институт археологии РАН), Й. Лааксо (проф., Венский университет, Австрия), К. М. Мусаев (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН), И. А. Невская (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия), Т. Ризе (проф., Венский университет, Австрия), Е. К. Скрибник (проф., Мюнхенский университет, Германия), П. А. Слепцов (д.ф.н., проф., академик РАН, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН), М. Стаховски (проф., Краковский университет, Польша), Ф. Г. Хисамитдинова (д.ф.н., проф., Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН), Л. Хонти (проф., Будапештский университет, Венгрия), Н. Н. Широкова (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), К. Шониг (проф., Берлинский университет им. Гумбольдта, Германия), М. Эрдал (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия)

Editor-in-Chief

Anna Dybo

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Deputy Editor-in-Chief

Yulia Normanskaya

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Editorial Board

Polina Dambueva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Zarema Ekba (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Valentin Gusev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Egor Kashkin (Institute of the Russian language, Russian Academy of Sciences), Oleg Mudrak (Russian State University for the Humanities), Sergey Myznikov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences), Irina Nikolaeva (School of Oriental and African Studies, Great Britain), Fanuza Nurieva (Kazan (Volga region) Federal University), Grigoriy Pyurbeev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Martine Robbeets (Leiden University, Center for Linguistics, Institute for Area Studies, the Netherlands), Irina Selyutina (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Andrey Shluinski (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Roza Tadinova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Advisory Board

Rinat Ahmet'yanov (Birk State Pedagogical Institute), Vladimir Alpatov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Alexandr Anikin (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marianne Bakró-Nagy (University of Szeged, Hungary), Václav Blažek (Masaryk University, Czech Republic), Nikolay Egorov (Chuvash State Institute for the Humanities), Marcel Erdal (Goethe University Frankfurt, Germany), Talmás Garipov (M. Akmuulla Bashkir State Pedagogical University), Firdaus Hisamitdinova (Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Centre of Russian Academy of Sciences), László Honti (University of Budapest, Hungary), Igor Kormushin (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Igor Kyzlasov (Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences), Johanna Laakso (University of Vienna, Austria), Kenesbay Musaev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Irina Nevskaya (Goethe University Frankfurt, Germany), Timothy Riese (University of Vienna, Austria), Klaus Schönig (Humboldt University of Berlin, Germany), Natalia Shirobokova (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Elena Skribnik (University of Munich, Germany), Piotr Slepsov (Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marek Stachowski (Krakow University, Poland)

Деадъективные глаголы в горномарийском языке: словообразование и семантика¹

В данной работе рассматриваются деадъективные глаголы, то есть глаголы, образованные от прилагательных, в горномарийском языке². В уральских языках обычно фиксируется большое количество аффиксальных средств, с помощью которых образуются деадъективные глаголы. При этом в некоторых языках некоторые показатели исходно несут не вполне типичную для данной словообразовательной модели семантику. Так, в карельском языке инхоативное значение ‘стать А’ (где А — основа прилагательного) выражается с помощью показателя с рефлексивной семантикой (см. [Зайков 1999]). В удмуртском языке имеется несколько показателей, с помощью которых образуются инхоативы (см. [Перевощиков 1962]). Горномарийский язык также обладает более чем одним средством образования деадъективных глаголов: в самом полном исследовании горномарийского языка [Саваткова 2002] указывается как минимум 12 суффиксов (-lan-, -l-, -g-, -t-, -ešt-, -ešt-är-, -ang-, -d-, -âkt-, -em-, -n-, -ešk-), дистрибуция и семантика которых совсем не ясна.

В данной работе мы опираемся на наши полевые данные, собранные в ходе экспедиций 2016 г. в сс. Кузнецово, Кукшилиды, Апшак-Пеляк и Тюманово Горномарийского района Республики Марий Эл. При сборе данных применялся метод анкетирования, в ходе которого носителям языка предлагались для перевода, интерпретации и оценки грамматичности изолированные предложения и высказывания, помещенные в контекст. Представленная работа преследует в первую очередь описательные задачи и призвана ответить на следующие вопросы: 1) Какова дистрибуция суффиксов деадъективной деривации в горномарийском языке? 2) Чем обуславливается выбор суффикса в случае, если к одной и той же адъективной основе может прибавляться более одного показателя? 3) Каковы аспектуальные свойства деадъективных глаголов? В соответствии с предложенной в [Hale, Keyser 2002] классификацией деадъективных глаголов, в дальнейшем исследовании мы различаем инхоативные и каузативные глаголы: под инхоативными глаголами мы подразумеваем глаголы со значением вхождения в состояние, обозначаемое адъективной лексемой (‘стать / становиться А’), под каузативными — глаголы со значением каузации этого состояния (‘каузировать X стать А’), под неэргативными — класс глаголов, семантику которых мы определяем как ‘действовать способом, определяемым как А’. В статье мы последовательно рассмотрим все три класса глаголов и опишем их формальные и семантические свойства в разделах 2—4. В разделе 5 мы попытаемся описать условия, предопределяющие выбор суффикса при деривации инхоативов (которые образуются менее регулярно по сравнению с каузативами), а в разделе 6 рассмотрим аспектуальные свойства анализируемых глаголов.

1. Инвентарь суффиксов деадъективной деривации

В горномарийском языке известны следующие суффиксы, с помощью которых от прилагательных образуются глаголы (см. [Саваткова 2002]):

(1) -em/-em-d ³ -	инхоатив/каузатив [Саваткова 2002: 219—220]
-g-/t-	инхоатив/каузатив [Саваткова 2002: 217—218]
∅	инхоатив (в [Саваткова 2002: 223] — бессуффиксальный способ)
-lan-	‘вести себя А / казаться А’ [Саваткова 2002: 216]
-l-	‘стать А’ [Саваткова 2002: 216]
-ešt-/eštar-	‘стать А’ / ‘каузировать стать А’ [Саваткова 2002: 220]
-n-	‘стать А / вести себя как А’ [Саваткова 2002: 220]
-âkt-	‘сделать А’ [Саваткова 2002: 219]

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 16-06-00536а.

² Для исследуемого идиома существует также наименование «горное наречие марийского языка» ([Галкин 1966; ОФУЯ 1976; Саваткова 2002]). Мы, не углубляясь в дискуссию на эту тему, пользуемся наименованием «горномарийский язык», следуя [ЯНСССР 1966] и [Саваткова 2008].

³ Здесь и далее символам δ , γ и β , употребляемым в фонематической записи в [Саваткова 2002], соответствуют символы d , g и v , которые более точно отражают фонетику описываемого говора.

Основы прилагательных дополнительно распределены по парам суффиксов инхоатива и каузатива: если прилагательное образует инхоатив с помощью суффикса *-em-*, то каузатив образуется посредством прибавления суффиксов *-em-d-*, если с помощью суффикса *-g-* — то посредством суффикса *-t-*, при этом нами практически не зафиксированы прилагательные, которые используют две разные словообразовательные модели (см. также [Саваткова 2002: 217—218]).

В нашем исследовании были рассмотрены 43 прилагательных, которые в основном относятся к базовым классам прилагательных, выделяемых в работах Р. Диксона — см. [Dixon 1982; Dixon, Aikhenvald 2004]). Как известно, базовыми классами прилагательных являются лексемы со значениями размера ('большой', 'широкий', 'малый', 'длинный', 'короткий', 'узкий'), физического свойства ('грубый', 'гладкий', 'горячий', 'теплый', 'холодный', 'сладкий', 'горький', 'кислый', 'твердый', 'мягкий', 'тяжелый'), скорости ('быстрый', 'медленный'), возраста ('новый', 'молодой', 'старый'), цвета ('белый', 'черный', 'красный'), ценности ('хороший', 'плохой'), трудности ('легкий', 'трудный') и человеческого качества ('добрый', 'злой', 'гордый', 'умный', 'глупый', 'веселый', 'грустный'). Именно на прилагательные этих классов мы ориентировались в нашем исследовании, хотя это не исключало рассмотрения таких лексем, как, например, 'пьяный', которые в языках мира часто кодируются производными единицами (как и в горномарийском).

В нашем экспедиционном материале были зафиксированы только некоторые из суффиксов, выделенных в [Саваткова 2002]. Суффиксы *-em-* и *-em-d-* являются продуктивными, в отличие от суффиксов *-g-* и *-t-*, которые в исследуемом говоре присоединяются к ограниченному количеству основ (из 43 исследованных прилагательных они присоединяются только к 5). Суффикс *-t-* образует каузативы от тех же основ, от которых образуется инхоатив с суффиксом *-g-*.

Мы считаем, что последовательность *-em-d-* может быть разложена на суффикс инхоатива *-em-* и алломорф каузатива *-t-*, имеющий вид *-d-*. Такую алломорфию можно предположить, если учесть, что в горномарийском языке есть морфонологические чередования, включающие в себя фонетическое озвончение, в том числе на границе словоформ. Например, глагол *keäš* 'идти, уйти', претерит которого имеет форму *ken*, входит в состав сложных глагольных комплексов и после деепричастий, оканчивающихся на сонорный, может выступать в форме *gen*:

- (2) *kindä jâl-en ge-n*
 хлеб гореть-CVB уйти-PFV.3SG
 'Хлеб сгорел'.

Мы предполагаем, что показатель *-d-* является алломорфом суффикса каузатива *-t-*, который подвергается процессу озвончения, а каузативные деедъективные глаголы образуются от инхоативных путем прибавления суффикса каузатива: *kužê* 'длинный' — *kuž-em-äš* 'стать длинным' — *kuž-em-d-äš* 'сделать длинным'. При этом только суффиксы инхоатива дополнительно распределены по основам прилагательных, с которыми они сочетаются: самым продуктивным является суффикс *-em-*, менее продуктивным — *-g-*, и к обоим этим суффиксам прибавляется показатель каузатива (либо имеет место соответствие *-g-/-t-* при каузативно-инхоативной альтернативе).

Что касается суффиксов *-l-*, *-ešt-*, *-n-*, которые упоминаются в [Саваткова 2002] как суффиксы деедъективной деривации, то в нашем исследовании они не встретились как регулярные словообразовательные аффиксы, что может быть обусловлено как их действительной нерегулярностью, так и величиной выборки.

Ниже мы кратко рассмотрим исследуемые показатели.

2. Инхоативы

2.1. Инхоативы с показателем *-em-*

Этот показатель является продуктивным в горномарийском языке. Он образует инхоатив от большинства горномарийских прилагательных. Примеры деедъективных глаголов представлены ниже:

- (3) *olen ašked-mäkë kornê kuž-em-eš*
 немного шагать-CVB дорога длинный-INCH-NPST.3SG
 'Если медленно шагать, дорога кажется длинной'.
- (4) *män' štorê-m kuž-em-d-en-äm*
 1SG шторы-ACC длинный-INCH-CAUS-PFV-1SG
 'Я шторы удлинил [пришив к ним еще ткани]'.

- (5) *vas'a kerem-əm kok santimetr-eš mâtâk-em-d-en*
 В. веревка-ACC 2 сантиметр-LAT короткий-INCH-CAUS-PFV.3SG
 'Вася укоротил веревку на два сантиметра'.

2.2. Инхоатив с показателем -g-

Показатель -g- присоединяется к существенно меньшему количеству основ, чем продуктивный показатель -em-. К списку этих прилагательных относятся следующие: *väckžž* 'тонкий', *jakšar* 'красный', *kavâža* 'дряблый, сухой', *kagâla* 'жесткий', *kazâra* 'шероховатый', *kašar* 'острый', *kuštâlgâ* 'легкий', *kâjâr* 'кудрявый', *ladâra* 'низкий, плотный', *lanzâra* 'лохматый', *lâzârâ* 'сырой, мокрый', *padâra* 'хрупкий', *cever* 'румяный', *šâmpärâ* 'рассыпчатый', *žžar* 'зеленый' (переводы приведены по [Саваткова 2008]).

Примеры деадъективных глаголов — инхоативов и соответствующих им каузативов — представлены ниже:

- (6) *mân'-än licä-em jakšar-g-en*
 1SG-GEN лицо-POSS.1SG красный-INCH-PFV.3SG
 'У меня лицо покраснело'.
- (7) *mân' pet'a-m jakšar-t-em*
 1SG П.-ACC красный-CAUS-NPST.1SG
 'Я Петю позорю'.

Прилагательные, который сами образуются с помощью адъективизатора -an, образуют глаголы путем присоединения суффикса -g-. Адъективизатор -an образует прилагательные от существительных: *âš* 'ум' — *âš-an* 'умный', *mü* 'мед' — *müän* 'сладкий', *im* 'хвоя' — *imän* 'хвойный', *lu* 'кость' — *luan* 'костлявый' (см. также [Саваткова 2002: 138—139]). Пример деадъективного глагола, образованного от таких прилагательных, приведен ниже:

- (8) *olma mü-än-g-eš*
 яблоко сладкий-ATTR-INCH-NPST.3SG
 'Яблоко [на ветке] спеет'.

Если предложенный анализ верен, то подобные деадъективные глаголы содержат в себе суффикс адъективизатора и суффикс детранзитива -g-.

В литературе о марийских языках не раз высказывалась мысль о том, что деривационный суффикс -ang- суффикс прилагательных типа *müängäš* 'становиться сладким' неразложим морфологически (см., в частности, [Галкин 1966: 119—120] и обсуждение разных точек зрения на морфологическую структуру этого показателя) и восходит к прафинноугорскому показателю глагольной множественности *-ŋe-. Когнаты этого суффикса усматриваются в некоторых родственных языках: ср. венг. *csapong* 'порхает', *zajong* 'шумит', *lézeng* 'слоняется' (цитата по [Галкин 1966]). Однако признание этого факта должно опираться на семантические свойства предполагаемого общефинноугорского суффикса: в горномарийском языке он, судя по всему, обладает не теми же семантическими свойствами, что и в венгерском. Указываемые в [Галкин 1966] венгерские рефлексy обладают итеративным значением — присоединяясь к глаголу, они выражают множественные ситуации ('производить кванты действия V много раз или постоянно'), в то время как в горномарийском это не так: неверно, что лексема *müängäš* 'становиться сладким' означает 'проявлять сладость много раз'. В случае если суффикс -ang- действительно является суффиксом множественности по происхождению, то его исходное значение, вероятнее всего, претерпело некоторый семантический сдвиг, не уходя полностью из семантической зоны множественности. Исходя из принципа композициональности, семантику этого суффикса, видимо, стоит описывать выражением 'производить много X-а': '*müängäš*' = 'делать / производить много меда', '*âšangäš*' = 'проявлять много ума'. Только при таком семантическом представлении суффикса целесообразно говорить о том, что он является суффиксом множественности; если же это не так, тогда требуется дополнительно ввести некоторое объяснение того факта, что суффикс, который на прафинноугорском уровне означал итеративность, претерпел существенные семантические изменения. Мы воздерживаемся от комментария на этот счет, тем более что проблема глагольной и именной множественности в горномарийском языке еще ждет своего решения.

2.3. Конверсия

Некоторые прилагательные не образуют деадъективных глаголов ни по первой модели, ни по второй. В таком случае мы говорим о конверсии, которая не сопровождается присоединением какого-либо аф-

фикса — прилагательное просто получает характерные для глагола показатели словоизменения. Примеры конверсии представлены ниже:

- (9) *šapā kačkāš* ‘кислая еда’
- (10) *tengeč-šā lem-et šap-en*
вчера-ATTR суп-POSS.2SG кислый-PFV.3SG
‘Суп, который ты сварил вчера, прокис’.
- (11) *mešāk kuštālg-en*
мешок легкий-PFV.3SG
‘Мешок стал легче’.
- (12) *sāra ükš-eš*
пиво холодный-NPST.3SG
‘Пиво охлаждается’.

Примеров конверсии было обнаружено немного, и очевидно, что данный способ образования глаголов не является продуктивным. Хотя с синхронной точки зрения прилагательные типа *šapā* или *kuštālgā* нечленимы, есть основания предполагать, что они могут являться причастными образованиями от соответствующих глаголов (*šapaš* ‘киснуть’ и *kuštālgāš* ‘облегчаться, становиться легче’), что подтверждается определенной регулярностью в фонетическом облике этих слов, а именно наличием одного и того же гласного *ā* в финали этих прилагательных (в современном горномарийском языке есть причастные образования только с суффиксом *-šā*). Основы некоторых других прилагательных горномарийского языка также содержат тот же гласный в финали основы: *kāžgā* ‘толстый’, *pāškādā* ‘мягкий’, *toštā* ‘старый’, однако соответствующих им глаголов **kāžgāš* или **pāškādaš* в языке нет. В случае если причастное происхождение этих прилагательных действительно имеет место (относительно чего мы не высказываемся категорично), этот факт укладывается в типологию прилагательных: в языках с малым количеством прилагательных, к которым относится и горномарийский, прилагательные зачастую являются синхронно или исторически причастиями (подобное явление фиксируется, например, в большом количестве языков Африки). Однако столь категоричное утверждение, безусловно, должно быть доказано с учетом данных родственных языков (см. также обсуждение деривационной природы прилагательных в [Галкин 1966: 52—73]).

3. Каузатив

Казуативы с показателями *-em-d-* и *-t-* мы причисляем к контактным казуативам, противопоставляя их казуативам дистантным. Различие между дистантными и контактными казуативами сводится к характеру отношений между казуирующим и казуируемым подсобытием: в случае дистантных казуативов эта связь имеет более опосредованный характер, в то время как контактные казуативы обозначают событие непосредственного воздействия на казуируемого участника. Различение контактных и дистантных казуативов (*direct/indirect causatives*) широко известно в типологии и является предметом многочисленных обсуждений в лингвистической литературе (см., среди прочих, [Dixon 2000; Shibatani, Pardeshi 2002]).

Казуатив с суффиксом *-ākt-*, присоединяясь к глагольным основам, обозначает такие ситуации, в которых субъект вложенной клаузы соответствует участнику, претерпевающему воздействию со стороны каузатора и в результате этого, в свою очередь, оказывающего воздействие на пациенс. Пример (13) демонстрирует это:

- (13) *mān' vazā-m (jori) pādār-t-ākt-en-ām*
1SG ваза-ACC нарочно разбиться-CAUS-CAUS.D-PFV-1SG
i. ‘Я кого-то вазу [попросил] разбить’.
ii. ‘*Я разбил вазу’.

Промежуточный участник, полностью отличный от агенса, может быть выражен неявно и быть неодушевленным:

- (14) *mān' gruz-ām kuz-ākt-āš-ām*
1SG груз-ACC подняться-CAUS.D-PRET-1SG
‘Я поднял груз [автокраном/*руками]’.

Суффикс *-ākt-* присоединяется также к глаголам, которые образуются путем конверсии и связаны определенными деривационными отношениями с прилагательными (см. обсуждение в п. 2.3). В этом случае семантика дистантности или опосредованного воздействия неочевидна:

- (15) *ruaš-ə̃m šap-ə̃kt-aš*
опара-ACC кислый-CAUS.D-INF
'заквасить опару'
- (16) *mən' sə̃ra-m *ükš-em-d-äm / ükš-ə̃kt-em*
1SG пиво-ACC холодный-INCH-CAUS-NPST.1SG холодный-CAUS.D-NPST.1SG
'Я пиво охлаждаю'.

Если предположить, что прилагательные *ükšə̃* 'холодный' и *šapə̃* 'кислый' имеют отглагольное происхождение (о чем мы осторожно высказались в п. 2.3), суффикс дистантного каузатива закономерно присоединяется к глаголам *šapaš* и *ükšə̃š* соответственно, а не к адъективным основам. Таким образом, каузатив образуется не от инхоатива с суффиксом *-em-* (которого у этих глаголов нет), а от производного глагола.

Суффикс дистантной каузации может сочетаться и с показателями *-em-d-*, образуя двойной каузатив. Иногда такой показатель выполняет ту же функцию, что обычный (недеадъективный) каузатив, имея семантику 'каузировать X-а сделать так, чтобы X совершил действие над Y'. В таком случае значение двойного каузатива композиционально, а семантика вложенной клаузы 'X совершил действие над Y' соответствует семантике последовательности *-em-d-*:

- (17) *xoza (pet'a-lan) port-šə̃-m kükš-em-d-ə̃kt-ä*
хозяин П.-DAT дом-POSS.3SG-ACC высокий-INCH-CAUS-CAUS.D-NPST.3SG
'Хозяин (Петю) просит сделать дом выше'.

Иногда у деадъективных глаголов двойной каузатив не обозначает, как это ожидалось бы, двойную каузацию, а его актантная структура соответствует актантной структуре *emd-*каузативов:

- (18) *ti sarapan ə̃därämə̃š-ə̃m toša-em-d-(ə̃kt)-a*
DEM платье женщина-ACC художой-INCH-CAUS-CAUS.D-NPST.3SG
'Это платье стройнит женщину'.
- (19) *və̃rsə̃ rvezə̃-m södöj-em-d-(ə̃kt)-ə̃š*
война мальчик-ACC седой-INCH-CAUS-CAUS.D-PRET.3SG
'Война заставила мальчика поседеть'.

Что касается семантических отличий *-emd-*каузативов от форм с двумя суффиксами каузатива при необязательности присутствия показателя дистантного каузатива в словоформе, то их природу еще предстоит изучить. В качестве гипотезы выскажем предположение об интенсификационной семантике дистантного каузатива — двойные каузативы с подобной семантикой имеют широкое распространение в языках мира (см., например, [Kulikov 1993], а также недавнее исследование [Zhornik, Khomchenkova 2017], в котором гипотеза о возможности семантики интенсификации у горномарийских каузативов подтверждается на материале глаголов боли и других неприятных физиологических ощущений).

Некоторые каузативы (как на *-em-d-*, так и на *-ə̃kt-*) имеют не ожидаемую каузативную, а инхоативную семантику, см. (20)—(21). Различий в семантике каузативных маркеров между примерами (20) и (21) нами не выявлено. Некоторые сведения о соотношении исходных прилагательных *livə̃* и *šokšə̃* см. в разделе 6.

- (20) *tagačə̃ liv-ə̃kt-en kolt-en*
сегодня теплый-CAUS.D-CVB послать-PFV.3SG
'Сегодня потеплело'.
- (21) *tagačə̃ šokš-em-d-äl-en*
сегодня горячий-INCH-CAUS-ATT-PFV.3SG
'Сегодня потеплело'.

Мы зафиксировали каузативы с такими свойствами только среди глаголов, обозначающих состояние погоды. В данном исследовании мы не будем останавливаться на причинах, обуславливающих переход этих глаголов в класс интранзитивных. Для наших целей важно, что эта возможность обусловлена не семантикой самих суффиксов каузатива (поскольку оба типа каузатива могут проявлять подобные свойства), а внешними причинами. Однако мы в нашем исследовании ограничимся только констатацией факта интранзитивности каузативов для полноты картины.

4. Неэргатив

Неэргативными деадъективными глаголами мы называем класс глаголов, которые обозначают определенный тип поведения, именуемый исходным прилагательным. В нашем исследовании эта возможность представлена деадъективными глаголами с суффиксом *-lan-* (хотя в [Саваткова 2002] упоминаются также малопродуктивные неэргативные суффиксы *-n-*, *-ešt-* и *-l-*, в нашем исследовании деадъективных глаголов с этими суффиксами не встретилось, поэтому мы о них говорить не будем):

- (22) *vas'a jalaxaj-lan-a*
В. ленивый-MAN-NPST.3SG
'Вася ленится'.
- (23) *vārsā žep-ən xalāk nužda-lan-en*
война время-GEN народ бедный-MAN-PFV.3SG
'Во время войны народ бедствовал'.

В [Саваткова 2002: 220] отмечается также наличие деадъективных глаголов, имеющих суффикс *-lan-*, которые являются не глаголами поведения, а, судя по описанию, инхоативами: *jažo* 'хороший' — *jažolanaš* 'улучшаться', *svezä* 'свежий' — *svezälänäš* 'свежесть'. Данный факт не является типологической случайностью. Дело в том, что в разных языках мира фиксируется тождественное морфологическое оформление неэргативов и глаголов вхождения в состояние, с одной стороны, либо тождественное морфологическое оформление неэргативов и инхоативов.

В языках первого типа деривационный аффикс, образующий глаголы поведения от прилагательных, совпадает с аффиксом переходных глаголов или каузативов. В русском языке одинаковым образом оформляются деадъективные каузативные глаголы и некоторые глаголы поведения:

- (24) *Вася побелил стену.*
- (25) *Вася хитрит.*

Сходные явления наблюдаются, например, и во французском языке: глагольный суффикс *-ifi(er)* кодирует как каузативные деадъективные глаголы, так и глаголы поведения. Тождественное кодирование неэргативов и переходных глаголов (каузативов) описано для некоторых языков также в терминах событийной структуры глагола (см., например, обсуждение материала языка фарси в [Megerdootian 2001]).

К языкам второго типа относится испанский, в котором одинаково кодируются инхоативы (см. (26) и (27)) и неэргативы (см. (28)) [Oltra-Massuet, Castroviejo 2013]:

- (26) *La camisa ha amarill-ea-do por zona-s*
DEF рубашка PERF.3SG желтый-INCH-PTCP для место-PL
'Рубашка пожелтела в некоторых местах'.
- (27) *La-s mimosa-s hace ya mucho que verd-ear-on.*
DEF-PL мимоза-PL делать.3SG уже много что зеленый-INCH-PRET
'Мимозы зазеленели уже давно'.
- (28) *tont-ear como un idiota.*
глупый-INCH-INF как INDEF идиот
'вести себя (букв. глупить) как идиот'

Таким образом, горномарийский язык относится к числу языков, которые одинаково кодируют неэргативы типа *nuždalanaš* 'бедствовать' и, согласно данным [Саваткова 2002], некоторые инхоативы типа *jažolanaš* 'улучшаться'. На данный момент типологические обобщения, которые позволяют объяснять, почему неэргатив может кодироваться либо как каузатив, либо как инхоатив, не сформулированы. Мы можем привести только некоторые семантические аргументы, позволяющие связать неэргативы и инхоативы. Так, высказывание (23) с семантикой 'Во время войны народ бедствовал / жил бедно' с обязательностью влечет за собой импликацию 'народ был бедным'. В то же время семантика инхоативов типа 'улучшаться' подразумевает достижение (хотя бы и частичное) состояния 'быть хорошим'. Неэргативы и инхоативы объединяет то, что они описывают состояния претерпевающих участников, и поэтому мы предполагаем, что глаголы поведения с суффиксом *-lan-*, как и инхоативы, имеют в своей семантической структуре описание некоторого состояния, обозначаемого адъективной основой. Значение суффикса как

показателя глагола поведения могло быть результатом смещения акцента с результирующего события на процессуальное, что повлекло обязательное наличие в семантике суффикса компонента ‘вести себя как X, хотеть казаться X’. Однако для более полных выводов о связи неэргативов и инхоативов необходимо как привлечение типологических данных, так и изучение взаимодействия семантики основы и суффикса, которое может оказаться нетривиальным и поэтому иметь своим следствием разные семантические свойства разных глаголов с одним и тем же показателем.

5. Выбор суффикса при деривации инхоатива и каузатива

Некоторые прилагательные способны образовывать деадъективные глаголы при помощи более чем одного суффикса. Так, от прилагательного *müän* ‘сладкий’ можно образовать инхоатив по двум моделям:

(29) *olma müän-g-eš*
яблоко сладкий-INCH-NPST.3SG
‘Яблоко [на ветке] спеет’.

(30) ^{??}*čaj müän-g-än* / *müän-em-än*
чай сладкий-INCH-PFV.3SG / сладкий-INCH-PFV.3SG
‘Чай стал сладкий’.

Помимо прилагательного *müän*, нам удалось зафиксировать наличие обоих словообразовательных моделей также у прилагательных *šelän* ‘жирный’ и *jakšar(gə)* ‘красный’.

В горномарийском, по-видимому, имеет место процесс замены непродуктивных показателей *-g-* и *-t-* продуктивными *-em-* и *-em-d-*, что и определяет вариативность в выборе показателя (так, наличие лексем *müänemäš* и *jakšaremäš* признается не всеми носителями).

Деадъективные каузативы могут образовываться также по разным моделям:

(31) *män' st'enä-m jakšar-t-en-äm* / *jakšar-em-d-en-äm*
1SG стена-ACC красный-CAUS-PFV-1SG / красный-INCH-CAUS-PFV-1SG
‘Я стену покрасил красным цветом’.

Рассмотрим подробнее показатель инхоатива *-g-* и показатель каузатива *-t-*. Показатель каузатива *-t-* имеет большое количество когнатов в финно-угорских языках. В финно-угорском праязыке, согласно [Laakso 1997], этот показатель имел функции вербализатора и мог образовывать глаголы с каузативным, фактитивным, инструментальным и инструктивным значением. Инвариант значений когнатов, впрочем, неясен, поскольку когнатные суффиксы в разных языках модифицируют значение производящей основы по-разному, ср. деноминальные глаголы в норвежском саамском языке: *dallo* ‘ферма’ — *dallodit* — ‘держать ферму’, *jiednâ* ‘звук’ — *jiednâdit-* ‘издать звук’, *njunne* ‘нос’ — *njunnadit* ‘обижаться’; в удмуртском: *gu* ‘дыра’ — *gudini* ‘копать’; в коми-пермяцком: *vugir* ‘вялость’ — *vugirt-* ‘засыпать’ (цит. по [Laakso 1997]). Десубстантивные глаголы обладают большими возможностями деривации, чем деадъективные, поскольку, в отличие от прилагательных, перемещаемые в позицию вершины глагольной группы имена могут иметь разные семантические роли. Основы некоторых глаголов могут обозначать результат деятельности агенса (*jiednâdit-* ‘издать звук’), в то время как характер модификации основ существительных суффиксом в других случаях не вполне ясен.

Суффикс *-t-* в горномарийском непродуктивен и присоединяется к ограниченному списку глаголов. В (31) иллюстрируется каузативная деривация с суффиксом *-t-*: в ней представлены примеры глагольных основ, которые образуют каузатив с суффиксом *-t-*, с указанием морфологической модели непереходного коррелята. В наши цели не входит детальный анализ каузативов в рамках данной статьи, поэтому мы ограничимся демонстрацией некоторой малой выборки, а за их большим количеством отсылаем читателя к [Саваткова 2002]; впрочем, данная выборка, по нашим представлениям, отражает типичные классы употреблений суффиксов. В горномарийском языке каузативам на *-t-* могут соответствовать как производные основы, так и основы, к которым прибавляется суффикс *-g*⁴:

⁴ Отметим, что как глагольный суффикс *-g-* в [Саваткова 2002] не выделяется. С нашей точки зрения, существование пар типа *pâdärgaš* ‘ломаться’ — *pâdârtaš* ‘ломать’ и других пар с аналогичным семантическим соотношением ‘инхоатив’ — ‘каузатив’ является аргументом в пользу выделения суффикса *-g-*, хотя мы не считаем его продуктивным.

(32)	непереходный глагол		переходный глагол	
<i>pâdâr-</i>	‘разбиться’	G	T	‘разбить’
<i>cävâl-</i>	‘купаться’	G/—	T	‘купать’
<i>vaštâl-</i>	‘смеяться’	—	T	‘рассмешить’
<i>šâl-</i>	‘таять’	—	T	‘растопить’
<i>šol-</i>	‘закипать’	—	T	‘вскипятить’
<i>âlâž-</i>	‘разгореться’	—	T	‘разжечь’
<i>jôr-</i>	‘гаснуть’	—	T	‘гасить’
<i>jam-</i>	‘теряться’	—	T	‘терять’
<i>šânz-</i>	‘сидеть’	—	T	‘усадить’
<i>rog-</i>	‘быть собранным’ (PTCP)	—	—	‘собирать’
<i>čüč</i>	‘быть запертым’ (PTCP)	—	—	‘запереть’

Примечание. Символ G соответствует единице, которой отличается от своего каузативного коррелята тем, что имеет суффикс *-g-* (ср. *pâdârgaš* ‘сломаться’ — *pâdârtaš* ‘сломать’), символ T — каузативу с суффиксом *-t-*, прочерк — отсутствию деривационных суффиксов у глагола, PTCP — причастной форме глагола (причастную форму мы указываем в качестве способа выражения ситуации, обозначаемой глаголом, в том случае если она имеет только одного участника).

Глагольные основы делятся на два класса, которые различаются по параметру (не)произвольности обозначаемого глаголом действия. К первому классу относятся переходные глаголы, непереходные корреляты которых не могут обозначать действия, которые инициируются самим его (единственным) участником. Иными словами, ситуация ‘быть привязанным’ не может быть осуществлена без наличия внешнего агенса. В этих случаях непереходный вариант кодируется пассивным причастием. Все остальные ситуации могут быть описаны как самопроизвольно осуществляющиеся.

Мы предполагаем, что суффикс инхоатива *-g-* в морфологической структуре глаголов, которые могут его присоединять, занимает ту же проекцию в дереве составляющих, что и каузатив, однако его функцией является не введение в ситуацию нового участника, а его исключение (как в случае глагола *pâdârgaš* ‘разбиться’) или коиндексация агенса и пациенса процесса. В горномарийском языке, как уже было сказано выше, есть пары глаголов, один из которых имеет показатель *-g-*, а другой не имеет никакого деривационного показателя: *câmâraš* ‘собирать в одно место’ — *câmârgaš* ‘собираться в одно место’. В данном случае ситуации отличаются только совпадением агенса и пациенса действия во втором случае. Мы предполагаем, что показатель *-g-* кодирует именно ситуации, в которых внешняя сила или агенс совпадает с пациенсом, в то время как глаголы, не имеющие в своем составе показателя *-g-*, обозначают ситуации, в которых ни агенс, ни внешняя сила не нужны для описания самой ситуации. В обоих случаях *t*-каузатив вводит внешнего по отношению к ситуации агенса, который каузирует начало ситуации.

Наше предположение подтверждается наличием в [Саваткова 2008] достаточного количества единиц, которые по крайней мере на синхронном уровне не являются производными ни от прилагательных, ни от других частей речи: *âptârâš*, *âptârgâš* ‘робеть’ — *âptârtâš* ‘стеснять’, *vâl’dârgaš* ‘сморщиться’ — *vâl’dârtaš* ‘сделать морщинистым’, *kagârgaš* ‘делаться сухим’ — *kagârtaš* ‘делать сухим’, *kakl’argaš* ‘согнуться’ — *kakl’artaš* ‘согнуть’, *kôtârgâš* ‘убывать’ — *kôtârtâš* ‘убавлять’, *n’âmârgaš* ‘развариваться’ — *n’âmârtaš* ‘разваривать’, *sâmârgâš* ‘разрушаться’ — *sâmârâš* ‘разрушать’, *sâšârgâš* ‘вырываться’ — *sâšârtâš* ‘выпустить из рук’ и др. В то же время, как это отмечено и в [Саваткова 2002], показатель *-g-* может также образовывать глаголы от имен: *pügâr* ‘горб’ — *pügârgâš* ‘горбиться, согнуться’.

Стоит отметить, что формы с показателем *-g-* могут на синхронном уровне быть лексикализованы. Если наше предположение о семантике показателя *-g-* верно, то требуется объяснить, как семантика деадъективных глаголов складывается из семантики суффикса и основы. Если семантика суффикса заключается в связывании агенса или внешней силы с пациенсом, то можно показать, что все прилагательные, которые присоединяют суффикс *-g-* при образовании формы инхоатива (см. список в п. 2.2), обозначают признаки, причина появления которых у участника состоит только в самом участнике. Иными словами, наличие признаков типа ‘дряблый’ или ‘низкий’ обусловлено только внутренними свойствами их носителя, и благодаря этому фактор, обуславливающий наличие признака, совпадает с участником, который претерпевает состояние, описываемое признаком.

Наше предположение опирается на представление о том, что в языках мира часть деадъективных глаголов может кодироваться разного рода детранзитивизирующими показателями (рефлексив, пассив, антикаузатив), причем выбор суффикса деадъективной деривации не всегда объясняется семантикой прилагательного. В русском языке целый класс прилагательных не может образовывать стандартных

инхоативов на *-e-* (как *белеть* или *дурнеть*), но может образовывать антикаузативы со значением инхоатива: *ср. узкий* — **узеть* — *сузить* — *сужаться*. Чем объясняется в языках мира выбор детранзитивизирующего суффикса у некоторых прилагательных, мы на данный момент не знаем, равно как и не знаем, каковы типологические тенденции распределения основ прилагательных по разным деривационным моделям. Наша гипотеза состоит в том, что прилагательные горномарийского языка, которые могут присоединять суффикс *-g-*, обозначают признаки, наличие которых у субъекта, которому они приписываются, не связывается с какой бы то ни было внешней силой, каузирующей их появление: *väckäž* ‘тонкий’, *jakšar* ‘красный’, *kaväža* ‘дряблый, сухой’, *kagâla* ‘жесткий’, *kazâra* ‘шероховатый’, *kašar* ‘острый’, *kuštâlgâ* ‘легкий’, *kâjâr* ‘кудрявый’, *ladâra* ‘низкий, плотный’, *lanzâra* ‘лохматый’, *läzärä* ‘сырой, мокрый’, *padâra* ‘хрупкий’, *cever* ‘румяный’, *šämpärä* ‘рассыпчатый’, *äžar* ‘зеленый’⁵. У глаголов этот же показатель *-g-* также «убирает» из исходной структуры агенса, отождествляя его с пациенсом, и семантический компонент, которые объединяет деадъективный суффикс *-g-* и глагольный суффикс *-g-* — ‘наличие признака / действия не связано с внешней каузирующей силой’. Проверка этой гипотезы требует, как нам представляется, дальнейшего исследования.

6. Скалярность прилагательных и акциональность

Семантика производящих прилагательных влияет на свойства деадъективных глаголов, как предсказывает теория скалярности прилагательных, связывающая свойства адъективных шкал и акциональность деадъективных глаголов и разработанная в первую очередь на материале английского языка (см. в первую очередь [Hay, Kennedy, Levin 1999; Harley 2005; Kennedy, Levin 2008; Deo, Francez, Koontz-Garboden 2013] и др.). Мы вслед за указанными авторами понимаем скалярность как семантическое свойство прилагательного, которое описывает характер градуируемости обозначаемого им признака. В рамках данного подхода различаются прилагательные открытых и закрытых шкал. Прилагательные т. н. открытых шкал (‘теплый’, ‘широкий’) не имеют максимального значения признака (поскольку не существует «абсолютно теплого» или «абсолютно широкого» объекта) и образуют деадъективные глаголы, имеющие неопредельную интерпретацию (то есть глаголы-деятельности по классификации Вендлера), а прилагательные т. н. закрытых шкал, которые имеют максимальное значение признака (‘пустой’) — деадъективные глаголы с предельной интерпретацией (свершения или достижения по Вендлеру). Разница между двумя классами может быть проиллюстрирована следующими примерами:

(33) *The tank emptied in/*for an hour.*

‘Бак опустел за час / *опустевал в течение часа’ (закрытая шкала, свершение).

(34) *The gap widened *in/for an hour.*

‘Трещина расширилась за два часа / расширилась в течение часа’ (открытая шкала, деятельность).

Теория предсказывает, что акциональная интерпретация деадъективных глаголов четко задана типом шкалы прилагательного, от которых образуется глагол, и что характер этой зависимости фиксирован: прилагательные закрытых шкал образуют глаголы-свершения, а прилагательные открытых шкал — глаголы-деятельности, что иллюстрируется примерами (34) и (35) соответственно. Однако горномарийский язык обладает некоторыми особенностями, которые теория скалярности не предсказывает. Рассмотрим их подробнее.

Для диагностики акциональных свойств деадъективных глаголов мы используем классический тест Вендлера на сочетаемость глаголов с обстоятельствами, которые могут отличить деятельности от свершений — основные акциональные классы, свойственные деадъективным глаголам. Типичные деятельности не сочетаются с именными группами с временным значением в инессивном падеже типа *kok cäšäštä* ‘за два часа’, но сочетаются с обстоятельствами типа *kok cäs* ‘в течение двух часов’:

⁵ Отметим, что данная гипотеза, строго говоря, не объясняет распределение основ прилагательных по суффиксам на синхронном уровне, иначе сложно объяснить, почему, скажем, прилагательные типа *tör* ‘ровный’ или *mätäk* ‘короткий’, который также обозначают признаки, прототипически не возникающие под воздействием внешней силы, тем не менее, не присоединяют суффикс *-g-*. Однако мы не хотим постулировать обычную омонимию «глагольного» и «деадъективного» суффиксов *-g-*, в связи с чем пытаемся выделить семантический компонент, который мог бы объяснить хотя бы на диахроническом уровне способность прилагательных присоединяться к детранзитивизирующему суффиксу.

(35) *mən' kok cäs sola mäch kašt-əm*
 1SG 2 час село по ходить-PRET.1SG
 'Я два часа ходил по деревне'.

(36) **mən' kok cäs-äštä sola mäch kašt-əm*
 1SG 2 час-IN село по ходить-PRET.1SG
 '*Я за два часа походил по деревне'.

Свершения сочетаются с обстоятельствами типа *kok cäsäštä* 'за два часа', но не сочетаются с обстоятельствами типа *kok cäs* 'в течение двух часов':

(37) **Vas'a kok minut jangäl-en*
 В. 2 минута устать-PFV.3SG
 '*Вася две минуты уставал'.

(38) *Vas'a kok minut-äštä jangäl-en*
 В. 2 минут-IN устать-PFV.3SG
 'Вася за две минуты устал'.

Нами было выявлено, что значительное количество глаголов в горномарийском языке принадлежит к так называемому слабому предельному классу — форма претерита у них может означать и деятельность, и свершение (личные данные, полученные в ходе полевой работы, см. также [Гатевосов 2016], где описывается сходная ситуация в родственном луговом марийском языке). Такие глаголы сочетаются с обстоятельствами обоих типов:

(39) *tengečä vas'a kok cäs nâr-əm kâral-än*
 вчера В. 2 час поле-ACC пахать-PFV.3SG
 'Вчера Вася два часа пахал поле'.

(40) *vas'a kok cäs-äštä nâr-əm kâral-än*
 В. два час-IN поле-ACC пахать-PFV.3SG
 'Вася за два часа вспахал поле'.

Результаты тестирования деадъективных глаголов на сочетаемость с временными адвербиалами показывают, что не все деадъективные глаголы имеют одинаковые акциональные свойства. В (41) показана сочетаемость деадъективных инхотивов с наречными выражениями типа *kok cäs* 'два часа' и *kok cäsäštä* 'за два часа':

(41)		тип шкалы	наречия типа		
			<i>kok cäs</i>	<i>kok cäsäštä</i>	
	<i>ükšäs</i>	'охлаждаться'	открытый	+	+
	<i>ärdängäs</i>	'ржаветь'	открытый	+	+
	<i>šokšemäs</i>	'нагреваться'	открытый	?	+
	<i>pingädemäs</i>	'затвердеть'	открытый	?	+
	<i>šapaš</i>	'киснуть'	открытый	?	+
	<i>arlaš</i>	'трезветь'	открытый	?	+
	<i>müängäs</i>	'зреть, спеть'	открытый	?	+
	<i>jakšargaš</i>	'краснеть'	открытый	??	+
	<i>toštemäs</i>	'стареть (о вещах)'	открытый	??	+
	<i>käžgemäs</i>	'растолстеть'	открытый	*	+
	<i>äšangaš</i>	'поумнеть'	открытый	*	+
	<i>nelemäs</i>	'тяжелеть'	открытый	*	+
	<i>šongemäs</i>	'стареть (о людях)'	открытый	*	+

Как видно из таблицы, для большей части исследуемых инхотивов характерна сочетаемость с наречными выражениями типа 'за два часа', что позволяет отнести глаголы к классу свершений, но затруднена или невозможна сочетаемость с наречными выражениями типа 'два часа':

(42) *mən'-än t'ot'a-m *kok i / kok i-štä šong-em-än*
 1SG-GEN дедушка-POSS.1SG 2 год 2 год-IN старый-INCH-PFV.3SG
 'Мой дедушка *два года старел / ^{OK}за два года постарел'.

Вместе с тем, переходные деадъективные глаголы (каузативы) подобных свойств в целом не имеют. Таблица (44) иллюстрирует возможность сочетаемости наиболее употребительных деадъективных каузативов с временными обстоятельствами двух классов (в строчках для краткости указаны только исходные прилагательные); пример употребления каузатива представлен в (43):

- (43) *Maša kok cäš / cäš-äštä jalaš-äm mâtäk-em-d-än*
 М. 2 час / час-IN брюки-ACC короткий-INCH-CAUS-PFV.3SG
 ‘Маша два часа занималась укорачиванием брюк / укоротила брюки за два часа’.

(44)		тип шкалы	наречия типа	наречия типа	
				<i>kok cäš</i>	<i>kok cäš-äštä</i>
	<i>müän</i>	‘сладкий’	открытый	*	+
	<i>kânda</i>	‘широкий’	открытый	+	+
	<i>kužê</i>	‘узкий’	открытый	+	+
	<i>kuštâlgê</i>	‘легкий’	открытый	+	+
	<i>mâtäk</i>	‘короткий’	открытый	+	+

Выше мы говорили, что акциональная интерпретация деадъективного глагола задана скалярными характеристиками основы прилагательного. В то же время, как известно, некоторые английские деадъективные глаголы также могут сочетаться с адverbиалами обоих типов (см., в частности, обсуждение таких случаев в [Kearns 2007]):

- (45) *The beer cooled in / for 20 minutes.*
 ‘Пиво охлаждалось 20 минут / охладило за 20 минут’.

При определенных условиях прилагательные открытых шкал могут образовывать глаголы не только класса действительностей, но и класса свершений (см. обсуждение в [Kearns 2007]). Происходит это в тех случаях, если максимальное значение признака, обозначаемого прилагательным открытой шкалы, фиксировано контекстом. Например, лексема *cool* ‘холодный’ является прилагательным открытой шкалы, однако деадъективный глагол *cool* ‘охлаждаться’ может быть глаголом как класса свершений, так и класса действительностей в случаях типа (45).

Сочетаемость с адverbиалами типа *in 20 minutes* ‘за 20 минут’ допустима постольку, поскольку максимальное значение признака ‘холодный’ определяется нашими общими знаниями об обозначаемой ситуации: известно, что пиво, которое можно обозначить как ‘холодное’, является таковым при вполне определенной температуре, скажем, примерно в 20°C. Именно это значение определяет некоторую минимальную точку, после достижения которой пиво является ‘холодным’, и это значит, что наличие данной точки позволяет деадъективному глаголу быть свершением (см. подробное обсуждение в [Kearns 2007]).

В случае если горномарийские деадъективные глаголы, образованные от прилагательных открытых шкал, могут иметь интерпретацию свершений (а как мы видим из таблицы (41), это именно так), это может быть обусловлено двумя причинами: либо системными свойствами глагола в горномарийском, допускающими широкое распространение слабого предельного класса и в общем случае не зависящими от свойств шкал, либо собственно скалярными свойствами прилагательных (и в таком случае принадлежность глагола к классу свершений определяется, как и в английском, некоторыми внешними параметрами).

Из таблицы (41) видно, что тип шкалы исходного прилагательного не является определяющим при сочетаемости деадъективных глаголов с адverbиалами: глаголы, образованные от прилагательных открытой шкалы, должны, согласно теоретическим предсказаниям, сочетаться с наречиями типа *kok cäš*, на самом деле с ними не сочетаются. Здесь важно заметить, что формы со значением актуально-длительного действия у деадъективных глаголов допустимы и обозначают процесс, имеющий временное измерение:

- (46) (Я стою и смотрю на дорогу, которую строят рабочие. Они ее строят потихоньку, и она удлиняется.)
kornê kuž-em-eš
 дорога длинный-INCH-NPST.3SG
 ‘Дорога удлиняется (= становится длинной)’.

Парадоксальным образом, длительные интерпретации в Перфективе у многих деадъективных глаголов, обозначающих градуальный признак, недопустимы или сомнительны:

- (47) **vas'a šukê šong-em-än*
 В. долго старый-INCH-PFV.3SG
 ‘?Вася долго старел’.

- (48) *ʔrok šukâ pingäd-em-än*
 земля долго твердый-INCH-PFV.3SG
 ‘Земля долго затвердевала’.

Значительное место в описании глаголов, образованных от градуальных прилагательных, имеют контексты недостигнутого результата, которые допускают предложения типа: *Пиво охлаждалось два часа, но все равно теплое*. Деадъективные глаголы, образованные от прилагательных закрытых шкал, в подобных контекстах встречаться не могут, ср. **Зал опустел, но все равно еще наполовину полон*. В случае горномарийского подобные контексты возможны не для всех глаголов, ср. следующие примеры:

- (49) **ivan šong-em-än no tädä eče sämäräk*
 И. старый-INCH-PFV.3SG но 3SG еще молодой
 ‘*Иван постарел, но он все еще молодой’.
- (50) *rok pingäd-em-än no tädä eče pâškâdâ-rak*
 земля твердый-INCH-PFV.3SG но 3sg еще мягкий-COMP
 ‘Земля немного затвердела, но еще мягкая’.

Предпочтительной в данных случаях является конструкция, в которой имеется открыто выраженный модификатор со значением степени:

- (51) *olma ʔ(iziš) müän-g-än no pospej-en šo-de-räk*
 яблоко немного сладкий-INCH-PFV.3SG но созреть-CVB достичь-NEG.PFV-COMP
 ‘Яблоко немного поспело, но оно еще незрелое’.

Как мы видим, деадъективные глаголы могут иметь актуально-длительное значение и употребляться в форме Непретерита (мы обозначаем эти глагольные формы глоссой NPST). При этом в форме Перфектива они ведут себя скорее как достижения: у них затруднена или невозможна сочетаемость с наречиями длительности, а в контексте недостигнутого результата они предпочитают либо присоединять наречия типа *iziš*, обозначающие степень достигнутого действия (51), либо употребляться в этом контексте без дополнительных модификаторов (50). При этом, как представляется, и прилагательные типа *šongâ* ‘старый’, и прилагательные типа *pingädâ* ‘твердый’ обозначают градуальные признаки, поскольку носителей этого признака можно упорядочить по степени его выраженности. Оба прилагательных относятся к прилагательным с открытой шкалой, поскольку, как представляется, ни признак ‘старый’, ни признак ‘твердый’ не имеют абсолютного максимального значения. Однако мы не обнаружили у соответствующих деадъективных глаголов признаков, которые позволили бы диагностировать их как некульминирующие деятельности — глаголы явно тяготеют к классу свершений.

Стоит отметить, что данные таблицы (41) показывают, что открытые шкалы непоследовательно коррелируют с акциональностью деадъективных глаголов: некоторые глаголы (*ükšäs* ‘охладиться’) ведут себя ожидаемым образом, как в английском языке, имея интерпретации и как деятельности, и как свершения. Большинство же глаголов открытых шкал могут быть только свершениями, что ставит вопрос о взаимосвязи (точнее, о ее отсутствии) скалярности прилагательного и акциональности деадъективного глагола. Отметим также, что каузативы никаких ограничений на тип шкалы не имеют, и суждения носителей в отношении акциональной интерпретации демонстрировали в нашей полевой работе гораздо большую последовательность — каузативы, в соответствии с общей тенденцией, склонны относиться к классу слабых предельных глаголов. Это может объясняться большей структурной сложностью каузативов по сравнению с инхоативами: поскольку они имеют в своей структуре описывающее действие агенса подсобытие, обстоятельства, диагностирующие деятельности, модифицируют только это подсобытие, поэтому тип шкалы в интерпретации этих глаголов не имеет значения. В случае же инхоативов наблюдаемые различия могут объясняться двумя способами. Первое объяснение типологическое и состоит в общей возможности прилагательных в некоторых языках мира относиться к классу достижений (см., например, обсуждение материала китайского (путунхуа) в [Lin 2004]). Однако, во-первых, как мы видим, эта тенденция не является всеобщей, поскольку среди деадъективов есть и свершения, а во-вторых, предполагаемый универсальный характер адективных шкал не позволяет объяснить наблюдаемые различия между единицами с одним и тем же типом шкалы.

Второе объяснение исходит из отрицания универсального характера этих шкал и постулирования межъязыкового варьирования семантики прилагательных. Это равносильно, в частности, признанию возможности для тех прилагательных, которые априори считаются градуальными, таковыми не быть; таким образом, прилагательные, которые мы априори считаем единицами с открытым типом шкалы, теоретически могут быть в языке L на самом деле прилагательными с закрытым типом шкалы. Отличия между ними будут заключаться в следующем: если прилагательное имеет закрытую шкалу, то упорядо-

чить объекты, имеющие признак, обозначаемый прилагательным, по степени выраженности этого признака нельзя, поскольку все они будут иметь одинаковое (верхнее или нижнее) значение на этой шкале.

Именно эта ситуация наблюдается, по крайней мере с некоторыми прилагательными, в горномарийском языке. Прилагательному 'горячий', которое в русском языке является прилагательным открытой шкалы и имеет антоним 'холодный', в горномарийском языке соответствует неточный переводной эквивалент *šokšâ*. Деадъективный глагол *šokšemäš* 'нагреваться' может быть, как указано в таблице (41), только свершением, а его интерпретация как некульминирующей деятельности признается не всеми носителями (что отмечено в таблице (41) знаком вопроса)⁶:

- (52) *igečä* [?]*kok cäs / kok cäs-äštä šokš-em-än*
 погода 2 час / 2 час-IN теплый-INCH-PFV.3SG
 'Погода [?] в течение двух часов становилась теплой / ^{OK} потеплела за два часа'.

Исходное прилагательное имеет в горномарийском квазисиноним *livä* 'теплый', который, в отличие от *šokšâ*, может характеризовать только жидкие объекты. Вместе с тем, язык не располагает средствами для кодирования разных степеней жаркости, и те объекты, которые в русском языке характеризуются лексемой 'теплый', также обозначаются лексемой *šokšâ*:

- (53) *mä šokšâ / *livä täl tär-äštä šänz-enä*
 1PL горячий / теплый огонь край-IN сидеть-NPST.1PL
 'Мы сидим у жаркого костра'.
- (54) *män' rokolma-m kok cäs anzâc šol-t-en-äm no tädä eče šokšâ / *livä*
 1SG картошка-ACC 2 час назад кипеть-CAUS-PFV-1SG но 3SG еще горячий / теплый
 'Я картофель два часа назад сварил, но он еще теплый'.

Таким образом, *šokšâ* может характеризовать как исконно жаркие объекты вроде костра, так и остывшие объекты вроде картофеля в (54), которые в контексте высказывания явно имеют не ту же самую температуру. Совмещение двух степеней признака возможно в рамках одного и того же высказывания при кодировании обеих степеней одной и той же лексемой:

- (55) *tomoca-štâ piš šokšâ, pört-äštä šokšâ*
 баня-IN очень горячий дом-IN горячий
 'В бане жарко, а в доме тепло'.

⁶ В связи с этим при рецензировании этой статьи у членов редколлегии возник вопрос, как же выражается семантика фраз 'Баня нагревалась два часа, но в ней еще не жарко', 'Баня долго нагревалась', 'Баня нагрелась за два часа', 'Дом сейчас совсем нагрелся, туда можно ехать с детьми' на горномарийском языке. Выяснилось, что носители языка, действительно, в этих фразах никогда не употребляют глагол, образованный от основы прилагательного *шокиш-*, а выражают их с помощью слов, образованных от основы *бир-*:

- 1) Баня нагревалась два часа, но в ней еще не жарко.
Момоцан кок цайш бирьиктенйт, но тийшити эче шокишы агыл.
 'Баню два часа нагревали, но там еще не жарко'.
 **Момоца кок цайш бирен, но тийшити эче шокишы агыл.*
 'Баня два часа грелась, но там еще не жарко'.
- 2) Баня долго нагревалась.
Момоцан шуку бирьиктенйт.
 'Баню долго нагревали'.
 **Момоца шуку шокишмын.*
 'Баня долго жарчела'.
- 3) Баня нагрелась за два часа.
Момоца кок цайшити бирен.
 **Момоца кок цайшити шокишмын.*
 'Баня за два часа потеплела/пожарчела'.
- 4) Дом сейчас совсем нагрелся (*šokšemäš*), туда можно ехать с детьми.
Порт кизыт уже бирен, тийшкби тетявлä дон кейи лизи.
 **Порт кизыт уже шокишмын, тышкы тетявлä дон кейи лизи.*
 'Дом сейчас совсем потеплел, туда с детьми ехать можно' [Примечание от редколлегии].

Прилагательное *šokšâ* ‘горячий’, таким образом, хотя и различает разные степени проявления признака, обозначает вообще любые объекты, характеризующиеся высокой физической температурой. В структурном отношении он напоминает признаки типа ‘пустой’, который в русском языке (и, видимо, в большинстве языков мира) не имеет промежуточных стадий и имеет только одну степень градации — эта степень равна отсутствию признака и кодируется лексемой типа ‘полный’. Именно эти свойства лексемы *šokšâ* могут ставить ее в один ряд с типичными прилагательными закрытой шкалы, благодаря чему сближаются свойства образованных от них деадъективных глаголов — инхоатив от *šokšâ* также приобретает свойства типичных свершений, образованных от прилагательных закрытых шкал.

В то же время прилагательное *šokšâ* сближается по своим свойствам еще с одним классом прилагательных, а именно с прилагательными относительными, для которых рассматриваемые скалярные различия, как представляется, могут быть нерелевантными, по крайней мере, для некоторых языков. Данный вопрос не получал широкого освещения в типологической литературе, а само понятие относительного прилагательного требует дополнительного обоснования как для горномарийского, так и для русского языка, поэтому мы ограничимся лишь некоторыми наблюдениями. Деадъективные глаголы, образуемые от относительных прилагательных в русском языке, не могут быть глаголами деятельности и плохо сочетаются с контекстами, где они могли бы означать длительное действие. Эти их свойства иллюстрируются русскими примерами типа (56)—(57):

(56)??*Маша забеременела за две недели.*

предполагаемое значение: ‘Процесс приобретения беременности был однократным и завершился за две недели’.

(57)??*Маша беременела две недели.*

предполагаемое значение: ‘Процесс приобретения беременности был однократным и занял две недели’.

Не исключено, что рассматриваемые горномарийские прилагательные как минимум в некоторых случаях можно трактовать как относительные — *šokšâ*, возможно, является с диахронической точки зрения причастием (-šâ является продуктивным суффиксом причастий в горномарийском языке). При подобном подходе трактовать прилагательное можно как ‘имеющий высокую температуру’ (что иллюстрируется его дистрибуцией, см. выше), и в этом случае соответствующий деадъективный глагол закономерно является свершением.

Скалярность прилагательных может быть еще одним параметром языкового варьирования, подобно, например, акциональности, которая, хотя и имеет, как представляется, универсальные тенденции проявления, однако демонстрирует значимую вариативность в языках мира (см., например, обобщения в [Гатевосов 2016]). Материал горномарийского языка может быть одним из аргументов в пользу такого подхода; однако межъязыковое исследование скалярности, безусловно, не является специальным предметом данного исследования.

Сокращения

Глоссы

1PL — множественное число 1 лица	IN — инессив
1SG, 2SG, 3SG — единственное число 1, 2 или 3 лица	INCH — инхоатив
ACC — аккузатив	INDEF — неопределенный артикль
ATT — аттенуатив	INF — инфинитив
ATTR — атрибутивизатор	LAT — латив
CAUS — каузатив	MAN — суффикс, образующий глагол поведения
CAUS.D — дистантный каузатив	NEG — отрицание
COMP — компаратив	NPST — непрошедшее время
CVB — конверб	PERF — перфект
DAT — датив	PFV — перфект
DEF — определенный артикль	PL — множественное число
DEM — демонстратив	POSS — посессивность
DETR — детранзитив	PRET — претерит
GEN — генитив	PTCP — причастие
ILL — иллатив	

Литература

- Галкин 1966 — *Галкин И. С.* Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Часть II. Йошкар-Ола, Марийское книжное издательство, 1966. {*Galkin I. S.* Historical grammar of the Mari language. Morphology. Part II. Yoshkar-Ola: The Mari publishing house, 1966.}
- Зайков 1999 — *Зайков П. М.* Грамматика карельского языка (фонетика и морфология). Петрозаводск: Периодика, 1999. {*Zaikov P. M.* A grammar of Karelian language (phonetics and morphology). Petrozavodsk: Periodika, 1999.}
- ОФУЯ 1976 — *Лыткин В. И., Майтинская К. Е., Редеи К.* Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. М., Наука, 1976. {*Lytkin V. I., Maitinskaya K. Ye., Rédei K.* Fundamentals of Finno-Ugric linguistics. Mari, Perm and Ugric languages. M., 1976.}
- Перевошиков 1962 — Ред. *Перевошиков П. Н.* Грамматика современного удмуртского языка: фонетика и морфология. Ижевск: Удмуртское книжное издательство, 1962. {Ed. *Perevoshchikov P. N.* Grammar of the modern Udmurt language: phonetics and morphology. Izhevsk: The Udmurt publishing house, 1962.}
- Саваткова 2002 — *Саваткова А. А.* Горное наречие марийского языка. Savariae, Szombathely, 2002. {*Savatkova A. A.* Hill dialect of the Mari language. Savariae, Szombathely, 2002.}
- Саваткова 2008 — *Саваткова А. А.* Словарь горномарийского языка. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 2008. {*Savatkova A. A.* Dictionary of the Hill Mary Language. Yoshkar-Ola, 2008.}
- Татевосов 2016 — *Татевосов С. Г.* Глагольные классы и типология акциональности. Москва, Языки славянской культуры, 2016. {*Tatevosov S. G.* Verbal classes and typology of aktionsart. Moscow, 2016.}
- ЯНСССР 1966 — Языки народов СССР. Том 3. Финно-угорские и самодийские языки. Москва: АН СССР, 1966. {Languages of the peoples of the USSR. Volume 3. Finno-Ugric and Samoyedic languages. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1966.}
- Deo, Francez, Koontz-Garboden 2013 — *Deo A., Francez I., Koontz-Garboden A.* From change to value difference in degree achievements // Proceedings of SALT. 2013. Vol. 23. P. 97—115.
- Dixon 1982 — *Dixon R. M. W.* Where have all the adjectives gone? and other essays in Semantics and Syntax. Berlin: Mouton Publishers, 1982.
- Dixon 2000 — *Dixon R. M. W.* A typology of causatives: Form, syntax and meaning // Eds. *Dixon R. M. W., Aikhenvald A. Y.* Changing Valency: Case studies in Transitivity. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 30—83.
- Dixon, Aikhenvald 2004 — Eds. *Dixon R. M. W., Aikhenvald A. Y.* Adjective Classes: A Cross-linguistic Typology. Oxford: Oxford University Press, 2004.
- Hale, Keyser 2002 — *Hale K., Keyser S. J.* Prolegomenon to a theory of argument structure. Cambridge (MASS): MIT Press, 2002.
- Harley 2005 — *Harley H.* How do verbs get their names? Denominal verbs, manner incorporation, and the ontology of verb roots in English // The syntax of aspect. Oxford: Oxford University Press, 2005.
- Hay, Kennedy, Levin 1999 — *Hay J., Kennedy C., Levin B.* Scalar structure underlies telicity in “degree achievements” // Eds. *Mathews T., Strolovitch D.* SALT IX, CLC Publications. Ithaca, 1999. P. 127—144.
- Kearns 2007 — *Kearns K.* Telic senses of deadjectival verbs // *Lingua* 117, 2007. P. 26—66.
- Kennedy, Levin 2008 — *Kennedy C., Levin B.* Measure of change: The adjectival core of degree achievements // Eds. *McNally L., Kennedy C.* Adjectives and adverbs: Syntax, semantics and discourse. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 156—182.
- Kulikov 1993 — *Kulikov L. I.* The “second causative”: A typological sketch // Eds. *Comrie B., Polinsky M.* Causatives and Transitivity. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1993. P. 121—154.
- Laakso 1997 — *Laakso J.* On verbalizing nouns in Uralic // *FUF* 54: 3, 1997. P. 267—304.
- Lin 2004 — *Lin J.* Are degree achievements really achievements? // Proceedings of the 9th International Symposium on Chinese Languages and Linguistics. 2004.
- Megerdoomian 2001 — *Megerdoomian K.* Event structure and complex predicates in Persian // *Canadian Journal of Linguistics / Revue canadienne de linguistique* 46 (1/2), 2001. P. 97—125.
- Oltra-Massuet, Castroviejo 2013 — *Oltra-Massuet I., Castroviejo E.* Approaching Results in Catalan and Spanish Deadjectival Verbs. // Eds. *Ordóñez F., Roca F.* *Catalan Journal of Linguistics*, 2013. Vol. 12. P. 131—154.
- Shibatani, Pardeshi 2002 — *Shibatani M., Pardeshi P.* The causative continuum // Ed. *Shibatani M.* The Grammar of Causation and Interpersonal Manipulation. Amsterdam: John Benjamins, 2002. P. 85—126.
- Zhornik, Khomchenkova 2017 — *Zhornik D., Khomchenkova I.* Causative morphology and pain predicates in Hill Mari // 50th Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea (Zurich, 10—13 September 2017).

РЕЗЮМЕ

В данной статье рассматриваются деадъективные глаголы в горномарийском языке. Вначале описываются суффиксы, с помощью которых образуются деадъективные глаголы, далее описывается дистрибуция показателей и семантические особенности глаголов. Семантика деадъективных вариантов рассматривается с позиции теории скалярности. В работе показывается, что горномарийские глаголы обладают существенными свойствами, которая теория скалярности не предсказывает. В конце дается попытка объяснить это отклонение от теории.

SUMMARY

In this article, deadjective verbs in the Hill Mari language are considered. The author consecutively describes first the suffixes that can create deadjective verbs, then the distribution of markers and semantic features of verbs. Semantics of deadjective markers is examined from the point of view of the scalarity theory. We show that Hill Mari verbs possess significant properties, which the theory of scalarity does not predict. Finally, an attempt is made to explain this deviation from the theory.

Ключевые слова: горномарийский язык, глагольный аспект, прилагательные, теория скалярности, типология

Keywords: Hill Mary language, verbal aspect, adjectives, scalarity theory, typology

Дьячков Вадим Викторович, Институт языкознания Российской Академии Наук; hyppocentaurus@mail.ru

Vadim V. Dyachkov, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; hyppocentaurus@mail.ru

Типологические особенности морфемной структуры слова в английском и бурятском языках (на материале текстов разных функциональных стилей)¹

1. Введение

Типологические изыскания, проводимые в русле системного подхода к языку, в развитие целностипологической типологии языков, находятся в стадии становления. Известное первичное членение языка состоит в разграничении внутренней и внешней формы (по В. Гумбольдту), плана содержания и плана выражения (по Л. Ельмслеву). Согласно И. А. Бодуэну де Куртенэ, язык характеризуется двойным иерархическим членением: в содержательной сфере — «морфологическим» членением на значащие единицы и в звуковой — фонетическим членением на произносимые единицы [Бодуэн де Куртенэ 1963: 184]. Последовательный анализ языка невозможен без первичного членения содержательной сферы на лексику и грамматику. Свойственное каждому данному языку *соотношение лексического и грамматического* образует типологическую детерминанту языка [Зубкова 1999: 167—173], которая, в свою очередь, определяет ведущие грамматические тенденции: фузии и агглютинации и сопряженные с ними тенденции к *синтетизму и аналитизму* [Реформатский 1965: 85—92].

Механизмы взаимодействия единиц различных уровней, в частности, фонологического и морфологического, стали предметом лингвистических штудий (Л. В. Щерба, Л. Р. Зиндер, Б. А. Серебренников, Л. Г. Скалзуб, Г. П. Мельников, В. Б. Касевич, Л. Г. Зубкова и др.). В частности, Л. Г. Зубкова на материале языков различных типов выявляет корреляции звукового строя языка с грамматическим строем, в том числе со способом выражения грамматических связей [Зубкова 1999: 232].

Основой грамматической типологии является морфологическая структура слова. Морфологическая структура слова имеет кардинальное значение для всесторонней характеристики языка [Гринберг 1963: 64]. В квантитативно-типологических исследованиях Дж. Гринберга, а также в коллективной монографии отечественных ученых [Greenberg 1960; Гринберг 1963; КТ 1982] с помощью количественных методов описаны отдельные параметры морфемного строения слова, как то: степень сложности (синтеза), способ связи морфем, относительная частотность корневых, словообразовательных, словоизменительных морфем, порядок следования аффиксов. Исследователями не ставилась задача изучения морфемных моделей слова как целостных структур, вследствие чего не учитывались ни функциональные стили языка, ни функциональные особенности классов слов.

Однако целостный типологический анализ языков как систем двусторонних языковых знаков невозможен без обращения к функциональным разновидностям языка, к системе семиологических классов и частей речи. «Традиционная классификация слов по частям речи ... оправдывает себя не только в сфере грамматики, но и ... в типологических исследованиях» [Кубрякова 1978: 114]. Кроме того, представляется важным исследование слова в его функционировании в текстах разных жанров [Hurn, Tomalin 2013], так как помимо типологических сходств и различий между языками должны учитываться функционально-стилистические особенности употребления языковых единиц.

Исследования Л. Г. Зубковой и ее учеников, проведенные на материале текстов разных функциональных стилей, отражают специфику единиц фонологического и морфологического уровней в типологически различных языках, а также закономерности их взаимосвязи и их обусловленность соотношением в языке лексического и грамматического, как его типологической детерминанты, (см.: Е. Н. Попова, М. Д. Бада, Д. А. Машуров, Л. В. Саркисян, Р. С. Айюб, А. Г. Иванова). Степень разграничения классов слов, частей речи, изучение их морфологической структуры представляет известную значимость для различения семиологических классов слов далее в фонетическом аспекте при сопоставлении языков различных типов [Иванова 2016; Ivanova et.al. 2016].

В развитие положений, разрабатываемых Л. Г. Зубковой, в данной работе представлен анализ особенностей морфемного строения слова в таких языках, как аналитический английский и агглютинативный бурятский². Несмотря на типологические расхождения, этим языкам свойственна типологическая общность — агглютинативная техника соединения морфем и большая или меньшая степень аналитизма.

¹ Публикация подготовлена при поддержке Программы РУДН «5-100».

² Автор выражает глубокую благодарность В. И. Рассадину, В. Д. Патаевой за консультации по отдельным вопросам бурятского языкознания.

Анализ морфемной организации слова проводится с целью определения типовых морфемных структур и их конкретных манифестаций в виде отдельных морфемных моделей. Кроме исчисления известных морфологических индексов, исследовались противоположения знаменательных и служебных слов, собственно-знаменательных слов и местоимений и собственно-знаменательных частей речи.

1.1. Материал и методика исследования

Разумеется, количественные типологические исследования следует проводить на объемном материале сбалансированных языковых корпусов. Данная работа не претендует на полноту и окончательное решение проблемы; здесь скорее ставится вопрос, может ли оказаться результативным объемное количественное исследование соотношений различных типологических параметров в бурятских и английских текстах разных жанров. Проанализированы отрывки из научных статей и волшебных сказок, близкие по содержанию и объему (отрывки 561—568 слов). В качестве материала для исследования послужили отрывки из статей Samuel R. Levin “Homonyms and English form-class analysis” на английском и Н. Б. Дугарова «Буряад хэлэнэй ономинууд» на бурятском; фрагменты из сказок Wonder tales “The Green Lady” и «Муу Хара» на английском и бурятском соответственно. Надо сказать, что уже на этом, весьма ограниченном, материале прослеживаются *основные* типологические тенденции в различении классов слов.

Выбор в качестве материала исследования научных статей и сказок, объясняется их яркой стилистической противопоставленностью: научный стиль отличается нормированностью и кодифицированностью языка, стиль сказки близок к разговорно-обиходному. Соответственно сравнение данных разных по жанру текстов позволяет провести более глубокое изучение сопоставляемых языков в типологическом аспекте.

Исследуемые тексты были расчленены на слова (словоформы), морфемы (морфы), а затем подвергнуты количественно-типологическому и статистическому анализу.

2. Разграничение частей речи

Вопрос о частях речи был и остается предметом серьезных лингвистических исследований на протяжении долгих лет как в отечественном, так и в зарубежном языкознании [Санжеев 1953; Бертагаев 1961, 1963; Bloomfield 1973; Lyons 1981; Дарбеева 1996; Huddleston, Pullum 2002; Рассадин 2003] и других.

Выделение разрядов слов, называемых частями речи, основывается на различиях в их семантике, синтаксической роли в предложении и морфологическом строении.

Вопрос о частях речи в той или иной мере рассматривается в грамматике любого языка и решается по-разному в зависимости от принятых за основу критериев их выделения. Нельзя не согласиться с аргументами Б. А. Серебренникова: «Слова, выполняющие функции существительных, прилагательных, местоимений, глаголов, числительных, наречий и т. д., имеются во всех языках мира. Наличие категориального значения и определенных функций вполне обеспечивает существование функционально-семантических разрядов в языке. Степень «обрастания» этих разрядов морфологическими признаками в разных языках сильно варьирует» [Серебренников 1998: 579].

Несмотря на несовпадение классов слов в разных языках, в каждом языке обязательно наличие «классов слов с одинаковыми или сходными грамматическими свойствами» [Солнцева, Солнцев 1987: 164].

Если понимать части речи как морфологические классы слов, то, конечно, они не универсальны, поскольку языки различного морфологического строя по-разному оформляют даже семантически однородные классы слов. Неслучайно господствовавшее когда-то представление об универсальности номенклатуры частей речи по мере развития морфологической типологии и утверждения грамматических критериев в качестве определяющих все больше подвергается сомнению.

Отсюда ясно, что базу для сравнения структурно неодинаковых единиц типологически различных языков создает в первую очередь не морфологический, а **функционально-семантический критерий** выделения частей речи. Но в отсутствие морфологического критерия неизбежно поднимается вопрос о правомерности выделения и степени автономности частей речи в соответствующем языке. Тем не менее и в английском, и в бурятском при значительном расхождении в грамматическом строе и разной степени действенности морфологического критерия, состав частей речи оказывается сходным, если при их выделении опираться на функционально-семантический критерий.

В обоих языках различаются самостоятельные (знаменательные) и служебные части речи. Все самостоятельные части речи являются членами предложения. Самостоятельные части речи включают собственно-знаменательные и местоименные слова. Собственно-знаменательные слова служат для обозначения предметов, явлений, качеств, действий и состояний, признаков этих действий и состояний. Среди

собственно-знаменательных слов в исследуемых языках различаются имена существительные, имена прилагательные, имена числительные, глаголы и наречия. Местоимения указывают на предметы и их признаки, но не обозначают их. Функциональная специфика собственно-знаменательных и указательных слов определена австрийским языковедом и психологом К. Бюлером, который отмечал, что наиболее существенная в сематологическом (семиологическом) отношении граница проходит между указательными и назывными словами. Функция указательных слов осуществляется в указательном поле, а функция назывных слов — в символическом поле языка [Бюлер 1993: 273]. Указательные слова в силу своей обращенности к слушателю, получателю являются сигналами, назывные слова в силу своей соотнесенности с предметами и положением дел функционируют как *символы* [Бюлер 1993: 34, 76]. В контексте данной статьи ссылки на труд К. Бюлера связаны с тем, что в нем разработана достаточно целостная концепция знака в свете представления языка как орудия общения (см. [Зубкова 2016: 380—394]). В работе Р. О. Якобсона анализируются отношения компонентов, составляющих речевую ситуацию в модели «код-сообщение».

В отличие от самостоятельных частей речи, служебные части речи не обозначают предметы, явления, качества, действия и не указывают на них. Они передают различные связи и отношения между словами и между предложениями, служат для образования аналитических форм или придают различные оттенки значения словам и группам слов, к которым они относятся.

Числительные и местоимения имеют то сходство со служебными словами, что в составе словаря любого языка могут быть заданы закрытым списком. Однако если служебные слова используются для выражения грамматических отношений в тексте, то у числительных и местоимений иные функции.

Местоимения выполняют дейктическую функцию и тем самым являются несобственно-знаменательной частью речи. Числительные по своим семантическим свойствам относятся к однозначным словам и входят в круг собственно-знаменательных частей речи. Функциональное различие служебных слов и указанных частей речи является основанием для отнесения местоимений и числительных к знаменательным словам. Забегая вперед, следует заметить, что по своей морфемной структуре, в сопоставляемых языках они сходны с другими собственно-знаменательными словами.

В обоих исследуемых языках среди связочных знаков представлены союзы и различные служебные частицы. Некоторые служебные части речи представлены в обоих языках. Имеются и такие служебные слова, которые характерны только для одного из языков. Так, в английском и бурятском текстах представлены вспомогательные глаголы; в бурятских текстах имеются послелого, однако они отсутствуют в английском; в английском имеются предлоги, но их нет в бурятском. Отмечены также служебные части речи, характерные только для одного из языков, например, в английском языке это артикль, в бурятском подобных служебных частей речи нет.

В **английском языке** части речи характеризуются некоторыми существенными категориальными различиями.

Имя существительное обладает грамматической категорией числа, которое выражается помимо стандартной внешней флексии *-e(s)*, также и нестандартными *-a*, *-e*, *-en*, и внутренними чередованиями. Категория определенности-неопределенности существительных выражается при помощи служебного слова — артикля: определенного артикля *the* и неопределенного *a*. По поводу категории падежа в английском языке есть разные точки зрения, в данной работе мы присоединяемся к точке зрения И. А. Мельчука, который считает, что в английском языке нет словоизменительной категории падежа у имен существительных [Мельчук 1998: 365—367].

Глагол в английском языке обладает целым рядом категорий. Это категории лица, числа, времени, наклонения, залога. Грамматические значения третьего лица единственного числа настоящего времени, простого прошедшего времени, форм причастий первого — настоящего времени — и второго — прошедшего времени — выражаются флексиями. Формы причастия второго неправильных глаголов выражаются с помощью внутренних флексий. Формы повелительного наклонения выражаются основой глагола, форма инфинитива — основой в сопровождении специальной служебной частицы, а большинство модальных и временных форм — аналитически. Глагольных форм в английском языке насчитывается 16, наклонений 4. Глагол имеет два залога: действительный и страдательный. Последний выражается с помощью аналитической формы.

Прилагательное имеет только одну грамматическую категорию — степень сравнения. Эта категория может быть выражена либо синтетически — с помощью аффиксов сравнительной и превосходной степеней, либо аналитически — с помощью служебных слов.

Числительное не имеет форм словоизменения, делится на количественные и порядковые, в порядковых возможна аффиксация.

Английские *местоимения* делятся на следующие разряды: личные, притяжательные, возвратные, указательные, неопределенные, взаимные, вопросительные.

Наречие и служебные слова являются неизменяемыми частями речи.

В **бурятском языке** части речи характеризуются следующими категориальными различиями.

Имя существительное характеризуется наличием категорий падежа, числа и притяжательности. Существительные могут быть исчисляемыми и неисчисляемыми.

Глагол имеет грамматические категории залога, вида, времени, наклонения, лица. Залог и вид охватывают всю систему глагола. Залоговые формы бурятского языка имеют словообразовательное значение и потому исследователи отмечают смешанный, лексико-грамматический характер категории залога.

В систему глагола входят: собственно глагольные формы, причастные и деепричастные формы.

Имя прилагательное-определение не склоняется и не согласуется с определяемым ни в падеже, ни в числе; употребляется в препозиции к существительным. Различаются относительные и качественные прилагательные.

Имеются два типа выражения степени качества: относительное и безотносительное. К относительным прилагательным относится группа «предметных» имен в форме основы и адъективированные имена с формантом родительного и совместного падежей.

Числительное не имеет собственных грамматических форм, кроме словообразовательных.

Местоимение склоняется и имеет форму числа. Дифференцируются семь разрядов местоимений: 1) личные; 2) возвратно-указательные; 3) указательные; 4) вопросительные; 5) неопределенные; 6) обобщительные; 7) выделительные.

Наречия обозначают признак действия и делятся на две структурно-семантические группы: 1) качественно-определятельную и 2) обстоятельственную.

К *служебным словам* относятся: послелогии, частицы, союзы, междометия и примыкающие к ним звукоподражательные слова.

Таким образом, по данным проведенного анализа, различия частей речи в английском и бурятском языках касаются их функциональной нагрузки в тексте, словообразовательной структуры и морфемного строения, что, в свою очередь отражается, с одной стороны, на значениях индексов, характеризующих, по Дж. Гринбергу, морфологическую структуру слова, а с другой — на величине индексов, показывающих распределение разных видов морфем.

Для типологической характеристики языка весьма важно соотношение в тексте и словаре отдельных частей речи и, в частности, степень развитости глагольной и именной морфологии, служебных слов и т. п. [Кубрякова 1970: 104—112].

Так, состав частей речи в английском и в бурятском языках, несмотря на значительные расхождения в грамматическом строе, оказывается сходным. Типологические различия касаются, прежде всего, **соотношения частоты собственно-знаменательных и служебных слов.**

Таблица 1

**Распределение частей речи в обоих языках
(в % от общего числа слов в данном тексте)**

Части речи	Английский язык		Бурятский язык	
	Статья	Сказка	Статья	Сказка
Соб.-знам. слова	47,0	49,2	80,4	83,5
Местоимения	13,4	16,5	3,9	8,1
Служебные слова	39,6	34,3	15,7	8,4

Наглядная разница в частоте собственно-знаменательных слов в исследуемых языках может объясняться действием ведущей грамматической тенденции: аналитизма в английском языке и синтетизма в бурятском. На долю собственно-знаменательных частей речи приходится большинство слов: в английских текстах они составляют около половины слов, тогда как в бурятских текстах на их долю приходится примерно 4/5 всех слов. В аналитических языках, таких как английский, выражение грамматических отношений осуществляется с помощью служебных слов, что и выявлено и в разных функциональных стилях — научном и художественном. В бурятских текстах доля служебных слов в силу синтетического характера выражения отношений между словами существенно ниже: в 5—10 раз ниже, чем собственно-знаменательных в самих текстах на бурятском языке, и в 2,5—4 раза ниже, чем частота служебных слов в английских текстах. Местоимения в обоих языках характеризуются наименьшей частотой. В целом, в обоих языках разграничение основных семиологических классов по частоте употребления имеет доста-

точно четкий характер. Собственно-знаменательные слова противопоставлены служебным и местоименным словам, причем в более синтетичном бурятском языке данная тенденция выражена ярче в силу его большей грамматичности, нежели в аналитичном английском языке.

Иерархия отдельных собственно-знаменательных частей речи по частоте употребления одинаково убывает во всех текстах: существительные → глаголы → прилагательные → наречия. Наиболее существенная типологическая разница между языками создается за счет базовых частей речи — имен существительных и глаголов, т. е. идентифицирующих и характеризующих знаков, причем существительные занимают первый ранг. При этом, частота бурятских существительных превышает частоту английских в 2,2 и 1,9 раз в статье и сказке соответственно, что сопряжено с действием синтетической тенденции в бурятском языке и аналитической в английском.

Функционально-стилистические различия. В научных статьях в силу стремления к максимально точному отражению реальной действительности, объективности изложения информации, а также доминирования логических связей и высокого уровня абстракции большую нагрузку получают служебные слова. Последовательнее эта тенденция проявляется в бурятских текстах — 15,7% в статье и 8,4% в сказке, больше в 1,9 раз, для английских текстов данная разница не очень существенна — 39,6% в статье и 34,3% в сказке. В сказках, близких по стилю к разговорно-обиходному, превалирует субъективный характер повествования, образность, выражение отношений действующих лиц друг к другу, к событиям. Отсюда более высокая частота местоимений, как это имеет место в бурятском языке — 8,1% в сказке и 3,9% в статье. Это различие, почти в 2,1 раза, весьма значительно для бурятского языка. Напротив, в английских текстах разница в частоте местоимений небольшая — 16,5% в сказке и 13,4% в статье. Распределение собственно-знаменательных слов также зависит от стиля текстов. В научных статьях более частотны существительные как более информативная часть речи, причем их частота превышает частоту глаголов в 2,6 раза в бурятской статье и в 1,7 раза в английской статье. Кроме того, в научных статьях частотны сопряженные с существительными прилагательные, составляющие, согласно Н. Д. Арутюновой, «семантический эталон предикатов» [Арутюнова 2005: 342]. В сказках разница в частоте имен и глаголов сокращается. В бурятском языке, в силу его грамматичности, тенденции в функционально-стилистическом различии текстов выражены более убедительно, чем в английском, хотя эти тенденции имеют место в обоих языках.

3. Грамматическая омонимия

Для определения степени лексичности / грамматичности языка немаловажное значение имеет и степень функционально-семантической расчлененности полнозначных и служебных слов и распространенность омонимии у слов, различающихся наличием / отсутствием словоизменения и его типом.

В английском языке выражение значений, относящихся к разным частям речи, материально одним и тем же словом весьма распространено. Теория конверсии рассматривает эти случаи как явление словообразования, при котором «словообразовательным средством служит *только* сама парадигма слова» [Смирницкий 1953: 24]. Парадигматические различия, различия словоизменительных парадигм позволяют различать разные части речи, выступающие в качестве грамматических омонимов. Как отметил С. Л. Чариков, «в монгольских языках, как и во всех алтайских языках, выделяются словоформы, которые, оставаясь неизменными по форме, могут выполнять функции имен существительных, прилагательных и наречий» [Чариков 1987: 18].

Из исследуемых языков этот способ более характерен для английского языка. И менее характерным он является для бурятского языка в силу доминирующих в нем синтетических тенденций, проявляющихся в том числе и в меньшей возможности выражения разных грамматических значений одной лишь формой слова. Так, частота участия слов в омонимических отношениях в бурятском языке составляет 5,5% слов в статье и 8,1% слов в сказке. Тогда как в английском языке слов, которые могут потенциально иметь омонимы, в 3,7 а то и в 5 раз больше, нежели в бурятском, 27,5% слов в статье и 30,6% в сказке.

Как показывает анализ слов, имеющих по одному омониму, в обоих языках собственно-знаменательные слова омонимичны в большинстве случаев словам того же класса: в английском, такие случаи охватывают в статье 74,6% (41/55), в сказке 88,6% (62/70) от числа всех собственно-знаменательных слов, имеющих один омоним, например: *find a solution* 'найти решение' — *a great find* 'великолепная находка'; *clean water* 'чистая вода' — *to clean the house* 'убрать в доме'. В бурятском немногие имеющиеся случаи омонимии относятся к омонимии внутри собственно-знаменательных слов, например: *Үдэиэ* 'вечер' — *Үдэиэ* 'проводить'; *галда* 'огню' — *галда* 'разжигай огонь'; *һургагша* 'преподаватель' — *һургагша* 'обучающий'. Омонимия собственно-знаменательных слов со служебными составляет:

в английском — 10,9% (6 / 55) в статье и 8,6% (6 / 70) в сказке; в бурятском — 3,2% (1 / 31) в статье и 4,5% (2 / 44) в сказке.

О **функционально-стилистических различиях** можно судить по омонимии собственно-знаменательных слов. В бурятском языке значимость стилистических характеристик текста последовательно прослеживается при анализе омонимии базовых частей речи. Так, омонимия существительных и глаголов друг с другом оказывается более характерной для статьи, а омонимия тех же частей речи с другими собственно-знаменательными частями речи более распространена в сказке.

В английском языке различие стилей проявляется в омонимии небазовых частей речи — прилагательных, наречий и числительных. В сказке небазовые части речи чаще вступают в отношения омонимии с базовыми частями речи, в статье — с местоимениями. Омонимия данных частей речи друг с другом обнаруживается однажды в статье и не зафиксирована в сказке.

4. Модели морфемного строения слова

Анализируя морфемное строение слова, в качестве аксиомы, как нам представляется, в данной работе необходимо принять определение морфемы как минимальной значащей части слова, данного И. А. Бодуэном де Куртенэ [Бодуэн де Куртенэ 1963: 272].

Представления о морфологическом строении слова положены в основу типологической классификации языков, разрабатывавшейся уже в романтическом направлении.

Морфемы объединяются в классы вследствие наличия у них единых лексико-грамматических и структурных черт. Корень является наиболее важной их всех морфем, составляющих слово, так как он несет вещественное значение, в то время как аффикс придает слову новое или дополнительное лексическое и грамматическое значение, а флексия служит для связи слов предложении.

По определению в «Большом энциклопедическом словаре», корень — носитель вещественного, лексического значения, центральная часть слова, остающаяся неизменной в процессах морфологической деривации [БЭС 1998: 242]. На самом деле неизменность корня не является универсальной. Языки различных типов в этом отношении ведут себя по-разному, так что изменимость-неизменяемость корня и характер изменяемости, в частности предсказуемость-непредсказуемость претерпеваемых модификаций, принадлежат к типологическим свойствам языков.

Аффикс — служебная морфема, присоединяемая к корню в процессах морфологической деривации и словоизменения и служащая преобразованию корня в грамматических или словообразовательных целях [БЭС 1998: 59].

Флексия — словоизменяющий аффикс, формант, форматив, часть словоформы, выражающая 1) грамматическое значение и/или 2) реляционное значение [БЭС 1998: 551].

Среди словоизменяющих аффиксов английского, пережившего распад флективной морфологии, к кумулятивным аффиксам (многозначным, совмещающим более одного грамматического значения) относится лишь показатель 3 лица, единственного числа, настоящего времени индикатива *-s*. Под «флексией» в английском языке понимается словоизменение и словоизменяющий аффикс. Сохранение термина «флексия» объясняется тем фактом, что наряду со стандартными средствами выражения грамматических значений, имеются и нестандартные, такое положение типично для языков флективного строя. Например, в словоизменяющей категории числа, единственное число, кроме нулевого окончания, выражается и с помощью окончаний *-um*, *-us*, *-on*, а для выражения множественного числа, помимо стандартного *-s/-z/-iz*, используются *-a*, *-e*, *-en*, а также внутренние чередования, апофонии [Мельчук 1997: 256; Кубрякова 1970: 114].

Как известно, понятие нулевой морфемы введено И. А. Бодуэном де Куртенэ, как и само понятие морфемы. Нулевыми аффиксами по В. А. Плунонгану считаются все не выраженные материально *словоизменяющие* аффиксы, употребление которых в определенной позиции является обязательным, [Плунонган 2003: 84—85]. В данной работе в качестве нулевых морфем приняты: показатели единственного числа у исчисляемых имен существительных в обоих языках, а также нулевой экспонент формы глагола, противопоставленный форме с индикативной *-s* (3 лицо, единственное число, настоящее время) в английском языке.

4.1. Индекс лексичности/грамматичности

О лексичности/грамматичности языка можно судить не только по соотношению немотивированных и мотивированных словесных знаков, как предлагал Ф. де Соссюр [Соссюр 1977: 165]. На морфемном уровне он может быть определен по соотношению в тексте знаменательных и служебных морфем

[КТ 1982: 320—321]. Так, если учитывать только материально выраженные морфемы, то индекс грамматичности, то есть отношение количества служебных морфем (служебные корни и аффиксы) к общему количеству морфем в тексте, в английской статье составляет 59, или иначе 59,0% против 41,0%, в сказке — 41 или 41,0% против 59,0%. Как видно, в научной статье больше доля служебных морфем (~ 60,0% всех морфем), а значит, и выше индекс грамматичности, в сказке — больше доля знаменательных морфем (~ 60,0%), соответственно индекс грамматичности ниже. В бурятских текстах индекс грамматичности в статье составляет — 51, в сказке — 46. В бурятской статье в отличие от английской доли служебных и знаменательных практически совпадают, в сказке же выше доля знаменательных морфем, но их доминирование менее заметно, чем в сказке на английском языке.

4.2. Степень сложности (синтеза) слова

Степень сложности морфемного строения (индекс синтеза по Дж. Гринбергу [Greenberg 1960]) подтверждает типологические расхождения между исследуемыми языками. В английском языке **степень сложности (синтеза) слова** составляет 3—4 морфемы максимум, причем частотны только одно- и двухморфемные слова. В бурятском слово имеет чуть более сложную структуру и может содержать до 4—5 морфем, частотные слова включают не более 3 морфем. Меньшая глубина английского слова есть следствие большего аналитизма английского языка.

Таблица 2

**Глубина слова в морфемах в научных статьях
(в % от общего числа слов в данной части речи)**

Число морфем	Английский язык						Бурятский язык					
	Слово вообще (с учетом нулевых морфем)			Слово вообще (без учета нулевых морфем)			Слово вообще (с учетом нулевых морфем)			Слово вообще (без учета нулевых морфем)		
	F		P	F		P	F		P	F		P
	морф	слово		морф	слово		морф	слово		морф	слово	
1	278	278	48,9	383	383	67,4	149	149	26,3	258	258	45,5
2	346	173	30,6	188	94	16,6	634	317	55,9	416	208	36,7
3	243	81	14,3	186	62	10,9	246	81	14,3	243	81	14,3
4	128	32	5,6	112	28	4,9	80	19	3,4	76	19	3,4
5	20	4	0,7	5	1	0,2	5	1	0,2	5	1	0,2
Всего	1015	568	100	874	568	100	1114	567	100	998	567	100
Средняя глубина слова	1,79			1,54			1,96			1,76		

Таблица 3

**Глубина слова в морфемах в сказках
(в % от общего числа слов в данной части речи)**

Число морфем	Английский язык						Бурятский язык					
	Слово вообще (с учетом нулевых морфем)			Слово вообще (без учета нулевых морфем)			Слово вообще (с учетом нулевых морфем)			Слово вообще (без учета нулевых морфем)		
	F		P	F		P	F		P	F		P
	морф	слово		морф	слово		морф	слово		морф	слово	
1	333	333	58,9	478	478	84,6	138	138	24,2	220	220	38,6
2	462	231	40,9	172	86	15,2	684	342	60,0	546	273	47,9
3	3	1	0,2	3	1	0,2	225	75	13,2	186	62	10,9
4							60	15	2,6	60	15	2,6
Всего	798	565	100	653	565	100	1107	570	100	1012	570	100
Средняя глубина слова	1,41			1,16			1,94			1,77		

Степень сложности бурятского слова в статье и в сказке приблизительно одинакова и выше, чем степень сложности английского слова. По критериям Дж. Гринберга, аналитическими языками являются языки с индексом синтеза слова в 1,00—1,99 морфемы, синтетическими — с индексом в 2,00—2,99 морфемы и полисинтетическими — с индексом 3,00 и выше. Соответственно, и английский, и бурятский языки следует отнести к аналитическим.

Функционально-стилистическое различие по данному параметру проявилось в английских текстах: глубина и средняя степень синтеза «научного» слова больше, чем соответствующие показатели слова в сказке. В бурятских текстах стилистическая разница коснулась лишь степени синтеза: «научное» слово содержит большее количество морфем, нежели слово в сказке.

4.3. Модели морфемного строения слова

По своему строению все модели морфемного строения слова в английском языке могут быть сведены к четырем основным типовым структурам: корневой (включающей один или два корня, а у изменяемых слов также флексию), суффиксальной, префиксальной, префиксально-суффиксальной [ЯМ 2000].

Как известно, модели в суффицирующем бурятском языке могут быть сведены к двум основным типовым структурам — корневой и суффиксальной [ЯМ 1997; Дырхеева, Ринчинов 2005].

Незначительно бóльшая общая сложность слова (степень синтеза) в бурятском языке объясняет бóльшее количество используемых моделей морфемного строения слова в обоих бурятских текстах — 24 модели.

Необходимо отметить, что в целях достижения наиболее достоверных результатов исследования, отражающих единообразный подход ко всему материалу исследования, в бурятском языке было проведено разграничение формообразовательного и словоизменительного аффиксов применительно к существительному и глаголу. Модели К-Аф*(ø), К-Аф*, К-Аи* отнесены к корневым структурам, аналогично моделям в английских текстах, имеющим в своем составе К-Фл(ø), К-Фл и К-Фл(вн).

В статье представлены следующие модели:

1. К, 2. К-Аф*(ø), 3. К-Аф*, 4. К-Аи*, 5. К-К, 6. К-Аи, 7. К-Аф, 8. К-Д, 9. К-Д-Аи, 10. К-Аф-Аи, 11. К-Аф-Аф, 12. К-Д-Аф, 13. К-Аи-Аф, 14. К-Аф-К(сл), 15. К-Д-Д, 16. К-К-Д, 17. К-Аф-Аи-Аф, 18. К-Д-Аф-Аи, 19. К-Д-Аи-Аф, 20. К-Д-Аф-Аф, 21. К-Аф-Аф-К(сл), 22. К-Аф-Аи-Аи, 23. К-Аф-Аф-Аф, 24. К-Аф-Д-Аф-Аи.

В сказке выявлены следующие модели:

1. К, 2. К-Аф*(ø), 3. К-Аи*, 4. К-К-Аф*(ø), 5. К-К(сл), 6. К-К, 7. К-Аф, 8. К-Аи, 9. К-Д, 10. К-Аф-Аф, 11. К-Аи-Аи, 12. К-К-Аи, 13. К-Аи-Аф, 14. К-Аф-Аи, 15. К-Д-Аи, 16. К-Д-Аф, 17. К-Аи-К(сл), 18. К-Аф-К(сл), 19. К-Д-Д, 20. К-К-Аф, 21. К-Аф-Аи-Аф, 22. К-Аф-Аф-Аи, 23. К-Аф-Аи-К(сл), 24. К-Аф-Аф-Аф.

Английское научное слово также характеризуется разнообразием моделей морфемного строения в отличие от слова в сказке (24 модели против 9).

В статье обнаружено 24 модели морфемного строения, включающих от одного до пяти морфов:

1. К, 2. К-Фл(ø), 3. К-Фл(вн), 4. К-Фл, 5. К-К, 6. К-К-Фл, 7. К-К-Фл(ø), 8. К-Д, 9. К-Д-Фл(ø), 10. К-Сфи, 11. К-К-Д, 12. К-Д-Д, 13. К-Д-Фл, 14. К-К-Д-Фл(ø), 15. К-Д-Д-Д-Д, 16. Пр-К-Фл(ø), 17. Пр-К-Фл, 18. Пр-К, 19. Пр-К-Д-Фл, 20. Пр-К-Д, 21. Пр-К-Сфи, 22. Пр-К-Д-Фл(ø), 23. Пр-К-Д-Д-Фл(ø), 24. Пр-К-Д-Д.

В сказке число моделей сокращается до 9 и в них представлено не более 3 морфов. Это модели:

1. К, 2. К-Фл(ø), 3. К-Фл(вн), 4. К-Фл, 5. К-К, 6. К-Д, 7. К-Сфи, 8. Пр-К, 9. Пр-К-Д.

В английском к наиболее частотным моделям, охватывающим ≈ 80—85% всех слов, относятся корневые модели К, К-Фл(ø), К-Фл(вн), К-Фл. В бурятском это модели и корневой и суффиксальной структур, к ним относятся ≈ 80—83% всех слов — К, К-Аф*(ø), К-Аф*, К-Аи*, К-Аи, К-Аф, К-Ад.

Ниже приводятся отрывки из текстов на английском и бурятском языках соответственно с морфемным членением и указанием морфемных моделей.

Homonyms and English form-class analysis
Samuel R. Levin, Western Reserve University

Two lingu-ist-ic form-s that are phon-em-ic-al-ly ident-ic-al but differ as to mean-ing are said
К К-Д-Д К-Фл К К К-Д-Д-Д-Д К-Д-Д К К-Фл(ø) К К К-Д-Фл(ø) К К-Фл
to be homo-nym-s of each other.
К К Пр-К-Фл К К К.

A narrow-er de-fin-it-ion read-s "two morph-eme-s are homo-nym-ous if they differ in mean-ing alone."
 К К-Сфи Пр-К-Д-Д-Фл(ø) К-Фл К К-Д-Фл К Пр-К-Д К К К-Фл(ø)
 К К-Д-Фл(ø) К

For pur-pose-s of this article, how-ever, we will be-gin by re-gard-ing as homo-nym-s any pair of lingu-ist-ic form-s whose phon-eme-s are ident-ic-al, since part of the problem is to de-ter-mine when mean-ing-s are the same and when they are differ-ent.
 К Пр-К-Фл К К К-Фл(ø) К-К, К К Пр-К-Фл(ø) К Пр-К-Сфи К Пр-К-Фл
 К К-Фл(ø) К К-Ад-Ад К-Фл К К-Д-Фл К К-Д-Д К К-Фл(ø) К К К-Фл(ø)
 К К Пр-К-Фл(ø) К К-Сфи-Фл К К К К К К К-Д.

If we ap-proach the quest-ion in this way we find that, on the basis of the dis-tribut-ions oc-curr-ing among homo-nym-s, there exist what may be re-gard-ed as several type-s of homo-nym-y.
 К К Пр-К-Фл(ø) К К-Д-Фл(ø) К К К-Фл(ø) К К-Фл(ø) К К К-Фл(ø) К К
 Пр-К-Д-Фл Пр-К-Сфи К Пр-К-Фл, К К-Фл(ø) К К К Пр-К-Фл
 К К К-Фл К Пр-К-Д.

Буряад хэлэнэй омонимууд
 Н. Б. Дугаров, БГУ

Адл-яар хэлэ-гдэ-дэг, бэшэ-гдэ-дэг аад, ондо ондоо удха-тай үгэ-нүүд-ые омоним-ууд гээ-дэг.
 К-Ад К-Аф-Аф, К-Аф-Аф К К-К К-Аи К-Аф*-Аи К-Аф* К-Аф.
Омоним гээ-жэ үгэ үг гарбал-аар-аа греческэ үгэ: омос — адли,
 К-Аф*(ø) К-Аф К-Аф*(ø) К-Аф*(ø) К-Аи-Аф К К-Аф*(ø) К
онима — нэрэ.
 К-Аф*(ø)

Лексическэ омоним-ууд буряад хэлэ-н-дэ зэргэ боло-жо нэгэ-дэ-дэг, тии-хэ-дээ нэгэ
 К К-Аф* К К+Ад+Аи К-Аф*(ø) К-Аф К-Ад-Аф К-Аф-Ад К
хэлэ-лг-ын хуби-ин хоёр-ноо үсөөн бэшэ үгэ-нүүд тэрээн-дэ оро-дог. Лексическэ омоним-ууд
 К-Ад-Аи К-Аи К-Аи К К К-Аф* К-Аи К-Аф. К К-Аф*
хоёр бүлэг хубаа-р-даг: хүсэд ба хүсэд бэшэ.
 К-Аи(ø) К-Аф*(ø) К-Ад-Аф К К К К

Из этих моделей самыми частотными в обоих языках оказались слова, состоящие из одного корня, т. е. модель **К**. Самая высокая частота элементарной модели **К** наблюдается в английских сказке и статье, где ее частота равна 58,9% и 49,1%, например: *each* ‘каждый’, *very* ‘очень’. Очевидно, это связано с небольшим общим числом моделей морфемного строения (в сказке), а также малой глубиной морфемного строения слова — не более трех морфем. В бурятских текстах данная модель занимает первый ранг, но имеет сравнительно меньшую частоту — 26,3 % и 24,2% в статье и сказке соответственно, например: *эндэ* ‘здесь’, *хара* ‘черный’.

Очевидна разница в частоте употребления двухморфемных моделей в обоих языках. Самые частотные двухморфемные модели в бурятских текстах, а их 6, встречаются в 2,2—1,8 раз чаще, нежели 3 английские наиболее частотные двухморфемные модели. В бурятском это модели — **К-Аф*(ø)** (*газар* ‘земля’), **К-Аф*** (*эсэгэ-нэр* ‘отцы’), **К-Аи*** (*хэлэ-бэ* ‘сказал’), **К-Аи** (*хуб-шин* род. пад. ‘части’), **К-Аф** (*шата-жа* ‘догорев’), **К-Ад** (*эрмэлзэ-л* ‘стремление’), которые охватывают 53,6%—58,6% всех слов в статье и сказке соответственно. Среди частотных английских двухморфемных моделей отмечены — **К-Фл(ø)** (*speak-ø* ‘говорить’), **К-Фл(вн)** (*took* ‘взяла’), **К-Фл** (*type-s* ‘типы’) — с общей частотой 24,6% в статье и 32,7% в сказке.

В обоих языках зафиксированы и более сложные модели морфемного строения: трехморфемные **К-Ад-Аи** (4,2%) и **К-Аф-Аи** (4,0%) в статье на бурятском, **Пр-К-Фл** (3,2%) и четырехморфемная модель **Пр-К-Ад-Фл** (3,7%) в статье на английском.

Таким образом, для английского языка в силу аналитической тенденции для половины и более слов характерна простая одноморфемная модель. В бурятском, из-за большего синтетизма, распространены, как и одноморфемные, так и двухморфемные модели.

Разграничение основных семиологических классов слов — *собственно-знаменательных, местоимений и служебных слов* — проводится также в основном за счет однокорневых слов. Частота модели **К** возрастает с падением лексичности, то есть в собственно-знаменательных словах она существенно ниже, чем в местоимениях и служебных словах, в которых она охватывает подавляющее большинство слов, причем в обоих языках. Все более сложные модели других типовых структур, содержащие два, три или четыре аффикса (в бурятском), или суффиксы и/или префиксы (в английском), характерны для собственно-знаменательных слов, но не для местоимений и служебных слов.

Таблица 4

**Частота модели К в семиологических классах слов
(в % от общего числа слов данного класса)**

Классы слов	Соб-знам. сл.	Мест.	Служ. сл.
	Статья/Сказка		
Англ. язык	10,9/28,4	80,3 / 81,7	84,0 / 87,1
Бурят. язык	16,0/17,9	50,0 / 60,8	73,0 / 52,1

Как видно, в текстах и в английском и бурятском языках частота модели **К** возрастает от собственно-знаменательных слов к местоимениям и служебным словам, причем противоположение указанных классов в научном тексте как более синтетичном по употреблению данной модели оказывается более ярким. Это касается противоположения собственно-знаменательных слов, с одной стороны, местоимениям и служебным словам, с другой. В английском последние два класса слов по частоте модели **К** в обоих текстах практически не различаются.

При сравнении базовых частей речи — имени существительного и глагола — прослеживается следующая тенденция: в статье на *английском* модель **К** не встречается у существительных и знаменательных глаголов. У вспомогательных глаголов ее частота минимальна — 8,1%, остальные глаголы характеризуются моделью с внутренней флексией.

В научном стиле обнаруживается стремление закрепить определенные модели со словообразовательными формантами за отдельными частями речи. Так, четырехморфемная модель Пр-К-Ад-Фл (17,4%) отмечена у существительных, а трехморфемные префиксальные модели Пр-К-Фл(ø) (16,7%) и Пр-К-Фл (12,5%) — у глаголов. В статье довольно четко проводится противопоставление базовых частей речи — имени существительного и глагола — по частоте моделей морфемного строения. Так, у существительных, более лексичных по сравнению с глаголами, частотны и разнообразны суффиксальные и префиксально-суффиксальные модели со словообразовательными формантами (43,8% против 2,0%). Глаголы, более грамматичная часть речи, превосходят существительные по частоте суффиксальных и префиксально-суффиксальных моделей со словоизменительными формантами (38,9% против 9,9%).

В сказке сохраняется противоположение базовых частей речи — существительных и глаголов (включая вспомогательные) всем остальным. Кроме того, глаголы как знаменательные, так и вспомогательные не имеют модели **К**, у существительных же данная модель встречается (19,4%), но реже, чем у остальных частей речи.

В сказке наблюдается сходная картина, к тому же существительные и глаголы противопоставлены прилагательным и наречиям тем, что у первых двух частей речи представлены разные модели корневой структуры, а у вторых отмечена только одна модель **К**, которая не отмечена у глаголов.

В обоих текстах на *бурятском* языке основные семиологические классы слов более или менее последовательно разграничены по степени сложности морфемного строения. Среди собственно-знаменательных слов встречаются сложные четырех- и пятиморфемные модели, хотя частотные слова в основном двухморфемны. В служебных частях речи слово может максимум иметь три морфемы, из них наибольшей частотой характеризуются одноморфемные слова. Общая для трех классов слов элементарная модель **К** более частотна в местоимениях и служебных словах.

Отдельные собственно-знаменательные части речи подчиняются той же тенденции: частота модели **К** возрастает с падением лексичности. Она не встречается у существительных, невелика ее доля у глаголов (7,8% в статье и 1,7% в сказке), однако ее частота возрастает не только у местоимений и служебных слов, но и у прилагательных, наречий и числительных.

Среди собственно-знаменательных частей речи имена существительные и глаголы противопоставлены всем остальным частям речи по степени сложности морфемного строения. Глубина морфемного строения в существительных и глаголах достигает 4—5 морфем, тогда как в прилагательных и числительных не превышает 2 морфем, в наречиях — 3 морфем. Среди существительных и глаголов наиболее частотны двухморфемные словоформы, а среди прилагательных, наречий, числительных — одноморфемные.

Существительные, выполняющие номинативную функцию, отличаются от глаголов меньшей частотой моделей со словоизменительными формантами (27,2% против 81,4%). А частота моделей, включающих словообразовательный суффикс, у существительных в сумме выше (13,9%), чем у глаголов (8,9%). Глаголы же, носители предикативной функции, располагают большим разнообразием моделей со словоизменительным суффиксом (7 моделей против 5).

Следует отметить, что функционально-стилистическая специфика английских текстов проявляется в материалах разных жанров и регистров [Malyuga, Tomalin 2014]. По данным проведенного анализа **функционально-стилистические различия текстов** по глубине слова, количеству и моделям морфемного строения ярче проявились в английском. В английском научном тексте глубина слов может достигать пяти морфем, тогда как в сказке она не превышает трех морфем. В бурятском глубина научного и сказочного слова, расходится меньше.

Более или менее высокая синтетичность бурятского слова по сравнению с английским объясняет и многочисленность морфемных моделей слова в бурятской сказке — 24 модели против 9 моделей в английской сказке. В научных статьях количество моделей выравнивается — по 24 в обоих языках, таким образом по данному параметру наиболее четко функциональные различия прослеживаются в английских текстах.

В английском языке модели распределяются по четырем типовым структурам, разделяясь на корневые, суффиксальные, префиксальные, префиксально-суффиксальные. В бурятском языке с посткорневой аффиксацией, возможны корневые и суффиксальные модели. В обоих текстах на английском наблюдаются все 4 типа морфных структур, однако количество и разнообразие самих моделей морфного строения в тексте научного стиля больше, нежели в сказке. В сказке на английском языке прослеживается явное превосходство корневой структуры, составляющей 94,9%. В бурятском языке частотность корневой и суффиксальной структур практически не различается сказке (50,7% против 49,3%), в статье корневая структура зафиксирована лишь в 1,3 раза чаще суффиксальной.

Однако функционально-стилистические различия текстов в бурятском языке прослеживаются при разграничении отдельных классов слов. При общей распространенности в обоих текстах двухморфных знаменательных и собственно-знаменательных словоформ, в статье в число наиболее употребительных моделей среди данных классов слов (с частотой не ниже 5%) входит трехморфная модель К-Ад-Аи, которая в сказке достаточно редка.

Противоположение имени существительного, как более лексичной части речи, и глагола, как более грамматичной части речи, в статье ярче, нежели в сказке, как уже отмечалось, модели со словообразовательными формантами закреплены чаще за существительными, тогда как модели со словоизменительными аффиксами — за глаголами. Кроме того, у имен существительных в сказке падеж получает материальное выражение чаще всего — в 31,2% словоформ. Формы личного притяжания имеют 15,3% существительных, формы множественного числа — 4,2%. В научной статье картина иная. Число словоформ с показателем множественного числа возрастает до 27,8%, показатели личного притяжания представлены гораздо реже — в 3,9% словоформ.

В сказке представлены формы притяжания, например: *хубуун-иинь* 'его сын', в научной статье словоформ с притяжательными формантами нет.

5. Выводы

Итак, исследование морфемного строения слова в английском и бурятском языках подтверждает типологические различия между ними, с одной стороны, и функционально-стилистическую значимость текстовых характеристик, с другой.

По определению В. Гумбольдта, агглютинативные языки занимают промежуточное положение между изолирующими и флективными языками [Гумбольдт 1984: 124, 340, 345]. Очевидно, и позицию бурятского языка на шкале лексичности/грамматичности все же следует определить, как промежуточную, срединную между полюсом лексичности и грамматичности, поскольку в бурятских текстах нет явного превосходства ни знаменательных, ни служебных морфем, а **средний индекс грамматичности** в статье — **51**, в сказке — **46**. Незначительные различия между текстами (в сказке в отличие от статьи немного ниже доля служебных слов и выше доля знаменательных, соответственно индекс грамматичности несколько ниже, чем в статье) на общую грамматическую тенденцию не влияют и промежуточного положения бурятского языка не меняют.

Индекс лексичности/грамматичности в английском языке варьирует в более широком диапазоне. Влияние стилистических текстовых различий здесь гораздо сильнее. Соотношение служебных и знаменательных морфем в статье и сказке обратно пропорционально (в статье **59%** служебных морфем и **41%**

знаменательных, в сказке — 41% служебных морфем и 59% знаменательных). Таким образом, сказка «лексична», статья «грамматична».

Принципы *разграничения частей речи* обнаруживают определенное сходство.

Таблица 5

Сводная таблица распределения частей речи в двух языках
(в % от общего числа слов в данном тексте)

Части речи	Английский язык		Бурятский язык	
	Статья	Сказка	Статья	Сказка
Соб.-знам. слова	47,0	49,2	80,4	83,5
Местоимения	13,4	16,5	3,9	8,1
Служебные слова	39,6	34,3	15,7	8,4
Всего слов	568	565	566	570

Так, в обоих языках самую высокую частоту имеют собственно-знаменательные слова. Далее следуют служебные слова. Местоимения по частоте употребления уступают обоим указанным классам слов. Распределение в текстах основных семиологических классов слов зависит от господствующей грамматической тенденции — синтетизма / аналитизма. Типологические расхождения касаются, прежде всего, соотношения собственно-знаменательных и служебных слов, что наиболее ярко проявилось в обоих языках. Чем более синтетичен язык, тем выше частота собственно-знаменательных слов и ниже частота служебных. Частота собственно-знаменательных слов уменьшается от 80,4% в статье и 83,5% в сказке в агглютинативном бурятском языке до 47,0% в статье и 49,2% в сказке в аналитическом английском. Частота служебных слов в том же порядке увеличивается, составляя 15,7 % в статье и 8,4% в сказке на бурятском языке, 37,4% и 34,3% в статье и сказке на английском языке. Частота местоимений также самая высокая в английском языке — 13,4% и 16,5% в статье и сказке соответственно, в сказке на бурятском языках она ниже, 8,4%, а в статье на бурятском языке частота местоимений наименьшая — 3,9%.

Примечательна особенность английских местоимений: по частоте они сопоставимы с собственно-знаменательными глаголами, что также может быть объяснено аналитизмом английского языка.

Большее или меньшее преобладание собственно-знаменательных слов обеспечивается, главным образом, за счет базовых частей речи — имен существительных и глаголов. Самая высокая общая частота существительных и глаголов отмечена в бурятском — 64,2% в статье и 63,9% в сказке, самая малая частота в английском — 34,0% в статье и 35,7% в сказке. За счет базовых же частей речи, а именно за счет существительных, создается и наиболее существенная типологическая разница: существительные в текстах на бурятском языке встречаются чаще (46,2% в статье и 33,3% в сказке), нежели существительные в текстах на английском языке (21,3% в статье и 17,3% в сказке), в 2,2 раза в статье и 1,9 раза в сказке. Разница между бурятским и английским языками сохраняется и в частоте встречаемости глаголов: частота глаголов в текстах на бурятском языке (18,0% в статье и 30,5% в сказке) превышает частоту глаголов в текстах на английском (12,7% в статье и 18,4% в сказке) в 1,4 в статье и 1,7 раз в сказке.

Специфика грамматического строя исследуемых языков ярко проявляется и в иерархии отдельных служебных частей.

В силу ведущей грамматической тенденции — аналитизма — в английском в отсутствие падежей на первое место в статье выходят предлоги (13,4%), а в сказке спутники существительного артикли (11,5%).

В бурятском в статье на первое место по частоте употребления выходят вспомогательные частицы (5,9%), в сказке частота каждой из служебных частей речи не превышает 3,0%. Примечательно, что союзы в бурятской сказке весьма редки, что может быть объяснено тем, что «союзы в бурятском представлены небольшим количеством» [Сажинов 1984: 127], «союз *ба* употребляется в основном книжном стиле» [Там же: 128], в статье союзы встречаются и занимают второе место по частоте употребления (4,4%) после вспомогательных частиц (5,8 %).

Сопоставление показывает, что частота встречаемости частей речи, в особенности служебных, — признак, релевантный для типологической оценки грамматического строя языка.

Взаимосвязь между устройством частеречной системы языка и его принадлежностью к определенному типологическому классу уже отмечалась в лингвистике.

Анализ семиологических классов слов и отдельных частей речи в английском и бурятском языках подводит к выводу, что семиологические классы слов более или менее разграничены. Противопоставление базовых частей речи — имени существительного и глагола — прослеживается в обоих языках, но ярче всего в статьях на бурятском и английском языках, что говорит о важности учета *функционально-стилистического фактора* при анализе текстов.

Весьма существенное типологическое различие между языками касается общей частоты служебных слов в тексте. Отсутствие падежных форм в английском языке компенсируется высокой частотой предлогов. Наличие падежного словоизменения в бурятском коррелирует с низкой частотой послелогов.

Функционально-стилистические различия для английского и бурятского языков имеют общую тенденцию в соотношении существительных и глаголов. Существительные, как более информативная часть речи, чаще встречаются в научных статьях, в бурятской статье их частота превышает частоту глаголов в 2,6 раза, в английской статье — в 1,7 раза. В сказках разница в частоте имен существительных и глаголов сокращается в обоих языках, особенно в английском, в котором она вовсе нивелируется.

В бурятском языке в силу его несколько большей грамматичности функционально-стилистическое различие текстов выражено более убедительно, чем в английском. Так, служебные слова в бурятском языке употребительнее в статье, местоимения — в сказке. В английском языке тексты по употреблению как служебных слов, так и местоимений различаются слабо.

Отношения *грамматической омонимии* имеют свою специфику в обоих исследуемых языках. В частности, выявляется зависимость от степени лексичности/грамматичности классов слов. В английском языке самый лексичный класс слов — собственно-знаменательные — преимущественно вступают в омонимические связи друг с другом и, хотя реже, имеют омонимы также среди слов других классов — как местоимений, так и служебных слов. В бурятском языке у собственно-знаменательных слов, кроме омонимов внутри своего класса, имеются также омонимы среди служебных слов, но не местоимений.

Внутри более грамматичных классов в английском языке развитие омонимических отношений характеризуется следующей тенденцией. Местоимения, не имея омонимов внутри своего класса, вступают в отношения омонимии с собственно-знаменательными словами. Среди служебных слов омонимичны словам своего же класса более двух третей служебных слов.

Если рассмотреть омонимию внутри собственно-знаменательных слов, имеющих по одному омониму, то можно заметить, что в английском языке базовые части речи — существительные и глаголы — вступают в омонимические отношения друг с другом, а не с остальными собственно-знаменательными словами — 100,0% (36/36) в статье и 100,0% (51/51) в сказке. Омонимические отношения существительных и глаголов возможны вследствие развитого аналитизма форм в английском языке и ограниченности флективного словоизменения.

В бурятском языке при более развитом синтетическом словоизменении омонимия базовых частей речи друг с другом чаще оказывается более затруднительной и сравнительно с английским языком частота омонимических связей между существительными и глаголами падает в статье до 75,0% (3/4) и еще больше сокращается в сказке — до 6,7% (1/15). Омонимия с остальными частями речи, главным образом существительных с прилагательными, составляет 25,0% (1/4) в статье и 93,3% (14/15) в сказке.

Разграничение с точки зрения *морфемного строения* основных семиологических классов слов — собственно-знаменательных, местоименных и служебных — в сущности является бинарным, так как знаки-актуализаторы, то есть местоимения и служебные слова, в данном отношении слабо противопоставлены друг другу. Собственно-знаменательные слова превосходят местоимения и служебные слова по степени сложности. Это различие соотносится с характером выполняемой функции: номинативной (называющей) у собственно-знаменательных, дейктической у местоимений, связочной у служебных слов. Осуществление номинативной функции требует больше языковых средств, поэтому в собственно-знаменательных словах обоих языков встречаются четырехморфемные структуры, а также пятиморфемные. Глубина местоимений и служебных слов не может превышать двух морфем в английском языке, трех морфем в бурятском.

Указанная иерархия разрядов слов и степень их разграничения с полной очевидностью проявляются в частотности одноморфемных слов модели **К**. Она минимальна в обоих языках среди собственно-знаменательных слов и гораздо выше в местоимениях и служебных словах. В английской и бурятской сказках частотность модели **К** в несобственно-знаменательных словах по сравнению с собственно-знаменательными словами выше более чем в 3 раза. В собственно-знаменательных словах частотность модели **К** выше в аналитическом английском (28,4%) и несколько ниже в агглютинативном бурятском (17,9%). Бурятский язык отличается от английского меньшей частотой корневых местоимений и служебных слов. В научном стиле бурятский язык также отличается от английского: судя по частоте модели **К**, в бурятском разграничены все три семиологических класса слов, тогда как в английском противопоставление классов слов оказывается бинарным «собственно-знаменательные ↔ местоимения и служебные слова».

Общее число употребительных (с частотой не ниже 5%) моделей морфемного строения собственно-знаменательных слов по языкам особо не различается. В английской и бурятской сказках их число может достигать четырех-шести моделей. В статьях на английском и бурятском языках количество частотных моделей выше — восемь и шесть, что объясняется спецификой стиля.

При сравнении отдельных частей речи были выявлены интересные тенденции в разграничении имен существительных и глаголов. В статье на английском языке наибольшей сложностью отличаются имена существительные как наиболее информативная часть речи. В число частотных моделей входят две четырехморфные префиксально-суффиксальные модели. В бурятском языке наибольшей сложностью отличаются глаголы в обоих текстах как основная часть речи, осуществляющая предикативную функцию. В список наиболее употребительных глагольных моделей в сказке входит одна четырехморфная суффиксальная модель.

Степень сложности морфемного строения, индекс синтеза по Дж. Гринбергу, подтверждает типологические расхождения между исследуемыми языками. Наиболее синтетичным оказывается слово в бурятском языке (1,76 морфемы в статье и 1,77 в сказке без учета нулевых морфов), наименее синтетично слово в английском (1,54 в статье и 1,16 в сказке).

Разграничение собственно-знаменательных, местоименных и служебных слов, соотношение знаменательных и служебных морфем, степень синтеза и морфемное строение слова в английском и бурятском языках зависят от грамматической тенденции, преобладающей в каждом данном языке — аналитизма в английском и синтетизма в бурятском языке. **Функционально-стилистический компонент** имеет типологическую значимость в соотношении частоты основных семиологических классов слов, в определении индекса грамматичности и степени сложности слова, а также и в распределении моделей морфемного строения слова.

Итак, степень и характер разграничения частей речи, семиологических классов слов зависят от грамматической тенденции, преобладающей в каждом данном языке — аналитизма в английском и синтетизма в бурятском языке, которые, в свою очередь, определяются соотношением лексического и грамматического в языке, образующем его типологическую детерминанту [Зубкова 2010: 44—49].

В перспективе представляется необходимым дальнейшее исследование морфологической структуры слова в ее соотношении со звуковой организацией, определение степени автономности языковых единиц, морфемы и слова, слога и морфемы, их соотношение друг с другом.

С о к р а щ е н и я

Ад — словообразовательный аффикс, - (дефис) обозначает морфный стык (шов)

Аи — словоизменятельный аффикс / показатель падежа у существительных, числительных, местоимений, причастий

Аи* — словоизменятельный аффикс / показатель времени, лица и числа у глаголов

Аф — формообразовательный аффикс / показатель залога, вида, причастия и деепричастия у глаголов, а также притяжательности у существительных

Аф* — формообразовательный аффикс / показатель мн. числа у существительных

Аф*(ø) — нулевой формообразовательный аффикс / показатель единственного числа у существительных

Д — словообразовательный суффикс

К — корень

К(сл) — корень служебный

Пр — префикс

Сфи — словоизменятельный суффикс

Фл — материально выраженная флексия

Фл(ø) — флексия нулевая, - (дефис) обозначает морфный стык (шов)

Фл(вн) — внутренняя флексия

F — абсолютная частота (количество раз, встречаемое в тексте)

P — относительная частота (отношение абсолютной частоты к общему количеству)

Л и т е р а т у р а

Арутюнова 2005 — Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. М., 2005. {*Arutyunova N. D. Sentence and its meaning: logical and semantic problems. M., 2005.*}

Бертагаев 1961 — Бертагаев Т. А. О морфологическом строе бурятского языка. М., 1961. {*Bertagaev T. A. On morphological structure of the Buryat language. M., 1961.*}

Бертагаев 1963 — Бертагаев Т. А. О границах слова в монгольских языках // Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.; Л., 1963. С. 76—83. {*Bertagaev T. A. On word borders in Mongolic languages // Morphological structure of the word in different type of languages. M.; L., 1963. P. 76—83.*}

- Бодуэн де Куртенэ 1963 — *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. Т. I., II. {*Baudouin de Courtenay I. A.* Selected works on general linguistics. M., 1964. Vol. I, II.}
- БЭС 1998 — Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. {Linguistics. Great Encyclopaedic Dictionary / Editor-in-chief V. N. Yartseva. 2nd edition. M., Great Russian Encyclopaedia, 1998.}
- Бюлер 1993 — *Бюлер К.* Теория языка. М.: Прогресс: Универс, 1993. {*Bühler K.* Theory of language. M.: Progress: Univers, 1993.}
- Гринберг 1963 — *Гринберг Дж.* Квантитативный подход к морфологической типологии языков // Новое в лингвистике. М., 1963, 3. С. 60—94. {*Greenberg J.* A Quantitative approach to the morphological typology of language // New in linguistics. M., 1963. Vol. 3. P. 60—94.}
- Гумбольдт 1984 — *Гумбольдт В. фон.* Избранные труды по языкознанию. М., 1984. {*Humboldt W. von.* Selected works in linguistics. M., 1984.}
- Дарбеева 1996 — *Дарбеева А. А.* Историко-сопоставительные исследования по грамматике монгольских языков. Фонетика. М., 1996. {*Darbeeveva A. A.* Historical-comparative studies in the Mongolic languages grammar. Phonetics. M., 1996.}
- Дырхеева, Ринчинов 2005 — *Дырхеева Г. А., Ринчинов О. С.* Морфологическая структура слова в бурятском языке: лингвостатистическое описание. Улан-Удэ, 2005. {*Dyrkheeva G. A., Rinchinov O. S.* Morphological word structure in Buryat: A linguostatistical description. Ulan-Ude, 2005.}
- Зубкова 1999 — *Зубкова Л. Г.* Язык как форма. Теория и история языкознания. М., 1999. {*Zubkova L. G.* Language as a form. Theory and history of linguistics. M., 1999.}
- Зубкова 2010 — *Зубкова Л. Г.* Принцип знака в системе языка. М., 2010. {*Zubkova L. G.* Concept of a sign in the language system. M., 2010.}
- Зубкова 2016 — *Зубкова Л. Г.* Теория Языка в ее развитии: от натуроцентризма к логоцентризму через синтез к лингвоцентризму и к новому синтезу. М., 2016. {*Zubkova L. G.* Theory of Language in its development: from naturocentrism to logocentrism through synthesis to linguocentrism and a new synthesis. M., 2016.}
- Иванова 2016 — *Иванова А. Г.* Типологические особенности фонемной организации морфем в языках различных типов и линейный характер знака (на примере английского и бурятского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016, 12-4 (66). С. 105—108. {*Ivanova A. G.* Typological specifics of phonemic organization of morphemes in different types of languages and linear nature of a sign (through example of English and Buryat) // Philological studies. Issues in theory and praxis. Tambov: Gramota, 2016, 12—4 (66). P. 105—108.}
- КТ 1982 — Квантитативная типология языков Азии и Африки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. {Quantitative typology of languages of Asia and Africa. L.: LSU Press, 1982.}
- Кубрякова 1970 — *Кубрякова Е. С.* Морфологическая структура слова в современных германских языках // Морфологическая структура слова в индоевропейских языках. М.: Наука, 1970. С. 104—181. {*Kubryakova E. S.* Morphological word structure in modern Germanic languages // Morphological word structure in Indo-European languages. M.: Nauka, 1970. P. 104—181.}
- Кубрякова 1978 — *Кубрякова Е. С.* Части речи в ономаσιологическом освещении. М., 1978. {*Kubryakova E. S.* Parts of speech in onomasiological light. M., 1978.}
- Мельчук 1997 — *Мельчук И. А.* Курс общей морфологии. М.: Языки русской культуры: Прогресс, 1997. Т. I. {*Melchuk I. A.* A Course of general morphology. M.: Languages of Russian Culture: Progress, 1997. Part I.}
- Мельчук 1998 — *Мельчук И. А.* Курс общей морфологии. М.: Языки славянской культуры, 1998. Т. II. {*Melchuk I. A.* A Course of general morphology. M.: Languages of Slavic Culture, 1998. Part II.}
- Плунгян 2003 — *Плунгян В. А.* Общая морфология: Введение в проблематику. М.: Едиториал УРСС, 2003. {*Plungian V. A.* General morphology: An introduction. M.: Editorial URSS, 2003.}
- Рассадин 2003 — *Рассадин В. И.* Проблема классификации частей речи в монгольских языках // Вестник БГУ. Серия 6. Филология. Улан-Удэ, 2003, 7. С. 3—13. {*Rassadin V. I.* A problem with systemizing parts of speech in Mongolic languages // BSU Herald. Series 6. Philology. Ulan-Ude, 2003, 7. P. 3—13.}
- Реформатский 1965 — *Реформатский А. А.* Агглютинация и фузия как две тенденции грамматического строения слова // Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.—Л., 1965. С. 64—92. {*Reformatskiy A. A.* Agglutination and fusion as the two tendencies of grammatical word structure // Morphological typology and the problem of language classification. M.-L., 1965. P. 64—92.}
- Сажинов 1984 — *Сажинов Ж. С.* Сопоставительная грамматика русского и бурятского языков. Улан-Удэ, 1984. {*Sazhinov Zh. S.* Comparative grammar of Russian and Buryat. Ulan-Ude, 1984.}
- Санжеев 1953 — *Санжеев Г. Д.* Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. 1. М., 1953. {*Sanzheev G. D.* Comparative grammar of Mongolic languages. Part 1. M., 1953.}
- Серебренников 1998 — *Серебренников Б. А.* Части речи // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. {*Serebrennikov B. A.* Parts of speech // Linguistics. Great encyclopaedic dictionary / Ed. V. N. Yartseva. M.: Great Russian Encyclopaedia, 1998.}

Смирницкий 1953 — *Смирницкий А. И.* Так называемая конверсия и чередование звуков в английском языке // Иностранные языки в школе. 1953, 5. С. 21—31. {*Smirnitkiy A. I.* So-called conversion and sound alternation in English // Foreign languages in school. 1953. Vol. 5. P. 21—31.}

Солнцева, Солнцев 1987 — *Солнцева Н. В., Солнцев В. М.* О роли порядка слов в китайском языке // Новое в изучении Китая. Ч. I. Культура, лингвистика, знаковые системы. М., 1987. С. 159—186. {*Solntseva N. V., Solntsev V. M.* On the role word order plays in Chinese // New in China studies. Part I. Culture, linguistics, sign systems. M., 1987. P. 159—186.}

Соссюр 1977 — *Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию. М., 1977. {*Saussure F. de.* Works in linguistics. M., 1977.}

Чареков 1987 — *Чареков С. Л.* О синкретизме основ некоторых частей в бурятском языке // Грамматическое своеобразие бурятского языка. Улан-Удэ, 1987. С. 18—28. {*Charekov S. L.* On the syncretism of stems of some parts in the Buryat language // Grammatical peculiarity of the Buryat language. Ulan-Ude, 1987. P. 18—28.}

ЯМ 2000 — Языки мира: Германские языки. Кельтские языки / Гл. ред. *В. Н. Ярцева.* М., 2000. {Languages of the world: Germanic languages. Celtic languages. / Editor-in-chief *V. N. Yartseva.* M., 2000.}

ЯМ 1997 — Языки мира: Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык / Гл. ред. *В. Н. Ярцева.* М., 1997. {Languages of the world: Mongolic languages. Manchu-Tungus languages. The Japanese language. The Korean language. / Editor-in-chief *V. N. Yartseva.* M., 1997.}

Bloomfield 1973 — *Bloomfield L.* Language. Revised ed. London, 1973.

Greenberg 1960 — *Greenberg J. H.* A quantitative approach to the morphological typology of languages // International Journal of American Linguistics, 1960. Vol. 26. № 3.

Hurn, Tomalin 2013 — *Hurn, B. J., Tomalin, B.* Cross-cultural communication: Theory and practice. Basingstoke [England]: Palgrave Macmillan, 2013.

Huddleston, Pullum 2002 — *Huddleston R., Pullum G. K.* The Cambridge grammar of the English language. Cambridge, 2002.

Ivanova et. al. 2016 — *Ivanova A. G., Sibul V. V., Vetrinskaya V. V., Smirnova I. V.* Morpheme and syllable structure of a word in English and Chinese // 3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2016. SGEM2016 Conference Proceedings, Book 1. Vol. 3. P. 651—656.

Lyons 1981 — *Lyons J.* Language and linguistics. Cambridge, 1981.

Malyuga, Tomalin 2014 — *Malyuga, E., Tomalin, B.* English professional jargon in economic discourse // Journal of Language and Literature, Vol. 5 (4). P. 172—180.

РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются типологические особенности морфемной структуры слова в языках различных типов — аналитическом английском и агглютинативном бурятском в свете значимости соотношения лексического и грамматического в языке как его типологической детерминанты. Обосновывается значимость изучения морфемного строения слова при разграничении семиологических классов слов и отдельных частей речи; определяется индекс грамматичности, а также степень синтеза слова; выявляются наиболее типичные модели морфемного строения «слова вообще», семиологических классов слов и отдельных частей речи, в частности — имени существительного и глагола, образующих базовое частеречное противоположение в исследуемых языках.

SUMMARY

The article is devoted to the study of typological peculiarities of morphemic word structure in two languages of different types — analytical English and agglutinative Buryat — in relation to the significance of language's degree of lexicality and grammaticality as its typological determinant. It proves, in particular, the significance of studying the morphemic word structure when separating semiological classes of words from parts of speech; it also determines the grammaticality index and degree of synthesis of a word, as well as discovers most typical models of morphemic “word-in-general” structure, of semiological classes and of separate parts of speech, particularly nouns and verbs, which form the basic opposition of parts of speech.

Ключевые слова: лексичность / грамматичность, аналитизм / синтетизм, семиологические классы слов, морфемная структура слова, степень синтеза, индекс грамматичности

Key words: degree of lexicality and grammaticality, analytism / synthesisism, semiological classes of words, word morphemic structure, degree of synthesis of a word, grammaticality index.

Иванова Арюна Гомбоевна, РУДН (Москва); ariunadi@mail.ru

Aryuna G. Ivanova, Peoples' Friendship University of Russia — RUDN University (Moscow); ariunadi@mail.ru

Учебно-методические пособия В. А. Ислентьева: жанрово-тематическое содержание переводных текстов

1. Некоторые сведения о В. А. Ислентьеве

В разное время и различными деятелями удмуртской филологии переводились тексты с русского (или с церковнославянского) на удмуртский и с удмуртского на русский. Активное участие в этом процессе принял Владислав Алексеевич Ислентьев — «инспектор народных училищ Елабужского уезда», педагог, методист, просветитель, языковед, переводчик, имевший представление о многих языках Поволжья и Сибири¹: удмуртском, коми, чувашском², мордовских, якутском [Фролова 2000: 376], татарском, марийском [Ислентьев 1889а: 160].

Подлинная биография В. А. Ислентьева неизвестна. В распоряжении исследователей нет точных свидетельств ни о его национальности, ни о времени и месте рождения и смерти. «По некоторым источникам, — пишет Г. Д. Фролова, — указывается год рождения 1862» [Фролова 1996: 66]. Известно также, что В. А. Ислентьев являлся коллежским асессором (1880 г.), в период с 1867 по 1870 гг. работал в Бичуринском двухклассном училище Министерства народного просвещения; в 1871—1884 гг. — учителем пригготовительного класса 2-й Казанской гимназии; с 1885 г. становится инспектором народных училищ Елабужского уезда Вятской губернии, в 1890—1896 гг. — Чебоксарского и Свияжского уездов Казанской губернии, с 1896 г. — Уржумского уезда Вятской губернии [Фролова 2000: 376].

Деятельность В. А. Ислентьева совпала с т. н. эпохой «великих реформ», важное место в которой занимали просветительские проекты. Разработанные им прогрессивные для своего времени методы обучения и воспитания звучали в унисон со временем. «Как большинство учителей народных училищ XIX в., В. А. Ислентьев был педагогом-универсалом», — отмечает Г. В. Алжейкина [Алжейкина 2004: 8]. Интеграция знаний и умений, теории и практики была инновационным подходом в просветительском деле В. А. Ислентьева и дала позитивные результаты. Так, например, по утверждению Г. В. Алжейкиной, «в личном рукописном фонде П. Г. Григорьева есть подробное описание новаторских для своего времени методов проведения уроков пения учителем В. А. Ислентьевым» [Алжейкина 2004: 80]. При этом, по наблюдениям исследователя, основное внимание педагога было обращено на церковное пение [Алжейкина 2004: 8]. Доказательством тому служат и помещенные в его книгах тексты молитв на удмуртском и русском языках «в цифирной нотации» [Ислентьев 1889а: 55—59]. Как известно, в рассматриваемый период музыкальное просвещение удмуртского народа входило в общую педагогическую систему, преподавание церковного пения на удмуртском языке включалось в учебные планы и программы, певческая литература наряду с другими церковными книгами переводилась на удмуртский язык. Представление о методической составляющей церковного пения, к примеру, отражено в отчете инспектора начальных училищ Казани за 1890 г.: «На первых уроках обыкновенно ведутся подготовительные упражнения, затем следует пение с голоса церковных песнопений и ознакомление с цифирной системой. Далее следует пение литургии и всенощного богослужения, ознакомление с 8-ю гласами церковного пения»³. Таким образом, культура православия постепенно и глубоко проникала в традиционную среду удмуртов. Исследователи до сих пор фиксируют в своих полевых материалах различные жанры церковно-православного пения в «центрах былой православной жизни» [Нуриева 2014: 415].

В. А. Ислентьев принимал активное участие и в культурной жизни региона. Его школьные композиции демонстрировались на популярных в то время научно-промышленных выставках. Так, например, на одном из таких мероприятий, проходивших в 1890 г. в Казани, был представлен его каталог предметов. Известно, что школьный отдел Елабужского уезда занимал «2 окна, 2 простенка, 4 подвижных щита, один трехсторонний щит, большую восьмигранную витрину № 12, две высокие круглые этажерки №№ 11 и 13, и 3 особые подставки, состоит из 23 самостоятельных групп, которые в общем представляют картину деятельности начальной народной школы и знакомят обозревателя выставки с некоторы-

¹ Сам В. А. Ислентьев в Предисловии одного из учебников пишет о «некотором знакомстве с инородческими языками» [Ислентьев 1889б: 1].

² Известно, что В. А. Ислентьев хорошо знал чувашский язык [Демидова 2014: 85].

³ Сведения, взятое из книги Люстрицкого В. Ф. «Отчет о состоянии начальных училищ в городе Казани за 1890 год, составленный инспектором народных училищ 2-го участка Казанской губернии» (Казань, 1891) цит. по: [Андрейко 2015: 27—28].

ми из внеклассных занятий учителей и учительниц. В составе елабужского школьного отдела, кроме наглядных пособий по различным предметам начального обучения, классной обстановки, организации учебно-воспитательного дела, письменных работ учащихся и школьной статистики, входят еще три особые отделения, именно: обучение женским рукоделиям, пчеловодство и археология»⁴. Участие В. А. Ислентьева в мероприятиях прикладного характера, в которых демонстрировались научно-технические достижения (археологическая коллекция, пчеловодная библиотека, вафельница Ритше (для приготовления искусственной вошины); женские рукоделия, книги в рукописи и документы) [Крапоткина 2012: 331], было тесно связано с внедряемыми им просветительскими проектами.

2. В. А. Ислентьев как просветитель удмуртов и филолог

Большая заслуга в реализации новаторских для своего времени идей В. А. Ислентьева принадлежит частным меценатам. Так, например, «школьный отдел Елабужского уезда был сформирован на средства частных лиц: потомственный почетный гражданин Иван Григорьевич Стахеев пожертвовал 50 руб. на оплату издержек по изготовлению картона для таблиц и различные мелочные расходы, Федор Прохорович Гирбасов дал 25 руб. учительницам Елабужского земского женского училища на рукодельные работы, Сюгинский стекольный завод Александра Александровича Лебедева, в лице управляющего заводом Сергея Александровича Шишкова и смотрителя завода Михаила Мартиновича Шмелькова, пожертвовал стекла для витрины, Александровское ремесленное училище в Елабуге сделало бесплатно модель городского училищного дома и школьный железный вентилятор; около 150 руб. внес лично инспектор народных училищ Владислав Ислентьев. Обстановка елабужского школьного отделения и все учебные пособия доставлены на казанскую пристань безвозмездно на пароходе мануфактур-советника Петра Капитоновича Ушкова, который также ассигновал 100 руб. на издание 1000 экз. справочной брошюры по выставке» [Ислентьев 1890: 6]. Некоторые учебные книги В. А. Ислентьева также вышли в свет только благодаря благотворительным проектам. К примеру, его «Букварь...» (1889) «Учебник...» (1888) и «Руководство...» (1889), составленные для удмуртских потребителей, были изданы на пожертвования елабужских купцов П. К. Ушкова, И. Г. Стахеева, Ф. П. Гирбасова и Н. Д. Стахеева⁵ и распространялись бесплатно.

Поистине неоценима деятельность В. А. Ислентьева в области разработки образовательных программ, составления учебно-методических изданий для удмуртов и других нерусских народов Поволжья. Судя по предисловиям и послесловиям некоторых его книг, он был учеником и продолжателем идей Н. И. Ильминского, известного во второй половине XIX столетия просветителя «инородцев» Поволжья и Приуралья. В. А. Ислентьев сам по этому поводу пишет: «Симпатия к инородцам возбуждены во мне более 20 лет назад известными деятелями по просвещению инородцев — Н. И. Ильминским и Николаем Ивановичем Золотницким, теперь уже усопшим, и пребудет во мне до конца моей жизни» [Ислентьев 1888: 1]. Внимание к удмуртам, просвещением которых он занимался в течение 22 лет, прежде чем занять должность инспектора народных училищ Елабужского уезда и получить возможность обобщить свой громадный опыт, звучит во всех его сочинениях. Так, в одном из них он пишет: «По богатству книг на инородческих языках, благодаря просветительской деятельности Н. И. Ильминского и И. Я. Яковлева, счастливее всех инородцев, обитающих в России, крещенные татары и чуваша; черемисы и другие инородцы также владеют переводами священных книг: одни только вотяки Елабужского уезда остаются во мраке неведения, не слышат на своем родном наречии слова Божия ни в церкви, ни в школе» [Ислентьев 1889б: 1]. Возможно, это и побудило его взяться за просвещение удмуртов теми средствами, которыми он, по всей вероятности, обладал в полной мере: созданием и изданием своих удмуртоведческих (учебно-методических) трудов.

Известные на сегодняшний день труды В. А. Ислентьева наглядно демонстрируют многогранность его личности, которые открыли новые горизонты в просвещении удмуртов [Учебник 1888, 1889; Букварь 1889; Руководство 1889]⁶. В книгах В. А. Ислентьева продемонстрированы различные методики

⁴ Сообщение В. А. Ислентьева цит. по: [Крапоткина 2012: 331]; см. также: [Ислентьев 1890].

⁵ Об этом В. А. Ислентьев пишет: «⟨...⟩ Считаю своею священной обязанностью засвидетельствовать здесь искреннейшую и глубочайшую мою признательность потомственным почетным гражданам, елабужским купцам: Петру Капитоновичу Ушкову, Ивану Григорьевичу Стахееву, Феодору Прохоровичу Гирбасову и Николаю Дмитриевичу Стахееву, давшим мне своими значительными пожертвованиями возможность к немедленному печатанию нижепоименованных трех моих работ» [Учебник 1889: 255].

⁶ Г. Д. Фроловой указывается еще ряд публикаций этого педагога, имеющих возможное отношение к просвещению удмуртов и удмуртской филологии, в частности: Букварь для удмуртских и русских школ. Казань, 1878;

обучения в «иностранческих» («народных») школах, отвечавшие потребностям времени в преобразовании системы народного просвещения⁷.

Фронт работы В. А. Ислентьева на этом не заканчивается. Перспективы дальнейших исследований в области удмуртской филологии В. А. Ислентьев прописал в одной из своих книг: «В настоящее время производится мною изыскания в области грамматики вотского языка и обрабатываются словари: вотско-русский (около 5.000 слов), сравненный с языками — татарским и черемисским, русско-вотский объяснительный (более 15.000 слов) и славяно-вотский. К первому из словарей будет приложено «Пособие к систематическому изучению вотского языка» [Ислентьев 1889а: 160]. Удмуртско-русский и русско-удмуртский словари его в России были утеряны, но, к счастью, не навсегда: после долгих поисков удалось их обнаружить в Финляндии (подробнее об этом см.: [Кельмаков 1999]); однако дальнейшая судьба других упомянутых им трудов («Пособия к систематическому изучению вотского языка», «Славяно-вотского» словаря») неизвестна — возможно, они и не были написаны.

В своих учебно-методических пособиях по удмуртскому и русскому языкам для удмуртских школ В. А. Ислентьев поднимает широкий круг тем в области удмуртской филологии: вопросы лингводидактики, различные отрасли удмуртского языкознания (фонетика [Кельмаков 2011: 95—101], лексикография и лексикология, морфология, синтаксис) и переводческой деятельности. В этом ряду проблем важное место занимает литературно-творческое направление его деятельности, неразрывно связанное с переводческой.

3. Роль переводов в возникновении новой литературы

В 80-е — начале 90-х гг. XIX столетия, когда В. А. Ислентьев опубликовал огромное для своего времени собрание связанных переводных текстов на удмуртском языке с параллельными оригиналами на русском и/или церковнославянском языках⁸, удмуртская читающая публика имела в своем распоряжении весьма небольшой репертуар печатных материалов для чтения на удмуртском языке: переводы религиозных текстов с конца 40-х по 80-е гг. XIX в. [Еванг. Глаз. 1847; Еванг. Сар. 1847; Das Ewangelium 1863; Священная История 1877; Еванг. 1877; Еванг. 1882 и др.]; буквари и азбуки [Азбука Глаз. 1847; Азбука Сар. 1847; Блинов 1867; Букварь 1875; Букварь 1882 и ряд др.]; первый сборник образцов удмуртской народной словесности [Гаврилов 1880]; последующие издания произведений фольклора, осуществленные зарубежными и отечественными учеными Т. Г. Аминоффом [Aminoff 1886], Б. Мункачи [Munkácsi 1887], Н. И. Первухиным [Первухин 1888], Н. Н. Смирновым [Смирнов 1890], Ю. Вихманном [Wichmann 1893], С. Багиным [Багин 1897] и др.; первое оригинальное стихотворение, опубликованное Г. Е. Верещагиным [Верещагин 1889: 44—45] и т. д. Однако многие из них не доходили до адресата, поскольку были опубли-

Русский букварь и церковнославянская азбука для народных училищ. Казань, 1880; Письмо-чтение. Казань, 1880; Опыт методического руководства к преподаванию арифметики в народных училищах. Казань, 1881; Букварь и Первая учебная книжка для вотяков. Казань, 1885; Руководство к преподаванию грамоты и русского языка по Букварю, Первой учебной книжке и учебнику для вотяков. Казань, 1886; Учебник русского языка для вотяков Елабужского уезда. Елабуга, 1888; Учебник русского языка для вотяков. Казань и Елабуга, 1889; Словесные и письменные упражнения в русском языке. Казань, 1877; Первая учебная книжка для совместного обучения чуваш и русских. Елабуга, 1886; Курс русского правописания. Елабуга, 1886 (подробнее об этом см.: [Фролова 1996]). С некоторыми книгами В. А. Ислентьева можно ознакомиться через электронные каталоги библиотек: Российской национальной библиотеки, Научной педагогической библиотеки им. К. Д. Ушинского РАО, Национальной библиотеки Удмуртской Республики, Национальной электронной библиотеки.

⁷ См., например, следующие труды В. А. Ислентьева, подготовленные с опорой на базу данных, размещенную на сайте РГБ (<http://www.rsl.ru/>): Руководство к преподаванию русского языка иностранцам по «Учебнику для иностранцев, Ислентьева». Изд. 2-е, соверш. переработ. и значит. доп. Казань, 1901; Учебник русского языка для иностранцев: Кн. для кл. чтения и практ. упражнений в рус. яз.: (Опыт): В 3 ч.: По способу нагляд. обучения сост. Владислав Ислентьев, инспектор нар. уч-щ. 2-е изд. Ч. 1—2. Казань, 1900—1903; Способ обучения грамоте по букварю и первой учебной книжке В. Ислентьева: Руководство для учащихся / Сост. Владислав Ислентьев. Казань, 1886; Сборник образцов систематических диктовок к «Курсу русского правописания для начальных народных училищ и школ» Ислентьева, и Примерные письменные упражнения в пересказе статей по вопросам и планам, помещенным в той же книге: Пособие для нар. учителей и учительниц, с крат. дидакт. заметками и указаниями / Сост. Владислав Ислентьев. Казань, 1894. 62 с. и др.

⁸ Иногда тексты на удмуртском или русском языке помещены в одной и той же книге (практически рядом), а нередко оригинал и его перевод — в разных книгах. См. напр.: Ислентьев 1888: 141—250; 1889: 120—123, 130—132; 1889а: 57—59, 137—146.

кованы: 1) за пределами региона и чаще всего в труднодоступных для рядовых читателей печатных органах [Еванг. 1882]; 2) не всегда в точной записи (материалы Н. И. Первухина, Н. Н. Смирнова, С. Багина); 3) некоторые издания (труды Т. Г. Аминоффа, Б. Мункачи, Ф. Й. Видеманна) публиковались в транскрипции на латинской графической основе [Das Ewangelium 1863] и с параллельным переводом на финский (Т. Г. Аминофф), венгерский (Б. Мункачи) и немецкий (Ю. Вихманн) языки.

В такой ситуации появление учебно-методических пособий В. А. Ислентьева, содержащих не только огромное количество правильно и красиво составленных предложений, предназначенных для закрепления грамматических тем и правил, но и значительный корпус переводных текстов беллетристического, исторического, христианского, назидательного, учебного и пр. содержания и характера (стихотворений, басен, рассказов из бытовой жизни, новелл, библейских историй, притч, поучений и пр.), существенно расширило круг материалов для чтения учащимися-удмуртами (или просто желающими) в конце XIX в., временно восполняя собой отсутствие произведений оригинальной художественной литературы на удмуртском языке.

Обращение той или иной культуры к опыту чужих литератур исследователи связывают с определенными закономерностями. Абсолютное большинство молодых национальных литератур при своем возникновении и на первоначальном этапе развития обильно пользовалось переводами с других языков. «Наиболее ярко иноязычные влияния сказываются в периоды создания собственной литературы», — подтверждает Е. К. Ромодановская [Ромодановская 2010: 93]. В одном из учебников по истории русской литературы пишется: «Рассмотрение древнерусской литературы старшего периода мы начинаем с обзора литературы переводной. Это не случайно: переводы в XI—XII вв. в ряде случаев предшествовали созданию оригинальных произведений того же жанра. В целом Русь стала читать чужое раньше, чем писать свое. Но не следует видеть в этом какое-то свидетельство «неполноценности» культуры восточных славян. Все европейские средневековые государства «учились» у стран, наследниц многовековой античной культуры Древней Греции и Рима. Для Руси важнейшую роль в этом отношении сыграла Болгария и Византия» [ИРЛ 1980: 36]. В другом — новейшем — учебнике древнерусской литературы отмечено, что на Русь с принятием христианства пришла большая книжная продукция, переведенная с греческого языка «болгарскими книжниками. При этом на Руси между литературным (старославянским) разговорным (древнерусским) языками не существовало такой пропасти, как в странах Западной Европы, где большинство прихожан не понимало церковной проповеди, читавшейся на латинском языке. Близость книжного и разговорного языков, безусловно, способствовала интенсивному литературному строительству, ускоренному процессу развития литературы Киевской Руси» [Травников, Ольшевская 2007: 28—29]. Так, с принятием христианской веры из Византии и Болгарии потоком хлынула на Русь переводная литература, и, как пишут специалисты, она привела с собой и утвердила в русской литературе такие пять жанров, как: 1) «Историческое повествование»; 2) «Агиографическая литература»; 3) «Торжественное и дидактическое красноречие»; 4) «Апокрифическая литература» и 5) «Естественнонаучная литература» [Травников, Ольшевская 2007: 29—51].

Аналогичный процесс имел место также и в истории возникновения и развития одной из самых ранних финно-угорских литератур — венгерской. Самый древний стихотворный литературный памятник финно-угорского мира — «*Ó-magyar Mária-siralom*» («Ранневенгерский плач Марии») — был составлен на рубеже XIII—XIV вв. как «свободная стихотворная обработка средневековой темы латинских стихов» [Майтинская 1955: 17—18]. Применительно к истории удмуртской литературы финно-угровед П. Домокош, высоко оценивая значение переводной литературы, писал: «⟨...⟩ Переводы уже несут в себе самостоятельную функцию, в известной мере, литературу подготавливают, уточняют и обогащают язык, устанавливают рамки литературных жанров и дают вдохновение, стимул и пример. Поэтому и непонятно, что историки литературы не признают этот ранний период своей литературы. ⟨...⟩ Этот период исключается из области исследования, хотя ему мы обязаны созданием письменности и ее технической подготовки, и он в процессе культурного развития является предпосылкой для более высокой ступени» [Домокош 1993: 173]⁹.

⁹ Созвучная мысль высказана недавно и удмуртским специалистом в области художественных переводов: «⟨...⟩ Явление “переводная художественная литература” вбирает в себя, на наш взгляд, не только переводные тексты светской литературы, но и так называемую первооснову — переводные тексты религиозной тематики. ⟨...⟩ Клерикальный пласт в истории развития любой национальной литературы играет колоссальную роль в процессе формирования ее самобытного “лица”. Не является исключением и удмуртская литература, поэтому изучение генезиса данного вопроса не может быть полным без привлечения переводов религиозно-духовной литературы» [Пантелеева 2016: 136].

4. Ислентьевские переводы текстов различного содержания и стиля на удмуртский язык

По поводу своего обращения к переложениям «чужих» текстов В. А. Ислентьев пишет: «⟨...⟩ Хотя и встречаются на вотском языке переводы некоторых книг, а также молитвенники и буквари, составленные в последнее время, но написаны они не на елабужском наречии; прежде же изданные книги, кроме того, страдают переводом, не свойственным духу и конструкции вотского языка, а потому и непонятны для простолюдинов. Итак, неимение книг на вотском языке, совершенное отсутствие учебников для первоначального обучения инородцев, незнание вотского языка преподавателями и, вообще, громадные затруднения, встречаемые учителями и учительницами при обучении вотяков в русских школах, а также ничтожные результаты, достигаемые в обучении вотяков по русским книгам, — все это побудило меня к составлению необходимых для обучения вотяков книг в духе Православной Христианской религии. И я считаю себя счастливым, что наконец-то могу вложить мою лепту в сокровищницу просвещения инородцев!» [Ислентьев 1889б: 1].

Составленные В. А. Ислентьевым «Букварь...», «Учебник...» и «Руководство...» объединены между собой и вкуче представляют из себя своеобразную циклическую форму издания. Эти книги, предназначенные для обучения удмуртских детей, содержат достаточно обширный текстовый материал. Из представителей интеллигенции XIX в., пожалуй, никто не предложил удмуртскому читателю такое обилие переводных текстов на удмуртском языке светского и религиозного содержания¹⁰. При этом, исследователи отмечают разумную степень влияния конфессионального фактора на национальные (в том числе удмуртские) учебные издания XIX в. [Мошкова 2013: 274]. Содержащиеся в рассматриваемых трудах В. А. Ислентьева упражнения для чтения взаимодополняют друг друга, являются взаимообусловленными и взаимозависимыми. При таком расположении материала, как правило, текст из одной книги является «ключом» для второго текста из другой книги, причем значительное место отведено переводам с русского языка на удмуртский, и — с удмуртского на русский. В этом отношении издания удобны тем, что сохраняется возможность презентации аутентичного материала в неискаженном виде, сообразно авторским представлениям.

5. Об учебно-методических пособиях В. А. Ислентьева для удмуртских детей

«Букварь...», созданный «по способу наглядного обучения», был для своего времени авангардным изданием, обучение по нему детей предполагало использование разных методов (звуковой анализ слова, рисование по сетке), наглядных пособий (картина, рисунок, изображение, подвижные карточки с печатными буквами в цвете), выполнение гимнастических упражнений, проговаривание задания хором или индивидуально и др. «Коллекции предметов, необходимых для наглядного объяснения в классе, учитель без особенного труда может составить сам: при всяком удобном случае он собирает образчики тканей, металлов, камней, деревьев, древесных листьев трав, семян, насекомых и проч. И хранит их, распределив по разрядам, в училищном шкафе», — отмечает В. А. Ислентьев [Ислентьев 1889а: 55]. Каркас «Букваря...», «Учебника...» и «Руководства...» составляли развивающие упражнения, направленные на знакомство ученика с сокровищницей родного языка, образным и духовно-православным миром. Тексты для чтения в «Букваре...» и «Учебнике...» четко разграничены. Один из разделов (условно — «светская часть») состоит из текстов, для содержания которой характерна эклектика, другой раздел (условно — «религиозная часть») — из конфессионально ориентированного материала. Первые упражнения, подготавливающие ученика к чтению, представляют собой лаконичные фразы афористического толка: *Атай анайдэ котьку кылзы* ‘Отца и мать всегда слушайся’¹¹ [Ислентьев 1889: 27; 1889а: 41], *Нокуно муртэ эн алда, ул шонер* ‘Никогда другого не обманывай, живи честно’ [Ислентьев 1889: 28; 1889а: 41], *Удж бордын шаплы выр!* ‘Около дела скорее поворачивайся’ [Ислентьев 1889: 29; 1889а: 42], *Визьмо адями вань-зэ визьмо уджа* [Ислентьев 1888: 47] ‘Грамотный человек работает грамотно’ и др. Многие примеры демонстрируют практически необходимые знания: *Дэра гужа юж вылын* ‘Холст белеет на крепком весеннем снегу’ [Ислентьев 1889: 25; 1889а: 39], *Мушумортёсыз толалтэ педло уг кельто* ‘Зимой на дворе

¹⁰ По словам В. Г. Родионова, произведения русского фольклора и российских классиков, вошедшие в «Первую учебную книжку для совместного обучения чуваш и русских» (Казань, 1882) В. А. Ислентьева, «служили в роли антологии переводов» [цит. по: Мефодьев 2008: 54].

¹¹ Здесь и далее при возможности приводятся переводы на русский язык из книг В. А. Ислентьева («Букваря...», «Учебника...» или «Руководства...»), в остальных случаях подстрочный перевод текстов сделан авторами статьи и размещен за источником. — В. К., А. К.

ульев (с пчелами) не оставляют» [Ислентьев 1889: 32], *Сеттэк троссэ чорыгез ут куты* [Ислентьев 1888: 86] ‘Без сети много рыбы не поймашь’ и др. В число учебных материалов входят разнородные сведения из области естествознания: *Арня кусын сизьым нунал* ‘В неделе семь дней’ [Ислентьев 1889: 27; 1889а: 41], *Толзэ кусын ньыль арня но кык нунал* ‘В месяце четыре недели и два дня’ [Ислентьев 1889: 27; 1889а: 41], *Дзёргыли липет улэ карьяське* ‘Воробей под крышей гнездится’ [Ислентьев 1889: 30; 1889а: 42], *Чюньы кыч душеслэсь кужмо* [Ислентьев 1888: 54] ‘Орел сильнее ястреба’ и др. В ислентьевские книги также включены нравоучительные изречения из Священного Писания, направленные на духовно-нравственное воспитание учащихся, что является традиционным для подобных трудов данной эпохи: *Арня нынал вёсяськем понна уждэ Иньмар азыланьтэ* ‘Ходи по воскресным дням к обедне молиться Богу’ [Ислентьев 1889: 32; 1889а: 42], *Яраты бачкоэз: со тынад лулыд понна сюлмаське но вёсяське* ‘Почитай священника: он заботится о твоей душе и молится о ней’ [Ислентьев 1889: 41; 1889а: 47], *Иньмарлы вёсяське мылынкыдын* [Ислентьев 1888: 38] ‘Молитесь Богу искренне’ и др.

6. О жанровом многообразии переводных текстов в учебниках В. А. Ислентьева

Содержащиеся в хрестоматийной части «Букваря» и «Учебника...» тексты в большинстве своем — конфессионально ориентированной тематики. Данный материал «для первоначальных упражнений в чтении» в «Букваре...» представлен 15 единицами, которые В. А. Ислентьев называет «небольшими статьями»¹² [Ислентьев 1889а: 48]. Более богатый текстовый материал размещен в «Учебнике...» в разделе «для упражнения в чтении, переводе, рассказе и заучивании наизусть». Вошедшие в этот труд примеры В. А. Ислентьев также называет коротенькими или короткими статьями [Руководство 1889: 136]. Тексты, попавшие в эту подборку, разнообразны в жанровом и содержательном отношении. В основном, это естественнонаучный (природоведческий), литературно-художественный и религиозный материал. Упор сделан на прозаические и поэтические тексты. В ислентьевских книгах тексты не имеют указаний на жанр, не указаны и их авторы (имеется лишь определение «образцовых писателей» [Ислентьев 1889а: 137]). Составитель «Учебника...» отмечает, что книгу «составляют рассказы, басни, стихотворения и статьи исторического содержания»¹³ [Ислентьев 1889а: 136]. О некоторой части произведений русской литературы и народной словесности, которые в оригинале и в переводах были включены, к примеру, в его «Учебник...», В. А. Ислентьевым самим сообщается следующее: «Из статей хрестоматии»¹⁴ предлагаются для заучивания наизусть — народный гимн, 14 стихотворений, 2 басни и 1 статья в прозе, именно: стихотворения — «Утром» Одоевского, «Перелетная птичка» Жуковского, «Беззаботная птичка» Пушкина, «Христос Воскресе» из Волжск. Вестника, «Изленившийся крестьянин» Кольцова, «Зима» Никитина, «Боже, Царя храни» Жуковского, «Всеношная» Аксакова, «Зимняя ночь в деревне» Никитина, «Монастырь» Козлова, «Пахарь и его лошадка» Кольцова, «Нива» Жадовской, «Урожай» Кольцова и «Жаворонок» Жуковского; басни — «Дикий Цветок и Две Мухи», басня в прозе — «Ворон и Сорока» Ушинского. Кроме того, полезно будет заучить наизусть, с переводом на вотский язык, след. пословицы и поговорки: «При солнышке тепло, при матери добро», «С огнем не шути: от искры сыр бор загорается», «Праздность есть мать пороков», «Жалей Божье создание, и тебя пожалеют», «Будь гол, да не вор», «Будь беден, да честен», «Без Бога ни до порога, а с Богом хоть за море», «Учись доброму, так худое на ум не пойдет», «Зла не помни, добра не забывай», «Кто рано встает, тому бог подает»¹⁵ [Ислентьев 1889а: 137]. Также Т. Г. Волкова констатирует, что произведение «Из» («Камень») является «переделкой

¹² Следует заметить, что К. Д. Ушинский свои рассказы на самые разнообразные темы, написанные для «Родного слова», также называл «статейками» [Ушинский 1949: 11].

¹³ Данное разъяснение В. А. Ислентьева распространяется на определенные тексты из «Учебника...», а именно — на 22 статьи со страниц 161—174.

¹⁴ «Хрестоматией» автор называет две заключительные части из «Учебника...»: «Отдел II. Для упражнения в чтении, переводе, рассказе и заучивании наизусть» (всего 73 текста светского содержания и «Рассказы из священной истории» / «Священной историйись веран кыллэс») и «Отдел III. Церковно-славянское чтение», состоящий из избранных библейских рассказов и молитв [Ислентьев 1888: 141—250].

¹⁵ Удмуртские переводы этих произведений русской народной паремии, старательно выполненные переводчиками под руководством В. А. Ислентьева, на указанных им страницах «Учебника...» таковы: *Шунды дыръя шуныт, мумы дыръя дзеч-бур; Тылын эн шуд: одыг тыл-кизиллэсь сутсыкыны кутське ыльысь яг нюлэс-но; Азьтэммон вань уродлэн анаез (мумиз); Иньмарлэсь сётэм лулэз жаля, но тонэ но жалялозы; Вор лутозь гольык лу; куанерке но шонер лу; Иньмартэк ёс кусыпозь но уд вуы, Иньмарен жаризь (мора) съоры но вуод; Дышетскы дзечлы но уродэз йырвизьмад уз лыкты; Уродэз эн малпа, дзечез эн вунэты; Киньке вазь султылэ, солы Иньмар сётэ* [Ислентьев 1888: 145—149, 161, 163].

с немецкого языка», «Кресян но солэн піосыз» («Крестьянин и его сыновья») — «переработкой притчи из книги для чтения Паульсона», что засвидетельствовано самим В. А. Ислентьевым в «Учебнике русского языка для инородцев» (1901) [Волкова 2005: 52—55].

Авторов некоторых произведений, использованных в учебниках В. А. Ислентьева в оригинале и в переложении на удмуртский язык, можно реконструировать. Сложнее обстоит дело с атрибуцией названий прозаических и стихотворных текстов: авторские это номинации или заглавие было перенято из того источника, которым пользовался составитель. Следует отметить, что большая часть материалов в «Букваре...» и «Учебнике...» приведена в сокращении. Обозначим некоторых авторов стихотворений: «Начало весны»¹⁶ («Тулыслэн кутськонэз») — автор А. Н. Плещеев, «Изленівшийся крестьянин» («Азьтэмэм кресян») — автор А. В. Кольцов, «Когда это?» («Та кю?») — автор Н. П. Греков, «Зима» («Гол») — автор И. С. Шмелев, «Поле и школа» («Бусы но дышетскон-корка») — автор К. Д. Ушинский и многие другие. Если имена творцов большинства стихотворений можно восстановить, то авторов прозаических текстов — в очень редких случаях.

Попытка жанровой дифференциации текстов из «Букваря...» предпринята Т. Г. Волковой. По ее мнению, произведения «Пичи-тылобурдо кар-дораз» («Птичка у гнезда»), «Пукись курег» («Курица-наседка»), «Пукись курег но душес» («Курица-наседка и ястреб»), «Дзёргылиос но писэй» («Воробы и кот») близки к маленьким рассказам-миниатюрам; «Пукись курег но душес» («Наседка и ястреб»), «Дзёргылиос но писэй» («Воробы и кошка») соотносятся с притчей; «Гриша но сукур-мурт» («Гриша и слепец»), «Огназы кылем тлобурдо-піос» («Птички-сиротки»), «Куанер пал-кышно» («Бедная вдова») близки к очерку; «Дзеч-мылокыдо Настя» («Добрая Настя»), «Лизалэн букваосыз» («Буквы Лизы») являются мини-очерками [Волкова 2005: 45].

В целом, в число более чем полуторасотни текстов (на русском и удмуртском или на удмуртском и русском языках), включенных в «Букварь...», «Учебник...» и «Руководство...» В. А. Ислентьева, вошли: государственный гимн Российской империи; бытовые рассказы, басни и притчи с назидательной концовкой; познавательные очерки о предметах и явлениях природы, культовой и хозяйственной жизни; рассказы о важнейших эпизодах из гражданской истории России; библейские сюжеты; традиционные христианские молитвы; молитвы, придуманные для особых случаев; пословицы и поговорки; правила из русской грамматики, преподнесенные в доступной для детей форме (они могут быть квалифицированы как образцы возникающего научного стиля на удмуртском языке); и т. д., и т. п.

Связные тексты для чтения в «Букваре...» и «Учебнике...» по тематике корреспондируют с крестьянским бытом, природой, миром флоры и фауны. Их смысл сконцентрирован на теме воспитания в детях христианских добродетелей (веры, милосердия, умеренности, доброты и т. п.) и созвучен с эстетической рефлексией просвещенческой традиции XIX—XX вв.

Рекомендуемые для чтения в «Букваре...» и «Учебнике...» прозаические повествования в большинстве своем представляют собой небольшие рассказы. В некоторых случаях в прозаической форме репрезентируются и переводные стихотворения: «Чукна» («Утром»), «Пбсь-интье кошкылъись тылобурдо» («Перелетная птичка»), «Черкын джытазе кема вбсьскон» («Всенощная»), «Дзеч-кбтьем кураьскысь» («Добрый нищий»)¹⁷ и др. Запись стихотворений в виде прозы, видимо, было привычной практикой в издательской деятельности учебных книг XIX—XX вв. В «Родном слове» К. Д. Ушинского подобным образом, к примеру, представлены стихи «Маленький мужичок», «Зимний вечер», «Зимнее утро» [Ушинский 1949: 187, 190].

7. Об особенностях перевода прозаических и стихотворных произведений русских авторов

Среди такого многообразия произведений отдельного внимания заслуживают два жанра: русские стихотворения и басни, представленные в книгах В. А. Ислентьева в стихотворной и прозаической формах. Важно, в каких формах они переведены на удмуртский язык:

1) в стихотворной форме, напр.: «народный гимн» «Боже, царя храни!» («Иньмаре, Эксэймес уть!»), «Утром» («Чукна») и др.;

2) в форме, весьма приближающейся к стихотворению (ритмизованной прозой, в которой более или менее прослушиваются цезуры), напр.: «Перелетная птичка» («Пбсь-интье кошкылъись тылобурдо»);

¹⁶ Здесь и далее ударения в цитируемых примерах из книг В. А. Ислентьева расставлены самим автором, вероятнее всего, в целях правильного произношения слов детьми.

¹⁷ Включенное в «Учебник...» стихотворение К. А. Петерсона на русском языке «Бог не оставляет сирот» также оформлено в прозаической форме [Ислентьев 1888: 164].

«Христос Воскрес!» («Христос Улзиз!»); «Начало весны» («Тулслэн кутськонэз»); «Изленившийся крестьянин» («Азътэмме кресьян»); «Когда это?» («Та кую?»); «С вечера всё спится» («Джытгысенъик изем потэ»); «Зима» («Тол»); «Зимняя ночь в деревне» («Тол уй гуртын»); «Пахарь и его лошадка» («Гырьсь но солэн валез»); «Нива» («Ю-бусы»); «Жаворонок» («Турагай») и др.;

3) прозой, напр.: «Беззаботная птичка» («Сюлмаськонэз тодысьтэм пичи тлобурдо»); «Поле и школа» («Бусы но дышетскон-корка»); «Всенощная» («Черкын джытазе кема вöсьськон»); «Добрый нищий» («Дзеч-көтъем курастькись»); «Монастырь» («Манастыр»); «Хозяйство изленившегося мужика» («Азътэмме воргоронлэн юрт-утэнэз»); «Дикий цветок» («Бусы (кыр) сяська»); «Две мухи» («Кык кут»); «Урожай» («Ю-удалтон») и др.;

4) сочетанием стихотворной формы с прозой («Бóже, Царя храни!» («Иньмаре Эксэймес уть!»).

Проиллюстрируем вышесказанное на некоторых примерах. Так, произведение «Чукна» («Утром»), являющееся обработкой стихотворения В. Ф. Одоевского «Утренняя песня», в одном случае представлено в прозаической форме, в другом — строфически оформлено как стихотворение. Так или иначе, в обоих случаях заметно оперирование автора навыками стиховых приемов (ритма и рифмы):

II. Утром

Встань поутру, не ленись!
С мылом вымойся, утрись!
Частым грёбнем причешишь,
Да и Бóгу помолишь.

[Ислентьев 1888: 142].

II. Чукна

Султы чукна, эн азътэмчы!
Майталэн мисътаськы но чучкы!
Чылкыт сынэн сынаськы,
Но сòбòре Иньмарлы вöсьськы.

[Ислентьев 1888: 142]

Следует заметить, что «Утренняя песня» В. Ф. Одоевского являлось «мнемоническим стихотворением» — новым типом произведений, введенным в детскую литературу самим поэтом. Такие произведения «хорошо сочетались с детской деятельностью и облегчали усвоение детьми учебных норм и этических правил поведения, а также целенаправленно тренировали память, т. е. носили ярко выраженный обучающий характер» [Василенко 2007: 15]. Возможно, именно поэтому В. А. Ислентьев обратился к переложению этого произведения, в котором органически соединены религиозные и светские цели воспитания, тема чистоты духовной и телесной.

Другому произведению «Пòсь-интьё кошкылъсь тылобурдо» («Перелётная птичка»), являющемуся обработкой стихотворения В. А. Жуковского «Птичка», В. А. Ислентьев придал графический вид прозы:

Пичи-тылобурдо лоба, пичи тылобурдо шудэ, пичи-тылобурдо чирдэ (кырзя). Пичи-тылобурдо лобаз, пичи-тылобурдо шудъиз, пичи-тылобурдо öвлнъи! Кытынось тон, пичи-тылобурдое? Кытынось тон чирдъисе? Кыдөкись музеймын пичи кардэ лэсьтиськод тон: отынъик чирдъиськод тон аслэсьтыд кырзян-гурдэ [Ислентьев 1889: 47].

Оригинал стихотворения, представленный в «Учебнике...» В. А. Ислентьева, имеет строфическую организацию:

Птичка летает,
Птичка играет,
Птичка поёт;
Птичка летала,
Птичка играла,
Птички уж нет!

Где же ты, птичка?
Где ты, певичка?
В дальнем краю
Гнездышко вьешь ты:
Там и поешь ты
Песню свою.

[Ислентьев 1888: 143].

Переложенный вариант стихотворения В. А. Жуковского на удмуртский язык построен с соблюдением ритмо-рифменной структуры и смыслового пространства.

Однако, некоторая часть стихотворений русских поэтов, помещенных в «Учебнике...», в процессе перевода (их варианты представлены в книге «Руководство...» [Ислентьев 1889а: 137—146]) подверглись серьезной деформации и оказались «свободными» от ритмо-, рифмо-, строфических обязательств.

Такое многообразие передачи стихотворного оригинала в переводах на удмуртский язык можно связать с тем, что уже в 80-е гг. XIX столетия, спустя более века после появления первых двух удмуртских стихотворений в 1769-м и 1782-м гг., возобновились активные попытки найти стихотворное выражение поэтической мысли на удмуртском языке¹⁸, в конечном итоге нашедшие блестящее

¹⁸ Л. Арутюнов и В. Танеев отмечают, что «(...) литература сначала научилась разговаривать языком поэзии, а не прозы» [Арутюнов, Танеев 1972: 5], и удмуртская литература в этом отношении не исключение.

воплощение в оригинальном произведении «Чагыр, чагыр дыдыке» («Сизой, сизой голубочек»), опубликованном Г. Е. Верещагиным в 1889 г.

«Светскую часть» «Букваря...» и «Учебника...» также составляют тексты-рассказы, содержащие сведения из области сельского хозяйства, медицины, естествознания, истории и др. Включение разнородных по содержанию произведений в учебные книги В. А. Ислентьева можно объяснить общей нацеленностью ранней провинциальной словесности «на выполнение сверхлитературных, практических задач: познавательных, просветительских, исследовательских» [Лимерова 2012: 181]. Например, рассказы «Урмем пуны» («Бешеная собака»), «Кіон мулы» («Волчьи ягоды») призваны научить ребенка избегать опасностей. Работа над переводом на удмуртский язык текстов «Огород» («Бакча»), «Вода» («Ву»), «Дерево и трава» («Сылгысь-пу но вож гуждор») и др. направлена на получение новых полезных знаний об окружающем мире. Религиозная социализация детей достигалась за счет знакомства с «главнейшими молитвами» и реалиями христианской культуры. Предложенные в «Учебнике...» для перевода тексты («Красный угол» — «Төр сэрег», «Изба» — «Корка», «Черк» — «Церковь», «Евангелие в доме» — «Юртгысь (гуртысь) Евангелия кыныга» и др.), вероятно, были нацелены на воспитание в детях религиозных чувств. Рекомендованные для переложения на удмуртский язык тексты «Святослав», «Обращение Владимира и испытание веры», «Крещение святого Владимира и киевлян» и др. входят в раздел «Статей исторического содержания» и близки к житиям, в которых раскрываются чудесные подвиги героев, описывается принятие им Святого крещения. В данных текстах конфессиональная тематика тесно связывается с исторической.

Рассказы и стихи, содержащиеся в «Букваре...» и «Учебнике...», погружали детей в православноорганизованный мир. Например, в мини-рассказе «Визмо Ваня» («Умный Ваня») моделируется поведение православного человека, раскрывается его внутренняя дисциплина: *Ваня дышетсконгысь бертъиз дораз но кырызяз молитваэз Богородице Дѣво! (Иньмарез вордэм Ныл) но атаез анаез мактазы (ушгъязы) сое. 'Ваня пришёл домой из училища и спел молитву — «Богородице Дево!» Отец и мать похвалили его'* [Ислентьев 1888: 142; 1889: 46]. Подобные тексты являлись примером воспитания детей в духе православной веры еще и на поведенческом уровне. Практика ритуального поведения в бытовых условиях раскрывается и в других рассказах: «Гырыны кутскон азь» («Перед началом пашины»), «Святая книга» («Святой кыныга») и др. Заметно, что подборка заимствованных текстов для чтения и перевода во многом организована В. А. Ислентьевым с учетом присутствия в них тем, связанных с реалиями православного миропонимания:

Выйдет пахарь на дорогу,
Взглянет весело вокруг;
Помолясь усердно Богу,
Бодро примется за плуг.

[Ислентьев 1888: 146].

*Гырысь потоз сюрес вылэ,
Шумпотса котрак учкозь;
Мылыкыдын Иньмарлы вöсяськыса
Сюлмись геры бордаз кутськоз.*

[Ислентьев 1888: 146].

Или:

Люди падут поле,
Зерном посыпают;
Дети ходят в школу
Слово Божье слушать.

[Ислентьев 1888: 150].

*Калыкъ бусьез гыре,
Кидысэн пазяло;
Пиняльлэс дышетскон-корка ветло
Иньмарлэсь Кылзэ кылзыны.*

[Ислентьев 1888: 150].

Во многих рассказах, помещенных в «Учебнике...» и «Букваре...» (варианты на русском языке представлены в «Учебнике...»), заложен характер моральных наставлений, советов и подтекстов («Гриша но сукур-мурт» — «Гриша и слепец», «Дзеч-мылокыдо Настя» — «Добрая Настя», «Куанер пал-кышно» — «Бедная вдова», «Огназы кылем тлобурдо-пиос» — «Птички-сиротки», «Сугон калыча» — «Пучок лука» и др.). Некоторые произведения, при этом, резюмируются пословично-поговорочными изречениями: *Шунды дыръя шуныт, мумы дыръя дзеч-бур* 'При солнышке тепло, при матери добро' [Ислентьев 1888: 145; 1889: 48], *Вань адземдэ гинэ эн сйы: астэ утялты* 'Не всё то ешь, что видишь: будь воздержен' [Ислентьев 1888: 148; 1889: 48], *Пересьлэн (мбйы-муртлэн) чыдэчкемез (ял каремез) потэ, пинялэн бон шудэмез* 'Старому хочется отдохнуть, а молодому играть' [Ислентьев 1888: 150] и др.

Следует отметить, что в учебную часть «Букваря...» также включен русско-удмуртский «разговорник», обозначенный как «Разговоры», в котором продемонстрированы некоторые примеры для ведения беседы.

8. Блок конфессионально направленных переводных текстов

Неотъемлемой частью учебных книг являлся «конфессиональный блок». Не являются исключением и учебные издания для удмуртских детей, составленные В. А. Ислентьевым, в которых содержались церковнославянская азбука, цифровое значение церковнославянских букв, тексты религиозного содержания. Наибольший удельный вес в этом перечне занимали молитвенные тексты. На страницах ислентьевских учебников размещены «краткие молитвенные изречения» на удмуртском языке с параллельной подачей их вариантов на русском или церковнославянском языках. По пояснению В. А. Ислентьева, в преподавание входило обучение детей пению молитвы с голоса на удмуртском и русском языках, что способствовало усвоению текста и «возбуждению благоговейного настроения» [Ислентьев 1889б: 55]. В целях верного ведения пения молитв, Владиславом Алексеевичем в «Руководстве...» приведены удмуртские тексты молитв «в переложении на ноты простого напева» [Ислентьев 1889б: 55]. По этому поводу он пишет: «В виду легкости изучения цифирных нот и больших затруднений по печатанию линейных нот в казанских типографиях, я воспользовался любезным предложением учителя Елабужского городского трехклассного училища Е. С. Лебедева по переложению им на цифирные ноты всех главнейших молитв, помещенных в вотском букваре и учебнике. Символ веры на вотском языке, положенный г. Лебедевым на цифирные ноты, дан в своем месте (...)» [Ислентьев 1889б: 56].

Моделирование обучения в духе православной традиции достигается и за счет включения в книгу дополнительных материалов религиозного толка: благочестивые наставления, отрывки стихов из глав Евангелий от Матфея, от Марка, от Луки, от Иоанна, «Рассказы из священной истории Ветхого Завета и краткое объяснение двенадцатых праздников», «Символ веры» и «Десять заповедей Закона Божия». Как известно, библейские истории весьма интенсивно и традиционно использовались в учебном процессе в дореволюционной школе. В целом, текстовый материал «Букваря...» и «Учебника...» конструируется в религиозно-светском дискурсе и подкрепляется визуальным рядом, который подчинен сюжетному повествованию природоведческого, бытового или конфессионального порядка.

Наглядные примеры текстов с параллельным переложением на удмуртский язык демонстрируют алгоритм переводческих техник и операций В. А. Ислентьева. «Хрестоматийную» основу его «Букваря...» и «Учебника...» составляли небольшие по объему, адаптированные для детей извлечения из научно-популярных, фольклорных, церковных и художественных произведений, которые носили просветительский, воспитательно-познавательный характер. Не исключено, что материалы были заимствованы составителем из других учебных книг, имевшихся у него в распоряжении. Как правило, в случае презентации произведения на удмуртском языке параллельно предлагался его базовый текст, в случае подачи произведения на русском языке — рекомендовался переложенный вариант на удмуртском языке. Несколько иначе обстоит дело с текстами «Из» («Камень»), «Завещание» («Улон вапун веран»), «Кресян но солэн піосьыз» («Крестьянин и его сыновья»), «Черк» («Церковь»). В данном случае В. А. Ислентьевым предложены в «Учебнике...» переложения на удмуртском языке, а в «Руководстве...» представлены исходные тексты (на русском языке) с параллельным дословным переводом удмуртскоязычных версий (из «Учебника...») на русский язык. По этому поводу составитель замечает: «Помещая здесь дословные переводы статей, напечатанных в хрестоматии на вотском языке (...), мы имеем в виду нагляднее показать строй вотских предложений и особенность грамматических форм вотского языка, и таким образом дать учителю возможность, чрез сравнение подстрочных переводов, глубже вникнуть в дух языка, знание которого для него так необходимо» [Ислентьев 1889б: 141]. Таким образом, составитель попутно обращается к проблемным вопросам перевода.

9. Проблемы удмуртской лексикологии в переводных текстах и упражнениях учебных пособий

Обращение В. А. Ислентьева к опыту «чужих» культур посредством переводов закономерно требовало творческого освоения их жанрового репертуара. Имеющиеся в распоряжении просветителя произведения явились основой для обогащения формирующейся удмуртской литературы «рабочим» жанровым инструментарием. В. А. Ислентьев внедряет новые для национальной словесности жанровые номинации на удмуртском языке: басня — *пӧльлӧн, кузь мадӧн-кыл*; песня — *кырзян-гур* [Ислентьев 1888: 64]; молитва — *вӧськыл* [Ислентьев 1888: 93]; завещание — *улон вапун веран* [Ислентьев 1888: 163]; притча — *пӧльлем кыл* [Ислентьев 1888: 217] и др.

Учебники В. А. Ислентьева дошли до удмуртского читателя в то время (конец XIX в.), когда еще не было сложившегося единообразного литературного языка. С этим и другими сопутствующими факторами связаны и некоторые особенности его трудов, предназначенных для удмуртского читателя. Язык ислентьевских переводов, сочетающий в себе южноудмуртскую языковую стихию с некоторыми элемен-

тами и синонимическими вставками из срединных и северных говоров, оказывается весьма близок к современному литературному языку, в особенности к его южноудмуртской «разновидности». Вероятно, В. А. Ислентьев владел удмуртским языком не в совершенстве, и переводы текстов с русского и церковнославянского языков на удмуртский в конечном итоге уточнялись и усовершенствовались другими лицами. Да он и сам не скрывал этого: «Переводы помещенных в учебнике упражнений и статей сделаны под моим руководством, учителями из вотяков — Василием Семеновым, окончившим курс учительской семинарии, и Иваном Павловым, хотя и не имеющим звания учителя (обучает в церковно-приходской школе), но опытным в переводах и хорошо говорящим по-русски. Переводы же молитв и более трудных мест из Евангелия были проверены при помощи священника из с. Можги о. Иоанна Люперпольского, охотно согласившегося принять участие в составленной мною комиссии для проверки и исправления наших работ» [Ислентьев 1889: 1].

Эти слова могли бы служить аргументом в пользу игнорирования (против признания) определенной роли В. А. Ислентьева в удмуртском литературном процессе в 80-е гг. XIX в. Но несомненно одно: независимо от того, какую долю участия принимал лично сам В. А. Ислентьев, с одной стороны, и его коллеги и консультанты, — с другой, в подборе, составлении и переводе текстов на удмуртский язык с целью включения их в учебные пособия, не будь его самого, не было бы и учебников, не было бы переводов, которые — при почти полном отсутствии удмуртских оригинальных художественных произведений и достаточного количества популярно изданных текстов удмуртского фольклора — пропагандировали в среде читающей публики (учителей и грамотных учеников-удмуртов) тексты различного характера и содержания на удмуртском языке. Поэтому нельзя умалять роль В. А. Ислентьева в создании в конце 80-х гг. XIX в. популярной литературы для чтения на удмуртском языке, что определяет его вклад в начальный этап развития истории удмуртской литературы.

Аналитический обзор учебников, составленных В. А. Ислентьевым для удмуртского пользователя, позволяет сделать вывод о том, что он впервые обратил самое серьезное внимание на удмуртские синонимы — «подобозначащая слова» — в связи с методическими потребностями: «Во многих выносках, помещенных на страницах учебника, приведены вотские слова, служащие синонимами данным в тексте словам: эти подобозначащая слова дают учителю средство для более обстоятельного объяснения детям того или другого русского слова, мало понятного вотякам, или, иногда, могут и вполне заменить помещенное в учебнике слово, если бы случилось, что ученики не вполне понимали его, или — когда введенное в текст слово употребляется в данной местности в ином, против приданного ему, значении, как на то и указывается в самых выносках» [Ислентьев 1889б: 63]. И самое важное — эти слова оказались не просто декларациями, автор рассматриваемых учебников пользовался как лексическими, так и грамматическими синонимами не только в «выносках», но и — повсеместно и обильно — в упражнениях, составленных на удмуртском языке, напр.:

а) **лексические** (лишь в пределах одного упражнения!): *Шыррьёс чушьяллэсь курдало (кышкало)* ‘Мыши боятся ежэй’. *Нылпиослэн кудкемында тупъёссы (мечъёссы)* ‘У детёй несколько мячэй’. *Гуртын узыррьёс (бай-муртъёс) өвёл но трос кужмо-муртъёс* ‘В деревне нет богачёй, но много силачэй’. *Эн сяла куй-вуэ (колодеце), вуэз юод* ‘Не плюй в колодец: будешь воду пить’. *Усьтэтьёстэк тунгонъёсыз эн усья (куличъёстэк замокъёсыз эн усья)* ‘Без ключёй замков не отпирай’ [Ислентьев 1888: 95; 1889б: 113];

б) **грамматические**: *Зарниэз но кортэз адыюс шетто музьемись (музьем пучкись)* ‘Золото и железо люди находят **внутри земли**’ [Ислентьев 1888: 79; 1889б: 103]. *Ылм вóзтъи (ымлэсь палэнтъи) пунез уд óрчыты* ‘**Мимо рта** лóжку не пронесёшь’ [Ислентьев 1889б: 102—103; 1888: 79]. *Манастырлэн куанер черкезлэсь гырлыёссэ басьтыса, соос кошкыны шетало (медэмзы) выгыльляям иньи-но, йыро-милляям* ‘Снял колоколá у бедного хра́ма обíтели, онí **хотели было уйти**, но заблудились’ [Ислентьев 1889б: 142—143; 1888: 163] и др.

Синонимическим богатством удмуртского языка В. А. Ислентьев пользовался не только при переводе отдельных предложений в упражнениях, но и в переводах связных текстов, причем тремя основными способами:

а) если какое-то русское слово переведено на удмуртский язык с помощью синонимов, при этом второе удмуртское слово, синонимичное первому, заключено в скобки, напр., в рассказе «Зимóю в дорóге» («Толалтэ сюрес вылын»): «Без Бóга ни до порóга, а с Бóгом хоть **за море**» — *Иньмартэк óс кусытозь но уд вуы, Иньмарен жаризь (мора) сьóры но вуод* [Ислентьев 1888: 149]; в рассказе «Брат и сестра́» («Ага-ен-но сузэрен»): «Стáрому хóчется **отдыхáть**, а молодóму игрáть» — *Пересьлэн (мóйы-муртлэн) чыдэчкемез (ял каремез) потэ, пиняллэн бон шудэмез* [Ислентьев 1888: 150]; в рассказе «Мáльчик и пчелá» («Пичи пи но муш»): «Мáльчик пошёл со сво́йм отцо́м **в сад**. Там он уви́дел пчелу́, **запу́тавшуюся** в паутíне» — *Пичи-пи атаеныз садэ (мертосэ) мынъиз. Со отын чо́нари вотосэ бинялчкэм (тугаськем) мушез адзем* [Ислентьев 1888: 151; 1889б: 137] и др.;

б) если один и тот же текст представлен в различных учебно-методических пособиях в нескольких вариантах переводов, то в одном случае могло быть использовано одно удмуртское слово, а в другом варианте перевода — иное, синонимичное первому, напр., в «народном гимне» «Боже, царя храни!» — *Иньмаре, Эксэймес уть!*; «Царствуй, на стра́х врага́м <...>» — *Эксэйын-ул дышмонъёслы кышкамон <...>* [Ислентьев 1888: 141] ~ *Эксэйын-ул дышмонъёслы курдамон <...>* [Ислентьев 1889: 119];

в) третий — «буферный» — способ представляет собой параллельное (в различных вариантах переводов одного и того же текста) использование обоих вариантов подачи синонимов, напр.: *мактазы (ушъязы)* и *кудкемында (кемыдъя)* — в одних случаях ↔ *ушъязы* и *кемыдъя* — в других, ср. перевод текста «У́мный Ва́ня» («*Визьмо Ваня*»): «Ва́ня пришёл до́мой из учи́лища и спел моли́тву — “Богоро́дице Дево!” Оте́ц и ма́ть похва́лили егó» — *Ваня дышетсконъись бертъиз дораз но кырзяз молитваэз: Богоро́дице Дъво! (Иньмарез вордэм Ныл) но атаез анаез мактазы (ушъязы) сое* [Ислентьев 1889: 46] ~ *Ваня дышетсконъись бертъиз дораз но кырзяз молитваэз: Богоро́дице Дъво (Иньмарез вордэм Ныл) но атаез анаез ушъязы сое* [Ислентьев 1888: 142].

Таким путем, т. е. включая в переводные предложения и тексты большей частью разнородные в диалектном отношении синонимы (напр.: южн. *курданы* ~ сред., сев. *кышканы* ‘бояться’, южн. *тунгон* ~ сред., сев. *замок* ‘замок’, южн. *сукыр* ~ сред., сев. *синтэм* ‘слепой’ и пр.) Ислентьев, продолжая традицию, начатую еще первыми переводами Евангелий на удмуртский язык на глазовском и сарапульском наречиях (1847) (подробнее об этом см.: [Кельмаков 2008: 86—94; Кельмаков 2008а]), стремился к тому, чтобы его учебные пособия могли быть практически применимы не только на территории распространения южноудмуртских диалектов, для носителей которых они были (официально) составлены, но и за их пределами, однако даже этот опыт был полностью приписан другому автору — И. С. Михееву¹⁹, по большому счету более масштабно продолжившему в основном те начинания, которые ненавязчиво были предложены его талантливым предшественником.

10. О некоторых особенностях графики удмуртских текстов в изданиях В. А. Ислентьева

Следует обратить серьезное внимание на имеющиеся в ислентьевских текстах на удмуртском языке — в сравнении с другими, изданными во второй половине XIX столетия удмуртскими материалами ([Еванг. Глаз. 1847; Еванг. Сар. 1847; Еванг. 1877; Еванг. 1882; Гаврилов 1880; Верещагин 1886; 1889]; и др.) и, естественно, с современными литературными — своеобразие авторской графики и частично орфографии. В этот период истории удмуртского литературного языка почти каждый из авторов или группы однотипных изданий (авторы их не всегда указаны) нередко пользовались своими собственными знаками для обозначения специфичных удмуртских фонем и звукосочетаний. Несколько отличающуюся от графических систем других авторов и издателей систему букв предлагает в своих изданиях и В. А. Ислентьев, в особенности при обозначении на письме особых фонем удмуртского языка (в его южном диалектном варианте).

Так, из имеющихся в удмуртском языке четырех аффрикат три были обозначены в учебно-методических пособиях В. А. Ислентьева в основном теми же самыми буквами (буквосочетаниями), которые были уже почти что «утверждены» авторитетом первой удмуртской грамматики [Сочинения 1775] и были приняты некоторыми другими рукописными трудами XVIII в.²⁰ и серией изданий второй половины XIX в.:

1) велярная звонкая аффриката *ʒ* — буквосочетанием *дж* (= в современном литературном языке обозначается буквой *ж*), напр.: *джук* (лит. *жук*) ‘каша’, *джок* (лит. *жок*) ‘стол’, *джакы* (лит. *жакы*) ‘сойка’, *джуа* (лит. *жуа*) ‘горит’ и др.;

¹⁹ «Возможность применения учебников, выпущенных В. А. Ислентьевым, ограничивались тем, что они были рассчитаны только на удмуртов, говорящих на южном наречии. Понимая это, преподаватель удмуртского образцового училища при Казанской учительской семинарии И. С. Михеев находит выход к общедоступному удмуртскому литературному языку путем объяснения (в сносках, примечаниях) всех диалектных и лексических особенностей. Это расширило диапазон родного языка, вело к взаимопониманию представителей разных говоров и к взаимообогащению диалектов и в конечном счете — к созданию общенационального языка», — отмечает А. Н. Уваров [Уваров 1984: 7].

²⁰ См., к примеру, самый большой для XVIII столетия удмуртско-русский словарь [Кротовъ 1785] и вторая грамматика, составленная 11 лет спустя после выхода первой [Могилинь 1786], изданные уже в конце XX в. (соотв. в 1995 и 1998 гг.).

2) палатальная звонкая аффриката \dot{z} (или \dot{z}' — комбинацией букв *дз* в сочетании с последующими *и*, *ь* и йотированными гласными буквами *е*, *ё*, *ю*, *я* (= совр. лит. *ž*), напр.: *бадзьым* (лит. *бадžым*) ‘большой’, *дзицьы* (лит. *žичы*) ‘лисица’, *дзязег* (лит. *žазег*) ‘гусь’, *дзег* (лит. *žег*) ‘рожь’, *дзёргыли* (лит. *žольгыри*) ‘воробей’²¹ и др.;

3) велярная глухая аффриката \dot{c} — буквой *ч* (= совр. лит. *č*), напр.: *пычал* (лит. *пыčал*) ‘ружье’, *пыч* (лит. *пыč*) ‘блоха’, *пуч* (лит. *пуч*) ‘шест’, *ычканы* (лит. *ишканы*) ‘ощипывать, отеребливать’, *вачкала* (лит. *вашкала*) ‘древний’, *таче* (лит. *таčе*) ‘такой’, *сыче* (лит. *сыčе*) ‘этакой’, *чем* (лит. *čем*) ‘часто’, *корт-чог* (лит. *кортčог*) ‘гвоздь’, *учы* (лит. *уčы*) ‘соловей’, *чуказе* (лит. *чуказе*) ‘завтра’, *чучкон* (лит. *чушкон*) ‘утирка, полотенце’ и др. [Ислентьев 1889: 33; 1889а: 43];

4) для обозначения же на письме палатальной глухой аффрикаты \dot{c} (или \dot{c}' в иной транскрипции) в ряде предшествующих изданий [Сочинения 1775; Еванг. Глаз. 1847; Еванг. Сар. 1847; Еванг. 1882], традиционно отмеченной буквой *ц* (чаще всего в сочетании с последующими *и*, *ь* и йотированными гласными буквами), В. А. Ислентьев ввел в свою графику специфичную букву *ч* (= совр. лит. *ч*), ср.: *куч* (лит. *куч*) ‘крест, носимый на шею’, *кыч* (лит. *кыч*) ‘дикий’, *лач* (лит. *лач*) ‘плотно’, *дзец* (лит. *žеч*) ‘хорошо’, *дзюц* (лит. *žуч*) ‘русский’, *чорыг* (лит. *чорыг*) ‘рыба’ и др. [Ислентьев 1889: 34; 1889а: 43].

В ислентьевской графике присутствуют еще две буквы, служащие для обозначения особых фонем удмуртского языка, это:

1) буква *н* — для фиксации заднеязычного носового сонанта η ²² (в работах некоторых зарубежных авторов \tilde{n} — см., напр.: [Aminoff 1886]), встречающегося преимущественно в южноудмуртских диалектах (в том числе на территории бывшего Елабужского уезда) в небольшой группе слов, при этом автор «Букваря...», включив букву *н* в свою книгу, дает ряд примеров с ней: *чанга* (лит. *čана*) ‘галка’, *ан* (лит. *ан*) ‘челюсть’, *бан* (лит. *бам*) ‘щека’, *чан* (лит. *чан*) ‘кадка, чан’, *чын* (лит. *čын*) ‘дым’, *зын* (лит. *зын*) ‘вонь’, *банлы* (лит. *бамлы*) ‘скулы’, *сонро* (лит. *сонгро*) ‘глухой’, *тунгон* (лит. *тунгон*) ‘замок’, *янгыш* (лит. *янгыш*) ‘ошибка’, *ангес* (лит. *ангес*) ‘подбородок’, *сынгыр* (лит. *сйныр*) ‘жила’²³ и др. Следует заметить, что В. А. Ислентьев, кажется, не вполне был оригинальным в отношении буквы *н*: она уже употреблялась в текстах на казанском диалекте, изданных в 1870—1880 гг. [Священная История 1877; Еванг. 1877; Гаврилов 1880 и др.]²⁴. В современной литературной графике буква *н* уже отсутствует, поскольку согласная фонема, обозначаемая ею на письме, в большинстве диалектов, в том числе и в тех, на которые переориентировался удмуртский литературный язык в 20—30-е гг. XX в., уже вышла из употребления, замещившись близкими к ней другими носовыми согласными — *м*, *н*, *н'* (подробнее об этом см.: [Penttilä 1927: 108; Uotila 1933: 235—249; Бубрих 1948: 92—93; Лыткин 1957: 109—110; Кельмаков 1968: 190—193 и др.]);

2) буква *ө* — для обозначения неогубленной гласной фонемы среднего ряда среднего подъема e (= совр. лит. *ö*)²⁵, напр.: *өс* (лит. *өс*) ‘дверь’, *өм* (лит. *өм*) ‘отрицание *не* (мы не)’, *өз* (лит. *өз*) ‘не (он не)’, *өр* (лит. *өр*) ‘русло реки’, *лөс* (лит. *лөс*) ‘стойка, делаемая под скирдом’, *вөш* (лит. *вөш*) ‘доска, употребляемая при жертвоприношении’, *мөль* (лит. *мөль*) ‘медвяная роса’, *шөм* (лит. *шөм*) ‘вкус’, *нөль* (лит. *нөль*)

²¹ Примеры на *дж* и *дз* заимствованы с различных страниц «Букваря», переводы к удмуртским словам добавлены нами.

²² В. Ислентьев предлагает следующий методический прием для осознания русскими учителями (и младшими школьниками-удмуртами) этого не простого в произносительном отношении звука: «Произношение звука, обозначаемого буквой *н*, русский учитель должен изучить практически; при анализе же слов с звуком *н*, он, в отстранение ошибки, должен первоначально предоставить самим детям назвать слово, избранное для выделения этого звука: напр., учитель, показывая на щеку, спрашивает: что это такое? и ученики ответят — *бан*; учитель предлагает им повторить это слово несколько раз и потом разложить на звуки. Таким же путем разлагаются слова *ан* (челюсть) и *чанга* (галка)» [Ислентьев 1889а: 43].

²³ Г. Е. Верещагин, ориентированный при установлении норм удмуртского литературного языка преимущественно на северные диалекты и ошибочно полагавший фонему η заимствованной, категорически был против включения этой буквы в удмуртскую графику: «В Елабужском уезде встречается и носовой звук, составляемый из *н* и *г* и изображаемый составителями вотских книг знаком *н*; но этот звук усвоен только теми вотяками, которые живут около татар; да и различия особенного между чистым *н* и этим звуком нет, потому и вводить этого знака совсем бы не следовало, тем более, что он слышится только в местностях, населенных около татар» [Верещагин 1895: 6—7].

²⁴ Кстати, эта буква, обозначающая аналогичную же согласную фонему, до сих пор фигурирует в современной марийской графике. Нам пока трудно что-либо утверждать относительно того, в графике какого — удмуртского или марийского — языка она появилась первой.

²⁵ В. Ислентьев характеризует эту специфичную фонему удмуртского языка следующим образом: «Звук этой буквы не свойствен русскому языку. Он занимает средину между *э* и *о*: произносится почти так же, как звук *э*, но только грубее и преимущественно горлом» [Ислентьев 1889а: 35].

‘лук (оружие)’ и др. [Ислентьев 1889: 19—20; 1889а: 35]. Заметим, эта буква **ѳ** употреблялась и до появления рассматриваемых учебно-методических пособий В. А. Ислентьева [Ислентьев 1888; 1889; 1889а] — в некоторых текстах, изданных в 1870—80-е гг. на «казанском диалекте», однако не совсем последовательно:

1) с одной стороны, не всегда обозначала фонему *ѳ* (= *ϕ*), напр.: «⟨...⟩ и Дух Божий носился над водою» [Библия 1988: 5]. ⟨...⟩ *Вуос вылын Иңмарлен лулыз тѳласа вѳтлѳм* [Священная История 1877: 3] — **ѳ** в данном контексте обозначает фонему *ѳ*, но: «⟨...⟩ и вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем ее ⟨...⟩» [Библия 1988: 7] ⟨...⟩ *тонѳныд кышно кустын, тынад выжыеныд солѳн выжыез кустаз дѳшмонлык поно* [Священная История 1877: 7] — буква **ѳ** обозначает фонему *ы* (= *j*) или *ѳ* (= *ɔ*);

2) с другой стороны, и сама фонема *ѳ* иногда могла обозначаться в письменных памятниках, составленных на том же самом казанском диалекте, другими буквами (к примеру: **ѳ**, **о**), напр.: И прошел о Нем слух по всей Сирии ⟨...⟩ [Библия 1988: 1014]. ‘Солѳн живорѳз ваң Сирия музѳемѳ вѳлдиѳкѳм’ [Еванг. 1877: 10] — фонема *ѳ* обозначена буквой **ѳ** ~ но: С того времени Иисус начал проповедывать и говорить: покаяйтесь, ибо приблизилось Царство Небесное [Библия 1988: 1014]. ‘Со багытиѳѳн Иисус, ѳолыкѳостѳс (ѳ = ѳ) быттон понна вѳѳаѳкѳлѳ (ѳ = ѳ), иңмиѳ ѳкѳейлык матыннѳѳкѳиз уни шѳѳа дышѳтыѳа вѳтлыны куѳкѳм’ [Еванг. 1877: 9] — фонема *ѳ* обозначена буквами **ѳ** и **о**.

И, пожалуй, лишь В. А. Ислентьев впервые начал регулярно использовать рассматриваемую букву **ѳ** для обозначения фонемы *ѳ*, однако она нигде в данной функции, по нашим сведениям, более не использовалась.

11. О некоторых орфографических особенностях удмуртских текстов в изданиях В. А. Ислентьева

Для обозначения фонемы *и* (= *i*) в графику В. А. Ислентьева были включены три знака (**и**, **і** и **ѳи**), в функциональном отношении попарно связанные между собой: 1) **и** ~ **і**; 2) **и** (**і**) ~ **ѳи**.

Первая пара (**и** ~ **і**), восходящая еще к памятникам удмуртской письменности XVIII столетия, просуществовала до 20-х гг. XX столетия; при этом первая буква фиксировала фонему *и* в начале слова, в середине и конце в позиции после гласных, велярных согласных, не имеющих в удмуртском языке палатальных соответствий, и после палатальных *д'*, *з'*, *л'*, *н'*, *с'* и *т'*, напр.: *из* ‘мели’, *соиз* ‘тот’, *вир* ‘кровь’, *Иньмар инь вылын* ‘Бог на небе’, *Иньмар виль визь ваиз* ‘Бог надоумил (новый разум дал)’, *Миша ньыль вись нинь нуиз* ‘Миша четыре четверти лыка унес’, *аи шуиз мыным* — *сирез эн си* ‘мой отец сказал мне — не ешь серу’ и др. [Ислентьев 1889: 14; 1889а: 31]; вторая же буква, обозначая фонему *и*, выступала лишь в середине слова в позиции перед *й* и всеми гласными, напр.: *кион* (лит. *кион*) ‘волк’, *сіѳс* (лит. *сиес*) ‘хомут’, *піала* (лит. *пияла*) ‘стекло’, *кыин* (лит. *кыин*) ‘рукой’, *киултыны* (лит. *киултыны*) ‘присвоить’, *эркианы* (лит. *эркианы*) ‘нежить’, *піѳ* (лит. *пие*) ‘сын’, *сіѳ* (лит. *сиѳ*) ‘буду есть, едят’, *віѳ* (лит. *вия*) ‘протекает’, *киѳм* (лит. *киям*) ‘у меня в руке’, *сіѳн* (лит. *сиѳн*) ‘пища’, *сіѳны* (лит. *сийны*) ‘есть’, *вѳкѳѳѳѳѳѳ* (лит. *вѳкѳѳѳѳѳѳ*) ‘тонки’ и др. [Ислентьев 1889: 14; 1889а: 31]. О функциональной значимости буквы **і** в алфавите, наряду с **и**, автор «Букваря» пытался обосновать следующим образом: «Берлось урокез валам берамы ми тодѳим кыче букваѳс азын **і** букваѳз гоѳтыны, тазы луоз: **іА, іЯ, іО, іЕ, іѳ, іѳ, іѳ, іУ, іЮ, іИ, іЫ, іѳ**» [Ислентьев 1889: 36] ‘После того как был усвоен последний урок, мы узнали, перед какими буквами пишется **і**, получится следующим образом: **іА, іЯ, іО, іЕ, іѳ, іѳ, іѳ, іУ, іЮ, іИ, іЫ, іѳ**’²⁶.

Необходимость введения в графическую систему второй пары (**и** (**і**) ~ **ѳи**) была обусловлена внутренними отношениями в фонетической системе удмуртского языка. Наряду с **и**, буквосочетание **ѳи** (= совр. лит. **йи**) была нужна для того, чтобы обозначить фонему *и* и одновременно указать на то, что согласные *д*, *з*, *л*, *н*, *с*, *т* в сочетании с последующим *и* сохраняют свою велярность, т. е. в удмуртском языке фонема *и* может сочетаться как с препозитивными палатальными согласными, так и (в отличие от русского) с велярными: напр.: *си* (= *с’и*) ‘волос (или ешь)’ — *ѳи* (= *си*) ‘честь’; *сисѳ* (= *с’исѳ*) ‘гнилушка’ — *ѳисѳ* (= *сисѳ*) ‘ситечко’ [Ислентьев 1889: 20; 1889а: 36]. Полагая, что этот знак **ѳи** не графический, а лишь орфографический, автор рассматриваемых учебных пособий не выделил для него отдельного раздела (параграфа), поэтому слова с ними пришлось подобрать нам из разных мест «Букваря...» [Ислентьев 1889] и других книг автора: *дѳисѳ* (лит. *дѳисѳ*) ‘одежда’, *одѳѳ* (лит. *одѳѳ*) ‘один’, *дугдѳѳиз* (лит. *дугдѳѳиз*) ‘он остановился’; *кылзѳѳѳѳѳѳ* (лит. *кылзѳѳѳѳѳѳ*) ‘я слушаю’, *тузѳи* (лит. *тузѳи*) ‘красивый’; *сюрѳс вѳлѳѳѳѳѳѳ* (лит.

²⁶ Устранить одну из букв в паре **и** ~ **і**, механически — без какой-либо функциональной надобности — воспринятой удмуртской графикой из русского письма, впервые на волне своих реформаторских идей по упрощению удмуртской графики предложил Г. Е. Верещагин: «Что же касается **и**, то знак этот в вотском языке совершенно не нужен, как имеющий один звук с десятиричным **і**» [Верещагин 1895: 4].

сюрес вылысь) ‘с дороги’, *ульиз* (лит. *улііз*) ‘он жил’, *уг кылъиськы* (лит. *уг кыліськы*) ‘не слышу’; *иньи* (лит. *иніі*) ‘уже’, *мынъиз* (лит. *мынііз*) ‘он шел’; *сьиль* (лит. *сііль*) ‘мясо’, *сьизьыл* (лит. *сіізьыл*) ‘осень’, *косъиз* (лит. *косііз*) ‘он попросил’; *потъизы* (лит. *потіізы*) ‘они вышли’, *кытъись басътъид* (лит. *кытысь басътіід*) ‘где взял?’ и т. д.

Г. Е. Верещагин и некоторые другие издатели удмуртских книг последней трети XIX — начала XX в., наряду с **ѡи**, использовали также и знак **’и** или **’и** (подробнее см.: [Кельмаков 2017: 162—165]), но уже в тексте перевода Евангелия от Матфея, опубликованного в 1904 г., употреблена современная буква **й** [Еванг. 1904]. Пока нами еще не определено, когда она была введена в удмуртскую графику — возможно, в 1897 г. во втором издании (варианте) славяно-вотского словаря [КВС 1897] совместно с современными буквами **ѡѡ, ѡѡ, ѡѡ** и **ѡѡ** для обозначения подсистемы удмуртских аффрикат [Кельмаков 2017а].

Огромный корпус переводных текстов на удмуртском языке, включенных В. А. Ислентьевым в свои учебно-методические пособия, хотя нуждается в углубленном, более детальном исследовании со стороны языковых (фонетических, морфологических, лексико-стилистических, синтаксических) особенностей, однако в данном исследовании мы обратили внимание преимущественно лишь на их графику (и частично орфографию) с целью показать, что и графо-орфографическая система южноудмуртских публикаций В. А. Ислентьева, наряду с весьма сложными графиками, предлагаемым Г. Е. Верещагиным, с одной стороны, и представленным в серии переводных и частично оригинальных текстов на казанском диалекте, с другой (см.: [Кельмаков 2008: 125—132]), могла бы быть, если даже и не самым серьезным, но одним из возможных претендентов на графику складывающегося в течение конца XVIII—XIX в. общеудмуртского книжно-письменного (литературного) языка. Хотя и эти вопросы требуют еще специального, а не попутного лишь, исследования, тем не менее и в этом частном вопросе можно усмотреть существенный вклад В. А. Ислентьева в историю удмуртской филологии.

12. Место заключения

В учебниках В. А. Ислентьева, разъясняющих особенности удмуртского и русского языков, попутно затрагивается проблема этнической, религиозной, территориальной идентичности. В ситуации двуязычных книг выдвигаемый на их страницах вопрос — явление естественное и оправданное. Условия билингвального обучения позволяли ученику уловить отличительные особенности своего языка в сравнении с другим, своей веры и новоявленной, своего края и других территорий. Маркируя языковые особенности удмуртского языка, Ислентьев отмечал: «⟨...⟩ Нахожу не лишним рекомендовать ⟨...⟩ прежде всего усвоить произношение чуждых русскому языку звуков *ѡ, ѡ и ѡ*» [Ислентьев 1889: 137]. По методике Ислентьева видно, что воспитательно-образовательный процесс направлен на самоопределение личности в духовном и пространственном планах. «Вообще, чем глубже проникнется учащий сознанием необходимости обстоятельного знания языка обучаемых им детей инородцев, чем скорее примется за изучение вотского языка, тем вернее будут обеспечены успехи его занятий, и тем скорее он получит в свое распоряжение самое действительное средство к осмысленному ознакомлению поручаемых ему детей вотяков с русским языком, дающим инородцу возможность к необходимому для него просвещению в духе Православной христианской веры и к слиянию в одну тесную семью с многочисленными подданными Русского Царя», — пишет он [Ислентьев 1889: 137].

1. Рекогносцировочно рассмотренная нами часть научно-педагогического наследия В. А. Ислентьева — новометодный «Букварь...», а также «Учебник...» и «Руководство...», составленные для удмуртских пользователей, были определены требованиями и логикой культурно-исторической мысли эпохи. Рассматриваемые учебно-методические пособия представляли собой своеобразный синтез знания духовного и светского, традиционного и инновационного методов и, в целом, соответствовали просветительским проектам времени.

2. Иллюстрируемые в трудах В. А. Ислентьева произведения направлены на пробуждение в детях поэтического чутья, религиозного чувства, духовных потребностей. Репрезентированный в них солидный корпус переводных текстов разного содержания, характера и жанра временно восполнял отсутствие произведений оригинальной художественной литературы на удмуртском языке и знаменовал собой первоначальный этап зарождения удмуртской литературы и профессиональной культуры.

3. Материалы, изданные В. А. Ислентьевым (при определенном участии его помощников по переводу русских и церковнославянских текстов на удмуртский язык) в значительной мере способствовали сложению первоначальных этапов истории удмуртского литературного языка, представляя собой как одного из его вариантов, наряду с «проектами», представленными в трудах Г. Е. Верещагина, «казанской школы» переводчиков, Т. Г. Аминофа, И. С. Михеева и др.

Сокращения

южн. — южное наречие удмуртского языка
 сред. — срединные говоры удмуртского языка
 сев. — северное наречие удмуртского языка
 лит. — литературный
 совр. лит. — современный литературный язык

Литература

Азбука Глаз. 1847 — Азбука составленная из Российских, церковной и гражданской печати, букв, для обучения Вотских детей чтению на их наречии. (По Глазовскому). Казань, 1847. {Alphabet book compiled from Russian letters of canonical and civil print for teaching Wotyak children to read in their language (in Glazovskoye). Kazan, 1847.}

Азбука Сар. 1847 — Азбука составленная из Российских, церковной и гражданской печати, букв, для обучения Вотских детей чтению на их наречии. (По Сарапульскому). Казань, 1847. {Alphabet book compiled from Russian letters of canonical and civil print for teaching Wotyak children to read in their language (in Sarapulskoe). Kazan, 1847.}

Алжейкина 2004 — *Алжейкина Г. В.* Музыкальное просвещение чувашского народа в его историческом развитии: дисс ... канд. пед. наук. Чебоксары, 2004. {*Alzheykina G. V.* Musical education of the Chuvash people in its historical development: Ph. D. thesis. Cheboksary, 2004.}

Андрейко 2015 — *Андрейко Е. О. М. Д.* Михайлов: творческая деятельность, исполнительский стиль: дисс ... канд. искусствоведения. М., 2015. {*Andreyko E. O. M. D.* Mikhaylov: creative work and performance style: Ph.D. thesis. M., 2015.}

Арутюнов, Танеев 1972 — *Арутюнов Л., Танеев В.* Пятнадцать веков поэзии народов СССР // Поэзия народов СССР IV—XVIII веков. М., 1972. {*Arutyunov L., Taneev V.* Fifteen centuries of poetry of peoples of the USSR // Poetry of peoples of the USSR 4th to 18th centuries. M., 1972.}

Багин 1897 — *Багин С.* Свадебные обряды и обычаи вотяков Казанского уезда: Этнографический очерк // Этнографическое обозрение. 1897, 2. С. 59—92. {*Bagin S.* Marriage ceremonies and customs of the Votyaks of Kazan Uezd: An ethnographic survey // Ethnographic review. 1897. Vol. 2. P. 59—92.}

Библия 1988 — Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Заветов. М., 1988. {Bible. Books of Holy Scripture of Old and New Testaments. M., 1988.}

Блинов 1867 — *Блинов Н. Н.* Лыдзонь. Азбука для вотских детей. Вятка, 1867. {*Blinov N. N.* Lydzon. Alphabet book for Wotyak children. Vyatka, 1867.}

Бубрих 1948 — *Бубрих Д. В.* Историческая фонетика удмуртского языка (сравнительно с коми языком) / НИИ ист., языка, лит. и фольклора при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск, 1948. {*Bubrikh D. V.* Historical phonetics of the Udmurt language (compared to the Komi language) / RI of history, language, literature and folklore of the Council of Ministers of Udmurt ASSR. Izhevsk, 1948.}

Букварь 1882 — Букварь для Вотяцких детей Сарапульского уезда: Издание православного миссионерского общества. Казань, 1882. {Primer for Votyak children of Sarapulski Uezd: An edition by the Orthodox Missionary Society. Kazan, 1882.}

Букварь 1875 — Букварь для крещеных вотяков. Гожтет тодытэ. Казань: Печатано в типографии Коковиной, 1875. {Primer for Christian Votyaks. Гожтет тодытэ. Kazan: printed on the Kokovina's press, 1875.}

Букварь 1889 — см.: Ислентьев 1889а. {see Ислентьев 1889а}

Василенко 2007 — *Василенко О. В.* Гуманистическая направленность общественнопедагогической деятельности В. Ф. Одоевского: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2007. {*Vasilenko O. V.* Humanistic direction of the common educational work of V. F. Odоеvski: author's abstract of Ph. D. thesis. M., 2007.}

Верещагин 1886 — *Верещагин Г.* Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. СПб., 1889. Т. XIV, 2. {*Vereshchagin G.* Votyaks of Sarapulski Uezd of Vyatka Province // Russian Geographical Society Department of Ethnography Proceedings. SPb., 1889. Part XIV, 2.}

Верещагин 1889 — *Верещагин Г.* Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. СПб., 1889. Т. XIV, 3. {*Vereshchagin G.* Votyaks of Sarapulski Uezd of Vyatka Province // Russian Geographical Society Department of Ethnography Proceedings. SPb., 1889. Part XIV, 3.}

Верещагин 1895 — *Верещагин Г.* О книгах на вотском языке. Вятка, 1895. {*Vereshchagin G.* On books in the Wotyak language. Vyatka, 1895.}

Волкова 2005 — *Волкова Т. Г.* Становление удмуртской детской литературы: дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2005. {*Volkova T. G.* Making of the Udmurt children's literature. Ph. D. thesis. Izhevsk, 2005.}

Гаврилов 1880 — *Гаврилов Б.* Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний. Казань, 1880. {*Gavrilov B.* Works of folk literature, ceremonies and beliefs of the Kazan and Vytaka provinces Votyaks. Kazan, 1880.}

Демидова 2014 — *Демидова И. И.* Деятельность земств Чувашии по развитию школьного образования // Вестник Российского университета кооперации. 2014. 1 (15). С. 81—90. {*Demidova I. I.* Activities of Chuvash Zemstvos in the development of school education // Russian University of Cooperation Bulletin. 2014. Vol. 1 (15). P. 81—90.}

Домокош 1993 — *Домокош П.* История удмуртской литературы / Пер. с венг. В. Васовчик. Ижевск, 1993. {*Domokos P.* History of the Udmurt literature / Transl. from Hungarian by V. Vasovchik. Izhevsk, 1993.}

Еванг. Глаз. 1847 — Господа нашего Иисуса Христа Евангелия от св. Евангелистов Матфея и Марка на русском и вотякском языках, Глазовского наречия. Казань, 1847. {Our Lord Jesus Christ's Gospels according to SS. evangelists Matthew and Mark in Russian and Wotyak languages of the Glazovskoe dialect. Kazan, 1847.}

Еванг. Сар. 1847 — Господа нашего Иисуса Христа Евангелие от св. Евангелиста Матфея на русском и вотякском языках, Сарапульского наречия. Казань, 1847. {Our Lord Jesus Christ's Gospels according to st. evangelist Matthew in Russian and Wotyak languages of the Sarapulskoe dialect. Kazan, 1847.}

Еванг. 1877 — Господа нашего Иисуса Христа святое Евангелие от Матфея. Милям Господь Исус Христослэн чын Евангелиез. Матөей гожтэм Евангелие: Издание Православного Миссионерского Общества. Казань, 1877. {Our Lord Jesus Christ's Holy Gospel according to Matthew. Edition of the Orthodox Missionary Society. Kazan, 1877.}

Еванг. 1882 — Господа нашего Иисуса Христа святое Евангелие от Матфея на вотякском языке. Милям Господь Исус Христослэн Дзэць йыворез, Матөей гожтем Дзэць йывор уд морт кылын. Гельсингфорс, 1882. {Our Lord Jesus Christ's Holy Gospel according to Matthew in the Votyak language. Helsingfors, 1882.}

Еванг. 1904 — Господа нашего Иисуса Христа Святое Евангелие от Матфея, Марка, Луки и Иоанна на вотском языке. Казань, 1904. {Our Lord Jesus Christ's Holy Gospel according to Matthew, Mark, Luke and John in the Wotyak language. Kazan, 1904.}

Ислентьев 1888 — Учебник русского языка для вотяков Елабужского уезда. Составил Инспектор народных училищ Елабужского уезда *Владислав Ислентьев*. Елабуга, 1888 (см. также: Учебник 1888). {Russian language textbook for the Votyaks of the Yelabuga Uezd. Compiled by the Inspector of public schools of the Yelabuga Uezd *Vladislav Islentyev*. Yelabuga, 1888 (see also Учебник 1888).}

Ислентьев 1889 — Букварь и Первая учебная книжка для вотяков Елабужского уезда. По способу наглядного обучения составил Инспектор народных училищ Елабужского уезда *Владислав Ислентьев*. Издание Потомственного Почетного Гражданина Петра Капитоновича Ушкова. Казань, 1889 (см. также: Букварь 1889). {Primer and First textbook for the Votyaks of the Yelabuga Uezd. Compiled using visual training methods by the Inspector of public schools of the Yelabuga Uezd *Vladislav Islentyev*. Edition of the Hereditary Honorary Citizen Petr Kapitonovitch Ushkov. Kazan, 1889 (see also Букварь 1889).}

Ислентьев 1889а — Руководство к преподаванию грамоты и русского языка по букварю, первой учебной книжке и учебнику для вотяков В. Ислентьева. В двух частях. Составил Инспектор народных училищ Елабужского уезда *Владислав Ислентьев*. Казань, 1889 (см. также: Руководство 1889). {Guide to teaching literacy and Russian with the Primer, the First textbook and the Textbook for Votyaks by V. Islentyev. In two parts / Compiled by the Inspector of public schools of the Yelabuga uezd *Vladislav Islentyev*. Kazan, 1889.}

Ислентьев 1889б — Учебник русского языка для вотяков Елабужского уезда. Составил Инспектор народных училищ Елабужского уезда *Владислав Ислентьев*. Издание елабужских граждан благотворителей. Казань и Елабуга, 1889 (см. также: Учебник 1889). {Russian language Textbook for the Votyaks of the Yelabuga Uezd. Compiled by the Inspector of public schools of the Yelabuga uezd *Vladislav Islentyev*. Kazan and Yelabuga, 1889 (see also Учебник 1889).}

Ислентьев 1890 — Каталог предметов, выставленных инспектором народных училищ Елабужского уезда в школьном отделе состоящей под покровительством Его Императорского Высочества, государя наследника цесаревича, Казанской научно-промышленной выставки 1890 г. Составил инспектор народных училищ Елабужского уезда *Владислав Ислентьев*. Казань, 1890. {List of objects presented by the Inspector of public schools of the Yelabuga uezd in the school section of the Kazan scientific industrial exhibition of 1890, which is supported by His Imperial Highness the Heir and Tsesarevich. Compiled by the Inspector of public schools of the Yelabuga uezd *Vladislav Islentyev*. Kazan, 1890.}

ИРЛ 1980 — История русской литературы X—XVII веков / Мин-во просвещ. СССР. Ин-т рус. лит. АН СССР (Пушкинский дом). Под ред. *Д. С. Лихачева*. М., 1980. {History of the Russian literature of 10th—17th centuries / Ministry of Education of the USSR. AS USSR Institute of Russian literature (The Pushkin House). Ed. by *D. S. Likhachov*. M., 1980.}

КВС 1897 — Краткий славяно-вотский словарь: Пособие к чтению и пониманию Церковно-славянского текста Нового Завета (опыт). Для казанских вотяков. Казань, 1897. {Concise Slavonic-Wotyak dictionary: A guide to teaching and understanding the Church Slavonic text of the New Testament (a treatise). For Kazan Votyaks. Kazan, 1897.}

Кельмаков 1968 — *Кельмаков В. К.* О некоторых специфических фонемах кукморского диалекта удмуртского языка // СФУ. 1968, 3 (IV). С. 187—196. {*Kelmakov V. K.* On some peculiar phonemes of the Kukmor dialect of the Udmurt language // SFUS. 1968. Vol. 3 (IV). P. 187—196.}

Кельмаков 1999 — *Кельмаков В. К.* Неизвестная страница истории удмуртского языкознания: Рукописный словарь удмуртского языка Владислава Ислентьева: Материалы к спецкурсу. Ижевск, 1999. {*Kelmakov V. K.* An unknown page in the history of Udmurt linguistics. A manuscript dictionary of Udmurt by Vladislav Islentyev: Materials to a special course. Izhevsk, 1999.}

Кельмаков 2008 — *Кельмаков В. К.* Очерки истории удмуртского литературного языка = Удмурт литературной кыллэн дырсюресзъя гожетъёс: учеб. пособие для вузов. Удм. гос. ун-т. Фак. удм. филологии. Каф. общего и финно-угор. языкознания. Ижевск, 2008. {*Kelmakov V. K.* Essays on the history of Literary Udmurt: a textbook for higher education. USU, Faculty of Udmurt Philology, Department of General and Finno-Ugric Linguistics. Izhevsk, 2008.}

Кельмаков 2011 — *Кельмаков В. К.* Некоторые особенности удмуртской фонетики в методических трудах В. А. Ислентьева // Типологические аспекты многоязычия в современном образовательном пространстве: Сб. ст. / Мин-во образования и науки РФ, ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», Фак. удмурт. филологии, Каф. герман. яз.; отв. за вып. *Т. А. Краснова.* Ижевск, 2011. Вып. 1. Проблемы лингвистической типологии и культурологии. С. 95—101. {*Kelmakov V. K.* Some specifics of the Udmurt phonetics in tutorial works of V. A. Islentyev // Typological aspects of multilingualism in modern educational space: A collection of articles / Russian Ministry of Education and Science, FSBEI PHE “Udmurt State University”, Faculty of Udmurt Philology, Department of Germanic languages; Publications assistant *T. A. Krasnova.* Izhevsk 2011. Is. 1.}

Кельмаков 2008а — *Кельмаков В. К.* Нырысетй удмурт книгаын синонимъёсыз кутон амальёс: («Сарапул» улоскылын поттэм Жеч ивор вылын) // Navigare humanum est... Pusztay Janos hatvanadik születésnapjára: Finnugor Népek Világkongresszusa Magyar Nemzeti Szervezete. Budapest, 2008. 283—289-тй б.

Кельмаков 2017 — *Кельмаков В. К.* Удмурт кылосбурлэн йылсо сэрэгъёсыз = Острые углы удмуртской филологии. Удм. гос. ун-т. Ижевск, 2017. {*Kelmakov V. K.* Sharp edges of the Udmurt philology. USU. Izhevsk, 2017.}

Кельмаков 2017а — *Кельмаков В. К.* Из истории буквенной фиксации аффрикат в удмуртской и коми-пермяцкой письменности // Пермистика-16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: Сб. науч. ст. / Отв. ред. *Р. П. Попова.* Сыктывкар, 2017. С. 95—108. {*Kelmakov V. K.* From the history of literal recording of affricates in Udmurt and Komi-Permyak writing systems // Permistics-16: Dialects and history of Permian languages interacting with other languages: A collection of scientific articles. / Editor-in-chief *R. P. Popova.* Syktyvkar, 2017. P. 95—108.}

Крапоткина 2012 — *Крапоткина И. Е.* Участие учебных заведений казанского округа в выставках // Облик российской провинции: исторические и современные социокультурные проблемы. V Международные Стахеевские чтения: Материалы научной конференции. Елабуга, 2012. С. 331—334. {*Krapotkina I. E.* Kazan district institutions of learning take part in exhibitions // Image of Russian province: Historical and modern socio-cultural problems. 5th International Stakheev readings: Materials of the scientific conference. Yelabuga, 2012.}

Кротовъ 1785 — *Кротов З.* Удмуртско-русский словарь / РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ. Ижевск, 1995 (= Краткой Вотской словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захаріею Кротовымъ, 1785 года). XX. {*Krotov Z.* Udmurt-Russian dictionary / RAS. UrD. Udmurt Institute of HLL. Izhevsk, 1995 (= Consise Wotyak Dictionary with Russian Translation, compiled and put in alphabetical order by Zakharia Krotov, priest of the Yelovskoe village Trinity church, in 1785.}

Лимерова 2012 — *Лимерова В. А.* Повествовательная словесность коми края XIX в.: формирование национальной литературной традиции // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2012. Т. 105, 3. С. 180—188. {*Limerova V. A.* Narrative literature of the Komi March in the 19th cent.: Making of the national literary tradition // Ural Federal University Report. Series 2: Humanities. 2012. Part 105. Vol. 3. P. 180—188.}

Лыткин 1957 — *Лыткин В. И.* Историческая грамматика коми языка. Ч. I: Введение. Фонетика. Сыктывкар, 1957. {*Lytkin V. I.* Historical grammar of the Komi language. Part I: Introduction. Phonetics. Syktyvkar, 1957.}

Майтинская 1955 — *Майтинская К. Е.* Венгерский язык. Ч. 1: Введение. Фонетика. Морфология / АН СССР. Ин-т языкозн. М., 1955. {*Maytinskaya K. E.* Hungarian language. Part 1: Introduction. Phonetics. Morphology / AS USSR. Institute of linguistics. M., 1955.}

Мефодьев 2008 — *Мефодьев А. И.* Чувашская детская литература. Часть 1: истоки, возникновение, формирование. Чебоксары, 2008. {*Mefodyev A. I.* Chuvash children's literature. Part 1: origins, birth, development. Cheboksary, 2008.}

Могилин 1786 — *Могилин М.* Краткой отяцкія Грамматики опытъ = Опыт краткой удмуртской грамматики / Отв. ред. *Л. Е. Кириллова.* Ижевск, 1998. {*Mogilin M. A.* A treatise on a consise Udmurt grammar / Editor-in-chief *L. E. Kirillova.* Izhevsk, 1998.}

Мошкова 2013 — *Мошкова Л. В.* Влияние конфессионального фактора на состав и содержание российских азбук и букварей XIX — начала XX вв. // Западноевропейская и российская учебная литература XVI — начала XX вв.: конфессиональный аспект. Сб. научн. ст. / Под ред. *Л. В. Мошковой* и *В. Г. Безрогова.* М., 2013. С. 250—300.

{*Moshkova L. V.* Factor of denomination influencing the composition and contents of Russian alphabet books and primers of 19th and early 20th cent. // *Western European and Russian educational literature from 16th to early 20th cent.: denominational aspect. A collection of scientific articles.* / Ed. *L. V. Moshkova, V. G. Bezrogov.* M., 2013. P. 250—300.}

Нуриева 2014 — *Нуриева И. М.* Удмуртская музыкально-песенная традиция: специфика жанрообразования и функционирования: дис ... докт. искусствоведения. Ижевск, 2014. {*Nurieva I. M.* Udmurt musical and singing tradition: specifics of genre creation and functioning. Doctor of Art Studies thesis. Izhevsk, 2014.}

Одоевский 1989 — *Одоевский В. Ф.* Утренняя песня // *Русская поэзия детям.* Л., 1989. С. 134—135. {*Odovskiy V. F.* Morning song // *Russian poetry for children.* L., 1989. P. 134—135.}

Пантелеева 2016 — *Пантелеева В. Г.* Удмуртская поэзия и перевод: анализы, интерпретации, комментарии: монография. Ижевск, 2016. {*Panteleeva V. G.* Udmurt poetry and translation: analyses, interpretations, commentaries: Monography. Izhevsk, 2016.}

Первухин 1888 — *Первухин Н.* Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз III: Следы языческой древности в образцах произведений устной народной поэзии вотяков (лирических и дидактических). Вятка, 1888. {*Pervukhin N.* Sketches of legends and of everyday life of the Glazovskiy uezd natives. Sketch III: Traces of pagan antiquity in some works of oral folk poetry of Votyaks (lyrical and didactical). Vyatka, 1888.}

Ромодановская 2010 — *Ромодановская Е. К.* Роль переводных памятников XVII в. в становлении новой жанровой системы русской литературы // *Эволюция жанров в литературе Урала XVII—XX вв. в контексте общероссийских процессов* / *О. В. Зырянов, Т. А. Снигирева, Е. К. Созина* и др.; отв. ред. ак. *В. В. Алексеев.* Екатеринбург, 2010. С. 93—104. {*Romodanovskaya E. K.* The part that translated monuments of 17th century played in creating the new genre system of Russian literature // *Evolution of genres in Ural literature of 17th-20th cent. as part of nationwide processes* / *O. V. Zyryanov, T. A. Snigireva, E. K. Sozina* et al.; editor-in-chief *Ac. V. V. Alekseev.* Ekaterinburg, 2010. P. 93—104.}

Руководство 1889 — см.: Ислентьев 1889а. {see Ислентьев 1889а.}

Священная История 1877 — *Священная История Ветхого и Нового Завета.* На Вотяцком языке / Издание Православного Миссионерского Общества. Казань, 1877. {*Sacred History of the Old and New Testaments.* In Votyak language / Edition of the Orthodox Missionary Society. Kazan, 1877.}

Смирнов 1890 — *Смирнов И. Н.* Вотяки: Историко-этнографический очерк // *Известия Об-ва археол., ист. и этногр. при Императ. Казанском ун-те.* Т. 8, 2. Казань, 1890. {*Smirnov I. N.* Votyaks: A historical-ethnographical survey // *Imperial Kazan University Society of Archaeology, History and Ethnography Report.* Part 8. Vol. 2. Kazan, 1890.}

Сочинения 1775 — *Сочинения, принадлежащие к грамматике вотского языка.* СПб., 1775. {*Works that pertain to the Votyak language grammar.* SPb., 1775.}

Травников, Ольшевская 2007 — *Травников, С. Н., Ольшевская Л. А.* История русской литературы. Древнерусская литература: учеб. пособие для вузов. М., 2007. {*Travnikov S. N., Olshevskaya L. A.* History of the Russian literature. Old Russian literature: A textbook for higher education. M., 2007.}

Уваров 1984 — *Уваров А. Н.* Гуманистический пафос книг для чтения удмуртских просветителей конца XIX — начала XX вв. // *Вопросы истории и поэтики удмуртской литературы и фольклора: Сб. ст. / НИИ при Сов. Мин. Удмуртской АССР.* Ижевск, 1984. С. 5—16. {*Uvarov A. N.* Humanistic verve of the books for reading of Udmurt educators of late 19th — early 20th cent. // *Issues in history and poetics of the Udmurt literature and folklore: A collection of articles* / RI of the Council of Ministers of Udmurt ASSR. Izhevsk, 1984. P. 5—16.}

Учебник 1888 — см.: Ислентьев 1888. {see Ислентьев 1888.}

Учебник 1889 — см.: Ислентьев 1889б. {see Ислентьев 1889б.}

Ушинский 1949 — *Ушинский К. Д.* Собрание сочинений. Т. 6. Родное слово. Книга для детей. Год первый и второй / Ред. кол.: *А. М. Еголин* (гл. ред.), *Е. Н. Медынский, В. Я. Струминский.* М.—Л., 1949. {*Ushinskiy K. D.* Collected works. Part 6. Native word. Book for children. First and second years / Ed. *A. M. Egoлин* (editor-in-chief), *E. N. Medynskiy, V. Ya. Struminskiy.* M.—L., 1949.}

Фролова 1996 — *Фролова Г. Д.* Просветители удмуртского народа: Очерки развития педагогической мысли. Ижевск, 1996. {*Frolova G. D.* Educators of the Udmurt people: Essays on the development of pedagogical thought. Izhevsk, 1996.}

Фролова 2000 — *Фролова Г. Д.* Ислентьев Владислав Алексеевич // *Удмуртская Республика: энциклопедия.* Ижевск, 2000. {*Frolova G. D.* Islentyev Vladislav Alekseevich // *Udmurt Republic: An Encyclopaedia.* Izhevsk, 2000.}

Aminoff 1886 — *Aminoff T. G.* Wotjakilaisia kielinäytteitä // JSFOu. (Helsinki) 1886. I. P. 32—55.

Das Evangelium 1863 — *Das Evangelium des Matthaus wotjakisch, mit Hilfe eines eingeborenen Wotjaken redigiert* von F. J. Wiedemann, Mitglie der Kaiserl. Akad. d. Wissenschaften in St. Petersburg. London, 1863.

Penttilä 1927 — *Penttilä A.* Die Vertretung des urpermischen inlautenden *ŋ im heutigen syrjänischen und wotjakischen // FUF. (Helsinki) 1927. XVIII. S. 108—115.

Munkácsi 1887 — *Munkácsi B.* Votják népköltészeti hagyományok. Budapest, 1887.

Ootila 1933 — *Ootila T. E.* Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen. Helsinki, 1933.

Wichmann 1893 — *Wichmann Y.* Wotjakische Sprachproben. I. Lieder, Gebete und Zaubersprüche. Helsingfors, 1893. XX + 200 s.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена исследованию учебно-методических пособий В. А. Ислентьева, содержащих обширный текстовый материал переводного характера. Установлено, что включенные в его книги произведения разнообразны в жанровом и тематическом отношении. В основном, это естественнонаучный (природоведческий), литературно-художественный и религиозный материал, при котором упор сделан на прозаические и поэтические тексты. Выявлено, что весь материал уложен на т.н. «светский блок» и «конфессиональный блок». Предпринята попытка жанровой дифференциации текстов, атрибуции их авторов и названий; аргументированы причины обращения В. А. Ислентьева к переложениям. На примере отдельных произведений демонстрируется алгоритм переводческих техник и операций автора. Аналитический обзор учебников позволил сделать вывод о том, что В. А. Ислентьев впервые обратил внимание на удмуртские синонимы, которыми он пользовался при переводе отдельных предложений в упражнениях и связных текстов. Прослеживается также своеобразие авторской графики и орфографии.

SUMMARY

The article aims to study textbooks by V. A. Islentyev, which contain numerous translated texts. They have been established to belong to different genres and topics. The analyzed material mostly covers a series of topics relating to natural science, literature and religion, and comprises both prosaic and poetic texts. The study demonstrates that the texts are grouped into two parts, secular and religious ones. The author attempts to differentiate the texts by genre, to reconstruct their authorship and original names, and also states the reasons why V. A. Islentyev had used translated versions. Taking some pieces as an example, the author demonstrates the algorithm of translation techniques and operations. Analytical review of the textbooks allowed the researcher to conclude that V. A. Islentyev was the first person who took notice of Udmurt synonyms and used them while translating sentences in exercises and texts. The study investigates the originality of V. A. Islentyev's calligraphy and spelling.

Ключевые слова: удмуртская литература, русская словесность, учебно-методические пособия, переводческая деятельность, православная культура

Keywords: Udmurt literature, Russian literature, training manuals, translation activities, Orthodox culture

Кельмаков Вале́й Кельмакович, Удмуртский государственный университет (Ижевск)
Valey K. Kelmakov, Udmurt State University (Izhevsk)

Камитова Алевтина Васильевна, Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН (Ижевск); akamitova@mail.ru

Alevtina V. Kamitova, Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of Russian Academy of Sciences (Izhevsk); akamitova@mail.ru

Аналитические конструкции с формами глагола ‘быть’ в горномарийском языке¹

1. Введение

Предметом исследования в нашей статье является семантика аналитических конструкций с формами глагола ‘быть’ в горномарийском языке (< марийские < финно-пермские < финно-угорские < уральские). Подавляющее число говорящих на нем сосредоточено в Горномарийском районе республики Марий Эл.

Наша статья опирается на данные, собранные в ходе горномарийских экспедиций отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова в село Кузнецово Горномарийского района республики Марий Эл. Работа велась также в близлежащих деревнях: Тюманово, Малый и Большой Апшак-Пеляк, Паулкино, Кукшилиды. Для получения данных применялся в основном метод анкетирования информантов (такие примеры подаются без специальных помет). Также привлекается материал корпуса записанных в экспедиции текстов, включающего на настоящий момент около 6 часов звучащей речи. Примеры из корпуса в нашей статье имеют помету «корпус», указанную в скобках. Горномарийские примеры оформлены латиницей, а примеры из других языков — в соответствии с записью в используемых нами источниках.

Структура статьи будет выстроена следующим образом: в разделе 2 мы кратко охарактеризуем глагольную систему горномарийского языка и инвентарь форм с референцией к прошлому, сосредоточившись затем непосредственно на аналитических формах с клитиками, восходящими к глаголу ‘быть’. Для данных форм в разделе 3 мы изложим описания, которые дают традиционные марийские грамматики, после чего представим в разделе 4 наш анализ, сопровождающийся краткими комментариями относительно дистрибуции клитик в приводимых нами примерах. В разделе 5 будет дан типологический обзор сходных явлений в близкородственных языках в сопоставлении с горномарийским материалом. В заключение в разделе 6 мы сформулируем основные выводы.

2. Архитектура видовременной системы горномарийского языка

Горномарийский язык выдерживает двучленную оппозицию временных глагольных форм. В нем имеется, с одной стороны, форма Непрошедшего времени (1), которая может реферировать как к настоящему, так и к будущему, и употребляется как в актуально-длительных, так и в генерических и хабитуальных контекстах (данные по анкете ТАМ, предложенной в [Dahl 1985], представлены в [Щербинин 2016]). С другой стороны, форме Непрошедшего времени противопоставлен целый комплекс глагольных форм с референцией к прошлому, состоящий из двух синтетических (Аорист и Перфект — см. (2)—(3)) и целого ряда аналитических форм, которым и посвящена данная статья.

- (1) *tädä sirmäš-äm sir-ä.*
он письмо-ACC писать-NPST.3SG
1. ‘Он пишет письмо’.
2. ‘Он будет писать письмо’.
- (2) *tädä sirmäš-äm sir-äš.*
он письмо-ACC писать-AOR.3SG
‘Он написал письмо’.
- (3) *tädä sirmäš-äm sir-en.*
он письмо-ACC писать-PRF.3SG
‘Он написал письмо’.

В традиционных работах по марийской грамматике выдвигались гипотезы о том, что семантическое противопоставление форм Аориста и Перфекта лежит в сфере эвиденциальности (см. [Васильев 1918; Саваткова 2002]) или временной дистанции (см. [Васильев 1887]). В связи с этим многие исследователи трактовали Аорист как «недавно-прошедшее» или «прошедшее очевидное» время, а Перфект обознача-

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ №16-06-00536а.

ли как «прошедшее несовершенное», прошедшее со значением «давнего прошлого» [Пенгитов 1961], «прошедшее неочевидное» (“Tempus der indirekten Schilderung, <...> der mittelbaren Beobachtung” по [Alhoniemi 1993: 115]) и т. п.

На настоящий момент в работе [Голосов, Козлов, в печати] предложен альтернативный анализ для горномарийского говора села Микряково, который представляется достаточно убедительным и не противоречащим нашему материалу. В данной работе утверждается, что выбор между двумя прошедшими временами на самом деле определяется структурой дискурса и, в первую очередь, позицией *наблюдателя* (или *точкой отсчета*, в понимании [Падучева 2010]). Е. В. Падучева выделяет два возможных режима интерпретации дискурса: диалогический (обмен репликами в режиме «здесь и сейчас») и нарративный (для интерпретации высказываний становятся важными место и время, в которых локализованы события нарратива, происходит «перенос в прошлое»). При референции к прошлому в диалоге мы имеем дело с ретроспективным наблюдателем, а при нарративе наблюдатель как бы движется вместе с событиями дискурса, потому его принято называть синхронным.

В [Голосов, Козлов, в печати] Аорист рассматривается как «прошедшее время с дополнительным условием смежности времени ассерции и позиции Наблюдателя»: в диалогическом режиме время ассерции (т.ж. окно наблюдения) располагается непосредственно до момента речи (с которым совпадает позиция наблюдателя), а в нарративе время ассерции расположено непосредственно после позиции наблюдателя (поскольку наблюдатель движется синхронно с описываемыми событиями, и каждое предшествующее событие служит точкой отсчета для последующего). Это во многом объясняет, почему в грамматических очерках зачастую содержится указание на «недавность» действия, выраженного Аористом. Перфект же оказывается нечувствительным к позиции наблюдателя и фактически маркирует предшествование окна наблюдения времени высказывания.

В силу перечисленных выше свойств, Перфект может открывать нарратив о событиях прошлого, сколь угодно отдаленного от момента речи, задавая ретроспективную точку отсчета (ср. стратегию «сдвиг начальной точки» и различные способы ее выражения, обсуждаемые в работе [Сичинава 2008]). После этого становится равновозможным использование Перфекта и Аориста для маркирования смежных друг друга перфективных ситуаций. Для наглядности мы приведем нарратив (34) из работы [Голосов, Козлов, в печати: 17], который здесь цитируется в (4):

- (4) a. *ikänä barin keles-en što t'ot'a-m saltak-äš ke-šäšlâk.*
однажды барин сказать-PRF[3SG] что дедушка-POSS.1SG солдат-ILL идти-PTCP.DEB
- b. *män'-än kogo papa tol-ân / tol'-â tädä-n dokâ dä keles-en /*
я-GEN большой бабка идти-PRF[3SG] идти-AOR.3SG тот-GEN к и сказать-PRF[3SG]
keles-äš što värä-šä-žä män' ške=ok saltak-äš ke-em.
сказать-AOR.3SG что место-ILL-POSS.3SG я сам=EMPH солдат-ILL идти-NPST.1SG
- c. *barin kogon ör-ân / ör'-ä.*
барин очень удивиться-PRF[3SG] / удивиться-AOR.3SG
'{Мой дед с детства хромал на одну ногу.} Однажды барин сказал_{prf/*aor}, что он должен пойти в солдаты. Моя прабабка пошла_{aor/prf} к нему и сказала_{aor/prf}, что она вместо него сама в солдаты пойдет. Барин очень удивился_{aor/prf}'.

Интересующие нас аналитические формы образуются сочетанием финитного глагола в Непрошедшем времени или Перфекте (сочетание с Аористом невозможно) с клитиками *äl'ä/älân*, этимологически восходящими к глаголу *äläš* 'быть'. Вообще говоря, бытийный глагол свободно функционирует в качестве глагола-связки в именной предикации, см. (5)—(6).

- (5) *šudâ molânam âzar-gâ-rak âl'-â / âl-ân.*
трава раньше зеленый-FULL-CMPR быть-AOR.3SG / быть-PRF.3SG
'Трава раньше была зеленее'.
- (6) *män'-ân ât'ä-m vrač âl-eš.*
я-GEN отец-POSS.1SG врач быть-NPST.3SG
'Мой отец — врач'.

Однако, выступая в роли клитики в аналитической конструкции, бытийный глагол «застывает» в форме третьего лица единственного числа Аориста (*äl'ä*) или Перфекта (*älân*). Как видно из (7)—(8), согласования клитик с подлежащим по лицу и числу не происходит.

(7) *män' škol-äškâ kej-em ä'l'-ä / ä'l-än / *ä'l'-äm / *ä'l-än-am.*
 я школа-ILL ходить-NPST.1SG быть-AOR.3SG быть-PRF.3SG быть-AOR.1SG быть-PRF-1SG
 'Я ходил в школу'.

(8) *män' škol-äškâ ke-n-äm ä'l'-ä / ä'l-än / *ä'l'-äm / *ä'l-än-am.*
 я школа-ILL ходить-PRF-1SG быть-AOR.3SG быть-PRF.3SG быть-AOR.1SG / быть-PRF-1SG
 'Я ходил в школу'.

Заметим при этом, что в статье [Kangasmaa-Minn 1960], посвященной прошедшим временам в луговом наречии марийского языка, содержится указание на возможность согласования бытийного глагола с подлежащим во множественном числе (данная возможность отмечается для уржумского говора, который включается марийскими лингвистами в состав лугового наречия — [Иванов 1981; Куклин 2016]). Глагол *ulaš* для 1—3 лиц множественного числа принимает формы *ul-na*, *ul-da* и *ul-ät* соответственно. В горномарийском языке подобного согласования не происходит:

(9) *mä ängär-äs kašt-aš jarat-en-nä ä'l'-ä / *ä'l-na / ä'l-än / *ä'l-än-na.*
 мы река-ILL ходить-INF любить-PRF-1PL быть-AOR.3SG быть-AOR.1PL / быть-PRF.3SG / быть-PRF-1PL
 'Мы любили ходить на речку'.

3. Описание перифрастических форм в марийских языках: история вопроса

В грамматике горномарийского языка исследуемые аналитические конструкции традиционно описываются как разные глагольные времена. Так, в [Саваткова 2002: 204—208] находим, что «описательные или сложные формы прошедшего времени образуются с помощью вспомогательных глаголов *ä'l'ä* и *ä'län*». Эти формы обозначены как «прошедшее длительное I и II» (для сочетания «Непрошедшее время + *ä'l'ä/ä'län*», которое выражает «продолжительное, неограниченное действие») и «предпрошедшее I и II» (для комбинации «Перфект + *ä'l'ä/ä'län*», выражающей «прошедшее действие, которое совершалось до другого действия»).

Авторы грамматик лугового наречия марийского языка поступают сходным образом: «сложных (описательных) прошедших времен в марийском языке четыре», причем для их обозначения выбирают идентичные ярлыки — «прошедшее длительное I и II» и «предпрошедшее I и II» [Пенгитов 1961: 190—197]. «Прошедшее длительное I-е выражает продолжительное, незаконченное в прошлом действие, не ограниченное каким-либо промежутком времени», а его основным отличием от прошедшего II-го служит «очевидность», известность для говорящего. «Предпрошедшее I», по Н. Т. Пенгитову, «выражает такое прошедшее действие, которое совершилось или совершалось до другого действия» (вновь с оттенком очевидности действия). «Предпрошедшее II» может выражать давнопрошедшее или предшествующее другому действию в прошлом.

Аналогичная интерпретация приводится в грамматике марийского языка [Alhoniemi 1993: 106—107, 115—116], где когнатные конструкции с клитиками *ä'l'ä* и *ulmaš* описаны как перифрастический имперфект (маркирующий продолжающееся или повторяющееся в прошлом действие) и перифрастический перфект (маркирующий предшествование во времени).

Наиболее подробный анализ семантики перифрастических форм представлен в работе [Серебренников 1960]. Б. А. Серебренников также описывает четыре сложные формы по отдельности, в его работе мы находим прошедшее длительное и преждепрошедшее времена (луговомарийские формы Непрошедшего и Перфекта с *ыле*), а также «прошедшее длительное абсентива» и «преждепрошедшее абсентива» (аналогичные формы с *улмай*).

В число основных функций прошедшего длительного входит обозначение фонового действия («создание общего фона повествования»), давнопрошедшего хабитуального действия («действие, происходившее когда-то давно», «многократное действие в прошлом»), а также этим временем может маркироваться дуратив в прошедшем («употребление <...> в значении английского Past continuous tense»). «Прошедшее длительное абсентива» Б. А. Серебренников, в отличие от своих предшественников, предлагает «не выделять в особое время», поскольку по сравнению с прошедшим длительным оно лишь дополнительно «осложнено модальным оттенком неочевидности». В качестве примера при этом приводятся употребления данной формы, которые в современной терминологии (см., например, [Плунгян 2011]) можно было бы охарактеризовать как репортативные (сообщение о ситуации с чужих слов) и инферентивные (вывод о ситуации делается на основе некоторого наблюдаемого результата).

Преждепрошедшее время характеризуется Б. А. Серебренниковым как плюсквамперфект («действие, происходившее и закончившееся ранее другого действия»), который может обозначать и давнопрошед-

шее действие без эксплицитной точки отсчета в прошлом («соотносимое с плюсквамперфектом прошедшее время вообще отсутствует»). Наиболее интересно, что в данной работе, по-видимому, впервые обращается внимание на «другой тип» плюсквамперфекта, который маркирует «неосуществившееся намерение, парализованное другим действием, или действие, почему-либо прерванное другим действием, противоположным по своему характеру». Очевидно, данный пассаж описывает антирезультативное (в терминологии [Плунгян 2001]) значение марийского преждепрошедшего времени, на котором ни до, ни после работы Б. А. Серебренникова внимание исследователей не заострялось. «Преждепрошедшее абсентива» также может выражать значение плюсквамперфекта, но с ожидаемым «оттенком неочевидности действия», при этом материал иллюстрируется главным образом инферентивными употреблениями рассматриваемой формы. Заметим, что такие употребления соотносятся в основном с третьим лицом; использование «преждепрошедшего абсентива» от первого лица возможно, по Б. А. Серебренникову, в том случае, если «говорящий до некоторой степени сомневается в истине сообщаемого», но такие примеры достаточно редки.

Таким образом, авторы марийских грамматик сходятся во мнении о том, что аналитические формы с $\hat{a}l'\hat{a}$ и $\hat{a}l\hat{a}n$ суть разные глагольные времена, реферирующие к прошлому. При этом сочетание Непрошедшего времени с клитиками обозначает продолжительное, незаконченное действие в прошлом, а конструкция «Перфект + $\hat{a}l'\hat{a}/\hat{a}l\hat{a}n$ » выражает действие, предшествовавшее другому действию в прошлом. На возможность антирезультативного прочтения формы Перфекта с клитиками указывается только в работе [Серебренников 1960].

4. Структура и семантика аналитических конструкций с формами глагола 'быть' в горномарийском языке

Как было показано в предыдущем разделе, в традиционных грамматических описаниях марийских языков принято считать аналитические глагольные формы разными глагольными временами. Мы, однако, предлагаем не проводить подобного различия в системе видовременных форм горномарийского языка и предпочитаем считать клитики $\hat{a}l'\hat{a}/\hat{a}l\hat{a}n$ самостоятельным грамматическим показателем, функционирующим как маркер ретроспективного сдвига.

Показатели ретроспективного сдвига присоединяются к уже охарактеризованным по времени финитным глаголам. Основной функцией такого грамматического показателя, согласно [Плунгян 2001] и [Plungian, van der Auwera 2006], является изменение уже существующей временной локализации ситуации, а именно — сдвиг по оси времени назад (ср. (10)—(11)). Это противопоставлено функции типичных граммем глагольного времени, которые соотносят не охарактеризованную по параметру времени ситуацию с моментом речи или иной точкой отсчета.

(10) $m\hat{a}n'$ $l\hat{a}d\hat{a}š-vl\hat{a}-m$ *sir-em.*
я стихотворение-PL-ACC писать-NPST.1SG
'Я пишу стихи'.

(11) $m\hat{a}n'$ $l\hat{a}d\hat{a}š-vl\hat{a}-m$ *sir-em* $\hat{a}l'\hat{a} / \hat{a}l-\hat{a}n.$
я стихотворение-PL-ACC писать-NPST.1SG RETR1 / RETR2
'Я писал стихи'.

Семантика конструкций с клитиками $\hat{a}l'\hat{a}/\hat{a}l\hat{a}n$ представляется вполне предсказуемой: ядерными маркируемыми значениями оказываются прекращенное или отдаленное прошлое и аннулированный результат, что широко зафиксировано типологически — см. [Плунгян 2001; Plungian, van der Auwera 2006; Петрухин, Сичинава 2006; Сичинава 2013] и др. В данном разделе мы рассмотрим основные значения аналитических конструкций с клитиками в горномарийском языке, проиллюстрировав каждое соответствующими употреблениями.

4.1. Прекращенное прошлое

4.1.1. Хабитуалис в прошедшем

Значение прекращенного прошлого («перенос ситуации в закрытые временные интервалы в прошедшем» по [Сичинава 2013: 28], *past temporal frames* в терминологии [Dahl 1985]; тж. неактуальное прошлое и «отсутствие текущей релевантности» [Аркадьев 2014]) может выражаться сочетанием клитик с формами как *непрошедшего времени*, так и *перфекта* (см. примеры ниже).

- (12) *pet'a izi-žə god-əm každəj kečə-n lem-əm kačk-eš əl'ə / ələn.*
Петя маленький-POSS.3SG год-ACC каждый день-GEN суп-ACC есть-NPST.3SG RETR1 / RETR2
'В детстве Петя каждый день ел суп'.
- (13) *vot kuzək šündək don ke-üt ələn.*
вот приданое.невесты сундук с идти-NPST.3PL RETR2
'Вот с сундуком приданого шли замуж' (корпус).
- (14) *mä šänz-en-nä əl'ə / ələn okn'a anzəl-nə də anž-en-nä ləm-əm.*
мы сидеть-PRF-1PL RETR1 / RETR2 окно перед-IN2 и смотреть-PRF-1PL снег-ACC
'Мы бывало сидели у окна и смотрели на снег'.
- (15) *sedə-n dono pətəri toma-vlə-m karem tər-əškə šənd-en-ət ələn.*
тот-GEN с прежде дом-PL-ACC овраг край-ILL ставить-PRF-3PL RETR2
'Поэтому сначала дома ставили на краю оврага'. (корпус)

В приведенных примерах представлены ситуации, повторявшиеся некогда в прошлом, об актуальности которых на настоящий момент ничего не сообщается. По-видимому, такое значение хабитуалиса в прошедшем прагматически предполагает, что описываемая ситуация утратила текущую релевантность. Впрочем, этот компонент значения не входит в пресуппозицию, что показывает пример (16) (хотя полученный контекст представляется искусственным и едва ли возможен вне ситуации элицитации):

- (16) *molnam mən'ə šəre-n=ok tə šərgə-štə kašt-ən-am əl'ə / ələn,*
раньше я частый-GEN=EMPH тот лес-IN ходить-PRF-1SG RETR1 / RETR2
də kəzət=ət kašt-am.
и сейчас=ADD ходить-NPST.1SG
'Раньше я часто гулял в том лесу, да и теперь гуляю'.

В большинстве случаев для выражения рассматриваемого нами хабитуального значения в составе аналитической конструкции финитные формы (NPST и PRF) взаимозаменяемы. Обе эти формы в независимом употреблении (без клитик) способны выступать в хабитуальных контекстах (цит. по [Щербинин 2016]):

- (17) *vsegda kən'əl-əm irok kud cəš-ən.*
всегда вставать-NPST.1SG утро шесть час-GEN
'Я всегда встаю в шесть утра'.
- (18) *tədə sirməš-vlə-m sir-en.*
он письмо-PL-ACC писать-PRF.3SG
'(Что твой брат обычно делал после завтрака?) Он писал письма'.

Роль клитик в данном случае состоит исключительно в сдвиге повторяющейся ситуации по оси времени назад. Мы предполагаем, что выбор форм NPST или PRF определяется не грамматическими различиями в их дистрибуции, а нарративной стратегией говорящего.

4.1.2. Дуратив в прошедшем

В семантическую зону прекращенного прошлого попадают дуративные значения, связанные с введением «фонового действия» для некоторого события в прошлом. О «фоновом» значении глагольной формы принято говорить в случае, когда она маркирует одно из одновременно осуществляющихся действий, служащее «фоном» для второго [Сичинава 2013: 144]. Так, применительно к литературному немецкому языку использование формы плюсквамперфекта в контексте двух одновременных действий подчеркивает «разобщенность» этих действий [Шендельс 1970: 108].

Подобные значения в горномарийском языке маркируются комбинацией клитик с глаголами в форме *непрошедшего времени*, что позволяет сохранить имперфективный видовой ракурс, позволяющий представить ситуацию как темпорально неограниченную (см. [Шлуинский 2017: 25] и приведенные в этой работе ссылки):

- (19) *kənat mən'ə pər-əš-əm, vas'a knigə-m ləd-eš əl'ə / ??ələn.*
когда я прийти-AOR-1SG Вася книга-ACC читать-NPST.3SG RETR1 / RETR2
'Когда я пришел, Вася читал книгу'.

- (20) *ävä-štä tol-mâkâ, t'et'ä-vlä amal-at âl'â / ??âlân.*
 мама-POSS.3PL приходит-СVB ребенок-PL спать-NPST.3PL RETR1 / RETR2
 'Когда мама пришла, дети уже спали'.

Необходимо отметить, что клитика *âl'â* в дуративных контекстах является более предпочтительной, чем *âlân*, а также в подавляющем большинстве случаев возникает в качестве первой реакции при элициции.

4.1.3. Таксисное значение

Замена формы непрошедшего времени на *перфект* в случаях типа (19)—(20) вводит таксис предшествования (ср. нижеследующие пары примеров, где дуративное значение выражено в (21) и (23), а значение предшествования — в (22) и (24)). Сочетание перфекта с клитиками аналогично по функциональной нагрузке «европейскому плюсквамперфекту», выражающему действие, совершенное до времени ассерции (под временем ассерции понимается тот отрезок на временной оси, относительно которого делается некоторое утверждение):

- (21) *kabinet-eš pârâ-mâk-em šâžar-âm kid-šâ-m mâšk-eš âl'â / ??âlân.*
 кабинет-LAT войти-СVB-POSS.1SG сестра-ACC рука-POSS.3SG-ACC мыть-NPST.3SG RETR1 / RETR2
 'Когда я вошел в кабинет, медсестра мыла руки'.
- (22) *kabinet-eš pârâ-mâk-em šâžar-âm kid-šâ-m mâšk-ân âl'â / âlân.*
 кабинет-LAT войти-СVB-POSS.1SG сестра-ACC рука-POSS.3SG-ACC мыть-PRF.3SG RETR1 / RETR2
 'Когда я вошел в кабинет, медсестра уже вымыла руки'.
- (23) *kânam mä tol-ân-na, kečâ šânz-eš âlân / âl'â.*
 когда мы прийти-PRF-1PL солнце садиться-NPST.3SG RETR2 / RETR1
 'Когда мы вернулись, солнце садило'.
- (24) *kânam mä tol-ân-na, kečâ šânz-ân âlân / ??âl'â.*
 когда мы прийти-PRF-1PL солнце садиться-PRF.3SG RETR2 / RETR1
 'Когда мы вернулись, солнце уже зашло'.

Заметим, что в некоторых случаях (например, (24)) употребление клитики *âl'â* в контексте предшествования оценивается информантами как менее удачное. Возможно, это определяется функциональными различиями между формами Аориста (*âl'â*) и Перфекта (*âlân*). Проблема дистрибуции клитик обсуждается в разделе 4.6 настоящей статьи.

4.2. Антирезультативные значения

Значение аннулированного результата (результат ситуации перестал иметь место или был аномальным образом аннулирован [Плунгян 2001: 54]), как уже было сказано, типологически часто кластеризуется с семантикой показателя ретроспективного сдвига. Горномарийский язык не является в этом смысле исключением и маркирует данное значение сочетанием клитик с глаголом в форме *перфекта*. Вполне закономерна высокая частотность этого значения с предельными глаголами, имеющими четкую результативную фазу:

- (25) *mân' tâgâr-âm tumâšt-en-äm âl'â / âlân, a tädä eče kâšked=ät ke-n.*
 я рубашка-ACC зашить-PRF-1SG RETR1 / RETR2 а она еще рвать.СVB=ADD идти-PRF.3SG
 'Я зашила было рубашку, а она опять порвалась'.
- (26) *van'a šärgä-štâ jam-ân âl'â / âlân vara tädä-m mo-n-ât.*
 Ваня лес-IN потеряться-PRF.3SG RETR1 / RETR2 потом он-ACC найти-PRF-3PL
 'Ваня потерялся было в лесу, но потом его нашли'.

Рассматриваемые нами конструкции с клитиками могут быть употреблены для выражения еще одного значения, входящего в антирезультативный [Плунгян 2001] кластер, — значения недостигнутого результата. Под недостигнутым результатом понимается такая ситуация, когда движение к достижению конечной точки (к результирующей фазе) аномальным образом прерывается на срединной фазе процесса; его можно рассматривать как «неудачную попытку совершить действие» (см. [Аркадьев 2014: 52]), ср. (27):

- (27) *xala-škă ke-äš türvăn-en-nü âl'â, no pel kornâ-štâ mängeš sárnâl-nä.*
 город-ILL идти-INF отправиться-PRF-1PL RETR1 но половина дорога-IN обратно возвращаться-AOR.1PL
 'Мы пошли было в город, но на полпути повернули обратно'.

При этом в сочетании клитик с глаголами, результат которых невозможно или трудно отменить, интерпретация недостигнутого результата не возникает:

- (28) *kot'i kol-en âl'â, no veterinar veremä-štâ ukol-âm äšt-en.*
 кошка умирать-PRF.3SG RETR1 но ветеринар время-IN укол-ACC делать-PRF.3SG
 *'Кошка умирала, но ветеринар вовремя сделал укол'.
 ОК: 'Кошка умерла, но ветеринар вовремя сделал укол (тем самым воскресив ее)'.

4.3. Миративность

Конструкции с клитиками в горномарийском языке могут также иметь миративную (тж. адмиративную) семантику — маркировать ситуацию, противоречащую ожиданиям говорящего (см. [DeLancey 1997; 2001]). Для лугового марийского языка Б. А. Серебренников кратко отмечает, что употребление «прошедшего длительного времени абсентива» возможно в ситуации, когда говорящий был свидетелем действия, но «хочет выразить, что он этого никогда не мог ожидать от своего собеседника» [Серебренников 1960: 178].

В современной типологической литературе, насколько нам известно, пока не упоминалась возможность выражения миративности показателями ретроспективного сдвига. Впрочем, в языках мира зафиксированы употребления форм плюсквамперфекта (к семантике которого во многом близки значения, выражаемые маркерами ретроспективного сдвига) в эвиденциальном и связанном с ними миративном значении. Данное явление имеет место, например, в разговорном немецком, где т. н. сверхсложная форма² (форма Perfekt II вида *er hat vergessen gehabt* 'он было забыл') используется в пересказывательных и миративных контекстах (см. [Hennig 2000; Ammann 2005]), и в бежтинском языке³ (см. [Тестелец, Халилов 2002]). Значение 'неожиданности' у сверхсложных форм выделяется также для баскского языка и некоторых итальянских диалектов (подробнее об ареальной типологии сверхсложных форм см. [Сичинава 2013: 125—166]).

Миративное значение в горномарийском языке возникает при употреблении клитик с финитными формами *непрошедшего времени* в актуально-длительном значении, особенно показательны в этом отношении диалогические контексты типа (30):

- (29) *kudâvičä-škă läkt-äm dä už-am: vas'a äškal-âm*
 двор-ILL выходить-NPST.1SG и видеть-NPST.1SG Вася корова-ACC
šâpš-âl-eš âlân / ??âl'â!
 тянуть-MULT-NPST.3SG RETR2 / RETR1
 'Выхожу я во двор и вижу, что Вася, оказывается, корову доит!'

- (30) *van'a, tăn' ma piš sâlâk âl-at?*
 Ваня ты что очень грустный быть-NPST.2SG
 'Ваня, почему ты такой грустный?'

dä anž-et gän', pet'a zabor-âm čüält-ä âlân / ??âl'â!
 да смотреть-NPST.2SG же Петя забор-ACC красить-NPST.3SG RETR2 / RETR1
A vet' măn' äške čüältä-ne-m âl'â.
 а ведь я сам красить-OPT-1SG RETR1
 'Да ты смотри, Петя забор красит, оказывается! А я ведь сам покрасить хотел'.

Употребление клитик при финитных формах прошедшего времени в миративном значении засвидетельствовано и в опубликованных фольклорных текстах:

- (31) *pišok patâr âl-at âlân-âš.*
 очень сильный быть-NPST.2SG RETR2-EMPH
 'Оказывается, ты очень сильный' [Акцорин 1995: 22].

² В русскоязычной литературе устоялся именно такой перевод французского термина *passé surcomposé* (см. [Сичинава 2013: 125]).

³ Бежтинский язык — язык цезской группы нахско-дагестанской языковой семьи.

Мы хотели бы также упомянуть о возможности миративного прочтения клитик ретроспективного сдвига при формах *перфекта*: чаще всего оно возникает в контексте первого лица с клитикой *əlān*, которая, как мы уже говорили выше, представляет собой застывшую форму перфекта 3SG глагола 'быть'. Напомним, что перфект в горномарийском языке ранее, по-видимому, широко использовался в качестве «заглазной» формы, указывая на непрямую засвидетельствованность некоторой ситуации (в противоположность «очевидному» Аористу, см. ссылки в разделе 2 данной статьи). В настоящее время он уже практически утратил свою эвиденциальную «окраску», и противопоставления по прямому/непрямому типу доступа между Аористом и Перфектом не наблюдается:

- (32) *lapka-š sâkâr-âm kand-en-ät / OKkand-evä, män' ške=ok tidä-m uż-ân-am.*
 магазин-ILL хлеб-ACC привезти-PRF-3PL привезти-AOR.3PL я сам=EMPH это-ACC видеть-PRF-1SG
 'В магазин привезли хлеб, я сам это видел'. (зрительное восприятие)
- (33) *kâdal ert-äšä mašinä juk-âm kol'-âm,*
 ехать.CVB проезжать-PTCP.ACT машина голос-ACC слышать-AOR.1SG
lapka-š sâkâr-âm kand-evä / OKkand-en-ät vekät.
 магазин-ILL хлеб-ACC привезти-AOR.3PL привезти-PRF-3PL наверно
 'Я слышал шум проехавшей машины, похоже, в магазин привезли хлеб' (незрительное восприятие).
- (34) *lapka-š sâkâr-âm kand-en-ät / OKkand-evä*
 магазин-ILL хлеб-ACC привезти-PRF-3PL привезти-AOR.3PL
man-ät. tidä gišan paškud-em keles-äš.
 говорить-NPST.3PL это о сосед-POSS.1SG сказать-AOR.3SG
 'Говорят, в магазин хлеб привезли. Мне сказал это сосед' (репортаж).

Однако у некоторых информантов вплоть до настоящего момента сохраняется восприятие перфектной формы *əlān* как эвиденциальной (заметим при этом, что формы перфекта от других глаголов большинство носителей уже не связывает с ситуацией непрямого доступа к информации). Это позволяет использовать клитику *əlān* в контекстах косвенной эвиденциальности (речь от первого лица с указанием на отсутствие контроля над ситуацией), которые допускают миративное прочтение. Ср. примеры (35) и (37), в которых употребление *əlān* допускается, и (36) и (38), где подразумевается агентивный контроль, а употребление *əlān*, по мнению некоторых информантов, указывает на то, что говорящий «будто бы сам не помнит, как это происходило»:

- (35) *män' tengečä omân-ästâ kašt-ân-am (əlān / ??äl'ä).*
 я вчера сон-IN ходить-PRF-1SG RETR2 / RETR1
 'Я вчера, оказывается, ходил во сне'.
- (36) *män' tengečä lapka-š kašt-ân-am (äl'ä / *älān).*
 я вчера магазин-ILL ходить-PRF-1SG RETR1 / RETR2
 'Я вчера ходил в магазин'.
- (37) *män' tengečä paškud-em dono šiedäl-än-äm (əlān / ??äl'ä).*
 я вчера сосед-POSS.1SG с драться-PRF-1SG RETR2 / RETR1
jükšä əl-än-am, n'imat a-m äštä.
 пьяный быть-PRF-1SG ничего NEG-1SG помнить
 'Я вчера подрался с соседом, оказывается. Был пьян, ничего не помню'.
- (38) *tengečä paškud-em dono šiedäl-än-äm / OKšiedäl'-äm*
 вчера сосед-POSS.1SG с драться-PRF-1SG драться-AOR.1SG
*(šiedäl-än-äm ?äl'ä / *älān). tädä vätä-žä-m obižaj-en.*
 драться-PRF-1SG RETR1 / RETR2 он жена-POSS.3SG-ACC обижать-PRF.3SG
 'Вчера я подрался с соседом. Тот обидел жену'.

Предпочтения информантов относительно выбора клитики в форме перфекта *əlān* в контекстах типа (29)—(30), (35) и (37) могут свидетельствовать о развитии миративной семантики из эвиденциальной, которая некогда была свойственна горномарийскому Перфекту (см. [Пенгитов 1961; Саваткова 2002] о «прошедшем неочевидном» времени). Действительно, семантические «расширения» такого рода широко известны и описаны в типологических работах (например, см. [Aikhenvald 2004]). Однако нельзя

утверждать, что клитика $\hat{a}l'\hat{a}$, восходящая к форме с семантикой прямой засвидетельствованности, при этом *абсолютно* несовместима с миративными контекстами: сколько-нибудь строгих запретов на ее употребление в ходе опроса носителей получено не было.

4.4. Ирреальные значения

Одним из наиболее типологически распространенных употреблений плюсквамперфекта можно считать его функционирование в гипотетических конструкциях со значением ирреального условия (по [Dahl 1985: 145—146], [Сичинава 2013: 33]). Приближенные по своему набору функций к плюсквамперфекту «ретроспективизированные» глагольные формы также способны выступать в ирреальной посылке (протазисе) условной конструкции. Так, в работе [Плунгян 2001] отмечается, что показатели ретроспективного сдвига в языках мира маркируют не только реальные ситуации, относящиеся к отдаленному/прекращенному прошлому или претерпевшие отмену результата, но и ирреальные ситуации в составе условных конструкций. Подобные системы описаны, в частности, для языков ланго (см. [Noonan 1992]), волоф (см. [Church 1981]), лезгинского (см. [Haspelmath 1993]) и др.

Горномарийские клитики $\hat{a}l'\hat{a}/\hat{a}l\hat{a}n$ вписываются в типологическое представление о функционировании показателей ретроспективного сдвига в модальной сфере. Обзор условных конструкций в финно-угорских языках представлен в работе [Riese 1984], включающей в том числе материал марийского языка. Исследование структуры гипотетических конструкций в рассматриваемом нами идиоме горномарийского языка и возможностей употребления клитик в них было проведено в работе [Gareyshina 2017]. Дефолтным средством оформления условного предложения является неизменяемая форма $\hat{a}l\text{-}g\hat{e}c\text{-}\hat{a}$, представляющая собой глагол ‘быть’ в кондиционале (см. (39a)). Также условное предложение можно построить с помощью конструкций с клитиками, причем комбинация PRF + $\hat{a}l'\hat{a} / \hat{a}l\hat{a}n$ будет использована как в посылке (протазисе), так и в заключении (аподозисе) условной конструкции (см. (39b)).

(39) a. $m\hat{a}n' ves xala\text{-}\hat{s}k\hat{a} van\check{z}\text{-}en\text{-}\hat{u}m \hat{a}l\text{-}g\hat{e}c\text{-}\hat{a}, u t\hat{a}ng\text{-}vl\hat{a}\text{-}m$
я другой город-ILL переезжать-PRF-1SG быть-COND-AOR.3SG новый друг-PL-ACC
 $voj\text{-}en\text{-}\hat{u}m \text{ } ^{OK}\hat{a}l\hat{a}n / \text{ } ^{?OK}\hat{a}l'\hat{a}.$
находить-PRF-1SG RETR2 / RETR1

b. $m\hat{a}n' ves xala\text{-}\hat{s}k\hat{a} van\check{z}\text{-}en\text{-}\hat{u}m \hat{a}l'\hat{a} / \text{ } ^{?OK}\hat{a}l\hat{a}n g\hat{e}n', u$
я другой город-ILL переезжать-PRF-1SG RETR1 / RETR2 если новый
 $t\hat{a}ng\text{-}vl\hat{a}\text{-}m voj\text{-}en\text{-}\hat{u}m \hat{a}l'\hat{a} / \text{ } ^{?OK}\hat{a}l\hat{a}n.$
друг-PL-ACC находить-PRF-1SG RETR1 / RETR2

‘Если бы я переехал в другой город, я нашел бы новых друзей’. [Gareyshina 2017: 11, 14]

(40) $m\hat{a}n' ves xala\text{-}\hat{s}k\hat{a} van\check{z}\text{-}en\text{-}\hat{u}m \hat{a}l\hat{a}n / \text{ } ^{*}\hat{a}l'\hat{a} g\hat{e}n',$
я другой город-ILL переезжать-PRF-1SG RETR2 / RETR1 если
 $u t\hat{a}ng\text{-}vl\hat{a}\text{-}m voj\text{-}en\text{-}\hat{u}m \hat{a}l\hat{a}n / \text{ } ^{*}\hat{a}l'\hat{a}.$
новый друг-PL-ACC находить-PRF-1SG RETR2 / RETR1

‘Если бы я переехал в другой город (тогда), я нашел бы новых друзей’ [Gareyshina 2017: 22].

Важно отметить, что замена $\hat{a}l\hat{a}n$ на $\hat{a}l'\hat{a}$ в (40) невозможна. Употребление клитики $\hat{a}l\hat{a}n$ дефолтно приводит к интерпретации условия как контрафактического (ситуация переезда в другой город уже невозможна; в переводе предложения (40) на английский язык должен был бы возникнуть плюсквамперфект: *If I had relocated to another town, I would have found new friends*). За конструкцией с клитикой $\hat{a}l'\hat{a}$ в условном предложении закреплено значение ирреального условия (*If I relocated to another town, I would find new friends*), а с выражением контрафактической ситуации она не сопоставима.

4.5. Об инварианте значения клитик

Примеры, приведенные нами выше, демонстрируют широкий спектр употребления клитик $\hat{a}l'\hat{a}/\hat{a}l\hat{a}n$ с финитными глагольными формами. Эти употребления, однако, не являются пучком разнородных значений, присущих аналитическим конструкциям самим по себе; они обнаруживают лишь контекстные различия, возникающие при взаимодействии клитик с семантикой той или иной финитной формы глагола. Так, форма не прошедшего времени может иметь актуально-длительное или хабитуальное прочтения, которые в сочетании с клитиками ретроспективного сдвига преобразуются в дуратив в прошедшем и хабитуалис в прошедшем соответственно. Форма перфекта также способна трактоваться хабитуально или

маркировать завершённую ситуацию в прошлом. Присоединение клитик в таком случае даёт хабитуалис в прошедшем, вводит таксис предшествования, антирезультативный или ирреальный компонент значения.

Наше предположение состоит в том, что все разнообразие прочтений аналитических конструкций с клитиками исходит из собственной семантики клитик как маркера ретроспективного сдвига и тесно связанного с ним понятия *дистанции*. В «стандартном» случае мы имеем дело с чисто темпоральным «сдвигом»: исходная ситуация (выраженная финитной формой глагола в непрошедшем времени или перфекте) перемещается назад по оси времени, дистанцируясь от своей исходной точки. Исходная семантика глагольной формы (например, актуально-длительная, хабитуальная) при этом сохраняется. Для антирезультативных контекстов также можно постулировать введение при помощи клитик определённой дистанции между результирующим и новым состоянием.

В случае употребления клитик в ирреальных контекстах (в гипотетических и контрафактических условных конструкциях) вводится дистанция между реальным и ирреальным мирами: ситуация, описываемая конструкцией с клитиками, приписывается ирреальному (возможному) миру, не совместимому с миром реальным (ср. также трактовку маркеров ретроспективного сдвига как операторов, вводящих образ возможного мира в прошлом в [Plungian, van der Auwera 2006: 341]).

На понятие дистанции как неотъемлемого семантического компонента таких категорий, как эвиденциальность и миративность, в частности, указывается в работе [Chirikba 2003: 264]. Мы считаем, что в миративном контексте клитики вводят дистанцию метафорического характера, указывая на разрыв между актуальным положением дел и ретроспективным ожиданием говорящего, отличным от реальной ситуации.

4.6. К вопросу о дистрибуции клитик

В докладе [Воронов, Мордашова 2016] была предпринята первая попытка выявления закономерностей в распределении клитик $\hat{a}l'\hat{a}$ и $\hat{a}l\hat{a}n$. В Таблице 1 представлены сведения о дистрибуции клитик.

Таблица 1

Выбор между $\hat{a}l'\hat{a}$ и $\hat{a}l\hat{a}n$ в рассмотренных контекстах

	$\hat{a}l'\hat{a}$	$\hat{a}l\hat{a}n$	Примеры
NPST + клитики			
Дуратив	ОК	??	(19)—(20)
Прекращённое прошлое	ОК	ОК	(12)—(13)
Миративность	??	ОК	(29)—(31)
PRF + клитики			
Таксис предшествования	?? / ОК	ОК	(22), (24)
Прекращённое прошлое	ОК	ОК	(14)—(15)
Антирезультативные значения	ОК	ОК	(25)—(27)
Миративное прочтение / косвенная эвиденциальность	??	ОК (при отсутствии агентивного контроля)	(35), (37)
Ирреальное условие	ОК	?ОК	(39b)
Контрафактическое условие	*	ОК	(40)

Из вышеприведённой таблицы видно, что взаимозаменяемость клитик все же имеет некоторые пределы. Наиболее свободно обе клитики употребляются в контекстах прекращённого прошлого (напомним, что финитная форма непрошедшего времени не может встретиться при завершённой ситуации, см. разделы 4.1.2—4.1.3 данной статьи) и в антирезультативном значении (недостигнутого или аннулированного результата). В дуративном значении более предпочтительным оказывается выбор клитики $\hat{a}l'\hat{a}$, в то время как её употребление в таксисном значении одобряют не все информанты. В семантической зоне миративности и в условных конструкциях гораздо более свободно функционирует клитика $\hat{a}l\hat{a}n$ (тогда как $\hat{a}l'\hat{a}$ вовсе запрещается в контрафактических контекстах).

Мы предполагаем, что дистрибуция клитик примерно соответствует распределению функций между Аористом и Перфектом, которое, в свою очередь, связано с режимом интерпретации дискурса [Голосов, Козлов, в печати] (см. также раздел 2 настоящей статьи). Аорист, по-видимому, предполагает наличие синхронной точки отсчёта. В нотации [Reichenbach 1947] это соответствовало бы одновременности *Event* (обозначается E — некоторое действие, ситуация, о которой делается утверждение) и *Point of Reference* (обозначается R — точка отсчёта). R в случае с граммемами прошедшего времени всегда предшествует «моменту речи» — *Point of Speech* (S). Это объясняет предпочтения информантов в выборе кли-

тики $\hat{a}l'\hat{a}$ (аорист глагола 'быть') в дуративных контекстах типа (19)—(21), где точка отсчета (R) задается ситуацией во временной клаузе (например, *когда я пришел*), одновременно с которой разворачивается «фоновая» (дуративная) ситуация (E: например, *Вася читал книгу*).

Перфект, напротив, связан с ретроспективной точкой отсчета (E предшествует R, как у «классического» плюсквамперфекта), которая устанавливается при введении таксиса предшествования. Так, в примере (24) ситуация (E: *солнце зашло*), выраженная перифрастической конструкцией с клиткой ($\hat{a}l\hat{a}n$ оказывается при этом более предпочтительна), предшествует точке отсчета (R: *когда мы вернулись*), заданной временной клаузой.

Более частотный выбор клитки $\hat{a}l\hat{a}n$ (в противовес $\hat{a}l'\hat{a}$) в миративных контекстах также может быть связан со статусом горномарийского Перфекта, определенным в [Голосов, Козлов, в печати]: Перфект не является чувствительным к позиции наблюдателя и, в отличие от Аориста, не требует смежного времени ассерции. Миративные (и эвиденциальные) показатели в языках мира часто помогают говорящему дистанцироваться от ситуации, по поводу которой выражается удивление (см. [Козинцева 1994; Chirikba 2003]). Форма аориста с ее поверхностным «эффектом короткой временной дистанции» оказывается не лучшим кандидатом на роль миративного показателя, и выбор чаще разрешается в пользу Перфекта. Последствия данного эффекта мы наблюдаем, по-видимому, и в условных конструкциях, где употребление $\hat{a}l'\hat{a}$ ограничено ситуациями с ирреальным условием, выполнение которого теоретически возможно, хотя оно и оценивается как маловероятное. Контрафактическое условие, описывающее абсолютно не совместимое с реальностью положение вещей, может быть выражено исключительно перфектной формой клитки.

Заметим, что в данной статье мы не претендуем на окончательность выводов о распределении клитик по различным контекстам. Факторы, которые могут оказывать влияние на выбор той или иной клитки, требуют дальнейшего исследования.

5. Внутригенетические параллели

Показатели ретроспективного сдвига ранее описывались в типологической литературе. Так, обзор глагольных систем, включающих маркеры ретроспективного сдвига (*discontinuous past markers*), а также темпоральных, модальных и дискурсивных значений этих показателей представлен в статье [Plungian, van der Auwera 2006]. Множество типологических параллелей рассматривается в работе [Сичинава 2013], в том числе на материале финно-угорских языков. В нашей статье мы хотели бы остановиться прежде всего на данных, которые может предоставить внутригенетическая типология (в понимании [Кибрик 2003]), описав (на основании опубликованных работ) структуру и семантику сходных конструкций в удмуртском, коми-зырянском и мордовских (мокшанском и эрзянском) языках и сопоставив с ними горномарийский материал⁴. Когнатные аналитические конструкции с формами бытийного глагола зафиксированы также и в старовенгерском языке (см. [Csink 1853: 118—162; Kenesei et al. 1998: 296—297; Kiss 2017]). Детальных иллюстраций употребления этих форм в указанных источниках не приводится, однако имеющиеся описания не указывают на наличие в старовенгерском языке каких-либо употреблений данных форм, которые бы отсутствовали в других обсуждаемых нами языках.

В удмуртском языке в роли показателя ретроспективного сдвига выступает «застывшая» форма *вал* (этимологически — 3SG глагола 'быть' в прошедшем времени; в эвиденциальных контекстах — для прошедшего времени «абсентива», с оттенком «неочевидности действия» — используется форма *вылэм*), которая может присоединяться к финитным глаголам во всех синтетических временных формах [Серебренников 1960: 121—132]. Функциями плюсквамперфекта наделены две конкурирующие взаимозаменяемые конструкции, образованные сочетанием формы перфекта или простого прошедшего времени глагола с клиткой *вал*. Данные конструкции развивают типологически ожидаемые значения из зоны «неактуального» прошлого — прекращенное прошлое (включая давнопрошедшее; см. (41)—(42) и аннулированный/недостигнутый результат (43)—(44) [Петрухин, Сичинава 2006: 208]:

- (41) *Кемалась мон инмар-лэсь кур-ем вал ни, ул-он-эз йылпумъя-но лу-и-з ке,*
 давно я бог-GEN2 просить-PRF RETR уже жить-NMLZ-POSS.3SG кончать-DEB быть-PRT-3 если
со дуно но христианской уж понна война-ын йылпумъя-мын мед лу-о-з шуы-са.
 тот дорогой и христианский дело за война-IN кончать-RES пусть быть-FUT-3 говорить-CVB
 'Давно уже просил я у бога, чтобы, если придется кончать жизнь, то чтобы кончить ее на войне за святое и христианское дело'. (перфект) [Серебренников 1960: 121]

⁴ В уралистике неоднократно высказывалась гипотеза о том, что перифрастические формы в финно-угорских языках развивались под сильным тюркским влиянием — см., например, [Bartens 2000: 208—214] и [Kiss 2017]. Дальнейшее обсуждение данной проблематики мы оставляем за рамками нашей статьи.

- (42) Федоров шайка-ез-лы возь выл-ысь турын кабань-ёс дор-ы люка-ськ-ыны
 Федоров шайка-POSS.3SG-DAT покос верх-EL трава копна-PL край-ILL собирать-DETR-INF
кос-й-з вал.
 велеть-PRT-3 RETR
 ‘Федоров приказал своей шайке собраться около копны сена. (Когда лес погрузился в тяжелый сон, они начали собираться около копны сена.)’ (простое прошедшее время) [Серебренников 1960: 124]
- (43) Мон со пал-а **мын-эм вал** но, шонер сюрес кузя отчы мын-ыны уг лу-ы выл-эм.
 я тот сторона-ILL идти-PRF RETR и прямой дорога по туда идти-INF NEG быть-SG быть-PRF
 ‘Я пошел было в том направлении, но оказалось, что прямой дорогой туда не пройдешь’ (перфект) [Серебренников 1960: 122].
- (44) Деми пегз-ыны **шюта-з вал**, пыдъ-ёс-ыз сьёлтаськ-и-з-ы.
 Деми бежать-INF начинать-3 RETR нога-PL-POSS.3SG поскользнуться-PRT-3-PL
 ‘Деми хотел было бежать, но поскользнулся’ (простое прошедшее время) [Серебренников 1960: 124].

Сочетаясь с формой настоящего времени, клитика *вал* образует «прошедшее длительное» время [Серебренников 1960: 126], которое выражает дуративное («фоновое» действие, см. (45)) и хабитуальное (см. (46)); в особенности со стативными предикатами, см. (47)) значения, а в некоторых случаях указывает и на недостигнутый результат (48):

- (45) Мы нэнэ-ен-ым Изей гурт-э **мын-йсько-м вал.**
 мы мама-INSTR-POSS.1SG Изей деревня-ILL идти-PRS-1PL RETR
 ‘Шли мы с матерью в деревню Изей. (Пришли в лес. Из-за реки навстречу нам вышли беглецы.)’ [Серебренников 1960: 127]
- (46) Чужанай, Сенной площад-е ву-лы мын-ыку-з,
 бабушка Сенная площадь-ILL вода-DAT идти-CVB-POSS.3SG
чем дырря монэ сьор-а-з басьт-э вал.
 часто во.время я.ACC за-IN/ILL-POSS.3SG брат-PRS.3SG RETR
 ‘Часто, отправляясь на Сенную площадь за водой, бабушка брала меня с собою’ [Серебренников 1960: 131].
- (47) Милям атай-мы сад-эз туж **ярат-э вал.**
 мы.GEN отец-POSS.1PL сад-ACC очень любить-PRS.3SG RETR
 ‘Наш отец очень любил сад’. [Серебренников 1960: 131]
- (48) Алексей со-лэсь палэнск-ыны **мед-э вал, нош**
 Алексей тот-GEN2 отстраняться-INF хотеть-PRS.3SG RETR но
 мугор-ыз лымы пушк-ы кым-ем кадь.
 тело-POSS.3SG снег внутренность-ILL застывать-PRF как
 ‘Алексей попробовал отстраниться, но тело его точно влипло в снег’ [Серебренников 1960: 130].

Будущее время финитного глагола с клитикой *вал* дает «прошедшее многократное» время [Серебренников 1960: 125], имеющее наглядно-примерное (в терминологии [Маслов 2004]) хабитуальное значение (ср. русское диалектное *было возьмешь* или литературное *возьмешь бывало* [Петрухин, Сичинава 2006: 208—209]):

- (49) Мынам господинэ ялан, арня-лы быдэ ог-пол-а, кык пол-а,
 я.GEN господин-POSS.1SG постоянно неделя-DAT каждый один-раз-PTCL два раз-PTCL
 корабельный шлюпка **кут-о-з** но море-э кыдэке чорыга-ны **ветл-о-з вал.**
 корабельный шлюпка хватать-FUT-3 и море-ILL вдаль рыбачить-INF ходить-FUT-3 RETR
 ‘Мой господин постоянно, раз или два в неделю, брал корабельную шлюпку и выходил на взморье ловить рыбу’. [Серебренников 1960: 125]

В **коми-зырянском** языке «ретроспективизирующей» функцией наделен показатель *вöлі* (*вöлём* в эвиденциальных контекстах), также представляющий собой форму 3SG глагола *вöвны* ‘быть’. Как и в удмуртском языке, этот показатель присоединяется к формам настоящего и будущего времени, а также к форме перфекта [Серебренников 1960: 66—84]. Что касается последнего, «коми-зырянский язык отли-

чается (...) тем, что для него наиболее типичным является плюсквамперфект, обозначающий временное соотношение двух действий, т. е. когда одно действие хронологически предшествует другому» (50), а плюсквамперфект для выражения давнопрошедшей ситуации (51) «в меньшей степени распространен» [Серебренников 1960: 67]:

(50) ...*кор садьм-им, би-ыс вӧлі кус-ӧма нин.*

когда просыпаться-PRТ.1PL огонь-POSS.3SG RETR гаснуть-PRF уже

'... а когда проснулись, огонь уже погас'. [Серебренников 1960: 67]

(51) *Первой во-яс-а-с солдат-ын служит-игӧн аслас синь-яс-ӧн удайтч-ис*
первый год-PL-IN/ILL-POSS.3SG солдат-IN служить-CVB REFL глаз-PL-INSTR удаваться-PRТ.3

аддз-ыв-ны «Потемкин» броненосец-ӧс, кодӧ вӧлі кыпӧд-ч-ӧма цар-лы паныд
видеть-ITER-INF Потемкин броненосец-ACC который RETR поднимать-DETR-PRF царь-DAT против

да вудж-ӧма Одесса-са революционной рабочей-яс дор.

и переходить-PRF Одесса-ATTR революционный рабочий-PL край

'В первые годы солдатской службы своими глазами удалось увидеть броненосец «Потемкин», который восстал против царя и перешел на сторону одесских рабочих' [Серебренников 1960: 67].

Финитная форма настоящего времени в сочетании с *вӧлі* (обозначенная в [Серебренников 1960: 68] как «прошедшее длительное» время) выступает в ряде различных контекстов: типологически свойственных презенсу дуративных (52) и хабитуальных (53), а также антирезультативных (54) и для выражения таксиса предшествования (55):

(52) *Кор Маруся вӧлі мун-ӧ ӧти керка ӧшинь ув-ті,*

когда Маруся RETR идти-PRS.3 один дом окно низ-PROL

ворота-ӧд-ыс пет-ис дзор юрси-а нывбаба.

ворота-PROL2-POSS.3SG выходить-PRТ.3 седой волосы-ATTR женщина

'Когда Маруся проходила мимо окон дома, из ворот вышла седая женщина' [Серебренников 1960: 76].

(53) *Ме быд лун вӧлі физзарядка вӧч-а.*

я каждый день RETR физзарядка делать-NPST.1SG

'Я каждый день делал физзарядку' [Серебренников 1960: 79].

(54) *Нылочка лӧсьӧт-ч-ӧ вӧлі пуксь-ыны, но казья-ис*

девочка готовить-DETR-PRS.3 RETR садиться-INF но заметить-PRТ.3

менӧ и веши-ышт-ис невна Макся-ыс дын-ись.

я.ACC и отходить-ATT-PRТ.3 немного Макся-POSS.3SG около-EL

'Девочка собиралась было садиться, но заметила меня и отошла немного от Макси' [Цыпанов 2005: 166].

(55) *Алеша талун вӧлі кор-ӧ менӧ, мед ме тэныд*

Алеша сегодня RETR просить-PRS.3 я.ACC чтобы я ты.DAT

висьтал-и, кутиӧм-а сийӧ радейт-ӧ тэӧ.

говорить-PRТ.1SG какой-ADV он любить-PRS.3 ты.ACC

'Алеша сегодня просил, чтобы я тебе сказала, как он любит тебя' [Серебренников 1960: 78].

Отдельно мы хотели бы отметить миративные прочтения у форм настоящего времени и перфекта с *вӧлӧм*, на которые указывает Е. А. Цыпанов. Так, у «прошедшего незавершенного неочевидного» (PRS + *вӧлӧм*) выделяется «значение неожиданного действия, о котором говорящий узнает внезапно» (56), а «прошедшее завершенное неочевидное» (PRF + *вӧлӧм*) может выражать действие, о котором говорящий узнает «с аффектом, неожиданно» или которое «имело место вне контроля со стороны говорящего» (57) [Цыпанов 2005: 173—174].

(56) *Сидз-кӧ, кок-ӧй горт-лань вӧлӧм ну-ӧ.*

так-INDEF нога-POSS.1SG дом-ALL RETR нести-PRS.3

'Значит, ноги к дому, оказывается, меня несли' [Цыпанов 2005: 173].

(57) *Сидз кӧ, ылав-сь-ӧма вӧлӧм, мӧд-ысь татиӧм-ыд о-з ло.*

так INDEF заблудиться-DETR-PRF RETR другой-EL такой-POSS.2SG NEG-3 быть

'Так я, оказывается, запутался, такого в другой раз не будет'. [Цыпанов 2005: 174]

Как и в удмуртском языке, коми-зырянские формы будущего времени могут присоединять клитики *вӧлі* (*вӧлӧм*), развивая значение наглядно-примерного хабитуалиса («прошедшее многократное незавершенное» по Е. А. Цыпанову). Однако в коми-зырянском языке данная форма употребляется более регулярно, чем в удмуртском [Цыпанов 2005: 175].

- (58) *Сэки мам-ыс посводз-ӧдз-ыс вӧт-ч-ыл-ас*
 тогда мать-POSS.3SG крыльцо-TERM-POSS.3SG гнать-DETR-ITER-FUT.3
вӧлі войтук-ӧ мун-ысь Люба бӧрся да велӧд-ас.
 RETR посиделки-ILL идти-PTCP.ACT Люба за и учить-FUT.3
 ‘Тогда мать, бывало, погонится до крыльца за идущей на посиделки Любой и учит ее’ [Цыпанов 2005: 175].

В **мордовских** языках (мокшанском и эрзянском) когнатом марийской, удмуртской и коми-зырянской аналитических конструкций с показателями ретроспективного сдвига, восходящими к глаголу ‘быть’, по-видимому, является форма второго прошедшего времени («прошедшего длительного» по [Серебренников 1967: 158], «продленно-прошедшего» по [Коляденков 1962: 274—275]). В основе данной формы лежит причастие настоящего времени, соединившееся с формой первого прошедшего времени глагола *улемс* ‘быть’. Таким образом, в мордовских языках мы имеем дело с синтетической формой, в отличие от рассмотренных выше аналитических конструкций в горномарийском, удмуртском и коми-зырянском языках. Однако, поскольку диахронически все упомянутые формы имеют один и тот же источник и восходят к сочетанию с глаголом ‘быть’, мы считаем возможным рассмотреть данные мордовских языков в рамках нашей статьи.

Согласно существующим грамматическим описаниям мордовских языков, употребление второго прошедшего времени сводится, главным образом, к дуративным («фоновое» действие) и хабитуальным контекстам:

- (59) *Мзярда минь ёта-ме вакс-ка-нза, сон сока-ль трактор-са.*
 когда мы идти-PRT.1PL около-PROL-3SG.POSS.SG он пахать-PQP трактор-IN
 ‘Когда мы прошли мимо него, он пахал на тракторе’ (мокш.) [Коляденков 1962: 275].
- (60) *Сон уд-ыль, зярдо мон ту-инь работа-мо.*
 она спать-PQP когда я пойти-PRT.1SG работать-NMLZ
 ‘Она спала, когда я пошел на работу’ (эрз.) [Коляденков 1962: 275].
- (61) *Минь сембе тее-нза мьярг-онд-ел-еме Сашка Матрос.*
 мы все PRON.DAT-3SG.POSS.SG говорить-IPFV-PQP-PST.1PL Сашка Матрос
 ‘Мы все звали его Сашка Матрос’ (мокш.) [Цыганкин 1980: 292].
- (62) *Чи-зе Захар-онь ушод-ов-иль зоря-ва ды прядов-иль чокине.*
 день-3SG.POSS.SG Захар-GEN начинать-MED-PQP заря-PROL и закончить-MED-PQP вечер
 ‘День у Захара начинался с зарей и кончался вечером’ (эрз.) [Серебренников 1967: 159].

Впрочем, в работе [Новикова 2014] отмечается, что в настоящее время значения из зоны прекращения прошлого в мокшанском языке чаще кодируются формой первого прошедшего времени, в то время как для второго прошедшего на передний план выходит ирреальное значение:

- (63) *Jesl'ə n'ejə-l'-ən' / *n'ejə-n' tuc'a-t s'avə-l'-ən' mąrtə-n zont'ək.*
 если видеть-PQP-PST.1SG видеть-PST.1SG туча-PL взять-PQP-PST.1SG с-1SG.POSS зонтик
 ‘Если бы я увидел тучи, взял бы с собой зонтик’. [Новикова 2014: 124]

В эрзянском же форма условно-сослагательного наклонения, выражающая ирреальные значения, не является омонимичной форме второго прошедшего (как это имеет место в мокшанском): в эрзянском сослагательном наклонении возникает формант *-v-*, происхождение которого не вполне ясно и, по словам Б. А. Серебренникова, представляет «своего рода историческую загадку» (см. [Серебренников 1967: 165]). Тем не менее, данная форма диахронически также связана с бытийным глаголом (см. [Серебренников 1967: 163—166]) и потому релевантна для нашего обсуждения.

- (64) *Спаси бог, штобу атявт-озо нее-вли-зе итапо-нь пильг-ть!*
 спаси бог чтобы свекор-3SG.POSS.SG видеть-COND-3SG.SO босой-GEN нога-PL
 ‘Спаси бог, чтобы свекор видел (ее) с босыми ногами’. [Коляденков 1962: 281]

Обобщение по описанному нами материалу близкородственных языков представлено в Таблице 2 (курсивом выделены специфичные для каждого языка значения):

Таблица 2

Семантика аналитических форм с показателями ретроспективного сдвига и когнатных образований

Комбинация форм	Рассмотренные языки			
	Аналитические формы			Синтетические формы
	Горномарийский	Удмуртский	Коми-зырянский	Мокшанский, эрзянский
PRF + RETR	Прекращенное прошлое (включая хабитуалис в прошедшем, таксис предшествования) Антирезультатив <i>Миративность / косвенная эвиденциальность</i>	Прекращенное прошлое (включая хабитуалис в прошедшем, таксис предшествования) Антирезультатив	Прекращенное прошлое (включая таксис предшествования) <i>Миративность (с формой вёлём)</i>	
PRS (NPST) + RETR	Прекращенное прошлое (включая хабитуалис в прошедшем, дуратив в прошедшем) <i>Миративность</i>	Прекращенное прошлое (включая хабитуалис в прошедшем, дуратив в прошедшем) <i>Недостигнутый результат</i>	Прекращенное прошлое (включая хабитуалис в прошедшем, дуратив в прошедшем, таксис предшествования) <i>Недостигнутый результат Миративность (с формой вёлём)</i>	Прекращенное прошлое (включая хабитуалис в прошедшем, дуратив в прошедшем) <i>Ирреалис</i>
FUT + RETR		Наглядно-примерный хабитуалис	Наглядно-примерный хабитуалис	

В данной таблице нетрудно отметить ядерные значения, которые развивают формы перфекта и настоящего (или непрошедшего) времени в сочетании с показателями ретроспективного сдвига: это значения из зоны прекращенного прошлого, включающие дуративно-хабитуальные для «непрошедших» форм и хабитуальное и таксисное для форм с референцией к прошлому. В языках с отдельной формой будущего времени сочетание с маркером ретроспективного сдвига дает наглядно-примерный хабитуалис (типа *возьмешь, бывало*). Антирезультативный кластер значений «распределен» между формами настоящего и прошедшего времени, соединяющимися с «ретроспективизирующей» клитикой, при этом семантика недостигнутого результата оказывается естественным образом связана с выбором формы презенса, не способного иметь результативную интерпретацию. На наличие миративного прочтения у рассматриваемой нами формы указывается только в описаниях коми-зырянского языка; в горномарийском же оно было обнаружено в ходе наших полевых исследований. Предполагаемый сценарий развития горномарийской миративности изложен в разделе 4.5 настоящей статьи. Для коми языка очень вероятно развитие миративности из эвиденциального значения маркера перфекта (о котором см. раздел 4.9 о модальном перфекте в [Цыпанов 2005: 159—166], ср. также рассуждения о «двойной эвиденциальности» в [Цыпанов 2005: 174]).

6. Заключение

В данной статье мы рассмотрели аналитические конструкции с «застывшими» формами глагола 'быть' (клитиками *əl'ə/əlān*) в горномарийском языке. Вопреки их традиционной трактовке как самостоятельных временных глагольных форм, мы пришли к выводу, что горномарийские клитики выступают в качестве показателя ретроспективного сдвига, развивая как типологически ожидаемые значения из зоны «прекращенного прошлого» и относящиеся к антирезультативному кластеру, так и нетривиальные значения в сфере миративности.

Дистрибуция клитик, по-видимому, определяется тем, как функционируют в горномарийском языке глагольные формы Аориста и Перфекта. При синхронной точке отсчета в дуративном контексте чаще выступает клитика *əl'ə* (аорист), а при ретроспективной точке отсчета — клитика *əlān* (перфект).

Для широкого спектра употреблений клитик нами было предложено объяснение, связанное с понятием дистанции: темпоральной (между исходной точкой, выраженной финитной формой, и новой, «сдвинутой» по оси времени назад ситуацией) и метафорической (между актуальным положением дел и

ретроспективным ожиданием говорящего в случае миративного прочтения, а также между реальным и ирреальным мирами в составе условных конструкций). Впрочем, нельзя полностью исключать и альтернативного сценария развития миративного значения из эвиденциальной семантики перфекта, который, по-видимому, хорошо работает на материале коми языка. В связи с этим наши данные могут представлять интерес для дальнейших типологических исследований источников миративных маркеров (ср. [Aikhenvald 2012; Mexas 2016]).

Сокращения

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо	GEN2 — 2-й генитив	POSS — посессивный показатель
ACC — аккузатив	ILL — Иллатив	PQP — плюсквамперфект
ADD — аддитивная частица	IN — инессив	PRF — перфект
ADV — адвербиализатор	IN2 — 2-й инессив	PROL — пролатив
ALL — аллатив	INDEF — показатель неопределенности	PROL2 — 2-й пролатив
AOR — аорист	INF — инфинитив	PRS — настоящее время
ATT — аттенуатив	INSTR — инструменталис	PRT — претерит
ATTR — атрибутивизатор	IPFV — имперфектив	PST — прошедшее время
COND — кондиционал	ITER — итератив	PTCL — частица
CVB — конверб	LAT — латив	PTCP.ACT — активное причастие
DAT — датив	MED — медий	PTCP.DEB — дебитивное причастие
DEB — дебитив	MULT — мультипликатив	REFL — рефлексив
DETR — детранзитив	NEG — отрицание	RES — результатив
EL — элатив	NMLZ — номинализация	RETR1/RETR2 — ретроспективный сдвиг
EMPH — эмфатическая частица	NPST — непрошедшее время	SG — единственное число
FUT — будущее время	OPT — оптатив	SO — субъектно-объектное спряжение
GEN — генитив	PL — множественное число	TERM — терминатив

Литература

- Акцорин 1995 — Сказки горных мари: Свод марийского фольклора. / Сост. Акцорин В. А. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1995. {*Aktsorin V. A. Hill Mari tales: A collection of Mari folklore. Yoshkar-Ola, 1995.*}
- Аркадьев 2014 — Аркадьев П. М. Система форм плюсквамперфекта в шапсугском диалекте адыгейского языка. // Вопросы языкознания. 2014, 4. С. 46—65. {*Arkadiev P. M. The system of pluperfect forms in the Shapsug dialect of Adyghe // Issues in linguistics. 2014. Vol. 4. P. 46—65.*}
- Васильев 1887 — Васильев Ф. Пособие по изучению марийского языка. Казань, 1887. {*Vasiliev F. A textbook of the Mari language. Kazan', 1887.*}
- Васильев 1918 — Васильев В. М. Записки по грамматике народа мари. Казань, 1918. {*Vasiliev V. M. Notes on the grammar of the Mari people. Kazan', 1918.*}
- Воронов, Мордашова 2016 — Воронов М. К., Мордашова Д. Д. Горномарийские глагольные конструкции с *əl'ə/əlān* в зоне «сверхпрошлого» и за ее пределами. Доклад на конференции: XIII конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Санкт-Петербург, ИЛИ РАН. http://youngconfspb.com/application/files/9114/8055/4295/Mordashova_Voronov.pdf, 2016. {*Voronov M. K., Mordashova D. D. Hill Mari constructions on əl'ə/əlān in discontinuous past and beyond. Talk at the XIII conference on typology and grammar for young scholars. Saint-Petersburg, ILLI RAS, 2016.*}
- Голосов, Козлов, в печати — Голосов Ф. В., Козлов А. А. Наблюдатель в системе прошедших времен горномарийского языка. В печати. Доступна на www.academia.edu. {*Golosov F. V., Kozlov A. A. The role of Perspective time in the system of Hill Mari past tenses. In print.*}
- Иванов 1981 — Иванов И. Г. Марий диалектологий: университетсы студент-влаклан тунемме книга. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 1981. {*Ivanov I. G. Mari dialectology: a students' book. Yoshkar-Ola, 1981.*}
- Кибрик 2003 — Кибрик А. Е. Родственные языки как объект типологии // Константы и переменные языка. СПб.: Алетейя, 2003. {*Kibrik A. E. Related languages as an object of typology // Constants and variables of language. Saint-Petersburg, 2003.*}
- Козинцева 1994 — Козинцева Н. А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания. 1994, 3. С. 92—104. {*Kozintseva N. A. The category of evidentiality (problems of typological analysis) // Issues in linguistics. 1994. Vol. 3. P. 92—104.*}

Коляденков 1962 — *Коляденков М. Н.* Грамматика мордовских (мокшанского и эрзянского) языков. Часть 1: фонетика и морфология. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1962. {*Kolyadenkov M. N.* Grammar of Mordvin (Moksha and Erzya) languages. Part 1: Phonetics and morphology. Saransk, 1962.}

Куклин 2016 — *Куклин А. Н.* Разновидности ассимиляции гласных и согласных в речевом потоке луговых и уральских мари // Вестник Марийского Государственного университета. 2016, Т. 10, 1 (21). С. 105—110. {*Kuklin A. N.* Variants of vowel and consonant assimilation in the speech of Meadow and Uralic Mari // Vestnik of Mari State University. 2016. Vol. 10, 1 (21). P. 105—110.}

Маслов 2004 — *Маслов Ю. С.* Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянских культур, 2004. {*Maslov Y. S.* Selected works. Aspectology. General linguistics. M., 2004.}

Новикова 2014 — *Новикова Е. С.* К типологии плюсквамперфекта: семантика второго прошедшего времени в мокшанском языке. Одиннадцатая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 27—29 ноября 2014 г.) / Отв. ред. *Кузнецова О. В.* СПб.: Нестор-История, 2014. {*Novikova E. S.* Towards the typology of pluperfect: the semantics of the 2nd past tense in Moksha // The XI conference on typology and grammar for young scholars. Book of abstracts. Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya, 2014.}

Падучева 2010 — *Падучева Е. В.* Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2010. {*Paducheva E. V.* Studies in semantics: Semantics of tense and aspect in Russian. Semantics of narrative. Vol. 2. M., 2010.}

Пенгитов 1961 — Ред. *Пенгитов Н. Т.* Современный марийский язык. Часть 2: Морфология. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1961. {Ed. *Pengitov N. T.* Modern Mari. Part 2: Morphology. Yoshkar-Ola, 1961.}

Петрухин, Сичинава 2006 — *Петрухин П. В., Сичинава Д. В.* «Русский плюсквамперфект» в типологической перспективе // Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова. / ИРЯ РАН; отв. ред. *А. М. Молдован.* М.: Языки славянской культуры, 2006. С. 193—214. {*Petrukhin P. V., Sitchinava D. V.* “Russian pluperfect” from the typological perspective // Succession of letters: towards the 60th anniversary of V. M. Zhivov. / Ed. *Moldovan A. M.* M., 2006. P. 193—214.}

Плунгян 2001 — *Плунгян В. А.* Антирезультатив: до и после результата // Ред. *В. А. Плунгян.* Исследования по теории грамматики. Вып. 1. Глагольные категории. М.: Русские словари, 2001. С. 50—88. {*Plungian V. A.* Antiresultative: before and after the result // Studies in grammar theory. Vol. 1. Verbal categories / Ed. *Plungian V. A.* M., 2001. P. 50—88.}

Плунгян 2011 — *Плунгян В. А.* Введение в грамматическую семантику. Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011. {*Plungian V. A.* Introduction to grammatical semantics. Grammatical meanings and grammar systems of the world's languages. M., 2011.}

Саваткова 2002 — *Саваткова А. А.* Горное наречие марийского языка. Bibliotheca Ceremissica Tomus V. Savariae: Berzsenyi Dániel Főiskola, 2002. {*Savatkova A. A.* Hill dialect of Mari. Bibliotheca Ceremissica Tomus V. Savariae: Berzsenyi Dániel Főiskola, 2002.}

Серебренников 1960 — *Серебренников Б. А.* Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. {*Serebrennikov B. A.* Tense and aspect in the Permian and Volga groups of the Finno-Ugric languages. M., 1960.}

Серебренников 1967 — *Серебренников Б. А.* Историческая морфология мордовских языков. М.: Наука, 1967. {*Serebrennikov B. A.* Historical morphology of Mordvin. Moscow, 1967.}

Сичинава 2008 — *Сичинава Д. В.* «Сдвиг начальной точки»: употребление некоторых глагольных форм в интродуктивной функции // Ред. *В. А. Плунгян, В. Ю. Гусев, А. Ю. Урманчиева.* Исследования по теории грамматики. Вып. 4. Дискурсивные категории. М.: Индрик, 2008. С. 241—274. {*Sitchinava D. V.* “Shift of the initial point”: use of some verbal forms in the introductory function. // Studies in grammar theory. Vol. 4. Discourse categories / Eds. *Plungian V. A., Gusev V. Yu., Urmanchieva A. Yu.* M., 2008. P. 241—274.}

Сичинава 2013 — *Сичинава Д. В.* Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2013. {*Sitchinava D. V.* Typology of pluperfect. Slavic pluperfect. M., 2013.}

Тестелец, Халилов 2002 — *Тестелец Я. Г., Халилов М. Ш.* Выражение эвиденциальности в бежтинском языке. Доклад на XI коллоквиуме Европейского общества кавказоведов, 2002. {*Testelets Y. G., Halilov M. S.* Expression of evidentiality in Bezhta. Talk at the XI colloquium of Societas Caucasologica Europae, 2002.}

Цыганкин 1980 — *Цыганкин Д. В.* Грамматика мордовских языков: фонетика, графика, орфография, морфология. Учебник для национальных отделений вузов. Саранск: Мордовский государственный университет имени Огарева, 1980. {*Tsygankin D. V.* Grammar of the Mordvin languages: phonetics, graphics, orthography, morphology. Saransk, 1980.}

Цыпанов 2005 — *Цыпанов Е. А.* Грамматические категории глагола в коми языке. Сыктывкар: Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2005. {*Tsypanov E. A.* Verbal categories in Komi. Syktyvkar, 2005.}

Шендельс 1970 — *Шендельс Е. И.* Многозначность и синонимия в грамматике (на материале глагольных форм современного немецкого языка). М.: Высшая школа, 1970. {*Shendels E. I.* Polysemy and synonymy in grammar (based on Modern German verbal forms). M., 1970.}

Шлуинский 2017 — *Шлуинский А. Б.* Видовая система энецкого языка на фоне русской: к типологии словоклассифицирующего вида // Вопросы языкознания. 2017, 3. С. 24—52. {*Shluinsky A. B.* Aspectual system of Enets in comparison to Russian: towards the typology of lexical aspect // Issues in linguistics. 2017. Vol. 3. P. 24—52.}

- Щербинин 2016 — *Щербинин И. П.* Аспектуально-временные характеристики глагола в горномарийском языке. 2016. {*Shcherbinin I. P.* Tense and aspect characteristics of Hill Mari verb. Manuscript. 2016.}
- Aikhenvald 2004 — *Aikhenvald A.* Evidentiality. Oxford: Oxford University Press, 2004.
- Aikhenvald 2012 — *Aikhenvald A.* The essence of mirativity. // *Linguistic Typology*. 2012. Vol. 16. P. 435—485.
- Alhoniemi 1993 — *Alhoniemi A.* Grammatik des Tscheremissischen (Mari): mit Texten und Glossar. Hamburg: Buske, 1993.
- Ammann 2005 — *Ammann A.* Abbau und Anschwemmung: Doppelte Perfektformen und Grammatikalisierung im deutschen Tempussystem // *Grammatikalisierung im Deutschen*. / Eds. *Mortelmans T., Leuschner T.* Berlin-N.Y.: Mouton de Gruyter, 2005.
- Bartens 2000 — *Bartens R.* Permiläisten kielten rakenne ja kehitys. MSFOu 238. Helsinki, 2000.
- Chirikba 2003 — *Chirikba V.* Evidential category and evidential strategy in Abkhaz // *Studies in evidentiality* / Eds. *Alexandra Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon.* Amsterdam: Benjamins, 2003.
- Church 1981 — *Church E.* Le système verbal du wolof. Dakar: CLAD, 1981.
- Csink 1853 — *Csink J.* A complete practical grammar of the Hungarian language, with exercises, selections from the best authors, and vocabularies. London: Williams and Norgate, 1853.
- Dahl 1985 — *Dahl Ö.* Tense and aspect systems. Oxford: Blackwell, 1985.
- DeLancey 1997 — *DeLancey S.* Mirativity: The grammatical marking of unexpected information // *Linguistic Typology*. 1997. Vol. 1.1. P. 33—52.
- DeLancey 2001 — *DeLancey S.* The mirative and evidentiality. // *Journal of pragmatics*. 2001. Vol. 33. P. 369—382.
- Gareyshina 2017 — *Gareyshina A.* Western Mari conditionals obscured (in the Kuznetsovo dialect). Talk presented at a conference commemorating the 85th anniversary of A. I. Kuznetsova. Moscow, MSU, 2017.
- Haspelmath 1993 — *Haspelmath M.* A grammar of Lezgian. Berlin: Mouton de Gruyter, 1993.
- Hennig 2000 — *Hennig M.* Tempus und Temporalität in geschriebenen und gesprochenen Texten. Tübingen: Niemeyer, 2000.
- Kangasmaa-Minn 1960 — *Kangasmaa-Minn E.* The so-called past tenses in Cheremis // *American studies in Uralic linguistics*. 1960. Vol. 1. P. 93—120.
- Kenesei et al. 1998 — *Kenesei I., Vago R. M., Fenyvesi A.* Hungarian. London-N.Y.: Routledge, 1998.
- Kiss 2017 — *Kiss K.* The rise and fall of Hungarian complex tenses // *Micro-change and macro-change in diachronic syntax* / Eds. *Mathieu E., Truswell R.* Oxford University Press, 2017. P. 61—74.
- Mexas 2016 — *Mexas H.* Mirativity as realization marking: A cross-linguistic study. ResMA Linguistics, Universiteit Leiden, 2016.
- Noonan 1992 — *Noonan M.* A grammar of Lango. Berlin: Mouton de Gruyter, 1992.
- Plungian, van der Auwera 2006 — *Plungian Vladimir A., van der Auwera J.* 2006. Towards a typology of discontinuous past marking // *Sprachtypologie und Universalienforschung* — *Language typology and universals*. 2006. Vol. 59, 4. P. 317—349.
- Reichenbach 1947 — *Reichenbach H.* Elements of symbolic logic. N.Y.: McMillan, 1947.
- Riese 1984 — *Riese T.* The conditional sentence in the Ugrian, Permian and Volgaic languages. Wien: Studia Uralica, 1984.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена аналитическим конструкциям с «застывшими» формами глагола 'быть' в горномарийском языке (< марийские < финно-пермские < финно-угорские < уральские). Семантические свойства данных конструкций рассматриваются в свете теорий, описывающих грамматическое явление ретроспективного сдвига. Кроме того, рассматриваемые конструкции вписываются в контекст близкородственных языков и для них выявляются как наиболее характерные, так и нетривиальные в типологическом аспекте черты.

SUMMARY

The paper discusses analytical constructions with “frozen” forms of the verb ‘to be’ in Hill Mari (Mari < Finno-Permic < Finno-Ugric < Uralic). Semantics of these constructions is analysed within the framework of discontinuous past marking (also known as ‘retrospective shift’ in Russian academic tradition). Hill Mari data are compared to a number of other Finno-Ugric languages having a cognate construction, which highlights both regular patterns and some specific traits of Hill Mari.

Ключевые слова: горномарийский язык, финно-угорские языки, грамматическая семантика, ретроспективный сдвиг, прекращенное прошлое, миративность

Keywords: Hill Mari, Finno-Ugric languages, grammatical semantics, discontinuous past markers, mirativity

Мордашова Дарья Дмитриевна, МГУ им. М. В. Ломоносова; mordashova.d@yandex.ru

Daria D. Mordashova, Lomonosov Moscow State University; mordashova.d@yandex.ru

Глаголы перемещения в современном турецком языке (способ перемещения)

1. Введение

Пространственное перемещение является базовым явлением нашего мира, поэтому в разных языках существует большое количество глаголов, которые отражают разные его аспекты, а соответствующие глаголы во многих являются объектом специального изучения. Продолжая исследовать различные группы глаголов перемещения, мы остановились на наиболее употребительных в современном турецком языке и зафиксированных в древнетюркском глаголах способа перемещения по поверхности земли, воде и воздуху, имеющих ряд общих и специфических особенностей. Все исследуемые глаголы используются как самостоятельно, так и в форме деепричастий с глаголами направления перемещения.

2. Глагол *yürü-*

Yürü- (в переводах ниже — условно «шагать»), как и древнетюркский *JÜRÜ-/JÜRİ-* ‘ходить, двигаться’ [ДТС 1969: 286] (также *JÜRÜGÜ* ‘движение, ход’ [ДТС 1969: 287]) имеет два значения:

1) способ перемещения с опорой на конечности, при котором объект перемещается, «переступая ногами и ни в какой момент не утрачивая полностью контакта с поверхностью» [Апресян 1974: 108], и

2) ‘двигаться’ (при наличии в современном турецком языке другого глагола со значением ‘двигаться’ — *hareket et-*, от араб. ‘движение’)¹.

Yürü- используется в отношении как человека, так и различных животных:

(1) *Bu kedi köpek hep yürü-yüyor ama nereye gid-iyor bu hayvan-lar?*

этот кошка собака все шагать-PRS но куда идти-PRS этот животное-PL

‘Эти кошки и собаки все время ходят, но куда эти животные идут?’

(2) *su üzer-i-nde bat-madan yürü-yen <...>, tavan-da düz duvar-da*

вода верх-POSS3SG-LOC тонуть-CV шагать-PC, потолок-LOC ровный стена-LOC

yürü-yen böcek-ler

шагать-PC жук-PL

‘жулки, которые ходят по поверхности воды, по потолку, по ровной стене’

Значение способа перемещения у *yürü-* наиболее очевидно реализуется при использовании этого глагола в форме деепричастия с глаголами направления:

(3) *Çocuk-lar okul-a yürü-yerek gid-iyor.*

ребенок-PL школа-DAT шагать-CV идти-PRS

‘Дети идут в школу пешком’.

(4) *Araç bul-a-ma-dı-k yürü-yerek gel-di-k.*

машина найти-ABIL-NEG-PST-1PL шагать-CV приходиться-PST-1PL

‘Мы не смогли найти машину, пришли пешком’.

Значение ‘двигаться’ наиболее очевидно реализуется в антонимической паре *yürü-* vs. *dur-* ‘неподвижно стоять’, в рамках которой именно ходьба как самый обычный (не «плавать») и нейтральный (не «бегать») способ перемещения человека и животных противопоставлен покою:

(5) *Yürü dur-ma yürü yol-nu-ndan ol-ma* (песня).

шагать стоять-NEG шагать дорога-POSS3SG-ABL быть-NEG

‘Шагай, не останавливайся, не теряй свою дорогу’.

¹ В отличие от турецкого, фонетические варианты этой лексемы в отдельных тюркских языках (например, в тувинском) имеют не динамические, а статические значения — ‘жить’, ‘находиться’, ‘быть’ [ЭСТЯ 1979: 230] — возможно, как реализация идеи «движение как способ жизни» vs. *otur-/olu-* и др. со значением ‘сидеть’ и ‘жить, проживать’?

Обычность этого способа перемещения для человека определяет активное использование *yürü-* со всеми теми же падежами, что и глаголы направления перемещения:

с дативом:

- (6) *Bak karanlık çök-üyor: Nere-ye yürü-yor-sun?* (песня).
 смотреть темнота опускаться-PRS какое.место-DAT шагать-PRS-2SG
 ‘Смотри, темнеет, куда ты шагаешь?’

с локативом:

- (7) *sokak-ta ağır ağır yürü-yen insan*
 улица-LOC тяжело тяжело шагать-PC человек
 ‘человек, медленно идущий по улице’

с аблативом в исходном значении:

- (8) *Okul-dan ev-e kadar yürü-dü-m.*
 школа-ABL дом-DAT до шагать-PST-1SG
 ‘Я шел пешком от школы до дома’.

с аблативом в транслативном значении:

- (9) *Karanlık-ta yaya-lar nere-den yürü-meli?*
 темнота-LOC пешеход-PL какое.место-ABL шагать-OBL
 ‘Где прохожие должны проходить в темноте?’

с аккузативом в значении полноты охвата действием пути перемещения:

- (10) *Okul yol-u-nu yürü-mek ‘ilaç’ gibi.*
 школа дорога-POSS3SG-ACC шагать-NMLZ лекарство как
 ‘Ходить в школу пешком — своего рода лекарство’.

С аблативом в исходном значении нам удалось обнаружить исключительно примеры, в которых аблатив и датив задействованы парно в значении исходной и конечной точек пешего перемещения:

- (11) *On-bin-ler-ce vatandaş Kasımpaşa’-dan Taksim’-e yürü-dü.*
 десять-тысяча-PL-NUM гражданин Касымпаша-ABL Таксим-DAT шагать-PST
 ‘Десятки тысяч граждан прошли от района Касымпаша до площади Таксим’.

Анализ задействованности валентностей *yürü-* в романе Орхана Памука “Kara kitap” показал следующую статистику:

— 38 употреблений только с субъектом (изолированных) и субстантивно-адъективных форм (SAF) в адъективной функции:

- (12) *yürü-düğ-ü sokak*
 шагать-SAF-POSS3SG улица
 ‘улица, по которой он шел/идет’;

— 39 указаний на конечную точку или направление к конечной точке с использованием дательного падежа, послелогов *doğru* ‘по направлению к’ и *kadar* ‘до’;

— 62 указания на маршрут или обстоятельства перемещения («в темноте», «во сне» и др.) с использованием разных грамматических средств — аккузатива, локатива, аблатива в транслативном значении, в том числе 3 указания на маршрут (аблатив в транслативном значении) и конечную точку одновременно;

— 2 указания на циклическое перемещение в обоих направлениях: *aşağı yukarı* ‘вниз вверх’ (по улице), *ileri geri* ‘вперед назад’;

— 1 использование в рамках фразеологизма с аблативом в значении исходности и указанием направления перемещения, выраженным наречием:

- (13) *şehir-i baş-tan aşağı yürü-ye-bil-ir-di*
 город-ACC голова-ABL вниз шагать-ABIL-знать-AOR-PST
 ‘мог бы пройти весь город от начала и до конца’

Таким образом, большинство употреблений глагола характеризуют протекание процесса перемещения (субъект, маршрут, обстоятельства). При указании на направление перемещения практически отмечается только его конечная точка.

Вследствие привычности этого способа перемещения для человека *yürü-* относится к глаголам, лексическое значение и лексическая сочетаемость которых активно развиваются в современном языке в связи с необходимостью выражения новых типов межобъектных отношений, а также стремлением к отказу от заимствований (в данном случае — *hareket et-* ‘двигаться’). Так, с помощью *yürü-* может описываться работа движущихся механизмов:

(14) *yürü-yen merdiven*
шагать-PC лестница
‘эскалатор’

(15) *Motor ve yürü-yen aksam-ı hariç, diğer tüm parça-lar-ı burada üret-il-iyor.*
мотор и шагать-PC деталь-POSS3SG кроме другой все часть-PL-POSS3SG здесь производить-PASS-PRS
‘Все другие детали кроме его двигателя и ходовой части производятся здесь’.

Описание движения с помощью *yürü-* возможно при условии поступательного движения механизма, а не циклического движения внутри механизма, как, например, в часах. По этой причине использование глагола в отношении часовых стрелок приобретает метафорическое значение:

(16) *Yelkovan de-miş: “Hadi ben-i yakala!” Akrep ise koş-ma-yı hiç sev-mi-yor. Yavaş yavaş yürü-yor.*
минутная.стрелка говорить-PRF ну-ка я-ACC догонять часовая.стрелка однако бегать-NMLZ-ACC
совершенно любить-NEG-PRS медленно медленно шагать-PRS
‘Минутная стрелка сказала: «ну-ка догони меня!», но часовая стрелка бегать совсем не любит, ходит медленно-медленно’.

С использованием *yürü-* может описываться пространственное (активное или пассивное) перемещение неодушевленных объектов, а также характеризоваться протекание процессов:

(17) *Buz dağ-lar-ı güney-e yürü-müş* [TDK].
лед гора-PL-POSS3SG юг-DAT шагать-PRF
‘Айсберги переместились на юг’.

(18) *dağ-ın yürü-düğü an*
гора-GEN шагать-SAF-POSS3SG момент
‘момент, когда гора сдвинулась’ (об оползне)

(19) *yürüy-en köşk*
шагать-PC дворец
‘движущийся дворец’ (о перевозимом здании)

(20) *Evlilik nasıl yürür?*
брак как шагать-AOR
‘Как идет семейная жизнь?’

(21) *düş-e kalk-a yürü-yen ilişki*
падать-CV вставать-CV шагать-PC отношение
‘взаимоотношения, которые идут через пень-колоду’,

(22) *Her iş yürü-yor, çünkü herkes nereye ait ol-duğu-u-nu bili-yor.*
каждый дело шагать-PRS потому.что каждый куда принадлежащий быть-SAF-POSS3SG-ACC знать-PRS
‘Дела идут, потому что каждый знает свое место’.

(23) *Süreç normal bir şekil-de yürü-yor.*
процесс нормальный один форма-LOC шагать-PRS
‘Процесс идет нормально’.

(24) *ardarda yürü-yen iki basit reaksiyon*
друг.за.другом шагать-PC два простой реакция
‘две последовательные элементарные (химические) реакции’

Если в отношении перемещения неодушевленных объектов (айсберг, гора, дом и т. п.) использование *yürü-* не лишено метафорического оттенка, то в отношении процессов его использование стандартно. Семантический процесс потери глаголом перемещения значения способа перемещения описан

В. Г. Гаком для русского глагола *идти*: «лишенная поддержки дифференцирующей семы (Б) (т. е. ‘ступая ногами’ — *поясн. автора*), архисема (А) (т. е. ‘двигаться’ — *поясн. автора*) еще более обобщается и уступает место архисеме еще более высокого уровня (А) — «проходить, разворачиваться во времени». Компонентный состав семантемы *идти* изменяется, слово переосмысливается и обозначает лишь факт протекания процесса в самом общем виде» [Гак 1972: 382].

Как мы указывали для глагола *kalk-* [Напольнова 2017: 39], развитие новых значений глаголов может провоцироваться опережающим, по сравнению с финитной формой глагола, расширением лексической сочетаемости отглагольного имени на *-iş*. Представляется, что именно таким путем развивается и лексическое значение глагола *yürü-*. В [TRC], изданном в 1977 г. (подготовлен с использованием изданий [TS] за 1963 и 1966 гг.), для *yürü-* как глагола перемещения указаны значения ‘двигаться, ходить, идти, маршировать, шагать’ и ‘пройтись, прогуляться’; в [TS], изданном в 1989 г. — ‘передвигаться вперед шагами, идти’, ‘постоянно перемещаться по суше или по воде в каком-либо направлении’, ‘ходить, идти пешком’. Для лексемы *yürüyüş* в 1977 — значения 1. ‘движение, ход, шаг’, 2. ‘походка, аллюр’, 3. ‘поход, марш, пробег, прогулка’, а в 1989 отмечается значительное расширение спектра значений — ‘ходьба или способ ее осуществления’, ‘ходьба с спортивными целями’, ‘групповая ходьба с целью протеста или привлечения внимания к проблеме’ [TS 1988] (примеры наши):

(25) *yürüyüş yap-*
ходьба делать

‘совершать прогулку’

(26) *yürüyüş band-ı*

ходьба лента-POSS3SG

‘тренажер для ходьбы’

(27) *Taksim'-de-ki 1 Mayıs tören-ler-i-ne katıl-acak grup-lar*

Таксим-LOC-ADJ 1 май торжество-PL-POSS3SG-DAT участвовать-FUT группа-PL

yürüyüş-ler-i-ne başla-dı.

ходьба-PL-POSS3SG-DAT начинать-PST

‘Группы, которые будут участвовать в праздновании 1 мая на площади Таксим, начали свое шествие’.

В [ТДК] за 2017 г. существенных изменений в значениях глагола и отглагольного имени по сравнению с 1989 г. не отмечается, однако обнаруженные нами актуальные примеры указывают на то, что с распространением марша как формы выражения общественного мнения, соответствующее значение отглагольного имени перешло на исходный глагол в финитной форме, т. е. усилилась сема сознательно-активности:

(28) *İzmir 9 Eylül'-de terör-e karşı yürü-yor.*

Измир 9 сентябрь-LOC террор-DAT против шагать-PRS

‘9 сентября в Измире состоится шествие против террора’.

(29) *İstanbul Boğaziçi köprü-sü-ne yürü-dü.*

Стамбул Богазичи мост-POSS3SG-DAT шагать-PST

‘Жители Стамбула двинулись к мосту Богазичи’.

(30) *İstanbul Berkin Elvan için yürü-yor.*

Стамбул Беркин Эльван для шагать-PRS

‘Жители Стамбула участвуют в шествии в память Беркина Эльвана’.

Ряд последних примеров указывает на то, что сознательно-активность перемещения *yürü-* постепенно распространяется и виртуальное перемещение:

(31) *Terim, nereye yürü-yor?*

Терим куда шагать-PRS

‘Куда движется (тренер Фатих) Терим?’

(32) *Benim amaç-ım güzel gün-ler-e yürü-mek.*

мой цель-POSS1SG красивый день-PL-DAT шагать-NMLZ

‘Моя цель — стать счастливым’.

- (33) *Kraliçe 2. Elizabeth rekor-a yürü-yor.*
Королева 2 Елизавета рекорд-DAT шагать-PRS
‘Королева Елизавета II идет на рекорд’ (при наличии стандартного выражения *rekor-a git-* ‘рекорд-DAT идти ‘идти на рекорд’).
- (34) *Asla yalnız yürü-me-yecek-sin.*
ни.в.коем.случае одинокий шагать-NEG-FUT-2SG
‘Тебе никогда не придется идти в одиночку’ (плакат в поддержку Р. Т. Эрдогана после попытки государственного переворота в 2016 г.).
- (35) *Adam kız-a yürü-yor* (сленг).
мужчина девушка-DAT шагать-PRS
‘Он «клеит» девушку’.

2. Глагол *koş-*

Для передачи значения быстрого перемещения с переменной опорой на конечности и периодической кратковременной утратой контакта с поверхностью используется лексема *koş-* (в переводах ниже условно — ‘бегать’). В [ДТС 1969: 460] указаны значения для QOŞ- ‘соединять, присоединять, добавлять’ и ‘слагать, сочинять’. Во всех тюркских языках этот глагол в разных фонетических вариантах так или иначе связан с понятием пары (ҚОШ ‘пара’) — ‘спаривать’, ‘соединять’, ‘прибавлять’ и др. [ЭСТЯ 2000: 89—93]. В современном турецком языке последнее значение сохранилось только во фразеологизмах:

- (36) *hayvan-lar-ı saban-a koş-*
животное-PL-ACC плуг-DAT соединять.в.пару
‘запрягать животных в плуг парами’
- (37) *Yalnız öküz çift-e koş-ul-maz.*
одинокий вол пара-DAT соединять.в.пару-PASS-AORNEG
букв. ‘Одинокого вола не запрячь парой’, т. е. ‘Неправильно пытаться выполнить в одиночку дело, рассчитанное на 2-х человек’ [TDK].

Значение, близкое к ‘бегать’, кроме турецкого зафиксировано в туркменском и гагаузском [ЭСТЯ 2000: 89—93]. С учетом особенностей основных естественных аллюров лошади выскажем предположение, что в основе значения *koş-* ‘бегать’ лежит описание движения ног лошади при беге рысью, когда они перемещаются парами по диагонали, в отличие движения шагом, когда ноги лошади перемещаются последовательно, а также трехтактного галопа (в современном турецком: *adeta* ‘шаг’, от араб. *adet* ‘обычай’, *turis* ‘рысь’ и *dört nal* ‘четыре подкова ‘галоп’). Если это предположение верно, то высокая скорость первоначально рассматривалась не как исходный, а как сопутствующий фактор такого способа перемещения.

В турецком языке этот способ перемещения соотносится с человеком и относительно крупными животными (возможно, критерием является визуальная различимость движения конечностей):

- (38) *Hızlı at hızlı koş-u-yor.*
быстрый лошадь быстрый бегать-PRS
‘Быстрая лошадь быстро бегаёт’.
- (39) *su üzer-i-nde koş-an kertenkele*
вода верх-POSS3SG-LOC бегать-PC ящерица
‘ящерица, бегущая по поверхности воды’

В отношении насекомых нам удалось обнаружить только один пример:

- (40) *Bu karınca yuva-nın kanal-lar-ı-nda hız-la koş-arak koloni-ye alarm durum-u-nu haber ver-ir.*
этот муравей гнездо-GEN канал-PL-POSS3SG-LOC скорость-INS бегать-деепр. колония-DAT тревога
положение-POSS3SG-ACC новость давать-AOR
‘Этот муравей, быстро пробегая по каналам муравейника, оповещает колонию об опасности’.

Это оказывается возможным вследствие сознательного уподобления поведения этого насекомого человеческому. Обнаружить примеры использования *koş-* с названиями других видов насекомых или видовой лексемой *böcek* ‘жук, жучок’ нам не удалось. По мнению носителей турецкого языка, выражение **böcek koşuyor* невозможно вследствие чрезмерного уподобления человеку: “*Fazla insanlaşmış oluyor*”, т. е. ‘Слишком очеловечивается’.

Значение способа перемещения может реализоваться при использовании глагола *koş-* в форме деепричастий с глаголами направления перемещения:

- (41) *koş-arak git-meli onlar-ın arka-sı-ndan*
 бегать-CV идти-OBL они-GEN зад-POSS3SG-ABL
 ‘надо бежать вслед за ними’
- (42) *Koş-a koş-a gel-di-m sana sevgili-m.*
 бегать-CV бегать-CV приходит-PST-1SG к.тебе любимый-POSS1SG
 ‘Я прибежал к тебе, любимая’.
- (43) *Karşı-ya koş-arak geç-mek neden tehlikeli-dir.*
 напротив-DAT бегать-CV переходить-NMLZ почему опасно-IND
 ‘Почему опасно перебежать через дорогу’.

Koş- может сочетаться с различными падежными формами и послелогоми:

- (44) *Panik hal-i-nde köprü-ye koş-tu.*
 паника состояние-POSS3SG-LOC мост-DAT бегать-PST
 ‘В состоянии паники побежал к мосту’.
- (45) *sokak-ta koş-an çıplak kadın*
 улица-LOC бегать-PC голый женщина
 ‘обнаженная женщина, бегущая по улице’
- (46) *Kaç çocuk koş-tu <...> bu tarihi sokak-tan.*
 сколько ребенок бегать-PST этот исторический улица-ABL
 ‘Сколько детей бегало по этой исторической улице’.
- (47) *İzlanda kaptan-ı neden <...> Ronaldo'-ya doğru koş-tu.*
 Исландия капитан-POSS3SG почему Рональдо-DAT к бегать-PST
 ‘Почему капитан исландской команды побежал к Рональдо’.

Более ограниченное количество примеров использования этого глагола в сочетании с падежными формами и послелогоми связано с меньшей, по сравнению в *yürü-*, распространенностью этого способа перемещения.

В переносном значении *koş-* используется для описания активной деятельности, направленной на достижение определенной цели:

- (48) *hedef-e koş-*
 цель-DAT бегать
 ‘добиваться поставленной цели’
- (49) *İki yıl-dır bu iş-in peş-i-nden koşu-yor-um* [TDK].
 два год-IND этот дело-GEN вслед-POSS3SG-ABL бегать-PRS-1SG
 ‘Я уже два года пытаюсь получить эту работу’.
- (50) *akşam-dan beri ben koş-tu-m, biraz da onlar yorul-sun-lar* (M. Ş. Esendal [TDK]).
 вечер-ABL с я бегать-PST-1SG немного тоже они уставать-пусть-PL
 ‘Я уже с вечера бегая, пусть и они немного устанут’.
- (51) *Ama bu fotoğraf-lar-ı çek-mek için o böcek-ler-in arka-sı-ndan koş-mak inan-ıl-maz zevk-li bir duygu.*
 но этот фотография-PL-ACC снимать-NMLZ для тот жук-PL-GEN зад-POSS3SG-ABL бегать-NMLZ
 верить-PASS-AORNEG вкус-INS один чувство
 ‘Однако бегать за этими жучками, чтобы сделать такие фотографии — чрезвычайно приятное занятие’.

3. Глаголы *sürün-* и *emekle-*

Для описания способа перемещения, при котором все тело человека или животного постоянно соприкасается с землей, используется глагол *sürün-* ‘ползать’ (от ‘тащить-RFL’), поэтому по внутренней форме этот глагол ближе к «тащить, волочить себя». Турецкий язык признает, что этим способом может

перемещаться ограниченное количество видов животных — змея, крокодил, черепаха, ящерица (они входят в класс *sür-ün-gen* ‘пресмыкающиеся’, от ‘тащить-RFL-PC’), а также улитка. Для змеи (прототипический объект вследствие отсутствия конечностей и распространенности разных видов этого животного, как и в русском *ползать*) и улитки такой способ перемещения является единственно возможным:

- (52) *Yılan, şeytan-ı sırt-ı-na al-ır ve sürün-erek gizlice içeri-ye gir-er*
змея дьявол-ACC спина-POSS3SG-DAT брать-AOR и ползать-CV тайно нутро-DAT входить-AOR
‘Змея сажает дьявола к себе на спину и потихоньку вползает внутрь’ (из легенды, в соответствии с которой Аллах лишил змею конечностей за то, что она помогла дьяволу проникнуть в рай).
- (53) *Sümüklü.böcek jilet-in üst-ü-nden sürün-erek geç-iyor*
улитка бритва-GEN верх-POSS3SG-ABL ползать-CV проходить-PRS
‘Улитка проползает по острию бритвы’.

Другие пресмыкающиеся способны как ползать, так и «шагать»:

- (54) *Kertenkele, kaplumbağa, timsah gibi yer-de sürün-erek veya yürü-yerek ilerle-yen sınıf*
ящерица черепаха крокодил как земля-LOC ползать-CV или шагать-CV продвигаться.вперед-PC класс
‘Класс животных, которые перемещаются ползком или шагом, как ящерица, черепаха, крокодил’.

Как видно из приведенных примеров, *sürün-* может сочетаться с различными падежными формами для обозначения направления и траектории перемещения.

В отличие от животных за человеком признается способность двигаться, постоянно соприкасаясь с поверхностью не только всем своим телом, а только конечностями, ягодицами и т. п. — *emekle-* ‘ползать на коленях, на четвереньках, на ягодицах и т. п.’ (аналогично в некоторых других тюркских языках — [ЭСТЯ 1974: 275]):

- (55) *Eğil-erek, emekle-yerek, sürün-erek ve sıçra-yarak ilerle-me taktik-ler-i-ni öğren-iyor-uz.*
сгибаться-CV ползать.на.коленях-CV ползать.на.животе -CV и внезапно.прыгать-CV
продвигаться.вперед-NMLZ тактика-PL-POSS3SG-ACC изучать-PRS-1PL
‘Изучаем способы перемещения согнувшись, ползком на животе и на коленях и резкими прыжками’.

Ограниченность использования в сочетании с падежными формами объясняется редким использованием такого способа перемещения.

Оба глагола — *sürün-* и *emekle-* — могут использоваться в форме деепричастий в сочетании с глаголами направления перемещения:

- (56) *Güvenli bir çıkış-a, sürün-erek git!*
надежный один выход-DAT ползать-CV идти
‘Двигайся ползком к надежному выходу’ (указание о поведении в опасной ситуации).
- (57) *Eğer yatsı namaz-ı ile sabah namaz-ı-ndaki fazilet-i bil-se-ler-di, emekle-yerek ve sürün-erek de ol-sa bu iki namaz-a gel-ir-ler-di* (хадис).
если вечерний намаз-ACC с утро намаз-POSS3SG-ADJ доброденствие-ACC знать-COND-PL-PST
ползать.на.коленях-CV и ползать.на.животе тоже быть-COND этот два намаз-DAT
приходить-AOR-PL-PST
‘Если бы они знали, насколько благодатны утренний и вечерний намаз, то приползли бы туда на животе или на коленях’.
- (58) *Emekle-yerek deniz-e gid-en bebeğ-i köpek kurtar-di.*
ползать.на.коленях-CV море-DAT идти-PC младенец-ACC собака спасать-PST
‘Младенца, ползущего к морю, спасла собака’.

Различия в агенсах глаголов *sürün-* и *emekle-* определяют разные пути переосмысления соответствующего способа перемещения при формировании их вторичных значений. Переносное значение *emekle-* основано на преобладающей лексической сочетаемости этого глагола с существительными, обозначающими младенцев, в результате чего глагол приобрел значение ‘испытывать трудности в связи с отсутствием опыта’ [TDK]:

- (59) *Botanik bilim-i emekle-me, acemi adım-lar-la yürü-me*
 ботаника наука-POSS3SG ползать.на.коленях-NMLZ неопытный шаг-PL-INS шагать-NMLZ
dönem-ler-i-ni geri-de bırak-mış-tı.
 период-PL-POSS3SG-ACC зад-LOC оставлять-PRF-IND
 ‘Ботаническая наука оставила позади период младенчества, неуверенного продвижения вперед’.

В лексеме *sürün-* ‘ползать’ переосмыслению подвергается низкое положение тела — ‘влачить жалкое существование, бедствовать’:

- (60) *Semiz bir köpeğ-e bile yet-me-yecek bir para-yla*
 крупный один собака-DAT даже хватать-NEG-FUT один деньги-INS
bu kadar sürün-dü-m (N. F. Kısakürek [TDK]).
 это до ползать.на.животе-PST-1SG
 ‘Я влачил такое жалкое существование на деньги, которых не хватило бы даже на содержание крупной собаки’.

4. Глагол *uç-*

Uç- ‘летать’ (*Uç* ‘летать, парить’, ‘исчезать, уходить’, ‘умирать’, ‘падать’ [ДТС 1969: 603]) указывает на нахождение объекта в состоянии без видимой опоры вне зависимости от направления, скорости перемещения и источника силы (в примерах ниже — условно «летать»). В форме деепричастия используется с глаголами направления перемещения:

- (61) *Uç-up git-ti-n bura-lar-dan*
 летать-CV идти-PST-2SG это.место-PL-ABL
 ‘Ты улетел(а) отсюда’ (песня).
- (62) *uç-arak gel-en pizza*
 летать-CV приходиться-PC пицца
 ‘прилетающая пицца’ (о доставке пиццы с помощью коптеров)

Uç- имеет очень широкую лексическую сочетаемость, включающую как летающих живых существ (птицы, насекомые), летательные аппараты, так и другие физические объекты и метафизические сущности. Названия некоторых искусственных самопередвигающихся в воздушном пространстве объектов образованы от *uç-*: *uçak* ‘самолет’², *uç-ur-t-ma* лететь-CAUS-CAUS-NMLZ ‘воздушный змей’. Использование *uç-* с названиями нелетающих объектов также предполагает их безпорное перемещение («пассивное летание» [Плунгян 2007: 745]) — ‘падать’, ‘взлетать на воздух’:

- (63) *Cadillac'-ı-yla birlikte Boğaz'-ın karanlık su-lar-ı-na uç-muş-tu* (O. Pamuk).
 Кадиллак-POSS3SG-INS вместе пролив-GEN темный вода-PL-POSS3SG-DAT летать-PRF-PST
 ‘Вместе со своим «Кадиллаком» он упал в темную воду Босфора’.
- (64) *Gaz patla-ma-sı sonuç-u bir ev hava-ya uç-tu.*
 газ взрываться-NMLZ-POSS3SG результат-POSS3SG один дом воздух-DAT летать-PST
 ‘В результате взрыва газа дом взлетел на воздух’.
- (65) *Bina-nın çatı-sı uç-tu*
 здание-GEN крыша-POSS3SG летать-PST
 ‘У дома сорвало крышу’.

В отношении человека *uç-* метонимически описывает передвижение по воздуху с помощью летательного аппарата, даже когда таковой не упоминается:

- (66) *Uç-mak-tan kork-u-yor mu-sunuz?*
 летать-NMLZ-ABL бояться-PRS Q-2PL
 ‘Вы боитесь летать?’.

² Лексема *uçak* была создана в ходе языковой революции, направленной на замену заимствований словами на тюркской основе (по модели *yat-* ‘лежать’ → *yat-ak* ‘место, где лежат’, т. е. ‘постель’; *uç-* ‘летать’ → *uç-ak* ‘место, где летают’), и первоначально предназначалась для использования в значении ‘аэродром’.

Uç-, как и другие глаголы группы, может сочетаться с различными падежными формами для обозначения маршрута, начальной и конечной точек перемещения:

- (67) *Otomobil-in çarp-tığ-ı üniversite öğrenci-si hava-da uç-tu.*
автомобиль-GEN ударять-SAF-POSS3SG университет учащийся-POSS3SG воздух-LOC летать-PST
'От удара автомобиля студент пролетел по воздуху (некоторое расстояние).'
- (68) *Varşova'-ya uç-acağ-ız.*
Варшава-DAT летать-FUT-1PL
'Мы полетим в Варшаву.'
- (69) *Yeni havalimanı-ndan uç-ma-ya hevesli değil-iz.*
новый аэропорт-ABL летать-NEG-DAT воодушевленный NEG-1PL
'Идея полетов из нового аэропорта нас не привлекает.'

Нам не удалось обнаружить примеров использования *uç-* с аккузативом в значении полного охвата пути, видимо, вследствие невозможности полностью проследить воздушную траекторию с земли. Аблатив в транслативном значении указывает не на саму траекторию, а на ее «проекцию» на землю:

- (70) *Martı-lar neden deniz-in üzeri-nden uç-ar.*
чайка-PL почему море-GEN верх-ABL летать-AOR
'Почему чайки летают над морем.'

Перемещение по воздуху в турецком языке воспринимается в основном как направленное, т. к. для описания хаотического перемещения больше подходит форма взаимно-совместного залога глагола *uç-*:

- (71) *Hava-da sandalye-ler uç-uş-tu.*
воздух-LOC стул-PL летать-MUT-PST
'Стулья летали в воздухе.'
- (72) *Ev-de uç-uş-an toz-lar*
дом-LOC летать-MUT-PC пыль-PL
'пылинки, летающие в доме'

При описании физического перемещения газообразных веществ и виртуального перемещения воображаемых сущностей *uç-* приобретает переносное значение 'исчезать' (ср. русск. *улетучиваться*):

- (73) *uç-ucu yağ*
летать-PC масло
'эфирное масло'
- (74) *Bütün karar-lar-ı uç-muş-tu* (S. F. Abasıyanık [TDK]).
весь решение-PL-POSS3SG летать-PRF-PST
'Все его решения испарились.'
- (75) *Reng-i birdenbire uç-tu* (P. Safa [TDK]).
цвет-POSS3SG вдруг летать-PST
'Он внезапно побледнел.'
- (76) *Beden-i toprağ-a gir-di, ruh-u uç-tu.*
тело-POSS3SG земля-DAT входить-PST дух-POSS3SG летать-PST
'Его тело упало в землю, а дух воспарил.'

Отсюда проистекает переносное значение *uç-* 'пребывать в состоянии радости или мечтательности', которое характеризуется в [TDK] как «из-за чувства радости оторваться от реальной жизни»:

- (77) *Orhan Pamuk Nobel'-i al-ır-sa sevinç-ten uç-acak mı-yım?*
Орхан Памук Нобель-ACC брать-AOR-COND радость-ABL летать-FUT Q-1SG
'Воспарю ли я от радости, если Орхан Памук получит Нобелевскую премию?'

В целом «летание» предполагает относительно высокую скорость передвижения, противопоставляясь передвижению с обычной скоростью, что, как и в русском, порождает переносное значение *uç-* 'быстро перемещаться':

- (78) *⟨...⟩ bir asfalt-a çık-alım gör-ür-sünüz bey, de-r-di.*
один асфальт-DAT выходить-OPT видеть-AOR-2PL господин говорить-AOR-PST

Uç-ar bu bizim küüstür (R. N. Güntekin [TDK]).

летать-AOR этот наш старый

‘«Вот только выедем на асфальт, увидите, господин, как наш старичок полетит», — говорил он’ (о старой машине).

5. Глагол *yüz-*

Yüz- в значении ‘плавать’ является общим для всех тюркских языков, кроме тувинского ([ЭСТЯ 1989: 261], в [ДТС 1969: 288]: ‘плавать’, ‘распространяться’). Вопрос о мотивировке лексемы *yüz-* остается открытым: А.Вамбери связывал *yüz-* с именем *yüz* ‘лицо, поверхность’, но не приводил семантического обоснования своей идеи [ЭСТЯ, там же], однако можно предположить, что взаимосвязь между *yüz-* и *yüz* ‘поверхность’ более очевидна, если имеется в виду не поверхность жидкости (воды), а поверхность плавающего объекта, полностью соприкасающаяся с водой, так как, на наш взгляд, самая значительная семантическая особенность *yüz-* состоит в том, что объект не перемещается, тем или иным способом опираясь на основание, а находится (перемещается или пребывает) в иной, окружающей его со всех сторон, среде.

В соответствии с классификацией, предложенной в [Майсак 2007b: 29] турецкий язык относится к языкам с «бедной» системой глаголов плавания, исходя из того, что активное плавание в нем не противопоставляется пассивному, и имеется лишь один соответствующий глагол — *yüz-*. Мы согласны с мнением Ю. В. Щеки [Щека 2007: 205] о спорности такого заключения и, кроме того, хотим указать на существенные фактические ошибки, допущенные в [Майсак 2007b] при характеристике глагола *yüz-*.

Yüz- используется для описания способности человека, других живых существ и других типов объектов удерживаться на поверхности или перемещаться по поверхности или в толще воды (антоним *bat-* ‘тонуть’). *Yüz-* индифферентен к активности/пассивности плавающего объекта:

(79) *Tahta yüz-er, taş yüz-mez.*

дерево плавать-AOR камень плавать-AORNEG

‘Дерево плавает, камень не плавает’.

(80) *Balık-lar yüz-er.*

рыба-PL плавать-AOR

‘Рыбы плавают’.

(81) *Yüz-me-yi bil-mi-yor-um.*

плавать-NMLZ-ACC знать-NEG-PRS-1SG

‘Я не умею плавать’.

(82) *su üzer-i-nde yüz-en yağ tabaka-sı*

вода верх-POSS3SG-LOC плавать-PC жир слой-POSS3SG

‘слой жира, плавающий на поверхности воды’

Значение способа перемещения очевидно при использовании в форме причастия в сочетании с глаголами направления перемещения:

(83) *Kız kule-si-ne yüz-erek gid-ip gel-di-ler*

девушка башня-POSS3SG-DAT плавать-CV идти-CV приходиться-PST-PL

‘Они доплыли до Девичьей башни и вернулись обратно’ (о соревнованиях по плаванию).

Как и другие глаголы способа перемещения, *yüz-* может выражать направленное перемещение в воде использованием соответствующих падежных форм и послелогов:

(84) *balina-ya doğru yüz-en 15 yaş-ı-ndaki veled*

кит-DAT к плавать-PC 15 год-POSS3SG-ADJ ребенок

‘15-летний мальчик, поплывший/плывущий к киту’

(85) *Kaş'-a, yani Yunanistan'-dan Türkiye'-ye, tam 8000 metre yüz-dü* (о человеке).

Каш-DAT то.есть Греция-ABL Турция-DAT точно 8000 метр плавать-PST

‘Проплыл целых 8000 м до г. Каш, то есть из Греции в Турцию’.

(86) *Erkek Lepistes-im 1 hafta-dır akıntı-ya karşı yüzü-yor*

самец гуппи-POSS1SG 1 неделя-IND течение-DAT против плавать-PRS

‘Один из моих самцов гуппи уже неделю плывет против течения’.

В отношении судов использование *yüz-* возможно только для описания «нефункционального» плавания [Выдрин 2007: 736], т. е. способности этих объектов удерживаться на воде:

- (87) *Gemi ne-dir ve nasıl yüz-er?*
судно что-IND и как плавать-AOR
'Что такое судно, и как оно плавает?'
- (88) *yüz-me bil-me-yen tekne*
плавать-NMLZ знать-NEG-PC катер
'катер, не умеющий плавать'
- (89) *İnkılâp vapur-u su yüksel-me-si-yile yüz-me-ye başla-dı.*
революция пароход-POSS3SG вода повышаться-NMLZ-POSS3SG-INS плавать-NMLZ-DAT начинать-PST
'Пароход «Революция» поплыл в результате повышения уровня воды' (о пароходе, стоящем в доке).
- (90) *Kara-ya otur-an "Dvina" isim-li gemi yüz-dü.*
суша-DAT садиться-PC «Двина» имя-INS судно плавать-PST
'Севший на мель корабль «Двина» поплыл'.

«Функциональное» плавание судов, как и в некоторых других языках, может выражаться только глаголами направления перемещения:

- (91) *Akıntı-ya karşı güney-e git-mek için yelken Şekil 1'de-ki gibi bas-il-ir.*
течение-DAT против юг-DAT идти-NMLZ для парус рисунок 1-LOC-ADJ как давить-PASS-AOR
'Для того, чтобы плыть против течения, на юг, парус должен удерживаться в положении, показанном на рис. 1'.
- (92) *Gemi-ler gid-er aydın ufuk-lar-a* (стихи, Н. Хикмет).
корабль-PL идти-AOR светлый горизонт-PL-DAT
'Корабли плывут в светлые дали'.
- (93) *Rüzgar arka-dan it-er ve tekne ön-e doğru gid-er.*
ветер зад-ABL толкать-AOR и катер перед-DAT к идти-AOR
'Ветер дует сзади, и катер плывет вперед'.

Использование глагола направления перемещения в случае функционального плавания необходимо, даже если судно несет течение:

- (94) *akıntı-yla aynı yön-de git-mek-te ol-an bu tekne*
течение-INS тот.же сторона-LOC идти-NMLZ-LOC быть-PC этот катер
'этот катер, движущийся по течению'

хотя в этом случае гораздо более употребителен глагол *sürüklen-*:

- (95) *akıntı-yla sürükle-n-en tekne*
течение-INS тащить-PASS-PC катер
'катер, влекомый течением'

Таким образом, вывод о том, что «суда в качестве субъектов предпочтительны (по сравнению с людьми на судах) для "обобщенных" глаголов плавания типа турецкого *yüzmek...*» [Майсак 2007b: 40] категорически не может быть признан правомерным.

Аналогичным образом в отношении других типов объектов в случае направленного перемещения, если способ перемещения («по воде, по течению») ясен из контекста, предпочтительны/обязательны глаголы направления перемещения:

- (96) *Bu hayvan-lar sel ile 20 kilometrelik bir mesafe-den gel-di.*
этот животное-PL сель с 20 километровый один расстояние-ABL приходиться-PST
'Эти животные приплыли с селем на расстояние в 20 км (о змеях)'.
- (97) *Kelebek gid-ip sırt dön-üyor-sunuz.*
бабочка идти-PC спина возвращаться-PRS-2PL
'Плывете туда баттерфляй, а обратно на спине' (указание пловцам).

Приведенный в [Майсак 2007a: 466] пример «*Gemi kara-ya doğru yüz-üyor* корабль суша-DAT прямо плавать-PRS 'Корабль плывет прямо к земле'» неадекватен, так как некоторые носители турецкого языка

расценивают его как категорически неправильный, другие — как невозможный в ситуации активного плавания и как плохой в ситуации пассивного плавания, предпочитая глаголы *ilerle-* ‘двигаться вперед’ и *sürüklen-* ‘быть влекомым’ соответственно.

Переносное значение лексемы *yüz-* основано на метафорическом сдвиге «плавать» → «находиться в среде» (ср. русск. «плавание как погруженность в большое количество, обладание большим количеством» — [Рахилина 2007: 81]):

- (98) *sefalet iç-i-nde* *yüz-*
 нищета нутро-POSS3SG-LOC плавать
 ‘не выбираться из нищеты’
- (99) *para iç-i-nde* *yüz-*
 деньги нутро-POSS3SG-LOC плавать
 ‘купаться в деньгах’
- (100) *pislik iç-i-nde* *yüz-*
 грязь нутро-POSS3SG-LOC плавать
 ‘утопать в грязи’

Как видно из приведенных примеров, в этих фразеологических единицах в турецком языке не содержится положительной или отрицательной оценки «окружающей среды» (ср. положительную оценку в русск. *купаться в деньгах*, *славе*, *утопать в роскоши* и т. д.). Одновременно с этим представление о *yüz-* как о нахождении в среде, погруженности в среду, а не о перемещении, препятствует его метафорическому использованию в отношении медленно перемещающихся предметов (ср. русск. «плавание как скользящее движение по поверхности» [Рахилина 2007: 86]). Что касается плавного перемещения в воздушной среде (русск. «плавание как перемещение по воздуху» [Рахилина 2007: 87], также *воздухоплавание*), то в турецкой языковой модели мира «воздух» не выступает как среда. Для метафор такого рода турецкий язык использует другой глагол, описывающий медленное перемещение — *süz-ül-* ‘процеживать’-PASS → ‘плавно двигаться, парить’:

- (101) *Kuş, gene hava-da süzül-üp daire-ler çiz-iyor* (M. Ş. Esendal [TDK]).
 птица опять воздух-LOC плавно.двигаться-PC круг-PL рисовать-PRS
 ‘Птица опять парит в воздухе, описывая круги’.
- (102) *Beyaz bulut bir kuğu gibi süzül-erek...*
 белый облако один лебедь как плавно.двигаться-CV
 ‘Белое облако, паря, словно лебедь...’

Приводимая в [Майсак 2007а: 468] и [Рахилина 2007: 88] строка из гимна Турецкой Республики:

- (103) ⟨...⟩ *bu şafak-lar-da yüz-en al sancak*
 этот восход-PL-LOC плавать-PC алый знамя
 ‘алое знамя, плывущее на фоне восхода’

является единственным примером использования глагола *yüz-* в сочетании с лексемой, обозначающей знамя, флаг и т. п., и может расцениваться только как авторская, а не концептуальная метафора, т. е. не отражает семантические нормы турецкого языка. Возможно, она возникла под влиянием французского *le drapeau flotte dans le vent* ‘флаг плывет по ветру’, т. к. французский был распространен среди интеллигенции в Османской империи и Турецкой Республике в конце XIX — начале XX века, а автор гимна Мехмет Акиф Эрсой владел французским. Носители турецкого языка на вопрос о возможности сочетания *yüz-* с лексемой *флаг* и ее синонимами отвечают категорически отрицательно и выражают крайнее удивление при напоминании известной всем строки гимна.

Судя по недоуменной реакции носителей языка, практически исключается возможность метафорического использования *yüz-* в значении ‘плавать в свободной одежде’ [Майсак 2007а: 467] и [Рахилина 2007: 83], а также выражения *toz içinde yüz-* ‘плавать в пыли’, приводимых в [Майсак 2007а: 467] и [Рахилина 2007: 81].

6. Фаза перемещения

Во всех исследуемых глаголах способа перемещения «акционально представлена исключительно срединная фаза процесса без внутренних темпоральных границ» [Насилов 1989: 140]. Это подтвердил и анализ использования глагола *yürü-* в романе Орхана Памука “Kara kitap”.

Семантическая валентность начальной точки перемещения с помощью падежной формы соответствующей лексемы оказывается заполненной крайне редко и, как правило, в паре с указанием на конечную точку. Значительно чаще начало перемещения определяется как точка/момент завершения предыдущего действия:

- (104) *Araba-dan in-ip yürü-dü.*
машина-ABL опускаться-PC шагать-PST
'(Он) вышел из машины и зашагал'.
- (105) *Tribün-den atlay-ıp yardım-a koş-tu.*
трибуна-ABL прыгнуть-PC помощь-DAT бегать-PST
'Спрыгнув с трибуны, побежал на помощь'.
- (106) *Yer-e düş-üp sürün-dü.*
земля-DAT падать-PC ползти-PST
'Он упал на землю и пополз'.
- (107) *Siyah bir karga da havalan-ıp uç-tu.*
черный один ворона тоже подниматься.в.воздух-PC летать-PST
'Одна черная ворона тоже взлетела'.
- (108) *Dağ-dan atlay-ıp Süpermen gibi uç-tu.*
гора-ABL прыгать-PC супермен как летать-PST
'Прыгнув с горы, полетел, как супермен'.
- (109) *Hemen ard-ım-dan o da atla-dı ve bana doğru yüz-dü.*
сразу зад-POSS1SG-ABL он тоже прыгнуть-PST и мне к плавать-PST
'Он прыгнул сразу же после меня и поплыл ко мне'.

Представляется, что использование глаголов со значением начала движения в переводах приведенных примеров является исключительно «данью» русскому языку и не отражает действительное положение в турецком. Это подтверждается в ходе преподавания русского языка туркам: студенты обычно не понимают, почему в такого рода ситуациях должен быть использован русский глагол движения со значением начала действия и склонны использовать однонаправленный бесприставочный глагол («идти», «ехать» и др.).

Начальный момент перемещения, выраженного глаголами способа перемещения, крайне редко соотносится с определенным моментом («когда?, во сколько?»). Использование наречий времени обычно не указывает на момент начала процесса, а соотносит все событие в целом с определенным временным отрезком:

- (110) — *Ne zaman yüz-üyor-sun? — Saat iki-de.*
что время плавать-PRS-2SG.? — час два-LOC.
'— Во сколько твой заплыв? — В два часа'.
- (111) — *Ne zaman yürü-yecek-siniz? — Yarın sabah dokuz-da.*
что время шагать-FUT-2PL.? — Завтра утро девять-LOC
'— Во сколько вы идете? — Завтра утром в девять'.

Единственным исключением является *uç-*, который активно используется в отношении воздушных видов транспорта, что предполагает определенность точки и момента вылета и прилета.

Семантическая валентность конечной точки у исследуемых глаголов выражается достаточно регулярно и с использованием различных грамматических и лексических средств. Таким образом, в отношении них полностью оправдывается утверждение о том, что «асимметрия локативных валентностей в сторону К (конечного пункта — *поясн. автора*) выглядит универсальной (или почти универсальной) тенденцией естественного языка выделять и эксплицитировать конечный пункт перемещения» [Майсак 1999: 62]. Представляется, что универсальность этой тенденции объясняется направленностью взгляда человека при перемещении к конечной точке. Важность этого фактора для турецкого языка ранее подтвердило также и наше исследование использования турецких указательных местоимений [Напольнова 2014].

Сокращения

Глоссы

1 — первое лицо	NEG — отрицание
2 — второе лицо	NMLZ — имя действия
3 — третье лицо	NUM — показатель приблизительного числительного
AVIL — модальность возможности	OBL — форм долженствования
ABL — отложительный падеж (аблатив)	OPT — желательное наклонение (оптатив)
ACC — винительный падеж (аккузатив)	PASS — пассивный залог (пассив)
ADJ — показатель имени прилагательного (адъективизатор)	PC — причастие
AOR — аорист (настоящее-будущее время)	PL — множественное число
AORNEG — негативный аорист	POSS — посессивный показатель
CAUS — понудительный залог	PRF — перфект (прошедшее заглазное время)
COND — условная модальность	PRS — настоящее время
CV — деепричастие (конверб)	PST — прошедшее время
DAT — дательный падеж (датив)	RFL — возвратный залог
FUT — будущее время	Q — Вопросительная частица
GEN — родительный падеж (генитив)	SAF — показатель субстантивно-адъективной формы
IND — показатель именной категории сказуемости	(именной отглагольной формы, которая может использоваться в функции как существительного, так и прилагательного)
INS — инструментальный падеж (инструментатив)	SG — единственное число
LOC — местный падеж (локатив)	
MUT — взаимно-совместный залог	

Общие

араб. — арабский

букв. — буквально

русс. — русский

Литература

- Апресян 1974 — Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка (2-е изд.) // Апресян Ю. Д. Избранные труды, Т. I. М., 1995. {*Apresyan Yu. D. Lexical semantics. Synonymous means of language (Second edition) // Apresyan Yu. D. Selected Works. Vol. 1. M., 1995.*}
- Выдрин 2007 — Выдрин В. Ф. Глаголы перемещения в воде в языке манинка // Глаголы движения в воде: лексическая типология / Ред. Майсак Т. А., Рахилина Е. В. М., 2007. {*Vydrin V. F. Verbs of movement in water in maninka language // Verbs of movement in water: lexical typology. / Eds. Maysak T. A., Rahilina E. V. M., 2007.*}
- Гак 1972 — Гак В. Г. К проблеме семантической синтагматики. М., 1972. {*Gak V. G. On the Problem of Semantical Syntagmatic. M., 1972.*}
- ДТС 1969 — Древнетюркский словарь / Ред. Наделяев В. М., Насилов Д. М., Тенишев Э. Р., Щербак А. М. Л., 1969. {*Old Turkic dictionary / Eds. Nadelyaev V. M., Nasilov D. M., Tenishev E. R., Shcherbak A. M. L., 1969.*}
- Майсак 1999 — Майсак Т. А., Рахилина Е. В. Семантика и статистика: глагол *идти* на фоне других глаголов движения // Логический анализ языка: языки динамического мира. Дубна, 1999. С. 53—66. {*Maysak T. A., Rahilina E. V. Semantics and statistics: the verb *idti* compared to other verbs of movement // Logical analysis of the language: the languages of the dynamic world. Dubna, 1999. P. 53—66.*}
- Майсак 2007а — Майсак Т. А. Системы с глаголом плавания в трех тюркских языках // Глаголы движения в воде: лексическая типология / Ред. Майсак Т. А., Рахилина Е. В. М., 2007. {*Maysak T. A. Systems of swimming verbs in three Turkic languages // Verbs of movement in water: lexical typology. / Eds. Maysak T. A., Rahilina E. V. M. 2007.*}
- Майсак 2007б — Майсак Т. А., Рахилина Е. В. Глаголы движения и нахождения в воде: лексические системы и семантические параметры // Глаголы движения в воде: лексическая типология / Ред. Майсак Т. А., Рахилина Е. В. М., 2007. {*Maysak T. A. The verbs of movement and staying in water // Verbs of movement in water: lexical typology / Eds. Maysak T. A., Rahilina E. V. M., 2007.*}
- Напольнова 2014 — Напольнова Е. М. Указательные местоимения в турецком языке // Урало-алтайские исследования. 2014, 1. С. 67—74. {*Napolnova E. M. Demonstrative pronouns in Turkish // Ural-Altaic Studies. 2014. Vol. 1. P. 67—74.*}
- Напольнова 2017 — Напольнова Е. М. Глаголы перемещения в современном турецком языке (вертикальное направление) // Урало-алтайские исследования. 2017, 1. С. 34—47. {*Napolnova E. M. Verbs of motion in modern Turkish (vertical direction) // Ural-Altaic Studies. 2017. Vol. 1. P. 34—47.*}

Насилов 1989 — *Насилов Д. М.* Проблемы тюркской аспектологии. Акциональность. Л., 1989. {*Nasilov D. M.* Problems of Turkic Aspectology. Actionality. L., 1989.}

Плунгян 2007 — *Плунгян В. А., Рахилина Е. В.* К типологии глаголов ‘летать’ и ‘прыгать’ // Глаголы движения в воде: лексическая типология / Ред. *Майсак Т. А., Рахилина Е. В. М.*, 2007. {*Plungyan V. A. Rahilina E. V.* About typology of verbs ‘fly’ and ‘jump’ // Verbs of movement in water: lexical typology / Eds. *Maysak T. A., Rahilina E. V. M.*, 2007.}

Рахилина 2007 — *Рахилина Е. В.* Типы метафорических употреблений глаголов плавания // Глаголы движения в воде: лексическая типология / Ред. *Майсак Т. А., Рахилина Е. В. М.*, 2007. {*Rahilina E. V.* Types of metaphorical uses of the verbs of swimming // Verbs of movement in water: lexical typology. / Eds. *Maysak T. A., Rahilina E. V. M.*, 2007.}

TRC 1977 — Турецко-русский словарь. М., 1977. {Turkish-Russian Dictionary. M., 1977.}

Щека 2007 — *Щека Ю. В.* «Плывать» по-турецки: три заметки по поводу сборника «Глаголы движения в воде» // Вопросы тюркской филологии. Вып. VII. Материалы Дмитриевских чтений. М., 2007. С. 205—213. {*Sheka Yu. V.* The verb ‘swim’ in Turkish: Three notes about the book “Verbs of movement in water” // Issues of Turkic Philology, No. VII. Materials of Dmitrievsky chtenia. M.: 2007. P. 205—213.}

ЭСТЯ 1974 — *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков: Общeturкские и межтюркские основы на гласные. М., 1974. {*Sevortyan E. V.* Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common Turkic and Interturkic stems starting with vowels. M., 1974.}

ЭСТЯ 1989 — Этимологический словарь тюркских языков: Общeturкские и межтюркские основы на буквы “Ж” и “Ж”, “Й” / Отв. ред. *Левитская Л. С. М.*, 1989. {Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common Turkic and Interturkic stems starting with letters “j”, “J”, “Y” / Ed. *Levitskaya L. S. M.*, 1989.}

ЭСТЯ 2000 — Этимологический словарь тюркских языков: Общeturкские и межтюркские лексические основы на букву “К” Вып. 2. / Отв. ред. *Благова Г. Ф. М.*, 2000. {Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common Turkic and Interturkic stems starting with letter “K” / Ed. *Blagova G. F. M.*, 2000.}

TS 1988 — *Türkçe Sözlük.* Ankara, 1988. {Turkish Dictionary.}

TDK — Материалы официального сайта Турецкого лингвистического общества (Türk Dil Kurumu) // www.tdk.gov.tr, 2017. {Materials from the official page of the Turkish Language Institution (Türk Dil Kurumu) // www.tdk.gov.tr, 2017.}

РЕЗЮМЕ

Для турецкого языка характерно раздельное выражение способа и направления традиционных видов перемещения. В статье рассматриваются прямые и переносные значения глаголов способа перемещения по поверхности земли, воде и воздуху — *yürü-, koş-, sürüklen-, emekle-, uç-, yüz-*. Задача исследования состоит в том, чтобы проследить то, какая именно информация заключена в глагольных основах, что влияет на развитие их значений и сочетаемости с различными типами объектов.

SUMMARY

One of the Turkish language qualities is to have different expressions of method and of the direction of traditional means of movement. The article investigates real and metaphorical meanings of verbs of movement on the ground, in water and in air — *yürü-, koş-, sürüklen-, emekle-, uç-, yüz-*. The goal of the study is to understand which information, exactly, is contained in the verb stems, and what could influence the development of their meanings and of their compatibility with various types of objects.

Ключевые слова: турецкий язык, глаголы перемещения, глаголы способа перемещения, семантика глаголов перемещения

Keywords: Turkish, verbs of movement, verbs of methods of movement, semantics of the verbs of movement

Напольнова Елена Марковна, Университет Озйегин (Стамбул); elena.napolnova@ozyegin.edu.tr

Elena M. Napolnova, Ozyegin University (Istanbul); elena.napolnova@ozyegin.edu

Оформление прямого дополнения в финно-угорских языках: между предикацией и дискурсом¹

1. Введение

Дифференцированное маркирование прямого дополнения (differential object marking) — явление, широко представленное в языках мира, включая уральские языки, см. обзор в [Witzlack-Makarevich, Seržant 2017]. Разными способами может оформляться как именная группа в позиции прямого дополнения (далее ПД), так и глагол. Так, в пермских языках, в марийском, в мордовских языках и др. вершина именной группы (далее ИГ) в позиции ПД может присоединять специальный показатель, либо такой показатель может отсутствовать, см. марийские примеры (1a) и (1б), соответственно. Вариативность оформления ПД может затрагивать и глагольную систему: переходный глагол может получать аффиксы как объектного (субъектно-объектного, определенного) спряжения, так и безобъектного (субъектного) спряжения, как в венгерском, обско-угорских, самодийских языках, ср. [Molnár 2001; Nikolaeva 1999; 2014; Ханина, Шлуинский 2015]. Такого рода вариативность представлена также в мордовских языках (ср. пример (2a) — глагол в объектном спряжении, (2б) в безобъектном):

Марийский (луговой)

(1a) *tuvər-əm urg-aš lij-eš²*.
 платье-ACC сшить-INF можно-PRS.3SG
 ‘Можно сшить платье’.

(1б) *maj-ən tuvər urg-aš küł-eš*.
 я-GEN платье шить-INF быть.нужным-PRS.3SG
 ‘Мне нужно платье сшить’ [Толдова, Сердобольская 2002: 106].

Мокша-мордовский

(2a) *it'-t'n'ə nolda-z' kelaz'-k'ε-t'*.
 ребенок-DEF.PL отпустить-PST.O.3SG.S.3PL лиса-DIM-GEN.DEF
 ‘Дети отпустили лису’.

(2б) *it'-t'n'ə kunda-s'-t' kelaz'*.
 ребенок-DEF.PL ловить-PST.3-PL лиса
 ‘Дети поймали лису’.

В работах по дифференцированному маркированию ПД [de Hoop, Malchukov 2005] (см. также [Jemmo 2011]) различают симметричные и несимметричные системы кодирования ПД. В первом случае противопоставлены разные ненулевые маркеры (как, например, в финском). В втором случае ПД может либо получать специальный падежный маркер, либо явно выраженный маркер может отсутствовать (как в (1б) из марийского языка и в (2б) из мокша-мордовского). Определение синтаксического и морфологического статуса ПД без выраженного на поверхности специализированного падежного показателя не входит в задачи настоящей работы. Далее с определенной долей условности мы будем говорить о немаркированном ПД.

Одним из центральных вопросов, на который пытаются ответить исследования по дифференцированному маркированию ПД, это вопрос о том, что является определяющим фактором при выборе кодирования ([Comrie 1979; Aissen 1998; de Swart 2007; Bossong 1985; Moravcsik 1978] и др.). С одной стороны, в языках с дифференцированным маркированием ПД существуют жесткие грамматические ограни-

¹ Н. В. Сердобольская участвовала в подготовке статьи при поддержке гранта РФФИ № 16-24-17003. С. Ю. Толдова участвовала в подготовке статьи в ходе проведения исследования (№ 16-01-0088) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2016—2017 гг. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

² В работе используется условная транскрипция, отражающая некоторые наиболее регулярные фонетические особенности исследуемых нами идиомов. В примерах из мокша-мордовского языка знаками *ʃ* и *ɣ* обозначаются, в соответствии с МФА, глухие сонорные согласные.

чения, связанные с семантическими (например, с одушевленностью) или референциальными свойствами (например, с определенностью) именной группы в позиции ПД. С другой стороны, во многих языках существует целый ряд контекстов, где выбор оформления на первый взгляд не регулируется никакими грамматическими правилами. Однако, нередко в зоне варьирования выбор оформления ПД не является произвольным: носители накладывают различные ограничения на сходные примеры, ср. (1a) и (3).

Марийский (луговой)

(3a) — *tide materjal gač' mo-m urg-aš lij-eš?*
этот материал из что-ACC сшить-INF можно-PRS.3SG

(3б) — *tuvər-əm / *tuvər urg-aš lij-eš.*
платье-ACC / платье шить-INF можно-PRS.3SG

‘Что из этого материала можно сшить? — Можно платье сшить’ [Толдова, Сердобольская 2002: 107].

В (1a) и в (3) позицию ПД занимает ИГ *tuvər* ‘платье’ при одном и том же глаголе *urg-aš* ‘шить’. Эта ИГ соотносится с неодушевленным референтом. Приведенные примеры не различаются порядком слов и грамматическими характеристиками глагола, который управляет этой ИГ. Различие заключается в том, что в (3б) данная ИГ служит ответом на частный вопрос и, соответственно, находится в фокусе высказывания. В луговом марийском, как видно из примера, в данном случае ПД должно иметь специальный падежный показатель, а именно, показатель аккузатива.

В такого рода случаях на первый план выступают различные дискурсивные факторы, такие как референциальный статус ИГ и информационная структура высказывания. При этом далеко не всегда удастся найти единое объяснение рассматриваемому явлению в терминах одного фактора. Как показывают исследования, выбор кодирования ПД в реальном дискурсе определяется сложным взаимодействием значений этих факторов: например, одно правило работает для одушевленных определенных ПД в теме и другое — для одушевленных и неодушевленных определенных ПД в реме. Иерархия факторов варьирует от языка к языку и даже в рамках конкретных диалектов, ср. [Сердобольская, Толдова 2012]³.

Исследования по информационной структуре высказывания в различной степени учитывают более широкий дискурсивный контекст (см. [Lambrecht 1994; Givón 1983; Erteschik-Shir 1997, 2007; Vallduví 1992] и др.). В языках мира маркеры информационной структуры (ИС) и дискурсивного статуса референта могут совпадать (ср., в частности, [Толдова 1994] относительно средств маркирования топика в предложении и дискурсивного топика). Попытка применить многофакторные дискурсивные модели для объяснения выбора оформления ПД на большой языковой выборке делается в работах [de Swart 2007; de Hoop, de Swart 2009]. Авторы опираются на понятие выделенности ПД (prominence) — понятие, базирующееся на трех иерархиях: личной (1, 2 (локуторы) > 3 [de Swart 2007: 150]), иерархии одушевленности (обозначение человека > обозначение животного > обозначение неодушевленного объекта [там же]) и иерархии определенности (местоимение > имя собственное > определенная ИГ > неопределенная специфичная ИГ > неопределенная неспецифичная ИГ [там же]). В данных исследованиях показано, что в языках мира высоко значимые ПД с большой вероятностью будут маркироваться специальным показателем, а ПД с низкой значимостью с большой вероятностью выступают без оформления.

Следует, однако, отметить, что, несмотря на то, что в этих исследованиях учитываются прагматические свойства референта, включая его значимость, до сих пор большинство исследований, посвященных кодированию ПД, не выходит за рамки рассмотрения одного предложения. Между тем, анализ данного феномена с точки зрения таких противопоставлений как определенность/неопределенность, топик/фокус невозможен без апелляции к контекстным условиям, которые, в первую очередь, определяются информацией, актуализованной в предыдущем дискурсе. Таким образом, вопрос о выборе оформления ПД непосредственно связан с исследованием референциального выбора в дискурсе. Как показывают исследования в этой области (например, [Givón 1983; Ariel 1988; Kibrik 2011], а также [Gundel e.a. 1993] и др.), выбор конкретных средств референции в некоторый момент дискурса, например, выбор местоименной анафоры, регулируется ролью референта в дискурсе, или его дискурсивным статусом. В этой связи говорят о топикальности референта, его выделенности, степени активации, доступности и т. п. [Lewis 1979; Prince 1981; Ariel 1990; Gundel e.a. 1993; Chafe 1996; Kibrik 2011 и др.]. Иными словами, выбор конкретного типа ИГ для номинации некоторого референта регулируется взаимодействием различных свойств референтов (как семантических и грамматических, так и дискурсивных), причем не только локальными

³ Релевантным фактором выбора кодирования ПД в финно-угорских языках также могут быть аспектуальные и акциональные характеристики предикации, однако они не имеют определяющего значения в рассматриваемых ниже идиомах.

(например, новая это информация для слушающего или известная), но и глобальными свойствами референтов, их ролью в некотором элементе дискурса, большем, чем одно высказывание. В частности, в работах [Givón 1983; Kibrik 2011] дискурсивный статус референта определяется, в том числе, на основании взаимодействия таких факторов, как расстояние до предыдущего упоминания участника (референциальное расстояние), число упоминаний участника во всем тексте, непрерывность топики (число упоминаний участника в десяти клаузах, которые следуют за данной клаузой) и др.

Цель настоящей работы — определить степень релевантности данных параметров для выбора оформления ПД в исследуемых языках. Мы покажем, что, помимо собственно информационного статуса ПД в пределах одного высказывания, для выбора оформления ПД оказывается релевантной его роль во фрагменте дискурса, большем, чем одно предложение, т. е. его дискурсивный статус. Этот фактор оказывается значимым для всех исследуемых идиомов, несмотря на существенные различия в самой системе кодирования ПД.

Работа базируется на материалах полевых исследований лугового марийского языка (говор с. Старый Торъял), бесермянского диалекта (наречия) удмуртского языка (д. Шамардан), коми-зырянского языка (печорский диалект, д. Еремеево), мокша-мордовского языка (с. Лесное Цибаево). Далее, приводя соответствующие примеры, мы не уточняем, о каком диалекте идет речь. В исследовании используются данные, полученные методом элицитации, при помощи перевода текстов с русского языка, а также спонтанные тексты.

Настоящая работа организована следующим образом. В разделе 2 мы кратко охарактеризуем основные подходы к описанию явления дифференцированного маркирования ПД в литературе по уральским языкам, а также рассматриваем основные способы кодирования ПД в исследуемых нами языках. В разделе 3 мы описываем влияние информационной структуры на выбор кодирования ПД. Раздел 4 посвящен анализу данных текстов с точки зрения того, каким образом дискурсивный статус референта ПД влияет на его оформление. В этом разделе вначале рассматриваются примеры, нарушающие правила, сформулированные в предыдущих разделах. Далее предлагается объяснение в терминах дискурсивного статуса референта ПД. В подтверждении объяснений приводится анализ текстов, собранных в ходе полевой работы.

2. Дифференцированное маркирование ПД в финно-угорских языках

2.1. Подходы к описанию дифференцированного маркирования ПД в финно-угорских языках

В финно-угорских языках дифференцированное маркирование ПД имеет давнюю историю исследования (см., например, [Бубрих 1949; Wickman 1955; Серебренников 1964; Comrie 1979] и др.). В традиционных грамматиках, а также в целом ряде финно-угроведческих работ это явление получает объяснение в терминах определенности/неопределенности ИГ (ср., например, [Алатырев 1970] относительно удмуртского языка, [Цыпанов 1997] — относительно коми, [Коляденков, Заводова 1962] по мордовским языкам): определенное ПД кодируется аккузативом или генитивом, неопределенное и неконкретное не присоединяет падежный показатель. Во многих работах по пермским языкам определенность ИГ в позиции ПД считается одним из главных факторов выбора кодирования ([Бубрих 1949; ГСУЯ 1962: 93; Csúcs 1990: 34; Winkler 2011: 20; Кондратьева 2002; Лыткин 1955: 142; Лыткин, Тимушев 1961: 864; Прокушева 1984] и др.). Таким же образом объясняют выбор немаркированного оформления ПД и ряд мариеведов. В частности, Б. А. Серебренников ([Серебренников 1964]), а вслед за ним и И. С. Галкин ([Галкин 1964; Тужаров 1998]), считают, что наиболее важную роль играет в данном случае признак определенности/неопределенности. Условия определенности ИГ и, соответственно, выбор кодирования ПД в мордовских языках обсуждается в [Коляденков 1954; Матюшкин 1973а, 1973б; Цыганкин 1976; Тихонова 1986; Zirnask 2004].

Однако в вышеупомянутых языках (как и во многих других языках мира) широко представлены примеры, где это правило нарушается (ср. об этом [Бубрих 1949, Лаврентьев 1975, Тужаров 1986, Кондратьева 2002]):

Коми-зырянский

(4) *n'an'-sə* *verəs-aj* *kasjiš'-i-s* *vaj-ny*, *a e-z* *pi-əj*.
 хлеб-ACC.P.3(SG) муж-P.1SG обещать-PST-3(SG) принести-INF а NEG.PST-3(SG) сын-P.1SG
 'Хлеба МУЖ обещал купить, а не сын'.

В (4) ПД *n'an'-sə* 'хлеб-ACC.P.3(SG)' имеет выраженный показатель аккузатива, несмотря на то, что она не соотносится ни с каким конкретным референтом. ПД находится в позиции топики и содержит

информацию, актуализованную в предшествующем дискурсе. В данном случае на первый план выходит фактор информационной структуры высказывания.

Информационная структура как важный фактор выбора оформления ПД упоминается в целом ряде работ по уральским языкам, см., например, [Wickman 1955; Keenan, Comrie 1977; Dalrymple, Nikolaeva 2011] для хантыйского, ненецкого, [Ромбандеева 1979] для мансийского, [Kiss 2013] для венгерского, [Ханина, Шлуинский 2015] для энецкого; [Пенгитов 1961; Толдова, Сердобольская 2002] для марийского языка и т. п.

2.2. Базовые модели кодирования ПД

Во всех рассматриваемых нами языках ПД может маркироваться специальным маркером (генитив в мордовских языках и аккузатив в остальных исследуемых языках) или выступать без оформления. Однако рассматриваемые языки располагают разными средствами кодирования. Ниже мы рассмотрим базовые типы оформления ПД для каждого из языков и основные правила выбора оформления.

А. Пермские языки: коми-зырянский (печорский диалект), бесермянский диалект удмуртского языка

В пермских языках ПД может выступать без оформления, оформляться специальным показателем аккузатива (*-əs* в коми-зырянском; *-ez/-tâ* для единственного/множественного числа ПД в удмуртском) или кумулятивными показателями аккузатива и посессивности (далее: посессивный аккузатив). Уточним, что нас интересуют случаи, когда посессивные показатели функционируют за пределами собственно посессивных контекстов, см. об этом [Schlachter 1960; Winkler 2011].

Коми-зырянский

(5a) *me dərəm / dərəm-sə vur-i.*
я рубашка / рубашка-ACC.P.3(SG) шить-PST(1SG)
'Я сшила рубашку'.

(5б) *sij-a viž'-ə č'el'ad'-əs / (sija) č'el'ad'-sə / *č'el'ad'.*
этот-НОМ стеречь-PRS.3(SG) дети-ACC / (этот) дети-ACC.P.3(SG) / дети
'Она нянчит детей / своих детей'.

В (5б) референт ИГ *č'el'ad'* 'дети' одушевленный. Для неопределенной ИГ в реме выбирается показатель *-əs* (без посессивности); для определенной ИГ и для ИГ в теме выбирается посессивный аккузатив *-sə*. Отсутствие показателя на одушевленном ПД не грамматично. В (5a) референт ИГ в позиции ПД неодушевленный. В данном случае, если референт определен и/или принадлежит теме, также выбирается показатель *-sə*; неопределенная ИГ в реме не маркируется. Следует отметить, что распределение схожих показателей в удмуртском иное (см. п. 3).

Поскольку в коми-зырянском выбор между отсутствием оформления и аккузативом (без посессивности) определяется строго одушевленностью ПД, то далее мы будем оба эти средства трактовать как единую модель оформления 0/АКК.

Следует оговориться, что в непосессивных контекстах может выступать как посессивный аккузатив 3-го лица, так и посессивный аккузатив 2-го лица. В целом, показатель 2-го лица является более маркированным и несет оттенок субъективного отношения в терминах [Schlachter 1960] (или функция «интимизации», ср. [Федюнева и др. 2000]), что сближает этот показатель с этическими маркерами, например, этическим дательным в славянских языках и клитиками 2-го лица в романских языках. В данной работе мы сосредоточимся на посессивном показателе 3-го лица; допустимость маркера 2-го лица будет отмечаться особо.

Б. Мокша-мордовский язык

В мордовских языках представлена наиболее сложная система кодирования ПД, поскольку вариативность проявляется как в системе оформления существительного, так и в выборе спряжения глагола. В мокша-мордовском языке представлено три типа склонения существительного: немаркированное, определенное и посессивное (ср., например, мокш. *mora-n'd'i* — 'песня-DAT', *mora-t'i* — 'песня-DEF.SG.DAT', *mora-nci* — 'песня-3SG.P.SG.DAT'). Глагол может присоединять аффиксы по двум моделям: аффиксы безобъектного (субъектного) vs. объектного (субъектно-объектного) спряжения. Глагол в объектном спряжении согласуется с ПД по лицу и числу. Далее мы не будем рассматривать случаи, когда в позиции

ПД находятся местоимения первого или второго лица. Нас будут интересовать только ПД с вершинным именем. Для данного класса ПД различаются следующие основные модели кодирования (возможные отступления от данных моделей сравнительно редки и мы не будем рассматривать их в данной работе; более подробно они описаны в [Толдова в печ.]): (1) определенная модель кодирования, когда существительное оформляется специальным показателем родительного падежа определенного склонения *-t'* (имена собственные оформляются показателем *-n'*) или показателем посессивного склонения, ПД контролирует глагольное согласование; (2) неопределенная модель: ПД не получает специального оформления (во множественном числе в этом случае используется специальный показатель *-t*), глагол оформляется по безобъектному спряжению⁴. Приведем примеры данных моделей для мокша-мордовского ((6а) и (6б) соответственно):

Мокша-мордовский

(6а) *it'-t'n'ə šuv-s'-t' lotka.*
ребенок-DEF.PL копать-PST.3-PL яма
'Дети выкопали яму'.

(6б) *al'ε-z'ə val'ε-z'ə lotk-t'.*
отец-P.1SG засыпать-PST.3SG.O.3SG.S яма-DEF.SG.GEN
'(Мой) отец засыпал яму'.

В. Марийский (лугово-восточный)

В луговом марийском ПД может оформляться специальным показателем аккузатива (7а) или не присоединять данный показатель (7б):

Марийский

(7а) *vara poč'ela adak murə-m-at voz-alt-aš logal-ən.*
потом один.за.другим опять песня-ACC-EMPH писать-DETR-INF приходится-PST.3(SG)
'Потом влед [за этим стихотворением] и песню (песни) написать довелось'⁵ [КТМЯ].

(7б) *kijar šolašt-aš ajsta kaj-əna man-əna ves jal-aške.*
огурец воровать-INF давайте уходить-PRS.1PL говорить-PRS.1PL другой деревня-ILL
'Давайте, говорим, пойдем воровать огурцы в другую деревню'. [КТМЯ]

Дистрибуция неоформленного ПД по сравнению с другими языками сильно ограничена: отсутствие явно выраженного падежного маркера возможно только в нефинитной клаузе (см. также [Пенгитов 1961; Тужаров 1986; Тужаров 1987; Толдова, Сердобольская 2002] и др.). Сравним (8а), где ПД в финитной клаузе, и (8б) — в нефинитной:

(8а) *pet'a pareŋg-əm / *pareŋge šolt-a.*
Петя картошка-ACC картошка варить-PRS.3SG
'Петя варит картошку'.

(8б) *tudo pareŋge šolt-aš kaj-aš.*
он картошка варить-INF идти-NARR(3SG)
'Он пошел варить картошку'.

В нефинитных клаузах выбор оформления в значительной степени определяется информационной структурой высказывания, см. подробнее [Толдова, Сердобольская 2002].

Во всех рассматриваемых нами языках существуют морфосинтаксические ограничения на кодирование ПД. Так, например, в большинстве рассматриваемых идиомов указательное местоимение в качестве зависимого в именной группе требует оформления ПД:

(9) *tide tuvər-əm / *tide tuvər mušk-aš küleš.*
этот платье-ACC этот платье мыть-INF быть.нужным-PRS.3SG
'Это платье нужно постирать'.

⁴ Существует еще одна модель кодирования, когда второй актанта глагола оформляется послеложной конструкцией, см. [Козлов 2017]. Выбор такой модели мотивирован акциональными характеристиками предикации, поэтому здесь мы этот случай рассматривать не будем.

⁵ В тексте идет речь именно о создании новой песни; рассказчик — поэтесса.

Мы не будем рассматривать такие ограничения в рамках данной работы; соответственно, мы не анализируем примеры с местоимениями и выражениями, определяющими тип референции ИГ (кроме указательных местоимений, это касается неопределенных и вопросительных местоимений, квантора всеобщности, рестриктивных релятивных оборотов и т. п.).

Итак, в пермских языках противопоставлены три средства кодирования ПД: отсутствие оформления, аккумулятив и посессивный аккумулятив (за пределами собственно посессивных контекстов). В коми-зырянском выбор мы трактуем отсутствие оформления и аккумулятив (без посессивности) как единую модель оформления 0/АКК (в силу того, что выбор между первым и вторым определяется строго одушевленностью ПД). В марийском языке важно противопоставление аккумулятива и отсутствия оформления в нефинитных клаузах (посессивность также выражается, но ее выражение не зависит от наличия аккумулятива). В мокша-мордовском языке противопоставлены две модели маркирования глагола и ПД: «определенная» (ПД с генитивом или с посессивным генитивом, субъектно-объектное спряжение) vs. «неопределенная» (ПД не оформляется генитивом, субъектное спряжение).

Ниже мы рассмотрим семантико-прагматические факторы, наиболее релевантные для выбора оформления ПД в рассматриваемых идиомах. Для бесермянского и мокша-мордовского это в большей степени референциальный статус, а для коми-зырянского и лугового марийского — в большей мере информационная структура высказывания.

2.3. Референциальный статус

Несмотря на столь разные способы кодирования в рассматриваемых нами идиомах, можно наблюдать некоторые общие тенденции в выборе маркированного и немаркированного способа кодирования ПД: безусловно, на выбор кодирования во всех идиомах влияет референциальный статус ПД и информационная структура высказывания (см. подробнее в следующем разделе). Конкретное соотношение релевантности данных факторов подробно обсуждается в [Сердобольская, Толдова 2012] и [Толдова в печ.]. Ниже мы приведем основные правила выбора оформления в рассматриваемых идиомах.

В бесермянском удмуртском и мокша-мордовском наибольшее значение для выбора оформления ПД имеет его референциальный статус. Определенное ПД в бесермянском оформляется аккумулятивом или посессивным аккумулятивом, см. отрывки текста, записанного от разных носителей в (10a) и (10б). В мокша-мордовском при определенном референциальном статусе ПД используется «определенная» модель, см. пример (11). Выбор между аккумулятивом и посессивным аккумулятивом в бесермянском определяется рядом параметров, на которых мы не будем останавливаться в данной работе (см. подробнее [Сердобольская 2017]).

Удмуртский (бесермянский)

(10a) *gondâr kâl-e gârlâ kwara-jez.*
медведь слышать-PRS.3SG колокольчик голос-ACC
a šâr-ez no-kâž'â=no kut-ânâ ug bâgat-â.
а мышь-ACC NEG-как=ADD поймать-INF NEG.PRS мочь-3SG

(10б) *a šâr-ze kut-ânâ e-z bâgat.*
а мышь-ACC.P.3SG поймать-INF NEG.PST-3 мочь(SG)

{Медведь с девушкой играют в жмурки, он дал ей колокольчик и пытается ее поймать. Девушка отдала колокольчик мышке.} Медведь слышит колокольчик, а мышку поймать никак не может (не смог)?

Мокша-мордовский

(11) *at'ε-s' šufctâ t'i-s' kol'an'd'-ama-t it'-t'n'â-n'd'i.*
дед-DEF.SG дерево.EL делать-PST.3SG забавляться-NZR-PL ребенок-DEF.PL-DAT
'Дед сделал игрушки из дерева детям'.

kand-εz'ân' kud-u it'-t'n'â-n'd'i kol'an'd'-ama-t'n'â-n'.
нести-PST.3SG.O.3SG.S дом-LAT ребенок-DEF.PL-DAT забавляться-NZR-DEF.PL-GEN
'И принес домой детям игрушки'.

Неопределенные и нереферентные ПД в бесермянском и в мокша-мордовском, как правило, не оформляются. В зоне генерических ПД наблюдается вариативность:

(12a) *traks-s' maks-i lofca.*
корова-DEF.SG дать-NPST.3SG молоко
'Корова дает молоко'.

- (126) *katə-t'n'ə kel'k-sa-z' lofc-t'*
 кошка-DEF.PL любить-NPST-3.O.SG.3S.PL молоко-DEF.SG.GEN
 'Кошки любят молоко'.

Таким образом, в удмуртском (бесермянском) и мокша-мордовском определенные референтные ПД оформляются специальными показателями. Наибольшая вариативность оформления наблюдается в зоне генерических неуниверсальных ИГ. В данном случае оформление может зависеть от информационной структуры высказывания: ПД в теме кодируются по определенной модели, а ПД в реме по неопределенной.

В печорском диалекте коми-зырянского языка и в марийском языке наибольшую релевантность имеет фактор информационной структуры высказывания.

2.4. Информационная структура высказывания и выбор оформления ПД

Прежде чем перейти к анализу данных, уточним ряд терминов, которые мы будем использовать в настоящем разделе. В работе нас будут интересовать скорее семантические или прагматические аспекты распределения информации в высказывании. Прежде всего мы будем опираться на работу К. Ламбрехта [Lambrecht 1994].

В литературе по уральским языкам при описании информационной структуры центральным является понятие топики (см., например, [Kiss 2005; Dalrymple, Nikolaeva 2011]). В частности, в этих работах упоминается подход Т. Рейнхарт [Reinhart 1981], основанный на определении, предложенном Р. Стросоном [Strawson 1964], при котором главным признаком топики является "aboutness". К. Ламбрехт следующим образом определяет топик: «Референт интерпретируется как топик некоторой пропозиции, если эта пропозиция в данной ситуации строится как информация, сообщаемая об этом референте, т. е. выражающая информацию, которая релевантна для знаний адресата об этом референте и которая увеличивает эти знания»⁶ [Lambrecht 1994: 131] или «тот предмет, о котором говорится в пропозиции, выражаемой данным предложением»⁷ [Lambrecht 1994: 118]. Опираясь на работы Т. Рейнхарт и К. Ламбрехта, мы будем считать, что главным признаком топики является "aboutness", т. е. топик — тот семантический/прагматический компонент высказывания, о котором идет речь, относительно которого нечто утверждается. Рассмотрим следующий пример:

- (13) *Почему Маша сегодня грустная?* — [[*Маша*]_{ТОПИК} *сегодня*]_{ТЕМА} [*с другом поссорилась*]_{РЕМА}

Рему мы будем определять в соответствии с понятием фокуса в работе К. Ламбрехта, имея в виду конституирующий коммуникативный компонент сообщения: то, что утверждается в высказывании, или тот «тот семантический компонент прагматически структурированной пропозиции, в котором ассерция отличается от пресуппозиции»⁸ [Lambrecht 1994: 213].

Рассмотрим, как оформление ПД в финно-угорских языках зависит от информационной структуры высказывания.

А. Коми-зырянский

В коми-зырянском действуют следующие правила выбора показателя: ПД в теме (а также, чаще всего, определенные ПД в реме) оформляются показателем посессивного аккузатива (см. (14а)), а в реме по модели 0/АКК (АКК для одушевленных, 0 для неодушевленных), см. примеры (14б) и (15)).

Коми-зырянский

- (14а) *te jəv-sə soš'ed-lyš' boš't-i-n? — me jəv-sə n'əb-i.*
 ты молоко-ACC.P.3(SG) сосед-GEN2 брат-ПST-2(SG) я молоко-ACC.P.3(SG) покупать-ПST(1SG)
 'Ты молоко у соседки взяла? — Я молоко купила'.

- (14б) *maj te n'əb-i-n? — me n'əb-i jəv.*
 что ты покупать-ПST-2(SG) я покупать-ПST(1SG) молоко
 'Что ты купила? Я купила молоко'.

⁶ "A referent is interpreted as the topic of a proposition if in a given situation the proposition is construed as being about this referent, i. e. as expressing information which is relevant to and which increases the addressee's knowledge of this referent."

⁷ "...the thing which the proposition expressed by the sentence is about."

⁸ "The semantic component of a pragmatically structured proposition whereby the assertion differs from the presupposition."

В (14а) определенное ПД выступает в теме и оформляется посессивным аккузативом. В (14б), наоборот, ПД с тем же референциальным статусом находится в реме. Соответственно, выбирается модель маркирования 0/АКК.

Определенные ПД в реме могут оформляться посессивным аккузативом или по модели 0/АКК, ср.:

- (15) *n'e-dyr kurit-č'-əm bər-yn mi kut-i-m berg-əd-ny ošk-əs.*
 NEG-долго курить-DETR-NZR зад-INESS мы начинать-PST-1PL вращаться-TR-INF медведь-ACC
 {Сашка выстрелил из карабина, и медведь опрокинулся.} 'Покурив немного, мы стали поворачивать медведя' [КТКЯ].

Рассмотрим контекст экзистенциальных ПД, т. е. нереферентных ИГ в контексте глагола 'искать' или модальных операторов [Падучева 1985]. В (16а) такая ИГ оформляется посессивным аккузативом, а в (16б) не получает оформления. Поскольку референциальный статус ПД в обоих примерах одинаков, можно видеть, что выбор маркирования диктуется именно фактором информационной структуры высказывания.

- (16а) *n'an'-sə verəs-əj kəsjiš'-i-s vaj-ny, a e-z pi-əj.*
 хлеб-ACC.P.3(SG) муж-Р.1(SG) обещать-PST-3(SG) принести-INF а NEG.PST-3(SG) сын-Р.1SG
 'Хлеба МУЖ обещал купить, не СЫН' (=4).
 (16б) *verəs kəsjiš'-i-s n'an' vaj-ny a e-z rynək-ti vetlädly-ny.*
 муж обещать-PST.3(SG) хлеб принести-INF а NEG.PST-3(SG) рынок-PROL ходить-INF
 'Муж обещал КУПИТЬ ХЛЕБ, а не бродить по рынку'.

Таким образом, можно сформулировать следующее правило для коми-зырянского: топикальные ПД, например, в контекстах, где в фокусе подлежащее, как в (16а), оформляется маркером посессивного аккузатива; в тематическом компоненте высказывания предпочтительно оформление ПД данным маркером. В противном случае одушевленные ПД оформляются маркером аккузатива -əs, неодушевленные не получают оформления.

Б. Мокша-мордовский

В мокша-мордовском фактор топикальности также играет немаловажную роль. В случае, если ИГ не является определенной референтной, действуют правила, аналогичные правилам в коми-зырянском:

Мокша-мордовский

- (17) *d'ed'ε-z'ə pid'-əs' kolmə kaļ-t.*
 мама-1SG.P.SG варить-PST.3SG три рыба-PL
 (17а) *kaftə kaļ-n'ə-n' siv-əz'ən' katə-s'.*
 два рыба-DEF.PL-GEN есть-PST.3SG.S.3SG.O кот-DEF.NOM
 'Мама сварила три рыбины. Две рыбины съел кот'.
 (17б) *katə-s' siv-s' kaftə kaļ-t.*
 кот-DEF.NOM есть-PST.3SG два рыба-PL
 '{Мама сварила три рыбины.} Кот съел две рыбины {а Вася съел одну}'.
 (18а) *modamaŋ'-n'ə-n' s'oks'ə-nda targa-sa-z'.*
 картошка-DEF.PL-GEN осень-TMPR2 копать-PST-3PL.O.3PL.S
 'Картошку (обычно) осенью копают'.
 (18б) *s'oks'ə-nda targa-s't' modamaŋ'-t'.*
 осень-TMPR2 копать-PST.3PL картошка-PL
 'Осенью (обычно) копают картошку'.

Сравним (17а) и (17б). Эти предложения отличаются только информационной структурой. В первом ПД *kaftə kaļ-n'ə-n'* 'две рыбы' находится в позиции топика, относительно него сообщается новая информация. Оформление происходит по определенной модели: ИГ *kaļ-n'ə-n'* 'рыба-DEF.PL-GEN' получает показатель определенного генитива, а глагол — показатель объектного спряжения. В (17б) вся глагольная группа находится в реме, и ПД кодируется по неопределенной модели: специализированный показатель отсутствует, глагол в безобъектном спряжении. Как и в коми-зырянском, оформление родовых ПД зависит от информационной структуры высказывания. Если родовое ПД находится в теме, то выбирается определенная модель (18а); в противном случае — неопределенная (18б).

Аналогичная закономерность отмечается с родовыми ПД в бесермянском удмуртском, ср. (19) с ПД в топике и (20) с ПД в реме:

Удмуртский (бесермянский)

- (19) *už-ez d'eš' leš't-ono.*
 работа-ACC хорошо делать-DEV
 {ЛК: Речь идет о том, как надо работать.} 'Работу надо всегда хорошо делать'.
- (20) *mānam pš'aj-e č'orâg gine š'ij-e.*
 мы.GEN1 кот-Р.1SG рыба только есть-PRS.3SG
 'Наш кот ест только рыбу'.

В. Луговой марийский

Особый случай представлен в марийском языке. Рассмотрим следующие примеры:

Марийский

- (21) — *pet'a-lan [mo-m ašt-aš] kü-l-eš?*
 Петя-DAT что-ACC делать-INF быть.нужным-PRS.3SG
 — *pet'a-lan [pareŋge eräkt-aš] kü-l-eš.*
 Петя-DAT картошка чистить-INF быть.нужным-PRS.3SG
 'Что нужно сделать Пете? — Пете нужно картошку почистить' [Толдова, Сердобольская 2002: 115].
- (22) — *tide materjal gäč' mo-m urg-aš lij-eš? (=3)*
 этот материал из что-ACC сшить-INF стать-PRS.3SG
 — *tuvär-äm / *tuvär urg-aš lij-eš.*
 платье-ACC / платье сшить-INF стать-PRS.3SG
 'Что из этого материала можно сшить? — Можно платье сшить' [там же: 117].
- (23) *vurgem-äm / *vurgem šakal-aš kü-l-eš.*
 белье-ACC / белье вешать-INF должен-PRS.3SG
 {Что ты собралась с бельем делать?} 'Белье надо повесить'.

В (21) и (22) ПД входят в состав ремы, однако оформляются они по-разному. (21) представляет собой предложение с широким фокусом, вся глагольная группа входит в фокусную составляющую. Кроме того, глагол и ПД равноправны с точки зрения их вклада в то новое, что сообщается в высказывании. В (22) ИГ *tuvär-äm* 'платье' находится в узком фокусе, и его оформление обязательно, в отличие от (21). В (23) ИГ *vurgem-äm* 'белье' является топи́ком, она также должна быть оформлена показателем аккузатива *-m*. Таким образом, в марийском языке действует следующее правило: *если компоненты глагольной группы имеют один информационный статус, ПД может не маркироваться, в противном случае ПД обязательно присоединяет аккузатив*.

Суммируя данные, которые были рассмотрены выше относительно действия фактора информационной структуры, можно заметить следующие тенденции, общие для пермских и мордовских языков:

- ПД в теме получает специальный падежный показатель,
- ПД в реме не маркируется.

В удмуртском и мокшанском действии данного фактора имеет больше ограничений на референциальный статус ПД по сравнению с коми-зырянским (наиболее важным он является для родовых ПД). Определенные референтные ПД в них, как правило, получают оформление независимо от информационной структуры высказывания.

Для марийского действует другое правило: оформление ПД зависит от «расчлененности» глагольной группы с точки зрения информационной структуры.

4. Дискурсивный статус референта ПД и его оформление

4.1. «Контрпримеры» к правилам, сформулированным в разделе 3

Сформулированные выше правила работают в изолированных предложениях или микротекстах. В широком контексте они могут нарушаться:

Удмуртский (бесермянский)

- (24) *so žug-iš'k-on-än zver'-jos kuč'âran-ez vand-i-z-â.*
 тот бить-DETR-VN-LOC зверь-PL орел-ACC резать-PST-3-PL
 {Была большая битва, звери дрались с птицами.} 'В этом бою звери ранили орла'. {Хотел он улететь, да крылья поднять не может.} [КБТ]

Например, в (24) вводится новый участник *kuč'āran-ez* 'орел'. Несмотря на неопределенный референциальный статус, соответствующая ИГ маркируется показателем аккузатива.

Также в наших данных встречаются примеры, когда определенное ПД в теме не получает маркирование, как в (25) или в (26).

- (25) *leš't-o tāl, tāl dor-ān so-os šun-ž'ik-o. d'iš' kwaš't-o.*
 делать-PRS.3PL огонь огонь около-INSTR тот-PL греть-DETR-PRS.3PL одежда сушить-PRS.3PL
 {Солдат шел по лесу и увидел человека, упавшего в болото. Солдат помог ему выбраться, снять одежду, помыться.} 'Они разожгли костер и греются. **Одежду** сушат' [КБТ].

Коми-зырянский

- (26) *kyk mužyk, Fed'a da Val'ent'in, mun-əm-a-əš' L'aga dor-ə lepty-ny kerka.*
 два мужик Федя и Валентин идти-PF-ATTR-PL Ляга около-ILL строить-INF дом
 'Два мужика, Федя и Валентин, пошли на речку Ляга строить дом'.

Kerka lept-əm bər-yn kən'ešnə najas t'apn'ityšt-əm-ny.
 дом строить-NZR задняя.часть-INESS конечно они тяпнуть-PF-PL
 'Построив **дом**, они, конечно же, «тягнули»' [КТКЯ].

В обоих случаях референт ПД упомянут в предшествующем тексте. Однако оно не получает маркирования. Можно предположить, что в обоих случае говорящему не столь важно идентифицировать референта, сколько указать на наличие самой ситуации (сушка одежды, постройка дома). Выделенные жирным шрифтом участники не участвуют в следующем дискурсе. Аналогичное объяснение предлагается И. Муравьевой для инкорпорации в чукотском языке:

Чукотский

- (27) *jič'emittumg-ət Ø-ŋawə-nrat-Ø-gʔat.*
 брат-ABS.PL 3PL.S-жена-привезти-PST-3PL.S
 'Братья привезли своих жен'. [Муравьева 1994: 195]

В целом, определенные ИГ не инкорпорируются в глагол, однако это возможно в случаях, аналогичных (27). В этом примере для каждого из братьев существует жена, и она единственная, то есть выполняются условия для определенности ИГ. Несмотря на это, основа *ŋawə* 'жена' инкорпорирована в глагол. И. Муравьева следующим образом комментирует данный пример: «идентификация объекта не входит в намерения говорящего» [Муравьева 1994: 195]. Таким образом, дискурсивный статус ПД может накладывать свои ограничения на выбор его оформления, отменяя остальные правила.

4.2. Дискурсивный статус ПД

До сих пор мы рассматривали различные характеристики ПД (референциальный и информационный статус), основываясь на его роли в текущем предложении или в паре предложений. При вычислении коммуникативных и референциальных характеристик ПД невозможно не апеллировать к условиям произнесения высказывания, и, тем самым, к условиям, накладываемым на контекст (ср. контекст предыдущего высказывания в примерах выше). Таким образом, с одной стороны, для описания условий, при которых ПД попадает в топик (или во вторичный топик) высказывания, необходимо обратиться к более широкому контексту. С другой стороны, организация дискурса может накладывать ограничения на то, что конкретно ожидается в топике. Тем самым, выбор возможных языковых средств для обозначения референта ИГ, в том числе и кодирование ПД, может зависеть от организации дискурса.

Как уже говорилось выше, мы используем определение топика, которое базируется на понятии "aboutness" (см., например, [Strawson 1950; Reinhart 1981; Lambrecht 1994]). Несмотря на то, что данное понятие применяется именно к предложению и противопоставляется дискурсивному топикю (см., например, [Reinhart 1981]), авторы работ, посвященных информационной структуре, указывают, что топик, как правило, соотносится с данным (хотя и не всегда совпадает). Тем самым, предполагается, что в большинстве случаев в топик попадает референт (или некоторый элемент модели мира коммуникантов), актуализованный в предыдущем дискурсе (см., например, [Gundel 1988; Lambrecht 1994; Vallduví, Engdahl 1996; Erteschik-Shir 1997]).

При описании явления расщепленного кодирования ПД авторы нередко используют понятие «значимости» (saliency, prominence) [de Swart 2007; de Hoop, de Swart 2009]) и топикальности. И. Николаева и М. Далримпл ([Dalrymple, Nikolaeva 2011]), анализируя различные подходы к понятию топикальности, отмечают, вслед за Ламбрехтом, что одной из главных характеристик топика является его прагматиче-

ская значимость (“saliency/relevance” в [Dalrymple, Nikolaeva 2011: 15] или “topicality presupposition” в [Lambrecht 2000: 613]). Они также отмечают, что оценить значимость в пределах одного предложения весьма сложно, прагматическая значимость может быть оценена только в рамках более широкого контекста. Кроме того, «топикальность не является внутренним свойством, присущим референту, несмотря на то, что она (топикальность) коррелирует с той ролью, которую референт играет в предшествующем дискурсе, скорее она зависит от оценки говорящим его значимости в данном коммуникативном контексте⁹» [Dalrymple, Nikolaeva 2011: 14—15].

Если обратиться к представлению о топикальности в рамках подходов, принятых в работах, посвященных референциальному выбору ([Givón 1983; Kibrik 2011] и др.), правила выбора референциальных средств также формулируются в терминах иерархии выделенности (значимости), ср., например, [Ariel 1988; Gundel e.a. 1993; Kibrik 2011] и др. Сами термины «топикальность», «топик» в работах, посвященных референциальному выбору в дискурсе, употребляются также для обозначения участника событий, который сохраняет значимость на протяжении фрагмента дискурса, большего, чем одно высказывание.

Так, в работе Т. Гивона вводится понятие топика для обозначения референта, который является темой на протяжении некоторого структурного элемента дискурса, большего, чем одно высказывание. В работах А. А. Кибрика для обозначения главного героя некоторого дискурса используется термин «протагонист». С точки зрения роли референта в дискурсе, разные референты имеют различный дискурсивный статус: некоторые упомянуты только один раз, другие являются героями повествования на протяжении всего дискурса. Дискурсивный статус референта может отражаться на выборе соответствующего языкового выражения (о выборе различных специальных языковых средств для маркирования топика в дискурсе см., например, [Givón 1983; Толдова 1994; Kibrik 1996]). Так, например, высказывание (28) выглядит странным в случае, если дальше речь больше не пойдет о референте выделенной ИГ (ср. странность продолжения 2)). При выборе распространенной ИГ с большим количеством определений для отсылки к референту мы скорее ожидаем, что референт будет темой некоторого эпизода, как в 2'). Если же в 1) для отсылки к референту будет использована, например, ИГ *сарай*, то продолжение 2) будет вполне уместно.

(28) 1) *Он шел по направлению к странному невысокому сооружению уродливой формы.*

2) *Прошел мимо него и свернул на тропинку.*

2') *Когда он подошел ближе, это сооружение оказалось...*

Для определения топикальности референта Т. Гивоном были предложены следующие количественные характеристики: референциальное расстояние, измеряемое в предикациях между данным и предыдущим упоминанием референта, и мера непрерывности топика, представляющая собой количество упоминаний референта в последующих десяти предикациях [Givón 1983: 908].

Таким образом, выбор оформления ПД могут зависеть от того, является ли референт ПД топиком некоторого эпизода, либо он упоминается в дискурсе всего один-два раза и имеет низкий дискурсивный статус (низкую значимость); релевантна ли задача идентифицировать конкретный референт, соотносимый с ИГ, для успешной интерпретации высказывания, либо упоминание данного референта нужно говорящему, чтобы обозначить ряд свойств, ассоциированных с ним или с классом сущностей, к которому данный референт относится.

4.3. Эксперимент: анализ текстов

Исходя из гипотезы о том, что на выбор оформления ПД может влиять дискурсивный статус его референта, мы провели в исследуемых нами языках следующий эксперимент. Носителям были предложены три текста на русском языке для перевода и пересказа. Поскольку в русском отсутствуют грамматические средства кодирования как референциального статуса, так и информационного статуса ИГ, то, на наш взгляд, русский стимул позволяет создать условия, при которых носителю языка не навязывается никакой вариант оформления ПД.

Полученные тексты были размечены по следующим параметрам:

- референциальный статус ПД;
- его позиция в информационной структуре;

⁹ “Topicality is not an inherent property of a referent, and although it correlates with the role played by the referent in the preceding discourse, the correlation is imperfect. It cannot be unambiguously established on the basis of the referential features of the object either; rather, it depends on the speaker’s assessment of its saliency within a given communicative context.”

— одушевленность ПД;
 — синтаксическая позиция антецедента;
 — свойства дискурсивного топика согласно [Givón 1983]: референциальное расстояние, непрерывность топика, общее число упоминаний референта в дискурсе.

Фрагмент текста «Мышь и воробей» с вариантами оформления в коми-зырянском языке приведен в таблице 1. Из таблицы можно видеть, что в коми-зырянском независимо от дискурсивного статуса при введении нового референта в дискурс выбирается нулевое маркирование ПД. Так, в строках 1 и 2 новыми являются 'хлебушек' и 'зернышко'. Все три носителя языка, переводившие данный текст, выбрали неформальное ПД. При повторном упоминании этих референтов выбирается маркер посессивного аккузатива (строки 2 и 4).

Таблица 1

**Фрагмент текста «Мышь, воробей и маковое зернышко»
с результатами для коми-зырянского языка**

	Предложение	Референц. статус	ИС статус	Референц. расстояние	Непрерывность топика	Число упоминаний в тексте	Инф. 1	Инф. 2	Инф. 3
1	Жили-дружили мышь с воробьем. Дружно жили: <u>хлебушек</u> найдя,	неопр.	рема	0	1	2	0	0	0
2	<u>хлебушек</u> этот пополам делили;	опр.	тема	1	0	2	посс	посс	—
3	<u>лужицу</u> найдя,	неопр.	рема	0	1	1	0	0	—
4	<u>воду</u> пополам выпивали.	опр.	тема	1	0	1	посс	посс	посс
5	Однажды нашел воробей <u>маковое зернышко</u>	неопр.	рема	0	3	6	0	0	0
6	и думает: «Как разделить <u>маковое зернышко</u> , оно же совсем маленькое».	опр.	тема	1	2	6	посс	посс	анаф.
7	Да и съел все <u>зернышко</u> .	опр.	тема	1	1	6	— ¹⁰	посс	—
8	Узнала мышь, что воробей <u>зернышко</u> съел, разозлилась.	опр.	тема	1	0	6	0	посс	посс 3 л./2 л.

Первые 7 строк легко получают объяснение в терминах локального правила, сформулированного в разделе 3: ПД в теме оформляются посессивным аккузативом, а неопределенные ПД в реме по стратегии 0/АКК. Особого внимания заслуживает строка 8. В данном случае несмотря на определенность ПД и принадлежность теме, оно не получает оформления в варианте первого информанта. Следует, однако, обратить внимание, что в этом предложении в теме вся предикация целиком. В данном случае предикация в теме является повторением ситуации, актуализованной в предыдущем дискурсе. Как в примерах (25) и (26) из п. 4.1, в данном случае у говорящего может и не быть задачи сообщить нечто относительно референта 'зернышко'; более важным является описать всю произошедшую ситуацию целиком. Как видно из таблицы, в данном случае мнения носителей языка разделились: в то время как второй и третий информанты выбрали посессивный аккузатив (маркируя таким образом известный топик), первый информант использует немаркированное ПД, обозначая тем самым ИГ с низким дискурсивным статусом. Важно, что в данном случае нет задачи индивидуализации референта, а есть задача повторного упоминания пропозиции в целом. Заметим, что третий информант повторил это предложение два раза, используя во второй раз посессивный аккузатив второго лица (этот показатель имеет дистрибуцию, аналогичную этическому дативу¹¹).

Таким образом, в данном фрагменте текста локальные правила дают стопроцентное предсказание выбора оформления в тех случаях, когда ПД имеет низкую значимость ('лужица', 'хлеб'), а также для неопределенных ПД ('зернышко' в строке 5). Однако существуют контексты, где локальные и гло-

¹⁰ Прочерк в таблице обозначает, что информант перестроил предложение так, что ПД в указанном контексте не выражается (или пропустил соответствующее предложение/клаузу).

¹¹ Ср. «субъективное отношение» в [Schlachter 1960].

бальные дискурсивные факторы входят в противоречие (как в строке 8 и в примерах из п. 4.1.). Локальные правила в такой ситуации могут нарушаться. Далее мы рассмотрим случаи нарушения локальных правил.

4.4. Случаи конфликта факторов, действующих в пределах предложения, и дискурсивного статуса ПД

В результате анализа полученных текстов нами были выявлены два типа нарушений правил, сформулированных в разделах 2 и 3. Первый тип нарушений касается интродуктивных высказываний, которые не являются высказываниями с узким фокусом. В них референт ИГ, занимающей позицию ПД, вводится в дискурс впервые, то есть ИГ имеют неопределенный конкретно-референтный статус. При этом ПД в бесермянском, мокша-мордовском и марийском языках получает оформление. Рассмотрим следующий фрагмент перевода сказки «Звери в повозке» на бесермянский:

Удмуртский (бесермянский)

(29) *odig pol t̃an-e val-en-âz i až'-e gondâr-ez.* <...> дальше *t̃an-o*
 один раз идти-PRS.3SG лошадь-INSTR-P.3(SG) и видеть-PRS.3SG медведь-ACC дальше идти-PRS.3PL

až'-lan' i až'-o kijon-ez. <...> *t̃an-o až'-lan' až'-o ludkeš'-ez.*
 перед-APPROX и видеть-PRS.3PL волк-ACC идти-PRS.3PL перед-APPROX видеть-PRS.3PL заяц-ACC
 'Поехала (лиса) однажды на лошади и видит медведя'. {Медведь говорит: Лисонька, посади меня.} 'Едут они дальше и видят волка'. {Волк говорит: Лисонька, посади меня.} {Лиса, волк и медведь едут на телеге.} 'Едут дальше. Видят зайца'. {Заяц говорит: «Возьмите меня с собой».} [КБТ]

Пример (29) представляет собой начало текста, где один герой (лиса) знакомится с остальными тремя, см. таблицу 2. В дальнейшем повествовании все четверо (лиса, медведь, волк и заяц) участвуют в нарративе (число упоминаний более 10), и соответственно, являются дискурсивными топиками всего нарратива (протагонистами). Несмотря на то, что в (29) они вводятся в нарратив в первый раз и должны, согласно правилам выбора оформления ПД в бесермянском удмуртском, выступать без оформления, опрошенные нами носители чаще всего выбирают для них аккузатив (как видно из таблицы 2, во всех релевантных случаях: это 12 случаев из 15, т. е. 80%; в остальных 20% случаев носители по-другому построили текст, и интересующая нас конструкция не была выбрана).

Таблица 2

Фрагмент сказки «Звери в повозке» с результатами для бесермянского удмуртского (результаты по 5 информантам)

Предложение	Референц. статус	ИС статус	Число упоминаний	Непрерывность топика	Референц. расстояние	Инф. 1, инф. 2, инф. 3	Инф. 4	Инф. 5
Украла как-то лиса у мужика <u>лошадь</u> с телегой и давай разезжать по лесу.	неопр.	рема	3	0	0	посс	посс	посс ¹²
Один раз едет, видит <u>медведя</u> .	неопр.	рема	>10	2	0	акк	акк	—
Медведь говорит: Лисонька, посади меня. Едут дальше	—							
Видят <u>волка</u> .	неопр.	рема	>10	2	0	акк	акк	—
Волк говорит: Лисонька, посади меня. Едут дальше.	-							
Встречают <u>зайца</u> .	неопр.	рема	>10	2	0	акк	—	акк

¹² В данном случае выбор посессивного аккузатива связан с наличием в контексте эксплицитно выраженного посессора в генитиве (мужик).

Сравним эти данные с данными другого текста, где впервые вводятся участники, не являющиеся дискурсивно релевантными.

(30) *pereš'-len kâšno-jez kul-em bere as-lâ-z muket kâšno baš'-t-i-z.*
старый-GEN1 жена-Р.3SG умереть-NZR после REFL-DAT-Р.3(SG) другой женщина брат-SMLF-PST-3(SG)
{Жил старик со старухой, и была у них дочь.} 'Когда у старика жена умерла, взял он себе дру-
гую **жену**' [КБТ].

(31) *i vaj-e so so-lâ val, bâdes ârobo azveš'.*
и давать-PRS.3SG тот тот-DAT лошадь полный телега серебро
'И дает он ей **коня** и **полную телегу серебра**' [КБТ].

Текст, из которого приведены данные отрывки, представляет собой один из вариантов сказок о мачехе и падчерице, которую отправляют в лес одну. В самом начале вводится мачеха, которая затем никак не фигурирует в дальнейшем нарративе (два упоминания в самом начале текста). Далее, в конце текста медведь обещает дать падчерице в награду коня и воз серебра. Конь упоминается в первый раз и далее не обсуждается, равно как и серебро. Таким образом, обе выделенные ИГ выступают в интродуктивном контексте, как в (29), однако вводят в дискурс нерелевантных участников. Как и ожидается, они не оформляются аккузативом (в 20 случаях из 20, т. е. в 100% случаев), в отличие от ПД в (29).

Аналогичная тенденция отмечается в мокша-мордовском языке:

Мокша-мордовский

(32) *tona t'ur'-ama-t' esə ran'anda-z' ar'ol-t'.*
тот драться-NZR-DEF.SG.GEN в.INESS ранишь-3SG.O.3PL.S орел-DEF.SG.GEN
'В том бою ранили **орла**'.

Несмотря на первое упоминание в дискурсе, эта ИГ получает оформление показателем определенно-го склонения, поскольку орел имеет высокий дискурсивный статус — он является протагонистом следующего эпизода и упоминается в последующих высказываниях, занимая при этом в большинстве случаев позицию подлежащего.

Таким образом, (I) неопределенное ПД в фокусе высказывания в исследуемых языках (кроме коми-зырянского) может иметь маркированную форму; (II) специализированный показатель на ПД в таком случае маркирует дискурсивную значимость соответствующего референта, т. е. тот факт, что референт является дискурсивным топиком в некотором последующем фрагменте дискурса¹³.

Второй тип «нарушения правил» характерен для ПД с низкой степенью непрерывности топика, как в примере (25) из п. 4.1, который мы повторяем здесь:

Удмуртский (бесермянский)

(33) *leş't-o tâl, dor-ân so-os šun-ž'ik-o. d'iš' kwaš't-o. (=25)*
делать-PRS.3PL огонь около-INSTR тот-PL греть-DETR-PRS.3PL одежда сушить-PRS.3PL
{Солдат шел по лесу и увидел человека, упавшего в болото. Солдат помог ему выбраться, снять одежду, помыться.} 'Они разожгли костер и греются. **Одежду** сушат' [КБТ].

Аналогично может вести себя ПД в марийском языке (продолжение текста «Мышь и воробей») и в мокша-мордовском:

Марийский

(34) *oxotnik pünč'ö vuj-ašte šinč'-aše or'ol-am už-eš da pəč'al-ž-am*
охотник сосна ветка-INESS сидеть-PTCP.ACT орел-ACC видеть-PRS.3SG и ружье-Р.3SG-ACC
tud-ən ümbak vikt-a, lüj-ne-že. a or'ol-et oxotnik-ən pəč'al
он-GEN на целить-PRS.3SG стрелять-DESID-3SG а орел-EMPH¹⁴ охотник-GEN ружье
vikt-am-am už-eš-at, ajdeme jük de-ne tud-lan ojl-a...
целить-NZR-ACC видеть-PRS.3SG-EMPH человек голос около-INESS он-DAT говорить-PRS.3SG
'Охотник видит орла, который сидит на ветке сосны, и наводит на него ружье, хочет застрелить. А орел видит, что охотник наводит на него **ружье**, и говорит ему человеческим голосом...' [КТМЯ].

¹³ Ср. подход Р. Эпштайна к трактовке употребления определенного артикля в английском языке при первом упоминании референта в первом предложении текста; определенный артикль выполняет функцию маркера дискурсивного топика [Epstein 2002].

¹⁴ = Р.2SG.

Мокша-мордовский

- (35) *a t'asə mol'-s' vir'-ga axotn'ək-s'. n'ej-əz'ə ar'ol-t'*
 а тут идти-PST.3SG лес-PROL охотник-DEF.SG видеть-PST.3SG.O.3SG.S орел-DEF.SG.GEN
i lad'ε-z'ə lang-əzə-nzə ružjo-nc. ar'ol-s'
 и наставить-NPST.3SG.O.3SG.S на-ILL-P.3SG ружье-3SG.P.SG.GEN орел-DEF.SG
n'ej-əz'ə čto axotn'ək-s' lad'ε-j lang-əzə-nzə ružjo.
 видеть-PST.3SG.O.3SG.S что охотник-DEF.SG наставить-NPST.3SG на-ILL-P.3SG ружье
 'Тут шел по лесу охотник. Увидел орла и наставил на него (свое) ружье. Увидел орел, что охотник на ставил на него **ружье**' {и говорит человеческим голосом}

В этих примерах ИГ 'ружье' при повторном упоминании не получает никакого оформления, хотя имеется в виду конкретное ружье, упомянутое в предыдущем предложении. Это связано с тем, что в данном случае референт этой ИГ не играет никакой роли в дальнейшем дискурсе (вся глагольная группа является квази-синонимической заменой глаголу 'убить'). Заметим также, что в третьем предложении повторяется ситуация из второго предложения (нацеливание ружья). В данном случае в задачи говорящего не входит «индивидуализация» объекта; его цель — актуализовать всю ситуацию целиком как некоторый фон для следующего события.

Таким образом, в марийском, мокша-мордовском и бесермянском действует следующая тенденция: (III) ПД с низким дискурсивным статусом не оформляется, несмотря на его определенность (коммуникативную выделенность в марийском). Фактор непрерывности топика является релевантным для выбора оформления ПД: он оказывается важнее референциальных свойств ПД и информационной структуры.

Похожая ситуация имеет место в следующем примере из текста на коми-зырянском:

Коми-зырянский

- (36) *a tany mun-ə kyjš'-iš' vər kuž'a, kaž'al-i-s š'už'-əs*
 и вот идти-PRS.3(SG) охотиться-PTCP.ACT лес по замечать-PST-3(SG) сова-ACC
i suž'əd-i-s ružja-sə. až'-i-s š'už' myj kyjš'-iš'
 и доставать-PST-3(SG) ружье-ACC.P.3(SG) видеть-PST-3(SG) сова что охотиться-PTCP.ACT
ružja perj-ə i šu-ə...
 ружье вытаскивать-PRS.3(SG) и говорить-PRS.3(SG)
 'А тут идет охотник по лесу, заметил сову и достал **ружье**. Сова увидела, что охотник достал **ружье**, и говорит...' [КТКЯ]

Однако в коми-зырянском работают иные правила, нежели в остальных рассматриваемых идиомах. Приведем еще один фрагмент таблицы по сказке «Мышь и воробей» (таблица 3).

Таблица 3

Фрагмент текста «Мышь и воробей» с результатами для коми-зырянского языка

	Предложение	Референц. статус	ИС статус	Инф. 1	Инф. 2	Инф. 3
8	Узнала мышь, что воробей зернышко съел , разозлилась.	опр.	тема	0	посс.	посс. 3 л. / 2 л.
	{...Была большая война птиц и зверей. В том бою звери ранили орла. Хотел он улететь, да крылья поднять сил нет. Взлетел он тогда на сосну и сидит, избитый, израненный, думает:}					
11	«Из-за чего я страдаю, что мышь воробья поругала? »	опр.	тема	акк.	акк.	—
12	Что воробей с мышью маковое зернышко не поделили? ».	опр.	тема	0	акк.	0
13	А тут шел охотник по лесу, заметил орла и навел на него ружье .	неопр.	рема	посс.	0	—
14	Увидел орел, что охотник на него ружье наводит , и говорит ему человеческим голосом	опр.	тема	0	—	—

В таблице 3 выделены полужирным ситуации, уже описанные ранее. В этих случаях ПД является предупомянутым и принадлежит теме; рема включает главную предикацию в 8; семантическое отношение причины в 11 и в 12 (именно из-за этого я страдаю?); главная предикация в 14, ср. (36). Несмотря на принадлежность ПД теме, в выделенных фрагментах оно оформляется стратегией 0/АКК в 7 случаях из 9 (т. е. в 78% случаев); уточним, что 3 примера в записанных текстах не содержали искомого предложение и в таблице помечены прочерком). По-видимому, дискурсивная функция данной стратегии — маркирование известной ситуации с определенным ПД. Уточним, что определенное ПД при этом не является топиком; в таком случае обычно выбирается посессивный аккузатив. При этом необязательно буквальное повторение глагола (например, строка 12) «зернышко не поделили» описывает несколькими ситуациями «воробей съел зернышко; узнала мышь, что воробей зернышко съел, и разозлилась»). Заметим, что не играет роль также параметр дискурсивной релевантности участника в ПД: стратегия 0/АКК маркирует не только протагониста (воробей в строке 11) и релевантного участника (зернышко в 8 и 12; больше 5 упоминаний в тексте), так и нерелевантного участника (ружье в (36); менее 5 упоминаний во всем тексте). Далее, не играет роль параметр референциального расстояния, т. е. расстояния до предыдущего упоминания: если в 8 и (36) референциальное расстояние равно единице, то в 11 и 12 оно более 10. Остается заключить, что фактор, определяющий выбор стратегии 0/АКК для ПД — не дискурсивная релевантность участника, а именно повторение ситуации, уже описанной в предтексте, и отсылка к известному участнику (который при этом не является топиком предложения).

Интересно, что выбор оформления ПД может определять возможности дальнейшего референциального выбора (ср. пример (28) из русского языка из п. 4.2.). Так, в марийском языке ИГ в позиции ПД получает оформление, если в дальнейшем контексте возможна анафорическая отсылка к ней:

Марийский

(37a) *pet'a-n ala-mogaj **poŋg-əm** pog-əm-əž-əm da vara*

Петя-GEN INDEF-какой гриб-ACC собирать-NZR-P.3SG-ACC и потом

tud-əm lukt-ən kudalt-əm-əž-əm uż-əm.

он-ACC доставать-CONV бросать-NZR-P.3SG-ACC видеть-NARR.1SG

‘Я видел, как Петя набрал каких-то **грибов**, а потом **их** выбросил’.

(37б) *pet'a-n **poŋgo** pog-əm-əž-əm uż-əm no vara č'ala*

Петя-GEN гриб собирать-NZR-P.3SG-ACC видеть-NARR.1SG но потом все

lukt-ən kudalt-əš.

доставать-CONV выбрасывать-NARR(3SG)

‘Я видел, как Петя набрал **грибов**, но потом он **все** выбросил’.

Заметим, однако, что данное правило работает не во всех языках.

Суммируем полученные для разных языков результаты. В марийском, в удмуртском и мокшамордовском языках действуют следующие правило: ПД оформляется показателем аккузатива даже в случае первого упоминания участника, если данный участник является высоко релевантным в дискурсе, т. е. протагонистом. Во всех исследуемых языках определенное ПД не оформляется, если оно отсылает к участнику, не являющемуся релевантным в дискурсе. В коми-зырянском противопоставляется референциальная отсылка к участнику vs. к ситуации: для референциальной отсылки к участнику может быть использован посессивный аккузатив; если же происходит референциальная отсылка к ситуации, это маркируется стратегией 0/АКК (даже если ПД находится в теме или является определенным).

Первый тип «нарушений» можно обобщить следующим образом: ПД с высокой степенью непрерывности топика (topic continuity), или с высоким дискурсивным статусом может получать оформление в интродуктивном контексте. Иными словами, средства кодирования ПД в таком типе контекстов являются маркерами высокого дискурсивного статуса референта ИГ, его топикальности (в смысле Т. Гивона) в последующем дискурсе. Второй тип нарушений связан с низким дискурсивным статусом референта, а также с повтором ситуации, уже упомянутой в предыдущем дискурсе. В данном случае мы предполагаем следующее: играет роль тот факт, что целью говорящего не является идентификация референта слушающим. Цель говорящего — описание ситуации, включающее объект с некоторыми свойствами (ружье, одежда и т. п.); ср. пример (27) из чукотского. Второе нарушение создает некоторый парадокс: в тексте есть предупомянутый референт, однако для его кодирования не используются существующие в языке маркеры определенного референциального статуса¹⁵.

¹⁵ Такой тип кодирования зачастую не попадает в фокус внимания исследований референциального статуса, отталкивающихся от данных языков с грамматической определенностью, как, например, английский.

5. Обсуждение и выводы

Как уже было отмечено выше, в ряде работ, посвященных выбору кодирования ПД, вводится понятие «выделенности» («выделенность является обобщающим термином для одушевленности, определенности и личности»¹⁶ [de Swart 2007: 138]). Это понятие связывают с центральностью элемента в дискурсе или с готовностью стать топиком предложения или эпизода. Как отмечает Т. Ламбрехт, «синтаксическая структура предложения и дискурсивные свойства участников коррелируют друг с другом и эта корреляция вычисляется исходя из ИС высказывания»¹⁷ [Lambrecht 1994: 114]. Возникает вопрос, следует ли считать, что описанные в п. 4. факты говорят о том, что понятия «топик», «тема», «фокус», «рема» требуют переопределения в зависимости от дискурсивных свойств ИГ, либо информационный статус ПД в пределах высказывания следует рассматривать отдельно от таких категорий как дискурсивная топикальность, дискурсивный вес и т. п.

При первом подходе мы получаем объяснение рассматриваемому явлению. Однако такое решение влечет за собой некоторые проблемы. Во-первых, возникнет проблема неуниверсальности ИС-категорий в языках мира. Также существует вторая проблема, связанная с данным решением: в финно-угорских языках порядок слов также отражает ИС. В коми-зырянском ПД в фокусе обычно находится после глагола, ПД в теме (и, шире, вне фокуса) — перед глаголом, ПД в топике — в абсолютном начале предложения. В примере (36) ПД не оформляется маркером аккузатива, но сохраняет тематическую позицию. Если мы переопределяем ИС категории, становится невозможно объяснить порядок слов. Кроме того, дискурсивные факторы соблюдаются не строго (ср. таблицу 1).

Следовательно, ИС должна анализироваться независимо от дискурсивных свойств. Выбор оформления ПД, по-видимому, происходит в два этапа: сначала применяются правила ИС и референциального статуса, затем правила, связанные с дискурсивными факторами.

Наш эксперимент показал плодотворность подхода к явлению вариативного кодирования ПД в ряде финно-угорских языков с позиций дискурсивной модели референциального выбора. В частности, анализ выбора форм ПД в текстах показал, что далеко не всегда ИГ, удовлетворяющие условиям определенности (известности, единственности, актуализованности в контексте) маркируются специальным падежным показателем. В случае если референт ПД имеет низкий дискурсивный статус, оно может не получать соответствующий маркер. Также ПД может не получать маркирования в случае, если вся пропозиция целиком входит либо в топик, либо в фокус высказывания, и индивидуализация референта ПД не важна для говорящего.

Далее, показатели ПД могут кодировать высокий дискурсивный статус референта. В этой связи следует упомянуть работу Р. Эпштайна [Epstein 2002]. В ней предлагается рассматривать употребление определенного артикля в английском языке с точки зрения его вклада в дискурсивную доступность референта (ср. иерархию доступности [Ariel 1990; Givón 1983; Gundel e.a. 1993] и др.). В частности, в работе рассматриваются случаи, когда ИГ, вводящая в текст не связанного ни с какими другими референтами референта впервые, оформляется определенным артиклем. Анализ примеров показывает, что в данном случае функцией определенного артикля является маркирование дискурсивно важного референта, т. е. референта, который в дальнейшем является топиком некоторого дальнейшего фрагмента (эпизод или весь дискурс). Интересно, что именно такую функцию маркера ПД мы могли наблюдать в текстах, анализируемых в п. 4.4.

С о к р а щ е н и я

О б щ и е

0 — немаркированное ПД

АКК, акк — аккузатив без посессива

ИГ — именная группа

ПД — прямое дополнение

ПОСС — посессивный аккузатив

Г л о с с ы

ABS — абсолютив

ACC — аккузатив

ADD — аддитивная частица

APPROX — аппроксиматив

¹⁶ Prominence = “umbrella term for... animacy, definiteness and person”.

¹⁷ “The syntactic structure of sentences and the assumed discourse representations of referents correlate with each other and... this correlation is determined by... the TOPIC and FOCUS structure of the proposition...”

ATTR — атрибутив	LOC — локатив
CONV — конверб	NARR — нарративное прошедшее время
DAT — датив	NEG — отрицание
DEB — дебитатив	NOM — номинатив
DEF — показатель определенного склонения	NPST — непрошедшее время
DESID — дезидератив	NZR — номинализация
DETR — детранзитив	O — показатель объектного согласования
DIM — диминутив	P — посессивный показатель
EL — элатив	PF — перфект / эвиденциальное прошедшее
EMPH — эмфатическая частица	PL — множественное число
GEN — генитив	PROL — пролатив
GEN1 — генитив при любом члене предложения, кроме прямого дополнения	PRS — настоящее время
GEN2 — генитив при прямом дополнении	PST — прошедшее время
ILL — иллатив	PTCP.ACT — активное причастие
INDEF — показатель неопределенности	REFL — рефлексив
INESS — инэссив	S — показатель субъектного согласования
INF — инфинитив	SG — единственное число
INSTR — инструменталис	SMLF — семельфактив
LAT — латив	TMPR2 — темпоралис
	TR — показатель переходности
	VN — глагольное имя

Источники

КТМЯ — корпус текстов на марийском языке, собранный в полевых исследованиях 2000—2001, 2004 гг.
 КТКЯ — корпус текстов на коми-зырянском языке <http://web-corpora.net/KomiTexts/>
 КБТ — корпус бесермянских текстов http://beserman.ru/corpus/search/?interface_language=ru

Литература

- Алатырев 1970 — Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис простого предложения / Ред. Алатырев В. И. Ижевск, 1970. {Grammar of Modern Udmurt. Clausal syntax. Ed. Alatyrev V. I. Izhevsk, 1970.}
- Бубрих 1949 — Бубрих Д. В. Грамматика литературного коми языка. Ленинградский ордена Ленина университет им. А. А. Жданова. Ленинград, 1949. {Bubrikh D. V. Standard Komi grammar. Leningradskij ordena Lenina universitet im. A. A. Zhdanova. Leningrad, 1949.}
- Галкин 1964 — Галкин И. С. Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Часть 1. Йошкар-Ола, 1964. {Galkin I. S. Historical grammar of Mari. Morphology. Part I. Yoshkar-Ola, 1964.}
- ГСУЯ 1962 — Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология / Ред. Перевоицков П. И., Вахрушев В. М., Алатырев В. И. Ижевск, 1962. {Grammar of Modern Udmurt. Phonetics and morphology. Eds. Pereshchikov P. I., Vakhrushev V. M., Alatyrev V. I. Izhevsk, 1962.}
- Козлов 2017 — Козлов А. А. Акциональный DOM в мокшанском языке и проблема циклов грамматикализации. Acta Linguistica Petropolitana. СПб, 2017. В печати. {Kozlov A. A. Actionality in Moksha DOM and the problem of grammaticalization cycles. Acta Linguistica Petropolitana. Saint-Petersburg, 2017. In press.}
- Коляденков 1954 — Коляденков М. Н. Грамматика мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. Часть II. Синтаксис. Саранск, 1954. {Kolyadenkov M. N. Grammar of Mordvin (Erzya and Moksha). Part II. Syntax. Saransk, 1954.}
- Коляденков, Заводова 1962 — Ред. Коляденков М. Н., Заводова Р. А. Грамматика мордовских (мокшанского и эрзянского) языков. Ч. I. Фонетика и морфология. Саранск, 1962. {Eds. Kolyadenkov M. N., Zavadova R. A. Grammar of Mordvin (Moksha and Erzya). Part I. Phonetics and morphology. Saransk, 1962.}
- Кондратьева 2002 — Кондратьева Н. В. Выражение прямого объекта в удмуртском языке (в историко-сопоставительном плане): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2002. {Kondratyeva N. V. Expression of direct object in Udmurt (in diachrony): Abstract of Ph. D. thesis. Izhevsk, 2002.}
- Лаврентьев 1975 — Лаврентьев А. М. Номинатив прямого дополнения в марийском языке // Вопросы финно-угроведения. 1975, 6. С. 114—121. {Lavrentyev A. M. Nominative of the direct object in Mari // Topics in Finno-Ugric studies. 1975. Vol. 6. P. 114—121.}
- Лыткин 1955 — Лыткин В. И. Современный коми язык. Ч. 1: Фонетика, лексика, морфология. Сыктывкар, 1955. {Lytkin V. I. Modern Komi. Part I. Phonetics, lexicology, morphology. Syktyvkar, 1955.}

Лыткин, Тимушев 1961 — *Лыткин В. И., Тимушев Д. А.* Краткий очерк грамматики коми языка // Коми-русский словарь. Ред. *Лыткин В. И. М.*, 1961. {*Lytkin V. I., Timushev D. A.* Concise Komi grammar sketch // Komi-Russian dictionary. Ed. *Lytkin V. I.* Moscow, 1961.}

Матюшкин 1973а — *Матюшкин П. Г.* Особые случаи употребления безобъектных форм спряжения вместо объектных в мордовских языках // Вопросы синтаксиса мордовских языков. 1973, 46. С. 85—89. {*Matyuskin P. G.* Specific cases of use of subject agreement instead of subject-object agreement in Mordvin // Topics in Mordvin syntax. Part II. 1973. Vol. 46. P. 85—89.}

Матюшкин 1973б — *Матюшкин П. Г.* Объектное спряжение глагола в мордовских языках. Дисс. канд. филол. наук. Саранск, 1973. {*Matyuskin P. G.* Subject-object agreement of the Mordvin verb. Ph. D. thesis. Saransk, 1973.}

Муравьева 1994 — *Муравьева И. А.* О семантике инкорпорации в связи с определенностью и референтностью // Знак: Сборник статей по лингвистике, семиотике и поэтике. М., 1994. С. 191—203. {*Muravyova I. A.* On semantics of incorporation in connection with definiteness and referentiality // *Znak*. Collection of papers in linguistics, semiotics, and poetry. Moscow, 1994. P. 191—203.}

Падучева 1985 — *Падучева Е. В.* Высказывание и его соотносительность с действительностью. М., 1985. {*Paducheva E. V.* Utterance and its anchoring in reality. Moscow, 1985.}

Пенгитов 1961 — *Пенгитов Н. Т.* Имя существительное // Современный марийский язык. Ч. 2. Морфология. Ред. *Пенгитов Н. Т.* Йошкар-Ола, 1961. {*Pengitov N. T.* Noun // Modern Mari. Part 2. Morphology. Ed. *Pengitov N. T.* Yoshkar-Ola, 1961.}

Прокушева 1984 — *Прокушева Т. И.* Категория определенности / неопределенности в коми языке. Взаимодействие финно-угорских и русского языков / Ред. *Тираспольский Г. И.* Сыктывкар, 1984. {*Prokusheva T. I.* (In)definiteness in Komi. Interaction of Finno-Ugric and Russian. Ed. *Tiraspol'skiy G. I.* Syktyvkar, 1984.}

Ромбандеева 1979 — *Ромбандеева Е. И.* Синтаксис мансийского языка. М., 1979. {*Rombandeeva E. I.* Mansi syntax. Moscow, 1979.}

Сердобольская 2017 — *Сердобольская Н. В.* Инвариант определенности и дифференцированное маркирование прямого дополнения в бесермянском удмуртском // Исследования по теории грамматики: Дифференцированное маркирование аргументов: материалы к типологии. Acta Linguistica Petropolitana, vol. XIII / Ред. *В. А. Плунгян, Р. В. Ронько, А. В. Циммерлинг.* СПб, 2017, 8. В печати. {*Serdobolskaya N. V.* Invariant of definiteness and differential object marking in the Beserman Udmurt // Studies in the theory of grammar: Differential argument marking: typological data. Acta linguistica Petropolitana, vol. XIII. Saint-Petersburg, 2017. Vol. 8. In press.}

Сердобольская, Толдова 2012 — *Сердобольская Н. В., Толдова С. Ю.* Дифференцированное маркирование прямого дополнения в финно-угорских языках // Финно-угорские языки: формальный и функциональный подходы. Отв. ред. *Кузнецова А. И. М.*, 2012. С. 59—142. {*Serdobolskaya N. V., Toldova S. Yu.* Differential object marking in Finno-Ugric languages // Finno-Ugric languages: formal and functional approaches. Chief ed. *Kuznetsova A. I.* Moscow, 2012. P. 59—142.}

Серебренников 1964 — *Серебренников Б. А.* О современной и древней системе марийских падежей // Вопросы марийского языкознания. Йошкар-Ола, 1964, 1. {*Serebrennikov B. A.* On the modern and old system of cases in Mari // Topics in Mari language. Yoshkar-Ola, 1964. Vol. I.}

Тихонова 1986 — *Тихонова Т. М.* (сост.) Артиклевые функции форм объектного спряжения глагола в мордовских языках. Методические указания для студентов специальности «Мордовский язык и литература, русский язык и литература». Саранск, 1986. {*Tikhonova T. M.* Article use of subject-object verbal agreement in Mordvin. Methodical recommendations for students specializing in the field "Mordvin language and literature, Russian language and literature". Saransk, 1986.}

Толдова 1994 — *Толдова С. Ю.* Иерархия дискурса и фокус внимания как важные факторы выбора номинации объекта в тексте. Дисс. канд. филол. наук. М., 1994. Рукопись. {*Toldova S. Yu.* Discourse hierarchy and focus of attention as important factors influencing the choice of the participant nomination in discourse. Ph. D. thesis. Moscow, 1994.}

Толдова в печ. — *Толдова С. Ю.* Кодирование прямого дополнения в мокшанском языке // Элементы мокшанского языка в типологическом освещении. В печати. {*Toldova S. Yu.* Encoding direct objects in Moksha-Mordvin // Elements of Moksha-Mordvin from a typological point of view. In print. }

Толдова, Сердобольская 2002 — *Толдова С. Ю., Сердобольская Н. В.* Некоторые особенности оформления прямого дополнения в марийском языке // Лингвистический беспредел. Сборник статей к 70-летию А. И. Кузнецовой / Сост. *Агранат Т. Б., Казакевич О. А. М.*, 2002. С. 106—125. {*Toldova S. Yu., Serdobolskaya N. V.* Some peculiarities of direct object marking in Mari // Linguistic chaos. The volume dedicated to the 70th anniversary of A. I. Kuznetsova. Eds. *Agranat T. B., Kazakevich O. A.* Moscow, 2002. P. 106—125.}

Тужаров 1986 — *Тужаров Г. М.* Проблема немаркированного аккузатива в марийском языке // Советское финно-угроведение. 1986. Т. 22, 2. С. 99—107. {*Tuzharov G. M.* The problem of unmarked accusative in Mari // Sovietic finno-ugristics. 1986. Vol. 22, 2. P. 99—107.}

- Тужаров 1987 — *Тужаров Г. М.* К вопросу о существовании немаркированных падежей в марийском языке // Советское финно-угроведение. 1987, Т. 23, 1. С. 19—27. {*Tuzharov G. V.* On the existence of unmarked cases in Mari // Sovietic finno-ugristics. 1987. Vol. 23, 1. P. 19—27.}
- Тужаров 1998 — *Тужаров Г. М.* Грамматические категории имени существительного в марийском языке. Научный доклад, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Йошкар-Ола, 1998. {*Tuzharov G. V.* Nominal grammatical categories in Mari. The presentation for doctoral habilitation. Yoshkar-Ola, 1998.}
- Федюнева и др. 2000 — *Федюнева Г. В., Лудыкова В. М., Некрасова Г. А., Попова Э. Н., Цыпанов Е. А.* Ёния коми кыв. Морфология. Сыктывкар, 2000. {*Fedyuneva G. V., Ludykova V. M., Nekrasova G. A., Popova E. N., Tsypanov E. A.* Contemporary Komi language. Morphology. Syktyvkar, 2000.}
- Ханина, Шлуинский 2015 — *Ханина О. В., Шлуинский А. Б.* Прямой объект в энецком языке: объектное согласование глагола // Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2015» / Ред. *Лютикова Е. А., Циммерлинг А. В., Коношенко М. Б. М.*, 2015. Т. 2. С. 392—410. {*Khanina O. V., Shluinskiy A. B.* Direct object in Enets: verbal object agreement // Typology of morphosyntactic parameters. Proceedings of the International conference “Typology of morphosyntactic parameters 2015”. Ed. *Lyutikova E. A., Zimmerling A. V., Konoshenkov M. B.* Moscow, 2015. Vol. 2. P. 392—410.}
- Цыганкин 1976 — *Цыганкин Д. В.* Грамматическая категория определенности и ее формы в диалектах эрзя-мордовского языка // Fenno-Ugristica (Труды по финно-угроведению). 1976, 4. С. 106—133. {*Cygankin D. V.* The grammatical category of definiteness and its forms in the dialects of Erzya-Mordvin // Fenno-Ugristica (Studies in finno-ugristics). 1976. Vol. 4. P. 106—133.}
- Цыпанов 1997 — *Цыпанов Е. А.* Причастие в коми языке: история, семантика, дистрибуция. Екатеринбург, 1997. {*Cypanov E. A.* Participles in Komi: history, semantics, distribution. Yekaterinburg, 1997.}
- Aissen 1998 — *Aissen J.* Differential Object Marking: Iconicity vs. Economy. *Natural Language and Linguistic Theory*. 1998. Vol. 21, 3. P. 435—483.
- Ariel 1988 — *Ariel M.* Referring and accessibility. *Journal of Linguistics*. Vol. 24. P. 67—87.
- Ariel 1990 — *Ariel M.* Accessing noun phrases antecedents. Cambridge University Press, 1990.
- Bossong 1985 — *Bossong G.* Differentielle Objektmarkierung in den neuiranischen Sprachen. Tübingen, 1985.
- Chafe 1996 — *Chafe W. L.* Inferring identifiability and accessibility. Eds. *T. Fretheim, J. Gundel*. Reference and referent accessibility. John Benjamins, 1996. P. 37—46.
- Comrie 1979 — *Comrie B.* Definite and animate direct objects: A natural class // *Linguistica silesiana*. 1979. Vol. 3. P. 13—21.
- Csúcs 1990 — *Csúcs S.* Chrestomathia Votiacica. Budapest, 1990.
- Dalrymple, Nikolaeva 2011 — *Dalrymple M., Nikolaeva I.* Objects and Information Structure. Cambridge University Press, 2011.
- de Swart 2007 — *de Swart P.* Cross-linguistic variation in object marking. Ph.D. diss. Radboud Universiteit Nijmegen, 2007.
- de Hoop, de Swart 2009 — *de Hoop H., de Swart P.* Differential Subject Marking. Dordrecht, 2009.
- de Hoop, Malchukov 2005 — *de Hoop H., Malchukov A.* Case Marking Strategies. Paper presented at the Workshop on Recent Developments in OT Syntax & Semantics, Harvard University, 2005.
- Epstein 2002 — *Epstein R.* The Definite Article, Accessibility, and the Construction of Discourse Referents. *Cognitive Linguistics*. 2002, Vol. 12, 4. P. 333—378.
- Erteschik-Shir 1997 — *Erteschik-Shir N.* The Dynamics of Focus Structure. Cambridge University Press, 1997.
- Givón 1983 — Ed. *Givón T.* Topic Continuity in Discourse: A Quantitative Cross-Language Study. John Benjamins, 1983.
- Gundel 1988 — *Gundel J. K.* The role of topic and comment in linguistic theory. New York, 1988.
- Gundel e.a. 1993 — *Gundel J. K., Hedberg N., Zacharski R.* Cognitive status and the form of referring expressions in discourse. *Language*. 1993. Vol. 69. P. 274—307.
- Iemmolo 2011 — *Iemmolo G.* Towards a typological study of differential object marking and differential object indexation. University of Pavia dissertation. Pavia, 2011.
- Keenan, Comrie 1977 — *Keenan E. L., Comrie B.* Noun Phrase Accessibility and Universal Grammar Linguistic Inquiry. 1977. Vol. 8, 1. P. 63—99.
- Kibrik 1996 — *Kibrik A. A.* Anaphora in Russian narrative prose: A cognitive account. *Studies in anaphora* / Ed. *Fox B.* John Benjamins. 1996. P. 255—304.
- Kibrik 2011 — *Kibrik A. A.* Reference in discourse. Oxford University Press.
- Kiss 2005 — *É. Kiss K.* Event types and discourse linking in Hungarian. *Linguistics*. 2005. Vol. 43. P. 131—154.
- Kiss 2013 — *É. Kiss K.* From Proto-Hungarian SOV to Old Hungarian Top Foc V X. *Diachronica*. 2013. Vol. 30, 2. P. 202—231.
- Lambrecht 1994 — *Lambrecht K.* Information structure and sentence form: Topic, focus, and the mental representation of discourse referents. Cambridge University Press, 1994.

- Lambrecht 2000 — *Lambrecht K.* When subjects behave like objects: an analysis of the merging of S and O in sentence focus constructions across languages // *Studies in Language*. 2000. Vol. 24, 3. P. 611—682.
- Molnár 2001 — *Molnár J.* Zur Verwendung der Objekt- und Subjektkonjugation im Ungarischen und im Mordwinischen // *Zur (Morpho-)Syntax der Uralischen Sprachen (Specimina Sibirica, v. XVI)*. Szombathely: Savariae, 2001. P. 67—92.
- Moravcsik 1978 — *Moravcsik E.* On the Case Marking of Objects // *Universals of human language*. V. 4: Syntax / Ed. *Greenberg J. H.* Stanford University Press, 1978. P. 249—289.
- Nikolaeva 1999 — *Nikolaeva I.* 1999. Object agreement, grammatical relations, and information structure // *Studies in Language*, 23. P. 331—376.
- Nikolaeva 2014 — *Nikolaeva I.* 2014. A grammar of Tundra Nenets. Berlin/Boston: Mouton de Gruyter.
- Prince 1981 — *Prince E. F.* Toward a taxonomy of given-new information. *Radical Pragmatics* / Ed. *Cole P.* New York, 1981. P. 223—256.
- Reinhart 1981 — *Reinhart T.* Pragmatics and linguistics: An analysis of sentence topics. *Philosophica*. 1981. Vol. 27. P. 53—93.
- Schlachter 1960 — *Schlachter W.* Studien zum Possessivsuffix des Syrjänischen. Berlin, 1960.
- Strawson 1950 — *Strawson P. F.* On referring. *Mind*. 1950. Vol. LIX. P. 320—344.
- Strawson 1964 — *Strawson P. F.* Identifying reference and truth values. *Teoria*. 1964. Vol. 30. P. 9—118.
- Vallduví 1992 — *Vallduví E.* The Informational Component. New York, 1992.
- Vallduví, Engdahl 1996 — *Vallduví E.; Engdahl E.* Linguistic realization of information packaging. *Linguistics*. 1996. Vol. 34. P. 459—519.
- Wickman 1955 — *Wickman B.* The Form of the Object in the Uralic Languages. Uppsala, 1955.
- Winkler 2011 — *Winkler E.* Udmurtische Grammatik. Wiesbaden, 2011.
- Witzlack-Makarevich, Seržant 2017 — *Witzlack-Makarevich A., Seržant I. A.* 2017: Differential argument marking: Patterns of variation. *The Diachronic Typology of Differential Argument Marking*. [Studies in Diversity Linguistics] / Ed. *Seržant I. A., Witzlack-Makarevich A.* Berlin, 2017. <http://langsci-press.org/>.
- Zirnask 2004 — *Zirnask T.* Objektikäänded Mokša keeles. Bakalaureusetöö. Tartu, 2004.

РЕЗЮМЕ

В работах по асимметричному типу дифференцированного маркирования прямого дополнения показана релевантность параметров одушевленности, определенности, информационной структуры, а также «выделенности» в терминах [de Swart 2007: 138]. Мы показываем, что в финно-угорских языках описание выбора кодирования прямого дополнения требует привлечения дискурсивной модели референциального выбора [Givón 1983, Kibrik 2011]. Прямое дополнение, удовлетворяющее условиям определенности (известности, единственности, актуализованности в контексте), может не маркироваться падежным показателем, если его референт имеет низкий дискурсивный статус; и наоборот, неопределенное прямое дополнение может получать падежный показатель, если его референт имеет высокий дискурсивный статус.

SUMMARY

The studies of asymmetric types of differential object marking explain the distribution of DO types in terms of animacy, definiteness, information structure, and/or salience as defined in [de Swart 2007: 138]. We show that in Finno-Ugric languages the choice of the DO marking is partly based on the discourse model of the referential choice as described in [Givón 1983, Kibrik 2011]. The definite (or topical) DO may remain unmarked if its referent has a low rank in this model, while an indefinite (focused) DO may be marked if it has a high rank.

Ключевые слова: финно-угорские языки, прямое дополнение, аккумулятив, посессивность, дифференцированное маркирование прямого дополнения, дискурсивные категории, определенность, топик

Keywords: Finno-Ugric languages, direct object, possessiveness, differential object marking, discourse categories, definiteness, topic

Сердобольская Наталья Вадимовна, Российский государственный гуманитарный университет (Москва) и Московский государственный педагогический университет (Москва); serdobolskaya@gmail.com

Natalia V. Serdobolskaya, Russian State University for the Humanities (Moscow) and Moscow State University of Education (Moscow); serdobolskaya@gmail.com

Толдова Светлана Юрьевна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва); stoldova@hse.ru

Svetlana Yu. Toldova, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow); stoldova@hse.ru

Первые марийские буквары (лугового наречия) 1870-х гг.

Ч. 2. Особенности консонантизма¹

В данной статье мы продолжаем исследование двух ранних памятников марийского языка (лугового наречия) — букварей, изданных в Казани в 1870 и 1873 гг. [УСОЧ 1870; Букварь 1873]. В первой ранее опубликованной части работы сообщалось об истории создания этих букварей, был дан их общий обзор и проанализированы особенности отражения в них гласных звуков [Ключева, Норманская 2015: 18—63]. Теперь опишем, какие в данных букварях обнаруживаются отличия от современной литературной нормы на уровне записи согласных².

По сравнению с системой гласных, запись согласных звуков в букварях менее специфична, алфавит согласных букв полностью соответствует современному литературному. Обнаруженные отличия в отражении согласных будут рассмотрены последовательно в трех разделах статьи:

1. Палатальность и палатализация согласных;
2. Отражение звонкости/глухости согласных;
3. Специфика отражения отдельных звуков.

1. Палатальность и палатализация согласных

Указанием на специфическую палатальность либо палатализацию согласного в букварях можно считать случаи, когда за буквой, его означающей, следует мягкий знак (при его отсутствии в литер. норме) или йотированная гласная (*ю* ~ литер. *y/ы/ÿ*; *я* ~ литер. *a/ы/e/ä*). Палатализации, хотя и незначительной, не носящей фонематического характера, подвергаются в марийском языке также согласные перед гласными переднего ряда, особенно высокого подъема (*и, ÿ*), но не перед *e* [Грузов 1960: 116]³. В диалектах степень палатализации может различаться. Отсюда большую палатализацию согласных, чем в литературной норме, можно предполагать, когда после согласного в памятнике следует буква *и* ~ литер. *ы/e*, буква *ÿ* ~ литер. *y/ы/ö* в минимальной степени — в случаях *ä* ~ литер. *a/e/ы*. При этом буквы *ю, я* в данных памятниках письменности могут выражать звуки *ÿ, ä* соответственно⁴. Отсюда наиболее надежными показателями палатальности согласных в букварях будем считать лишь случаи с мягким знаком⁵, примеры чему приводятся ниже. Остальные случаи (с переднеязычными гласными и йотированными буквами после согласного) вынесены в Приложение⁶.

1.1. *р*ь ~ литер. *р*

В абсолютном конце слова:

— *вюрь* ‘кровь’ [Букварь 1873: 39, 48], *вюрь кечан* ‘в пятницу’ [Букварь 1873: 39, 40] от *вÿргече* (< **вÿр кече*) ‘кровавый день’, но *вюржам* ‘кровь-POSS.3SG-ACC’ [Букварь 1873: 15] ~ литер. *вÿр*, мар. Г

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ №18-012-00119 А.

² За литературную норму (и лугово-восточного и горномарийского литер. языка) принимается написание слов в 10-томном «Марийско-русском словаре» под редакцией И. С. Галкина [МРС].

³ Затрагивая вопрос обозначения палатальности согласных в историческом словаре марийского языка Дамаскина (1785), О. А. Сергеев рассматривает буквы *e, и* как смягчающие предшествующие согласные — *з, н, л, т, ч* [Сергеев 2003: 31].

⁴ Подробнее об этих гласных звуках и соответствующих буквах в букварях 1870-х гг. см. в первой части статьи [Ключева, Норманская 2015].

⁵ Однако заметим, что мягкий знак, особенно в абсолютном конце слова, не обязательно является указанием на мягкость согласного. Так, в русской орфографии слова 3-го склонения пишутся с конечным мягким знаком (*мышь, тишь* и пр.), не отражая мягкого произношения, аналогично мягкий знак не в целях обозначения мягкого произношения используется в некоторых формах глаголов. Аналогично (с не полным соответствием произношению) могла выстраиваться и марийская орфография.

⁶ В Приложении содержатся примеры из букварей, когда после согласного следует йотированная буква или гласный переднего ряда, который мог оказать на него смягчающее воздействие, тогда как в литер. норме ему соответствует гласный среднего или заднего ряда. В основном, этот материал уже был нами рассмотрен в рамках исследования вокализма букварей в первой части статьи [Ключева, Норманская 2015], поэтому приводится в Приложении без дополнительных комментариев.

вѣр, истор. *вюрь* (1775, 1785) < ПМар **wür* [Bereczki 2013: 322], в диалектах *-p'* не фиксируется⁷, хотя несколько смягченное *p* в этом слове имеет место в кильмезском диалекте [Ключева 2017];

— *мөрь* ‘ягода’ [Букварь 1873: 16], *мөрян* ‘ягодный, с ягодами’ [Букварь 1873: 16], но *мөрым* ‘ягода-АСС’ [Букварь 1873: 16] ~ литер. мар. Л и мар. Г *mör*, истор. *мйурь* (1775) < ПМар **morz* [Bereczki 2013: 146] < ФУ **marja* [UEW: 264];

— *ерь* ‘озеро’ [УСОЧ 1870: 6; Букварь 1873: 7] ~ литер. *ep*, мар. Г *йәр* < ПМар **jer* [Bereczki 2013: 29];

— *верь* ‘место’ [Букварь 1873: 19], но *верэм* ‘место-АСС’ [Букварь 1873: 7], *чыла верэ* ‘езде (во всех местах)’ [Букварь 1873: 41], *чыла вэрэ* ‘то же’ [УСОЧ 1870: 11], *верчен/верчэн* ‘за’ (езде в букваре 1870 г.), *веречен* ‘за’ [Букварь 1873: 9 и езде далее], *верем гычен* ‘с моего места’ [Букварь 1873: 43] ~ литер. *ver*, мар. Г *vär* < ПМар **wer* [Bereczki 2013: 310];

— *могырь* ‘тело’ [Букварь 1873: 17], но *могыриштат* ‘сторона-INE-DEM’ [Букварь 1873: 19], *могыреш* ‘сторона-ADV’ [Букварь 1873: 49], *могыришка* ‘сторона-ILL’ [Букварь 1873: 15] ~ литер. *могыр*, мар. Г *монгыр* < **tongir* [Bereczki 2013: 143];

— *шюдырь* ‘звезда’ [Букварь 1873: 14], *шюдырь-шамычам* ‘звезда-PL-АСС’ [Букварь 1873: 27], но *шюдыр-шамычанат* ‘звезда-PL-GEN-DEM’ [Букварь 1873: 33] ~ литер. *шүдыр*, мар. Г *шйдыр*, истор. *шюдюрь* (1775) < ПМар **šüdi-r* [Bereczki 2013: 261];

В тюркских заимствованиях и словах с неясной этимологией:⁸

— *төрь* ‘прямо, честно’ [УСОЧ 1870: 9; Букварь 1873: 10, 11, 14, 15, 25, 26, 29, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 47, 48], но *төр* [УСОЧ 1870: 8, 9; Букварь 1873: 11], *төрлэч носна* ‘без правды’ [УСОЧ 1870: 8], *төррак* ‘правда-DEM’ [Букварь 1873: 47] ~ литер. мар. Л и мар. Г *tör*, диал. МК *төрь* [Грузов 1965: 211] < тюрк. (ср. чув. *türǰ* [Грузов 1969: 94]);

— *тюгырь* ‘горбатый’ [Букварь 1873: 11], но *тюгар* [УСОЧ 1870: 9] ~ литер. *пүгыр*, мар. Г *пүгыр*, истор. *тюгюрь* (1785) [Сергеев 2003: 124] < тюрк. (ср. чув. *пёкрёс, пёккёрс, пёккёрч* [ЭСЧЯ, 1: 418]);

— *пирь* ‘волк’ [Букварь 1873: 19], но *пира* [Букварь 1873: 15] ~ литер. *пире*, мар. Г *пирй*, диал. Кр МК М У *пир’е* [Грузов 1965: 211] < тюрк. (ср. тат. *бүре* [Исанбаев 1994: 118]);

— *эрь* ‘утро’ [УСОЧ 1870: 6; Букварь 1873: 7, 36], *эрь-дэне* ‘утром’ [Букварь 1873: 7], но *эрдэн* [УСОЧ 1870: 6] ~ литер. *эр*, мар. Г *ip*, истор. *ирь* (XVIII в.) [Грузов 1965: 211], диал. МК *ep* [Грузов 1965: 211] < тюрк. (ср. чув. *ip* ‘то же’ [ЭСЧЯ, 1: 170]);

— *юрь юреш* ‘дождь идет’ [УСОЧ 1870: 6], но *юр юреш* [Букварь 1873: 7], *юржам* ‘дождь-POSS.3SG-АСС’ [Букварь 1873: 23], *юрам* ‘дождь-АСС’ [Букварь 1873: 27], *юран* ‘дождь-GEN’ [Букварь 1873: 34] ~ литер. *йүр*, мар. Г *юр* < ? (ср. удм. *зор* ‘дождь’, чув. *юр* ‘снег’);

— *юдурь* ‘дева’ [Букварь 1873: 49, 51], но *юдурь-шамыч* ‘девушка-PL’ [УСОЧ 1870: 7; Букварь 1873: 9] ~ литер. *йдыр*, мар. Г *йдыр*;

В середине слова:

— *сирьмаш* [Букварь 1873: 7], но *сирмаш* [УСОЧ 1870: 6] ~ литер. *серьмаш*, мар. Г *сирймаш* ‘письмо (процесс написания)’, *сирмаш* ‘письмо’ < тюрк. (ср. чув. *сыр* [ЭСЧЯ, 2: 155])⁹.

Ко всем приведенным примерам в праформе (для исконных слов), по Берецки, и в источнике заимствования (для заимствованных слов) звук *p* твердый. При этом практически все случаи с *рь*, по-видимому, обусловлены предшествующим гласным преднего ряда. Считается, что такая палатализация (от соседства с переднеязычной гласной) является вторичной, и изначальный мар. *p* — твердый [Грузов 1965: 211]. Среди исконных слов интересны случаи *могырь* ‘тело’ и *шюдырь* ‘звезда’, в которых (в букварях) предшествующий конечному *p'* гласный не переднеязычный, но при этом в праформе, по Берецки, ему соответствует **i*, который мог оказывать смягчающее воздействие на последующий согласный.

⁷ По ходу изложения: если далее по тексту не приведены слова из диалектов с фонетическими особенностями, как в памятнике, то значит в диалектологическом словаре [Веке] такие примеры не зафиксированы, и в других источниках они нами не обнаружены. То же — относительно исторических фиксаций слова. Но формы, в которых исследуемый согласный обозначен как твердый, но есть элементы, которые могли способствовать палатализации (например, соседство с *и* или др. гласным переднего ряда), приводятся.

Исторические фиксации слова (1775 и 1785 г.) приводятся по изданию [Bereczki 2013], в ряде случаев — по изданиям [Сергеев 2002; Сергеев 2003], на что есть специальные ссылки.

⁸ Здесь и далее мелким шрифтом даются слова-заимствования и примеры на особую рефлексацию в Букварях, которые встречаются менее чем в трех случаях.

⁹ Обратное явление (*-p/-рь* ~ литер. *-рб*): — *звгър-шамычам* ‘зверей (зверь-PL.АСС)’ [Букварь 1873: 27], *звгър-шамычлан* ‘зверям’ [Букварь 1873: 28], *звгър-шамычланат* ‘зверь-PL.DAT.DEM’ [Букварь 1873: 32], но *звгърь-шамычам* [Букварь 1873: 27] ~ литер. *зверь* < рус. *зверь*.

Звук *p* как в абсолютном конце слова, так и в середине, соответствует особенностям малмыжского говора на границе восточного и лугового наречия (Кировская область) и особенно кильмезского диалекта. Наша диалектологическая работа с носителем кильмезского диалекта из д. Азиково (Нурдуваши) Кировской области, 1952 г. р. [Ключева 2017] подтвердила наличие мягкого или смягченного *p* практически во всех словах из приведенного ряда примеров (кроме *tör*, не используемого в говоре). В абсолютном конце слова Грузов отмечает диалектное *p* в ограниченном ряде слов (*ep* 'озеро', *ser* 'берег', *ner* 'нос', *tör* 'ровный', *mizer* 'кафтан'), указывая на распространенность в кильмезском говоре «и островками на территории соседних районов Кировской области, Татарской и Башкирской АССР» [Грузов 1969: 177]¹⁰. Появление *p* в этих диалектах он относит к XVII—XVIII векам [там же]. Звук *p* в абсолютном конце слова представлен также в марийских словарях конца XVIII века, являющихся частями т. н. «Словаря Дамаскина», например: *нирь*, *нерь* 'нос', *шюдюрь* 'звезда', *логарь* 'горло', *ирь* 'утро', *мюшкюрь* 'брюхо', *ирь* 'дикий', *вурь* 'кровь', *кюрь* 'лубок', *егырь* 'двойник', *керьге* 'черный дятел', *тюрлем* 'вышиваю', *перьмо* 'удар' [Грузов 1965: 211]. «Словарь Дамаскина» составлен на основе малмыжского говора [Сергеев 2002: 32—33].

Замыкание слова мягким знаком может оказаться не только указанием на диалектную мягкость звука, но и чисто орфографической чертой, тем более, что на каждое слово (кроме единственного *ерь* 'озеро', которое лишь по одному разу встречается в обоих букварях), в букварях есть дублиеты с твердым *p* или формы при словоизменении, в которых *p* твердое (но уже не в абсолютном конце слова). К тому же есть спорадические примеры в букварях с конечным *-ь* после согласных *м*, *ш*, *к*, мягкость которых не только не подтверждается в данных словах ни в каких диалектах, но и в принципе наличие мягких согласных *м'*, *ш'*, *к'* в марийском языке в классических исследованиях по языкознанию исключается [Грузов 1965: 201, 165—166, 154, 147]¹¹:

— *кемь* 'сапог(и)' [УСОЧ 1870: 5; Букварь 1873: 5] ~ литер. *кем*, мар. Г *кем*, истор. *кемь* (1785) < ПМар **кетз* [Bereczki 2013: 50]; ср. истор. *люмь* 'имя', *лёмь* 'похлебка' (1785) [Сергеев 2002: 118];

— *кугоэшь* 'большой-NMLZ-ADV' [УСОЧ 1870: 13] ~ литер. *кугуэши*, мар. Г *когэши*;

— *илижь* 'ожив' [Букварь 1873: 29, 30, 39, 49, 50], но *илиштараша* 'животворящий' [Букварь 1873: 49] ~ литер. *ылыжаши* 'оживать', *ылыжтараш* 'оживлять', мар. Г *ыльжәш*, *ыльжәтараш*;

— *межь* 'шерсть' [Букварь 1873: 5], но *меж* [УСОЧ 1870: 5] ~ литер. *меж*, мар. Г *миж*, диал. ЙТ ЯО ЯП Т Г *тиž* < ПМар **тиž* [Bereczki 2013: 138];

— *рывыжь* 'лиса' [Букварь 1873: 10], но *рывыж* [Букварь 1873: 10], *рывж* [УСОЧ 1870: 8] ~ лит. *рывыж*, мар. Г *ы́рвёж* < ПМар **ривиž* [Bereczki 2013: 215];

— *ганякь* 'как-ДЕМ' [УСОЧ 1870: 12], но *гаяк* [Букварь 1873: 17 и везде далее] ~ литер. *гаяк*, мар. Г *ганяк* < литер. *гай*, *гае*, мар. Г *гане* (этимологию см. ниже — п. 3.1) + *-ак* (усилительная частица), по-видимому, тюркского происхождения, ср. чув. *ах*, тат. *ук* [Галкин 1964: 184];

— *керець* 'хоть' [УСОЧ 1870: 12], но *керек* [УСОЧ 1870: 10, 13; Букварь 1873: 25, 38, 41, 42, 43, 50, 51] ~ литер. *керек*, мар. Г *керек*, в диалектах везде *kerек* [Веке IV₃: 702—704] < тюрк. (ср. чув. *кирёк* [Галкин 1964: 190]).

Единичен и пример с конечным *-сь* — литер. *с*, в слове *вес(е)* 'другой' с неясной этимологией, но к данному слову есть соответствия в целом ряде говоров (яранском, уржумском, малмыжском, красноуфимском, бирском):

— *весь* 'другой' [Букварь 1873: 8, 14, 17, 18, 28, 33, 49] ~ литер. *вес(е)*, мар. Г *вес(ё)*, *весьяжа* 'другой-POSS.3SG' [Букварь 1873: 17] ~ литер. *весьяже*, *весьяшта* 'другой-POSS.3PL' [Букварь 1873: 22] ~ литер. *весьышт*, *весьянам* 'другой-GEN-ACC' [УСОЧ 1870: 12, 13] ~ литер. *весьыным*, *весьяштам* 'другой-POSS.3PL-ACC' [Букварь 1873: 22] ~ литер. *весьыштым*, *весьям* 'другой-ACC' [Букварь 1873: 22] ~ литер. *весьым*, но *вешлан* 'другой-DAT' [Букварь 1873: 39] ~ литер. *вешлан*, *вешканак* 'в другой раз' [УСОЧ 1870: 6] ~ литер. *вес гана*, диал. М Кр Б БЯ *веш(е)* 'другой', МК ЯО *веш-с(ә)*, УП *веш-с(ә)*, но ЙТ *веш-с(е)*, Т Г *веш-с(ә)*, БЯп ЦЯ ЦЮ ВК В *веш(е)* [Веке IV₁: 133]¹².

¹⁰ Не в абсолютном конце слова *p* встречается в липшинском говоре (Звениговский р-н РМЭ) [Грузов 1965: 210—211], а также волжском и йошкар-олинском, например: В *вур'ж*, *ор'аш*, *пур'ымаши*, *шур'э*, *пар'ка* [Иванов 1981: 46], Й *тор'а*, *пур'аш*, *ор'аш* [Иванов 1981: 42].

¹¹ Однако для *ш'* в абсолютном конце ср. мар. В мензелинское *комдыши* 'крышка' ~ литер. *комдыши* [Иванов 1981: 58], В *пеш'* 'очень' ~ литер. *пеш* [Иванов 1981: 46].

¹² Фонемы *с'* (~ литер. *с*), *з'* (~ литер. *з*) встречается в малмыжском говоре восточного наречия, а также (в основном, в тех же словах) в других говорах восточного наречия; в луговом наречии — более ограниченно в волжском говоре [Грузов 1965: 153, 166]. И. Г. Иванов отмечает наличие звуков *з'* и *с'* в уржумском говоре, а также в йошкар-олинском и волжском говорах лугового наречия, например: У *мас'ка*, *с'укыр*, *с'урт*, *из'а*, *оз'ым* [Иванов 1981: 51], В *с'ис'на*, *с'ус'пан*, *мас'ка*, *пис'ан*, *вас'күзё*; *пиз'ле*, *ойз'и*, *оз'ым*, *воз'ак*, *из'ыра*, *суз'о* [Иванов 1981: 45, 46], Й *с'итан*, *с'имйрлаш*, *күс'фин*, *пёсын*, *рһиз'а*, *кһиз'ё*, *аз'ам* [Иванов 1981: 43]. В восточном наречии звуки *с'*, *з'*

В ряде случаев в букварях мягкий знак ставится и после буквы *ч* (буквосочетания *-чк-*, *-чм-*), но поскольку сам звук *ч* в луговом наречии мягкий, эти примеры не релевантны для исследования палатальности и палатализации согласных, тем более, что практически на каждый пример слова с *ч* имеются и дублиеты записи без мягкого знака:

— *мучька* ‘вдоль, в течение’ [Букварь 1873: 18, 19, 31⁴, 50], *мучькок* [Букварь 1873: 51], но *мучкок* [Букварь 1873: 42, 43] ~ литер. *мучко*, мар. Г *мычкы* < ПМар **тицэ* ‘конец’ [Bereczki 2013: 149] + суф. *-ка*;

— *кочькаш* ‘есть (кушать)’ [Букварь 1873: 38, 41, 51], *кочькашат* ‘есть-DEM’ [Букварь 1873: 37], *кочькеш* ‘ест’ [Букварь 1873: 24], *ит кочь* ‘не ешь’ [Букварь 1873: 38], *инжа кочь* ‘пусть он не ест’ [Букварь 1873: 37], *ок кочь* ‘не ест’ [Букварь 1873: 24], *кочькан* ‘съел’ [Букварь 1873: 19], *кочькан* ‘съедаю’ [Букварь 1873: 17, 18], *кочькын* ‘съедаю’ [Букварь 1873: 15], *кочьма* ‘есть-PTCP.PASS=NMLZ’ [Букварь 1873: 40], *кочьшаишлык* ‘насущенный, для еды’ [Букварь 1873: 17], *кочьдэмашта гаяк* ‘словно они не ели’ = ‘есть-NEG-PTCP.PASS-POSS.3PL’ [Букварь 1873: 17], но *кочкаш* ‘есть’ [УСОЧ 1870: 7; Букварь 1873: 9], *кочкашашта* ‘их еда’ [Букварь 1873: 28], *кочкан* ‘поев’ [Букварь 1873: 38] ~ литер. *кочкаш*, мар. Г *качкаш*;

— *шочьма* ‘рожденный’ [Букварь 1873: 30], *шочьмажсам* ‘рожденный-POSS.3SG-ACC’ и *шочьможсам* ‘то же’ [Букварь 1873: 49], *шочьша* ‘рождающий’ [Букварь 1873: 48, 49, 51], *шочьмем годамак* ‘во время моего рождения’ [Букварь 1873: 47], но *шочмет годшенак* ‘и во время твоего рождения’ [Букварь 1873: 20], *шочиэмат* ‘рожденный-ACC-DEM’ [Букварь 1873: 12] ~ литер. *шочаш*, *шочмо*, *шочшо*, мар. Г *шачаш*, *шачмы*, *шачшы*, диал. Кр МК У ЦЮ ВК В *šoçat*, Б М *šoçat*, Г *šaçat*, ЙТ *šosat*, ЯО Т *šacat* < ПМар **šoçat* [Bereczki 2013: 237].

1.2. *ль* ~ литер. *л*

В абсолютном конце слова и перед согласной:

— *нль* ‘четыре’ [УСОЧ 1870: 5; Букварь 1873: 5], но *нылт* [УСОЧ 1870: 14], *луатнылт* ‘четырнадцать’ [УСОЧ 1870: 14] ~ литер. *ныл(ыт)*, мар. Г *нёл(ыт)*, истор. *нилитъ* (1775, 1785), диал. М *нил’*, *нил’ит*, *нил’л’э* ‘сорок’ [Иванов 1981: 66], мар. диал. М *nilet*, Я Т *nəlat* < ПМар **nil* [Bereczki 2013: 159];

— *пыльпомаш* ‘небо’ [Букварь 1873: 26], *пыльпомош* [Букварь 1873: 49], *пыльпомашам* ‘небо-ACC’ [Букварь 1873: 27], *пыльпомошом* [Букварь 1873: 45], *пыльпомашом* [Букварь 1873: 48], *пыльпомашта* ‘на небе’ [Букварь 1873: 41], *пыльпомошта* [Букварь 1873: 44, 51], *пыльпомошка* ‘на небо’ [Букварь 1873: 49], но *пыльпомошто* [Букварь 1873: 42], *пыльпомэштэ* [УСОЧ 1870: 12], *пыльпомашта* [Букварь 1873: 27], *пыльпомашам* ‘небо-ACC’ [Букварь 1873: 27, 34] ~ литер. *пыльпомыш* < литер. *пыл* ‘облако’, мар. Г *пёл*, истор. *пыль* (1775, 1785), МК В ВК *pil* < ПМар **pil* [Bereczki 2013: 185] (+ *помыш* ‘пазуха’);

— *тульза* ‘месяц’ [Букварь 1873: 14], *тульзам* ‘месяц-ACC’ [Букварь 1873: 27], но *тулзä* [Букварь 1873: 27], но *тулзän* ‘месяц-GEN’ [Букварь 1873: 33] ~ литер. *тылзе*, мар. Г *тёлзёи*, истор. *тыльзе* (1785) [Сергеев 2003: 232], диал. В *тыл’джэ* [Иванов 1981: 47], диал. УП *tì-ləžə*, УСя *tiləžə*, МК *tì-ləžə*, В *tiltše*, ВИ *tìl’dže*, ЯО *tələžə*, Т Г *tələžə*, Г *tə-lzə*, но ММ *təlže*, УС *tə-ləžə*, БЯп ЦЯ *təlže*, Кр Б М *təlže*, БЯ *tələže*, ЙТ ЙЧ *təlžə*, В ВК *təl’dže*, ЦЮ *təl’tše*, [Beke IV₈: 2740] < ФУ **tälč’z-*, **tälč’z-* [КЭСК 1970: 283];

— *йыльма* ‘язык’ [Букварь 1873: 44 и далее], *йыльмем* ‘мой язык’ [Букварь 1873: 48] *йыльмам* ‘язык-ACC’ [Букварь 1873: 28, 29], *йыльмашта* ‘язык-POSS.3PL’ [Букварь 1873: 29] ~ литер. *йылме*, мар. Г *йёлмёи*, истор. *йилме* (1775), *жилме* (1785), диал. МК *йёлмё* [Ключева 2017], УП УСя *jilmə*, М *d’ülmö*, МК *d’ülmö*, ЯО Т Г *jəlmə* < ПМар **jilmz* [Bereczki 2013: 30];

— *кельга* ‘глубокий’ [Букварь 1873: 15] ~ литер. *келге*, мар. Г *келгёи*, диал. МК *кельге* [Ключева 2017], но у Беке МК ЯО Т Г *kè-lʉə*, ни в какой из диал. форм этого слова мягкость *л* у него не отмечена [Beke IV₃: 687] < ? (ср. *келаш* ‘шагать по грязи, по воде’, ‘идти вброд’, ‘притоптать (траву, хлеба и т. п.)’ < ПМар **kəla-* [БД: 898]);

В формах глаголов I спряжения:

— *нальмо* ‘взятое’ [Букварь 1873: 8], но *налмо* ‘взятое’ [УСОЧ 1870: 6], *налан каен* ‘унес’ [Букварь 1873: 13], *налэн* ‘взял’ [Букварь 1873: 15], *налаш* ‘братъ’ [Букварь 1873: 16], *налэш* ‘берет’ [Букварь 1873: 17], *налметам* ‘взятое-POSS.2SG-ACC’ [Букварь 1873: 26] ~ литер. *налаш* ‘братъ’, мар. Г *нəлəш*, диал. Я Т *nə-ləš* [Beke IV₅: 1536]; в этом глаголе I спр. в литер. норме формы прошедшего очевидного времени ед. ч. (и мн. ч. 2 л. в диалектах — мар. Г, Й, В, мар. СЗ) сохраняют конечный мягкий *л* глагольной основы: *нальым* ‘я взял’, *нальыч* ‘ты взял’, *нале* [нал’э] ‘он взял’; Г В Й *нал’эвэ* ‘взяли’;

отмечаются Ивановым во всех говорах, в частности, в елабужском: *с’ос’ан*, *окс’а*, *с’ас’ка*, *суз’о* [Иванов 1981: 54], мензелинском: *с’ово*, *капкас’*, *барас’эн*, *пасус’о*, *тэлым’э*, *оз’ым*, *лаз’ыргаш*, *лапкыз’э* [Иванов 1981: 58], мишкинском — но не везде, например, в деревне Кугу Коказа: *с’ас’на*, *түс’*, *лүс’*, *сөс’нə*, *төрз’ə* [Иванов 1981: 61], калтаинском: *с’эс’кэм*, *ис’таш*, *калас’аш*, *күлүз’ө*, *айз’а*, *пиз’ыраш* [Иванов 1981: 63], малмыжском: *войз’аш*, *руз’аш*, *шуйз’о*, *ойз’а*, *айз’а* [Иванов 1981: 65], красноуфимском: *вус’ко*, *окс’а*, *порс’ын*, *уйз’о*, *күчүз’ө*, *төрз’ə*, *опс’а*, *айз’а*, *муиз’о* [Иванов 1981: 69].

— *ильшэ* ‘живущий’ [УСОЧ 1870: 6], *илиша* ‘живущий’ [Букварь 1873: 13] ~ литер. *ильше*, мар. Г *б̄л̄й̄ш̄б̄и*, *ильмашэмат* ‘жизнь-ACC-DEM’ [УСОЧ 1870: 10], *илимаш* ‘жизнь’ [Букварь 1873: 13], *илимашам* ‘жизнь-ACC’ [Букварь 1873: 41] *иля* ‘живет’ [УСОЧ 1870: 8], *илä* ‘живи’ [Букварь 1873: 26], *илишашлыкамат* ‘жизнь-ACC-DEM’ [Букварь 1873: 50], *иляш* ‘жить’ [Букварь 1873: 19], *илäш* ‘жить’ [УСОЧ 1870: 5; Букварь 1873: 5, 10, 19, 31], *илиже* ‘жить-IMP.3SG’ [Букварь 1873: 29], *илиштараша* ‘животворящий’ [Букварь 1873: 49], *иляндарен* ‘зачав’ [Букварь 1873: 47], *илижэ* [редуц. от литер. *ылыжын*] ‘ожив’ [Букварь 1873: 29, 30, 39, 49, 50], но *илэша* ‘живущий’ [Букварь 1873: 7], *илэ* ‘живи’ [УСОЧ 1870: 11], *илэн* ‘жить-2PST.3SG’ [Букварь 1873: 13, 16], *илэн улут* ‘жить-2PST.3PL’ [Букварь 1873: 19, 31, 40], *илэн* ‘живя’ [Букварь 1873: 37], *илэм* ‘живу’ [Букварь 1873: 51], *илэнат* ‘жить-2PST.2SG’ [Букварь 1873: 20] ~ литер. *илаш* ‘жить’, *ильмаш* ‘жизнь’, *иландараш* ‘оживлять’, *ылыжааш* ‘оживать’, *ылыжтараш* ‘оживлять’ ~ мар. Г *б̄л̄й̄ш̄и*, *б̄л̄й̄м̄й̄ш̄и*, *б̄ляндәрәш̄и*, *б̄л̄й̄ж̄әш̄и*, *б̄л̄й̄ш̄тәрәш̄и*, диал. ЦЯ *il'e-t* ‘живу’, Кр Б М УП ЦЮ ВК *ilet*, В *ilet*, ЯО Т Г *әлет*, ЙТ *әлет* [Beke IV₂: 323] < ПМар **ilem* [Berezcki 2013: 23];

— *тунгалтэидэмо* ‘безначальный’ [Букварь 1873: 26], но *тунгалтыш* ‘начало’ [Букварь 1873: 26], *тунгалташан-шамыч* ‘начинающие’ [Букварь 1873: 27], *тунгалан* ‘начать-2PST.3SG’ [Букварь 1873: 32], *тунгалан улут* ‘начать-2PST.3PL’ [Букварь 1873: 32], *тунгалмет гычен ожно* ‘перед тем, как ты начал’ [Букварь 1873: 37, 41], *тунгалактэ* ‘побуди начать’ [Букварь 1873: 45], *тунгалам* ‘начну’ [Букварь 1873: 50] ~ литер. *тунгалаш*, мар. Г *т̄ы̄нг̄әл̄әш̄и* ‘начинать’, Кр Б М *t̄īnḡälä-m*, МК *t̄īnḡälä-m*, В *t̄īnḡälä-m*, ЯО *t̄ə̄nḡä-läm*, ЯП *t̄īnḡä-läm*, Т *t̄īnḡä-läm*, Г *t̄ə̄nḡä-läm* [Beke IV₈: 2964]; формы прош. очевидного времени: литер. *тунгалыым* (1SG), *тунгалыыч* (2SG), *тунгале* [тунгал’э] (3SG), диал. В Й *тунгал’эвэ*, мар. Г *т̄ы̄нг̄әл̄’эвэ* (3PL);

— *шюшкыльнеже улмаш* ‘хотел было зарезать’ [Букварь 1873: 13], но *ит шюшкыл* ‘не убивай’ [Букварь 1873: 13] ~ литер. *шүшкылаш*, мар. Г *ш̄б̄й̄ш̄к̄б̄л̄әш̄и*, диал. МК *ш̄үш̄к̄улаш̄и* [Ключева 2017]; у Беке в диалектах мягкой *л* не отмечено (в форме настоящего времени, 1 л. ед. ч.), но Кр Б М В ЯО Т Г *-lä-* [Beke IV₇: 2633]; формы прош. очевидного времени: литер. *шүшкылыым* (1SG), *шүшкылыыч* (2SG), *шүшкылыө* (3SG), диал. В Й *шүшкыл’эвэ*, мар. Г *ш̄б̄й̄ш̄к̄ыл̄’эвэ* (3PL).

В заимствованиях и словах с неясной этимологией:

— *киниль* ‘вставай’ [УСОЧ 1870: 5, с. 6; Букварь 1873: 5, 7] и во всех других формах этого глагола в тексте букваря 1873 г. (не в абсолютном конце слова): *кинильмәнашта* ‘после того как они встанут’ [Букварь 1873: 30], *кинильменат* ‘после того как ты встанешь’ [Букварь 1873: 38], *кинильмынет* [Букварь 1873: 41], *кинилян* ‘встав’ [Букварь 1873: 39], *кинильтэнат* ‘вставать-CAUS-2PST.2SG’ [Букварь 1873: 43], [*илижэ*] *кинильмажам* ‘воскресение-POSS.3SG-ACC’ [Букварь 1873: 49], [*илижэ*] *кинильшашлыкашам* ‘воскресение-POSS.3PL-ACC’ [Букварь 1873: 50], *кинильменем* ‘встав (после того, как я встал)’ [Букварь 1873: 50], [*илижэ*] *кынильшашлык* ‘должны воскреснуть (букв. ожив восстать)’ [Букварь 1873: 29] ~ литер. *кынелаш* ‘вставать’, мар. Г *к̄б̄н̄ь̄б̄л̄әш̄и*, МК *kīnel'a-m*, М *kīnelä-m*, ЯО Т Г *k̄ə̄n̄ä-läm* [Beke IV₃: 791]; формы прошедшего очевидного времени: литер. *кынелыым* (1SG), *кынелыыч* (2SG), *кынеле* [кынел’э] (3SG), диал. В Й *кынел’эвэ*, мар. Г *к̄б̄н̄ел̄’эвэ* (3PL) < ? (ср. чув. *хән, хәнлэх* ‘трудно, тяжело’);

— *шабальтэн* ‘окропив’ [Букварь 1873: 47] ~ литер. *шавалташ*, мар. Г *ш̄әв̄әлт̄әш̄и*, в диалектах у Беке твердое *-л-* (хотя фиксации ограниченные — только УП ЦЯ ЙТ) [Beke IV₇: 2277] < тюрк. (ср. чув. *сап-* ‘рассеивать’ [ЭСЧЯ, 2: 12]);

— *жаль* ‘жалко’ [Букварь 1873: 10], но *жал* [УСОЧ 1870: 8] ~ литер. *жал*, мар. Г *б̄ж̄әл̄* < рус. *жаль*.

Как видно, не ко всем примерам *ль* ~ литер. *л* обнаружены соответствия по диалектам, но там, где они есть, находим малмыжский, кильмезский диалекты восточного наречия, отчасти волжский и сернурский (д. Средний Ядыкбеляк) лугового наречия. Соответствия в праформе для них, по Берецки, твердые. Как правило, факультативную мягкость придает согласной *л* соседство гласной переднего ряда, особенно высокого подъема (*и, ү*), например: *түл’аш* ~ литер. *түлаш* ‘платить’, *ил’ыжааш* ‘оживать’ ~ литер. *ылыжааш*, *л’иаш* ‘быть’ ~ литер. *лиаш*, *л’үм* ‘имя’ ~ литер. *лүм*, *и’лаш* ‘жить’ ~ литер. *илаш* и т. п. [Грузов 1965: 206]. В примере *тульза* ‘месяц’ ~ литер. *тыльзе* могло быть воздействие последующего мягкого согласного (написание *тульзä* [тул’з’а (?)]), соответствующего мягкой аффрикате в диалектах.

Особо из приведенного списка выделяются примеры с формами глаголов 1 спр. с основой на *-л* (*-л’*) (*налаш* ‘брат’, *тунгалаш* ‘начинать’, *шүшкылаш* ‘убивать, резать, заколоть’, *кынелаш* ‘вставать’). Поскольку в формах прошедшего очевидного времени в них *л* мягкий (в литер. норме)¹³, сохранение мягкого знака в других формах, представленных в букварях, может быть чертой орфографической, а не только и не столько отражением мягкого произношения.

¹³ Мягкость *л* в данных формах глагола имеет историческое объяснение: «в прамарийском (соответственно и финно-угорском) языке показателем прошедшего времени был гласный *и*, который присоединялся к основе на *-е*, предполагаемой для глаголов I спряжения. В определенный период развития в результате стяжения и ассимиляции гласный *и* оказался непосредственно после согласного *л*, вследствие чего происходит смягчение» [Грузов 1969: 175].

1.3. -нь ~ литер. -н:

В абсолютном конце слова:

— *шовнь* ‘мыло’ [УСОЧ 1870: 7; Букварь 1873: 8] ~ литер. *шовын*, мар. Г *шавынь* [Букварь 1873: 8], диал. ЯО Т *šà:šəñ* [Веке IV₇: 2402] < тюрк. (ср. чув. *супънь*, диал. *совънь* [ЭСЧЯ, 2: 64]);

— *гинь* ‘если’ [УСОЧ 1870: 8, 9, 11], *гинят* ‘то же-ДЕМ’ [УСОЧ 1870: 9], *гыня* и *гынят* (многократно в букваре 1873 г.) ~ литер. *гын*, мар. Г *гбънь*, истор. *гинь* (1775), диал. М ЯО ГН ГШ *кəñ*, МК *кəñə*, УП *kiñ*, ГШ *кəñə* [Веке IV₃: 739], мар. СЗ *гбън’əт* [Иванов, Тужаров 1971: 44] < ПМар **kinz* [Bereczki 2013: 58];

— *семинь* ‘словно’ [УСОЧ 1870: 5 и далее], но *семин* [Букварь 1873: 8, 25, 27, 31, 50], *семын* [Букварь 1873: 6, 7] ~ литер. *семын*, мар. Г *сембънь*, мар. СЗ *сембън* [Иванов, Тужаров 1971: 200], М ЯО *šə-təñ*, мар. Г *šə-təñ* [Веке IV₆: 2181] < тюрк. (ср. чув. *семин* ‘по мере того, как’ [ЭСЧЯ, 2: 100]).

Во всех случаях *нь* ~ литер. *н* в абсолютном конце слова обнаруживается соответствие горному наречию, а также (в случае послелого *-гын*) — северо-западному наречию и малмыжскому, кильмезскому, уржумскому диалектам восточного наречия. Заметим, что эти примеры (кроме *гинь* ‘если’) к исконной лексике не относятся¹⁴.

Итак, все подтверждающиеся в диалектах случаи палатальности либо палатализованности согласных в букварях вынесены в таблицу 1.

Таблица 1

Случаи палатальности/палатализованности согласных в букварях

ПМар/оригинал в заимств.	1870	1873	литер. Л	мар. Г	Диалекты с мягким согласным
*r	r'/p	r'/p	p	p	М МК (Кр У)
*s	s'/c	s'/c	c	c	М МК Кр Б У Я
*l	l'/l	l'/l	l	l	М МК В ЦЯ
*n	n'	n'	n	n'	М МК У Я Г

Таким образом, с точки зрения палатальности и палатализованности ряда согласных вопреки их твердости в современной литер. норме, буквари обнаруживают диалектные соответствия, указывающие всегда на малмыжский говор и его кильмезский подговор, в меньшей степени — на соседние уржумский и яранский говоры, на уровне единичных слов — красноуфимский, бирский, сернурский, волжский и горномарийский.

Интересно, что исторически палатальность согласных была, видимо, ярче выражена и в говорах лугового наречия. В частности, в тексте памятника марийской письменности «Начатки христианского учения» [Начатки 1841], диалектную основу которого составляет волжский говор лугового наречия, также достаточно систематически используется мягкий знак после согласных *p*, *l*, *c*, причем в тех же словах, что представлены в букварях, например: *ўдыр* ‘девочка, девушка’, *шўдыр* ‘звезда’, *эр* ‘утро’, *вер* ‘место’, *тёр* ‘прямой’, *нъл(ыт)* ‘четыре’, *пыл* ‘облако’, *тылзе* ‘месяц’, *налаш* ‘брат’, *илаш* ‘жить’, *вес(е)* ‘другой’. Также для орфографии этого памятника 1841 г. характерно систематическое замыкание мягким знаком слов, оканчивающихся на *-ш* (в том числе всех инфинитивов). См. [Ключева 2016]. Таким образом, памятники письменности лугового наречия XIX века (как и рукописи XVIII—XIX вв.), настойчиво указывающие на палатальность ряда согласных (особенно в ауслaute), вынуждают задаться вопросом, не является ли эта палатальность архаической чертой марийской фонетики, а не позднейшим развившимся в диалектах фонетическим явлением. Во всяком случае, даже если это явление вторичное, оно достаточно давнее и развилось в диалектах, по оценке Л. П. Грузова, приведенной выше, примерно в XVII—XVIII вв.

2. Отражение звонкости/глухости согласных

Ассимиляция по звонкости является общей закономерностью марийского языка: после сонант и в интервокальном положении глухие согласные, как правило, озвончаются [Грузов 1960: 120], хотя по

¹⁴ Обратный случай (твердое *н* ~ литер. *н'*) в заимствованной отрицательной частице (рус. *ни*), но с многочисленными дублетами с *н'*: *ньо* ‘ничего’ [Букварь 1873: 45], *ны мат* ‘ничего-ДЕМ’ [Букварь 1873: 18], но *ньо* [Букварь 1873: 23], *нимат* [Букварь 1873: 19, 34], *ни мат* [Букварь 1873: 27, 37], *нимамат* ‘ничего-АСС-ДЕМ’ [Букварь 1873: 24], *ньо-шамычат* ‘ничто-PL-ДЕМ’ [Букварь 1873: 33], *ни могая* ‘никакой’ [Букварь 1873: 16, 21, 38], *ни могаят* ‘никакой-ДЕМ’ [Букварь 1873: 23], *ни момат* [Букварь 1873: 38].

диалектам этот процесс выражен в различной степени. Литературная орфография двойко отражает это явление: где-то при письме сохраняются этимологические глухие (*т, ч*), а где-то им соответствуют звонкие пары (*т > д, к > г, ш > ж, п > в*).

Рассмотрим случаи расхождения в записи ряда слов в букварях и литер. норме по признаку глухой ~ звонкий.

2.1.1. *д* (1870) ~ *т* (1873) ~ литер. *т*

В позиции после л-

— *шолдэна* ‘сварим’ [УСОЧ 1870: 6], но *шолтэна* [Букварь 1873: 7] ~ литер. *шолтаиш*, мар. Г *шолтаиш*, диал. ЦЮ ВК В *šoldе-т* [Веке IV₇: 2427] < *шолаиш* + суф. *-т-* с каузативным значением;

— *колдэт* ‘выпустишь’ [УСОЧ 1870: 9, 11], *колдыза* ‘отпустите’ [Букварь 1873: 15], но *колтэн улут* ‘послали’ [Букварь 1873: 15], *каласен колтэн* ‘сказал’ [Букварь 1873: 11], *кочькын колтэн* ‘съел’ [Букварь 1873: 15], *кочькан колтан улут* ‘съели’ [Букварь 1873: 17], *кочкан колтэн улут* ‘съели’ [Букварь 1873: 18], *кочькан колтомангаиштат* ‘съев’ [Букварь 1873: 17] ~ литер., мар. Г *колтаиш* ‘слать’, диал. ЦЮ В ВК *kolде-т* [Веке IV₃: 849] < ? *колаиш* ‘умирать’ + суф. *-т-*;

— *кудалдэ* ‘оставь (прости)’ [УСОЧ 1870: 11], *кудалда* ‘оставит’ [УСОЧ 1870: 12], *кудалдемнаганякь* ‘как мы оставляем’ [УСОЧ 1870: 12], но *кудалтэ* ‘оставь’ [Букварь 1873: 24, 25], *кудалтэн* ‘оставив’ [Букварь 1873: 24, 31], *ок кудалтэ* ‘не оставит’ [Букварь 1873: 30], *кудалтэн огот ул улмаиш* ‘не оставили было’ [Букварь 1873: 32], *кудалта* ‘оставит’ [Букварь 1873: 34, 40] ~ литер. *кудалтаиш*, мар. Г *кыдалтаиш* ‘ставить в печь’, диал. ЦЮ *kudalde-т*, ВК *kødalde-т* [Веке IV₄: 989] < ПМар **kudalat* [Bereczki 2013: 83] ~ литер. *кудалаиш* ‘уходить, удаляться’ + суф. *-т-*;

(В данных глаголах имеет место переход суф. глаголов *-т-* > *-д-* вполне закономерный в положении после сонанты *-л-* перед гласной.)

— [*лудам*] *Датьяна* [УСОЧ 1870: 6], но *Татьяна* [Букварь 1873: 6] ~ *Татьяна* (имя, из русского). Здесь озвончение после сонанты *-т-* произошло на границе слов, что возможно в разговорной речи.

2.1.2. *д* (1873) ~ литер. *т*

— *волгалдары* ‘освети’ [Букварь 1873: 43, 44] ~ литер. *волгалтараиш*, мар. Г *валгалтараиш*, в диалектах у Беке везде *-т-* [Веке IV₁: 182] < ПМар **wolyǰǰz* [Bereczki 2013: 315] < ФВ (ФУ?) **walkz* [UEW: 554—555] + суф. *-тар-* тюркского происхождения;

В тюркских заимствованиях:

— *уммулдарен* [Букварь 1873: 20] ~ литер. *умылтараиш*, мар. Г *ынгылдараиш* < *умылаиш* ‘понимать’, мар. Г *ынгылаиш* + суф. *-тар-* < чув. *ялла-* ‘понимать’ [ЭСЧЯ, 1: 84];

— *йод* ‘чужие, иностранные’ [Букварь 1873: 15, 51] ~ литер. *йот*, мар. Г *ят*, в диалектах *-д* не фиксируется [Веке IV₂: 510] < тюрк. (ср. чув. *ют* [ЭСЧЯ, 2: 495]) (в конце закрытого слога и вообще перед следующим согласным *д* в марийском не может быть [Грузов 1965: 194]);

— *оралда* ‘двор, все хозяйство (все строения)’, *оралдам* ‘двор, хозяйство-АСС’ [УСОЧ 1870: 7; Букварь 1873: 8] ~ литер. *оралте*, мар. Г *ø* < тюрк. (ср. чув. *хуралтй, хоралтй* [ЭСЧЯ, 2: 364]).

2.1.3. *т* (1870) ~ *д* (1873) ~ литер. *д*

В позиции после м-, л- и в интервокале:

— *тунэмтэм-лан* ‘неученому’ [УСОЧ 1870: 9], но *тунемдэмлан* [Букварь 1873: 12] ~ литер. *тунемдымылан* ‘учить-АВЕ-РТСР.PASS=NMLZ-DAT’ < *тунемаиш* ‘учить(ся)’ + лишительный суф. *-де-* (< **-т-*) + суф. пассивного причастия *-т-* < ПМар **tunemat* [Галкин 1964: 32, Bereczki 2013: 287];

В тюркских заимствованиях:

— *олталаманга* ‘обманув’ [Букварь 1873: 8], *олталэн* ‘обманывая’ [Букварь 1873: 25, 32], *олталмаиш* ‘обман’ [Букварь 1873: 44, 50], но *ондала* ‘обманет’ [УСОЧ 1870: 6], *ондалэшиэ* ‘обманывающий’ [УСОЧ 1870: 10] ~ литер. *ондалаиш* ‘обманывать’, мар. Г *алталаиш*, диал. Кр Б М УП УС *oltale-т*, ЙТ¹⁵ УСя *otale-т*, ЙТ *olta-lem*, ЯО Т Г *alta-lem*, но ЦЮ *oldale-т*, ВК В *ondale-т*, [Веке IV₅: 1661] < тюрк. (ср. чув. *улта-*, *олтала* [ЭСЧЯ, 2: 279]);

— *шым и талыкам* ‘семь лет-АСС’ [Букварь 1873: 18] ~ литер. *идалык* ‘год’, мар. Г *идальык* < *ий* ‘год’ + *-далык* < тюрк. (ср. чув. *талйак* ‘сутки, мера времени’ [ЭСЧЯ, 2: 168—169]).

¹⁵ Здесь в словаре Беке указание УТ — вероятно, ошибка (должно быть ЛТ?)

Во всех приведенных примерах этимологически исходным является *t*, однако после сонантов *л*, *м* в разговорной речи происходит его озвончение (это вторичное явление для мар. языка [Грузов 1965: 197]).

В букваре 1873 г. встречается один пример с отражением чередования *t/d*, присутствующего и в современной литер. норме произношения [Грузов 1960: 123]. В слове вода (литер. *vjɔd*) — в многочисленных формах и производных этого слова пишется *-d* ~ литер. *d*, например: *vjɔdʒitə* ‘в воде’ [УСОЧ 1870: 12], *vjɔduʃita* [Букварь 1873: 27, 28], *vjɔduʃika* ‘в воду’ [Букварь 1873: 32], *vjɔdun* ‘вода-GEN’ [Букварь 1873: 34]. Такая же запись и в случаях реального глухового произношения в абсолютном конце слова и перед глухим согласным: *vjɔd* ‘вода’ [Букварь 1873: 17], *vjɔduʃa* ‘вода-POSS.3SG’ [Букварь 1873: 9], *vjɔduʃa* [УСОЧ 1870: 8] *vjɔduʃam* ‘вода-POSS.3SG-ACC’ [Букварь 1873: 16]. Но в одном случае записано *-t*: *vjɔtdəma* ‘сухой, без воды (вода-ABE-POSS.PASS)’ [Букварь 1873: 15] ~ литер. *ø*.

2.2.1. *к* ~ литер. *ç*

В позиции после согласной:

— *veskanak* ‘в другой раз’ [УСОЧ 1870: 6], *vesь канак* [Букварь 1873: 8, 50], *3-канак* ‘три раза’ [Букварь 1873: 42], но *кумганак* [УСОЧ 1870: 11] ~ литер. *ves гана*, *кум гана*¹⁶, диал. Кр Б М У ЦЮ ВК В *кана* ЁТ *ka-na*, ЯО Т *kä-nä*, Г *kä-nä* [Веке IV₃: 629] ~ чув. *кана* ‘некоторое количество, раз’ < булг. **känä* < ИЕ, ср. гуджарти *-gano* ‘кратный’ [Гордеев 1983: 225—226]; о чув. *кана* см. также [ЭСЧЯ, 1: 222], где под вопросом оно сопоставлено с др.-тюрк. *kenä* ‘вот’;

— *vjɔrь кечан* ‘в пятницу’ [Букварь 1873: 39, 40], ~ литер. *vjɔrgече* ‘пятница’, *кече* ‘день’, мар. Г *vjɔrgечй*, *кечй*, в диалектах в слове ‘пятница’ везде *-y* [Веке IV₁: 243] < ПМар **keç* [Bereczki 2013: 47];

— *дишке* ‘семья-СОМ’ [Букварь 1873: 19] ~ литер. *ешге* ‘с семьей’ < *еш* ‘семья’ ~ мар. Г *йиш* + суф. совместного падежа *-ye*. Об этом суффиксе, не имеющем прямых соответствий ни в финно-угорских, ни в тюркских языках см. [Галкин 1964: 30—31].

В данных примерах в букварях наблюдается этимологическое *к* против вторичного литер. *ç*, в который переходит звук *к*.

2.2.2. *ç* (1873) ~ литер. *к*

В позиции перед *-ш*:

— *шугш* ‘червь, черви’ [Букварь 1873: 28], *шугш-шамычам* ‘червь-PL-ACC’ [Букварь 1873: 28] ~ литер. и мар. Г *шукш* < ПМар **suks* [Bereczki 2013: 254], ср. в говорах Татарстана и Удмуртии: елабужское, мамадышское, кукм. *шугыш* и *шугуш*, кукм. *сугус*, мамадышское *шыгыш* [Вершинин 2011: 744], шиньшинское *шугыш* [НРФ МарНИИ, МФЭ-74 № 76, Тетрадь 2 (без нумерации страниц, последняя страница)].

Систематический переход *кш* > *гыш* (например, *укш* ‘сук’ > *угыш*, *мокиш* ‘печень’ > *могыш*, *пўкиш* ‘орех’ > *пўгыш* и пр.), а также аналогичное озвончение *тш* > *выш* со вставкой редуцированного гласного отмечается и в шоруньжинском говоре [Ефремов 1981: 63], который в силу непосредственной территориальной близости сел Шоруньжа и Шиньша, по сути тот же, что и в Шиньше. Можно условно назвать его шиньшинско-шоруньжинским. Подчеркнем, что с февраля 1871 года автор букварей Г. Яковлев жил в Шиньшинской волости, работал в селах Шиньша и Уньжа (старое название Шоруньжи).

2.3.1. *б* (1873) ~ литер. *п*

В позиции перед *-ш*:

— *лубшам* ‘роса-ACC’ [Букварь 1873: 27], *лубшан* ‘роса-GEN’ [Букварь 1873: 34] ~ литер. *лупс* ‘роса’, мар. Г *лышш*, диал. везде *-p*: Кр Б МК У *lupš*, М МК *lups*, В ВК ВИ *lūps*, ЯП ЯО ЁТ Т *lūpš*, Г *lāpš* < ПМар **lupš* [Bereczki 2013: 127];

— *шубшон* ‘тянуть-СВВ’ [Букварь 1873: 47] ~ литер. *шупшаш*, мар. Г *шышаш*, в диалектах везде *-p* либо *-pʰ* [Веке IV₇: 2553].

Как видим, в словаре Беке звонкость согласного перед *ш* не подтверждается в диалектах, однако в более поздних диалектологических исследованиях находим к слову *лупс* ‘роса’ соответствия в марийских говорах Татарстана и Удмуртии: кукм. *лувыс^m*, елабужское *лувыс*, *лувыш* (в Кизнерском районе Удмуртии), *лывыш* (в Мамадышском районе Татарстана) [Вершинин 2011: 300], а также, как отмечено выше и особенно важно, в шоруньжинском говоре, в ареале которого и создавалась вторая редакция букваря, например: *увыш* ~ литер. *упш* ‘шапка’, *ўвыш* ~ литер. *ўтш* ‘запах’ [Ефремов 1981: 63].

¹⁶ Но литер. *икана* ‘один раз’ ~ *иканак* ‘один раз’ [УСОЧ 1870: 6], *ик канак* [Букварь 1873: 8, 50].

Отражение звонкого согласного, соответствующего *n*, буквой *б* вместо литер. *в* встречается в букварях достаточно часто, и эти случаи специально будут рассмотрены ниже — в параграфе 3.2.

2.3.2. *n* ~ литер. *в*

— *олма ну* [УСОЧ 1870: 7; Букварь 1873: 9] ~ литер. и мар. Г *олмаву*, диал. Б М МК УП *олма-рӯ*, ЯО *алма-рӯ* [Веке IV₅: 1658] < *олма* ‘дерево’ (< тюрк.) + *ну* ‘дерево (материал), дрова’ < ПМар **пу* [Bereczki 2013: 198], т. е. здесь в букварях сохраняется этимологическое *n* против литер. вторичного *в*;

2.3.3. *n* (1870) ~ *б* (1873) ~ литер. *в*

— *чодра-поктэн* ‘рядом с лесом’ [УСОЧ 1870: 8], но *чодра-бактэн* [Букварь 1873: 10] ~ литер. *воктен*, мар. Г *воктен*, во всех диалектах, согласно Веке, *β*-: Кр Б М УП ВК В *βокте-н*, Я Й Т Г *βок-kten*, ЦЯ ЦЮ *βокте-не* [Веке IV₁: 172] < ? *вокт-* + суф. суц. ~ эрз. *ваксс*, мокш. *ваксса*, удм. *вõз-*, *вõзам* ‘возле меня’, коми *бокõ*, хант. *ваннэ*, *патьянэ* < ФВ **вакс-* ‘бок; то, что находится рядом’ < индоиранское наследие в финно-угорских языках или иранское проникновение, по версии Ф. И. Гордеева; с другой стороны, согласно Б. А. Серебренникову и Т. Е. Уотиле — от рус. *бок* [Гордеев 1983: 132]. (Ср. в диалектах соответствия послелого *пелне* ~ *велне* ‘в стороне’ [Веке IV₆: 1797].)

2.4.1. *ж/ш* (1873) ~ литер. *ш*:

В позиции сочетания согласных:

— *кыжкэ* ‘змея’ [УСОЧ 1870: 5], *кыжкэм* ‘змея-АСС’ [УСОЧ 1870: 5], но *кышкэ* [Букварь 1873: 5], *кышке* [Букварь 1873: 6], *кышкем* ‘змея-АСС’ ~ литер. *кишке* ‘змея’, мар. Г *кышкы*, в диалектах у Беке везде *-š-* < ПМар **ki-škz* [Bereczki 2013: 64];

— *ажныктарен* ‘приучил’ [Букварь 1873: 32], но *ашина* ‘держит’ [УСОЧ 1870: 8; Букварь 1873: 7] и в др. многочисленных формах этого глагола и причастий от него в обоих букварях *-ш-*, например: *ашнэм* ‘домашний, прирученный’ [УСОЧ 1870: 5], *ашнемо* [Букварь 1873: 5], *ашинама* [Букварь 1873: 51] и пр. ~ лит *ашинаш*, мар. Г *ашнаш* ‘держат’ > *ашныктараш* ‘держат-САУС-ИТЕР’, в диалектах везде *-š-* [Веке IV₁: 77] < ? тюрк., ср. чув. *ас* ‘память’.

2.4.2. *ш/ж* (1873) ~ литер. *ж*

В позиции сочетания согласных:

— *илиштараша* ‘оживляющий (животворящий)’ [Букварь 1873: 49] ~ литер. *ылыжстарыше*, мар. Г *ылыжстяршы* < литер. *ылыжстараш*, мар. Г *ылыжстярш* ‘оживлять’, но *илижь* [редуц. от литер. *ылыжсын* ~ мар. Г *ылыжсын*] ‘ожив’ в составных глагольных формах [Букварь 1873: 29, 30, 39, 49, 50] < *ылыжаш* ‘оживать’, мар. Г *ылыжаш* (+ суф. *-тар-*) < *лаш* ‘жить’ + суф. *-ăž* < домар. *-*s'e*, др.-мар. **že* [Галкин 1966: 87—88];

2.4.3. *ш* (1870) ~ литер. *ж*

В интервокале:

— *ушкышем* ‘бык-АСС’ [УСОЧ 1870: 13] ~ литер. *ушкыж*, мар. Г *ушкыж*, в диалектах у Беке везде *-ž* [Веке IV₉: 3322] < ПМар **uškaž* ‘бык’ [Bereczki 1992: 84].

Литературному *ч* в букварях иногда соответствует буква *ж* (~ мар. Г *ж/з*) или *з* (~ мар. Г *з*), но почти все эти случаи приходятся на первую редакцию букваря и исправлены во второй. В тексте, который дообавлен в расширенной версии 1873 г., ненормативное *ж*, *з* уже не встречается (везде литер. *ч*)¹⁷.

2.5.1. *ж* (1870) ~ *ч* (*жс*) (1873) ~ литер. *ч* [*дж/джс*] ~ мар. Г *жс*:

В позиции после *n*-:

— *онжаш* ‘смотреть’ [УСОЧ 1870: 5] [Букварь 1873: 5], *онжа* ‘смотри’ [УСОЧ 1870: 6; Букварь 1873: 8], *ок-онжеш* ‘не смотрят’ [УСОЧ 1870: 8], *огот онжо* ‘то же’ [Букварь 1873: 9], но *ончыкташ* ‘показать’ [Букварь 1873: 15], *ончэн* ‘смотреть-СВВ’ [Букварь 1873: 27], *ончен* ‘то же’ [Букварь 1873: 25, 27-34, 40], *ончедэ* ‘не глядя’

¹⁷ Вместе с тем озвончение *ч* после *n*, *n'* отмечается в шоруньжинском говоре [Ефремов 1981: 63], в ареале которого создавался букварь 1873 года.

[Букварь 1873: 25] и др. многочисленные формы от глагола *ончаиш* ‘смотреть’ с -ч-: *ончама, ончажа, ончомашет, ончена, инже ончал, ончат* [Букварь 1873: 28—51] ~ литер. *ончаиш* ‘смотреть’ [он’дж’аш], истор. *ондчжэмь, онжэмь* (1785) [Сергеев 2003: 441], мар. Г *анжаиш*, диал. Кр БЯп МК У ЦЮ ВК В *о́н,д́же-т*, Б М *ан,д́же-т*, ЫТ *о-н,ДZет*, ЯО *а-н,дзем*, Т *à-н,ДZет*, Г *а-н,д́зем* [Beke IV₅: 1676] < *онжЕ- [БД: 99] < ФП *а́нчз- [UEW: 607];

2.5.2. ж (1870) ~ жс (1873) ~ литер. ч [дж/дж’] ~ мар. Г жс:

В позиции после н-:

— *ит кинже* [УСОЧ 1870: 8], *ит кунже* ‘не рой’ [Букварь 1873: 11] ~ литер. *ит кунчө*, мар. Г ø, истор. *кюндчжэмь* (1775), *куньжэмь* (1785), диал. Кр Б МК У ЦЮ ВК *кун́жет*, Б М *künžet*, ЫТ Т *künžet*, ЯО *könžet* < ПМар **künžet* [Bereczki 2013: 100].

2.5.3. ж (1870) ~ ч (1873) ~ литер. ч ~ мар. Г з:

В позиции после н-:

— *онжална* ‘перед’ [УСОЧ 1870: 7, с. 10], *онжеко* ‘вперед’ [УСОЧ 1870: 6, с. 8], *онжека* [Букварь 1873: 7], но *ончална* [Букварь 1873: 9, 15, 16, 20, 24], *ончеклан* ‘наперед (на будущее)’ [Букварь 1873: 10], *ончалан* ‘перед’ [Букварь 1873: 41], *ончална* ‘перед’ [Букварь 1873: 41, 47], *ончелнэт* ‘перед-POSS.2SG’ [Букварь 1873: 45, 47], *ончачен* ‘сначала’ [Букварь 1873: 47], *ончакет* ‘вперед-POSS.2SG’ [Букварь 1873: 50] ~ литер. *ончылно, ончыко*, мар. Г *анзылны, анзыкы*, истор. *ондзолно* (1775), диал. Кр Б М ЦЯ ЦЮ *о́н,д́лно*, УП *о́н,д́лнә*, ЫТ *онзълно*, ЯО Т Г *анзълнә* < ПМар **о́нчл* [Bereczki 2013: 174] ~ литер. *ончыл*, мар. Г *анзыл*, диал. Кр Б М У ЦЮ ВК В *ò-н,д́зъл*, МК *ò-н,д́зъл*, ЫТ *ò-н,ДZъл*, ЯО Т Г *à-н,д́зъл*, Т *à-н,ДZъл* [Beke IV₅: 1681].

2.5.4. з (1870) ~ ч (1873) ~ литер. ч ~ мар. Г з:

В позиции после н-:

— *тинза*¹⁸ ‘глаза’ [УСОЧ 1870: 8], но *шинча* [Букварь 1873: 9] ~ литер. *шинча*, мар. Г *сб́нзә*, истор. *шиндза* (1775), *шинза* (1785), диал. Кр Б У ЦЮ *ш́н,д́за*, М *ш́н,д́зә*, ВК В *ш́н,д́за*, ЫТ *ш́н,д́за*, ЯП ЯО Т ГШ *ш́н,д́зә*, Г *ш́н,д́зә* < ПМар **ш́н-д́за* **ш́н-д́зә* [Bereczki 2013: 234];

— *шиза*¹⁹ ‘знает’ [УСОЧ 1870: 8], но *шинча* [Букварь 1873: 10], *шинчен* ‘узнав’ [Букварь 1873: 25], *шинчиша* ‘знающий’ [Букварь 1873: 25], *шинчэм* ‘знаю’ [Букварь 1873: 46], *шинчиде* ‘не зная’ [Букварь 1873: 44], *шинчидэмо* ‘незнаемое’ [Букварь 1873: 25] ~ литер. *шинчаиш*, мар. Г *сб́нзәиш*, диал. Кр Б М У ЦЮ *ш́н,д́же-т*, ВК В *ш́н,д́же-т*, ЫТ *ш́н,ДZет*, ЯО ГШ *ш́н,д́зем*, Т *ш́н,ДZет*, ГА ГЕ *ш́н,д́зем* [Beke IV₇: 2392] < ПМар см. выше (корень слова *шинчаиш* ‘знать’ ~ *шинча* ‘глаз’).

Картину дополняет пример *кютүза* ‘пастух’ [Букварь 1873: 12] ~ лит. *күтүчө*, мар. Г *кб́төзб́*, диал.: Кр Б М ВК В *kütüzö*, ЦЮ *kütüzö*, ЫТ *kü-tüzö* [Beke IV₄: 1141], который должен рассматриваться уже не столько в контексте соответствия звонкого и глухого согласного, сколько в контексте заимствования словообразовательного суффикса в этом слове (от *күтү* ‘стадо’) из тюркских языков: суффикс *-зе* является, скорее всего, заимствованием из чувашского, а *-че* (как его фонетический вариант) — из татарского [Галкин 1966: 27—29; 51].

В целом, в парах глухих/звонких согласных (*т — д, к — г, п — в, ш — ж, ч — ж/з*) в букварях наблюдаются перекрестные расхождения с записью в литер. норме, т. е. и озвончение вопреки сохранению глухового согласного в литер. норме, и, напротив, сохранение этимологического глухого согласного вопреки записи звонкого в литературной норме. Последнее явление выражено несколько сильнее, особенно во второй редакции букваря. В диалектах озвончение наиболее развито в волжском и моркинском диалектах лугового наречия [Грузов 1965: 199]. Особенно это касается соответствия *д* (волжский и моркинский диалект) / *т* (другие говоры). С другой стороны, в целом ряде говоров (например, в сернурском — в речи мари Сернурского и Ново-Торьяльского р-на) *-т-* после *-л-* не подвергается озвончению, см.: *шолтаиш* ‘варить’, *колтаиш* ‘бросить’, *нултаиш* ‘грызть’ [Грузов 1960: 120]. Менее выражено озвончение этимологически глухих согласных в восточных диалектах (малмыжском, кильмезском, говорах Татарстана и Удмуртии).

¹⁸ В этом слове (*тинза* ~ литер. *шинча*), по-видимому, опечатка в первой букве: *т* вместо *ш* (во второй редакции исправлено).

¹⁹ В этом слове (*шиза* ~ литер. *шинча*) еще и пропуск согласной *н* (видимо, опечатка).

3. Специфика отражения отдельных звуков

3.1.1. *ø* ~ литер. *й*

В абсолютном конце слова:

— *ни* ‘лыко’ [УСОЧ 1870: 7; Букварь 1873: 8] ~ литер. *ний*, мар. Г *ни*, истор. *ни* (1775), *ни* (1785), диал. ЦЯ ЦЮ ЙТ *ni*, УП ВК В ЯО ЯП Т Г *ni*, но Кр Б М МК *nij* < ПМар **nij* [Bereczki 2013: 161];

— *и* ‘год’ [Букварь 1873: 11, 17—19] ~ литер. *ий*, мар. Г *и*, истор. *и* (1775), *ие* (1785), диал. У ЦЮ ВК В Я Й Т Г *i*, но Кр Б М *ij* < ПМар **ij* [Bereczki 2013: 21];

— *кю* ‘камень’ [Букварь 1873: 44] ~ литер. *күй*, мар. Г *кү*, истор. *кю* (1775, 1785), диал. У ЦЮ ВК В Я Й Т Г *kü*, но Кр Б М *kij* < ПМар **kij* [Bereczki 2013: 98];

— *ли* ‘будь’ [УСОЧ 1870: 4; Букварь 1873: 4] ~ литер. *лий*, мар. Г *ли*, *ок-ли* ‘нельзя’ [УСОЧ 1870: 8] [Букварь 1873: 10] ~ литер. *ок лий*, мар. Г *ак ли*, *лина* ‘будем’ [УСОЧ 1870: 4; Букварь 1873: 4] ~ литер. *лийына*, мар. Г *лина*, *ит-ли* ‘не будь’ [УСОЧ 1870: 10] ~ литер. *ит лий*, мар. Г *ит ли*, *лиже* ‘пусть будет’ [УСОЧ 1870: 10] ~ литер. *лийже*, мар. Г *лижэ*, *инэит-ли* ‘пусть не будут’ [УСОЧ 1870: 12] ~ литер. *ынышит лий*, мар. Г *ынжэшитэ лизэ* < литер. *лияш* ‘быть’, мар. Г *лиаш*, диал. У ЦЮ ВК В ЙТ *liam*, ЯО Т Г *liät*, но Кр Б *lijat*, М *lijät* < ПМар **liam* [Bereczki 2013: 114];

— *мю* ‘мед’ [УСОЧ 1870: 3] [Букварь 1873: 3] ~ литер. *мүй*, мар. Г *мү*, *мюм* ‘мед-АСС’ [УСОЧ 1870: 4] ~ литер. *мүйым*, но разг. *мүм*, мар. Г *мүм* ~ диал. У ВК ЦЮ В Я Й Т Г *mü*, Кр Б М *mij* < ПМар **mij* [Bereczki 2013: 154];

— *үм* ‘масло-АСС’ [УСОЧ 1870: 4; Букварь 1873: 4, 39] ~ литер. *үйым*, но разг. *үм*, мар. Г *үм* < литер. *үй* ‘масло-НОМ’, мар. Г *ү*, диал. У ЦЯ ЙТ Г *ü*, но Кр Б БЯп М ММ МК *ij* < ПМар **ij* [Bereczki 2013: 303];

— *шюм* ‘шея-АСС’ [УСОЧ 1870: 4] ~ литер. *шүйым*, мар. Г *шүм* < литер. *шүй* ‘шея-НОМ’, мар. Г *шү*, истор. *шю* (1775), диал. У ЦЮ ВК В Я Й Т Г *šü*, но Кр Б М МК *šij* < ПМар **šij* [Bereczki 2013: 263];

— *ви* ‘сила’ [Букварь 1873: 37], *вим* ‘сила-АСС’ [Букварь 1873: 26, 37, 44, 47, 51], *вижам* ‘сила-POSS.3SG-АСС’ [Букварь 1873: 41] ~ литер. *вий*, мар. Г *ви*, истор. *ви* (1775), *ви* (1785), диал. У ЦЮ ВК В Я Й Т *wi*, но Кр Б М *wij*, У ЦЮ ВК В Я Й Т *wi* < ПМар **wij* [Bereczki 2013: 312];

— *марижат* ‘муж-POSS.3SG-DEM’ [Букварь 1873: 16], *мари-шамычлан* ‘мари-PL-DAT’ [Букварь 1873: 33] ~ литер. *марий*, мар. Г *мары*, диал. ЦЯ ЦЮ ВК В *marì*, УП УСя *mare*, ЙТ ЯО ЯП Т *mare*, Г *mà-rê*, но Кр Б М *mari-j*, МК *marì-j* [Веке IV₂: 1411] < иран. (ср. осетин. *tard*, перс. *murda* ‘мертвый’ [ИЭСОЯ, 2: 72]) > ‘смертный’).

В разговорной речи *й* после гласных *и*, *й*, в том числе и в абсолютном конце слова, в большинстве диалектов не произносится [Грузов 1965: 208]. Этому соответствует горномарийская литер. орфография, и, как видим по приведенным выше примерам, запись в рассматриваемых букварях 1870-х гг. В памятнике письменности лугового наречия «Начатки христианского учения» (1841) данные слова (*вий* ‘сила’, *ий* ‘год’, *күй* ‘камень’, *мүй* ‘мед’, *марий* ‘мари’, *лий* ‘будь’) также систематически записываются без конечного *й*, см. [Ключева 2016]. Отсюда с осторожностью заметим, что правомерность *й* (а не ноль звука в ауслауте) в реконструкции праформы этих слов, по Берецки, нуждается в дополнительной проверке²⁰.

3.1.2. *ð* (1870) ~ *й* (1873) ~ литер. *й*

В начале слова:

(все случаи — в тюркизмах и словах с неясной этимологией):

— *дэн* ‘человек’ [УСОЧ 1870: 4 и далее], но *йын* [Букварь 1873: 4 и далее] ~ литер. *ен*, мар. Г литер. *ø*, диал. Кр Б М МК *d'è-η*, ЦЮ *d'è-η*, ВК В *d'è-η*, ЙТ Т *d'è-η*, но ЦЯ *jè-η*, УС *jè-η*, Б УП УСя ЯО *jè-η*, ГЕ *jä-η^s*, ГА *jä-ηg* [Веке IV₂: 393] < чув. *сын* ‘человек, люди, народ, общество’ [ЭСЧЯ, 2: 153];

— *дэнгай* ‘невестка’ [УСОЧ 1870: 4], но *енгай* [Букварь 1873: 4] ~ литер. *енгай*, мар. Г *енгä*, диал. Кр МК *d'engä*, М *d'engä*, ЙТ *d'jenGä*, Т *d'je-ηgä*, но Б *jenğa*, УП *jingä*, ЦЯ *jηga*, УСя УС *ingä*, ЯО Г *je-ηgä* [Веке IV₂: 395] < тюрк. (ср. чув. *инке* [ЭСЧЯ, 1: 168]);

²⁰ Обратное явление — «вставка» *й*, а точнее сохранение в формах аккузатива конечного *й* номинатива, выпадающего в разговорной речи и в литературной орфографии:

— *мый-ланэт* ‘тебе’ [УСОЧ 1870: 12], *мыйланэт* ‘тебе’ [УСОЧ 1870: 13; Букварь 1873: 7, 14, 20, 21, 23, 33, 37, 41, 50, 51], *мыйланет* [Букварь 1873: 43] ~ литер. *тыланет*, мар. Г *тблänет* < *мый* ‘ты’, мар. Г *тбнь* < ПМар **ti-ñz* ‘ты’ [Bereczki 2013: 274];

— *мыйланэм* ‘мне’ [Букварь 1873: 44, 45, 47, 50], *мыйланем* [Букварь 1873: 45, 47], *мыйланэмат* ‘и мне’ [Букварь 1873: 46], но *меланэм* [УСОЧ 1870: 8; Букварь 1873: 9] ~ литер. *мыланем*, мар. Г *тблänем* < *мый* ‘я’, мар. Г *тбнь* < ПМар **tiñz* [Bereczki 2013: 140].

— *дишам* ‘семья-АСС’ [УСОЧ 1870: 8; Букварь 1873: 9], *дишке* ‘семья-СОМ’ [Букварь 1873: 19] ~ литер. *еш*, мар. Г *йиш*, диал. Кр М МК *d'e-š*, ЙТ *^djə-š*, ЦЮ *d'ə-š*, ВК В *^dji-š*, Т *^djə-š*, ГА *^dji-š* < ? (ср. чув. *йиш* ‘количество; группа; семья’, удм. *эшто, эшко* ‘коллективно, семейно’);

— *дидэ* ‘каждый (послелог)’ [Букварь 1873: 21, 27, 33], *дидэат* ‘и каждый’ [Букварь 1873: 21], *дидэак* ‘каждый-ДЕМ’ [Букварь 1873: 36] ~ литер. *еда*, мар. Г *ййде*, диал. Кр *d'əде*, ЙЧ ЙТ *^djə-де*, ГШ *djə-де*, БЯп *d'əдä*, ЦЮ *d'əда*, В ВК *^dједа*, но Б *једä*, мар. Г *јə-де* [Веке IV₂: 405] < ? (ср. удм. *быдэ*).

Поскольку «в начале слова *й* имеет шумный оттенок, в свердловском, мишкинском, йошкар-олинском, малмыжском, моркинском, пектубаевском, пижанском говорах, как в диалектах удмуртского языка, выступает *д'*, по характеру среднеязычного образования» [Грузов 1965: 208]. Отметим, что это же явление, согласно приведенным выше примерам, наблюдается в волжском говоре, отчасти в северо-западном и даже местами в горном наречии. (Правда, в волжском, йошкар-олинском, тоншаевском говорах Беке отмечает звук, в который переходит *й* как твердый (*d*), а в горном соответствующая запись имеет вид *^dj*.) Переход начального *й* в *д'* наблюдается и в подговорах моркинско-сернурского говора: шиньшинском, шоруньжинском, параньгинском, коркатовском, части Куженерского р-на [МСГМЯ 2012: 64—65].

Таким образом, в первой редакции букваря (1870 г.) последовательно отражается фонетический переход *й* > *д'*, а в 1873 г. слова *ен* ‘человек’ и *енгай* ‘невестка’ имеют вид, соответствующий фонетике сернурского и уржумского диалектов, где переход *й* > *д'* (*d*) Беке не зафиксирован.

3.1.3. *н'* (1870) ~ *й* (1873) ~ литер. *й*:

В абсолютном конце слова в литературном языке, но в интервокале в Букварях:

— *ганя* ‘как’ [УСОЧ 1870: 8], *ганякь* ‘как-ДЕМ’ [УСОЧ 1870: 11], но *гая* [Букварь 1873: 10, 22, 28, 29, 32, 36, 40, 41, 44, 49], *гаяк* [Букварь 1873: 17, 21, 22, 23, 27, 28, 32, 33, 34, 41, 42, 43, 49], *гаям* ‘как-АСС’ [Букварь 1873: 28] ~ литер. *гай*, *гае*, мар. Г *гане*, диал. Кр Б М *каñе, кяñе*, УП *ка-ñä*, ЯО Г *ка-ñä*, Т *ка-ñäk*, но ЦЯ ЦЮ *каje* < ? : 1) ср. удм. *кадь*, коми *кодь*, ОПерм. **kod'*, мокш. *кодяма* ‘как, вроде, наподобие (ср. послелог)’ [КЭСК 1970: 127], 2) ср. тат. *гүя, гүяки* ‘как будто, будто бы, якобы; словно, точно’ < араб. (версия Г. И. Лаврентьева); 3) ср. осетин. *хуызän* ‘подобный, похожий’, *хузэз* ‘вид, образ’ (предположение Ф. И. Гордеева) [Гордеев 1983: 222—223];

в этом же лексическом элементе в сложных словах:

— *моганя* ‘какой’ [УСОЧ 1870: 9, 11], *могане* [УСОЧ 1870: 12], но *могая* [Букварь 1873: 11, 23, 25, 35, 42] *ни могая* ‘никакой’ [Букварь 1873: 16, 21, 38], *ни могаят* ‘и никакой’ [Букварь 1873: 33] ~ литер. *могай*, *могае*, мар. Г *махань(ы)*;

— *тугеня* ‘такой’ [УСОЧ 1870: 9], но *тугая* [Букварь 1873: 11] ~ литер. *тугай*, *тугае*, мар. Г *техень(ы)*.

Как видим, относительно записи форманта *-гане* (*-кане*) наблюдается четкое редактирование букваря: в 1870 г. он отражает *н'* ~ литер. *й*, что соответствует большинству говоров всех наречий мар. языка, а также исторической фиксации в памятнике марийской письменности лугового наречия «Начатки христианского учения» (1841 г.), а в 1873 г. все случаи использования данного форманта записаны через *-й-*, как лишь в сернурском говоре лугового наречия. Хотя и в этом говоре спорадически *-гай* ~ *-ган'* встречается [Иванов 1981: 32].

3.2.1. *б* ~ литер. *в*

В интервокале и после *p-*:

В марийском языке звуки *б* и *в* фонематически неразличимы, это губно-губный плоско-щелевой звонкий согласный, слабовоздушный, очень сонантизированный [Грузов 1960: 98]. Сразу отметим, что в диалектах у Беке во всех случаях, которые приводятся ниже, рассматриваемый согласный отражается как *β*:

— *икшиба* [Букварь 1873: 9] ‘ребенок, дети’, *икшыбе* [Букварь 1873: 10], но *икшыва-шамычам* ‘ребенок-PL-АСС’ [УСОЧ 1870: 7], *икшыве-шамычем* [УСОЧ 1870: 8] ~ литер. *икшыве*, мар. Г *икшывы* < сложное слово: *иге* ‘детеныш’ + ПМар **šywo* ~ *-y-* [БД: 3608];

— *тэбе* ‘вот’ [Букварь 1873: 33, 36] ~ литер. и мар. Г *теве* < **tä* (~ **te* ~ **ti* ‘это’) + *-we* ~ фин. *-pa/-pä* (усилительная частица) [Bereczki 2013: 276], иначе: суф. *-ве* < *вел* ‘сторона’ [Галкин 1964: 187];

— *шабальтэн* ‘окропив’ [Букварь 1873: 47] ~ литер. *шавалташ*, мар. Г *шäwältäш* < тюрк. (ср. чув. *сап-* ‘рассеивать’ [ЭСЧЯ, 2: 12]);

— *ыбиртэ* ‘радуясь’ [УСОЧ 1870: 10], *ыбыртэн* ‘радуясь’ [Букварь 1873: 19] ~ литер. *йывырташ*, мар. Г *ййывыртäш* < тюрк. (ср. чув. *хёпёрте*);

— *сабурнат* ‘повернуться’ [Букварь 1873: 48] ~ литер. *савырнаш*, мар. Г *сäräш* < тюрк. (ср. чув. *савър-* [ЭСЧЯ, 2: 80]);

— *сѳрбалэн* ‘молясь, умоляя’ [Букварь 1873: 20], *сѳрбалы* ‘моли, молись’ [Букварь 1873: 21], *сѳрбалэ* ‘то же’ [Букварь 1873: 21], *сѳрбалаш* ‘молить(ся)’ [Букварь 1873: 36], *сѳрбалмаштэ* ‘в молитве’ [Букварь 1873: 36] ~ литер. *сѳрвалаш*, мар. Г *сѳрйш* ‘просить’ < тюрк. (чув. *сьорась*- [ЭСЧЯ, 2: 141—142]);

— *абяштан* ‘мать-POSS.3PL-GEN’ [Букварь 1873: 21], *абатлан* ‘мать-POSS.2SG-DAT’ [Букварь 1873: 21], *абят* ‘мать-POSS.2SG’ [Букварь 1873: 21], *Абятан* ‘мать-POSS.2SG-GEN’ [Букварь 1873: 36] и везде аналогично в букваре 1873 г., но в букваре 1870 г. везде *в* ~ литер. *в*, например: *аватын* ‘мать-POSS.2SG-GEN’ [УСОЧ 1870: 11] ~ литер. *ава*, мар. Г *авй* ~ чув. *апай* [ЭСЧЯ, 1: 51];

— *чебер* ‘прекрасный’ [Букварь 1873: 13 и везде далее] ~ литер. *чевер*, мар. Г *цевер* < тюрк. (ср. тат. *чибэр*, чув. *чипер* [Исанбаев 1994: 178]);

— *бактэн* ‘рядом, возле’ [Букварь 1873: 10], но *чодра-поктэн* ‘возле леса’ [УСОЧ 1870: 8] ~ литер., мар. Г *воктен* (версии этимологии см. выше, в п. 2).

Отражение звука *в* как *б* в букваре 1873 года фиксирует некоторые считающиеся вторичными процессы в разговорной речи, когда заимствованный звук *б* в некоторых словах вытесняет исконный *в*. В частности, такое наблюдается в современном развитии кильмезского диалекта, отчасти — моркинско-сернурского [Ключева 2017], характерно для восточных диалектов уже по фиксациям начала XX века, например: *сѳрбэлэм* ‘прошу, умоляю’ ~ литер. *сѳрвалаш* [Васильев 1926: 192]. В шоруньжинском говоре билабильный смычный *б* систематически выступает вместо губно-губного щелевого *в* в начале слова, например: *бургим* ~ литер. *вургем* ‘одежда’, *бур* ~ литер. *вур* ‘кровь’, *буй* ~ литер. *вуй* ‘голова’, *багыш* ~ литер. *ваки* ‘мельница’ и т. д. [Ефремов 1981: 63]. То же — в начале слова в елабужском говоре [Исанбаев 1964: 69]. Заметим, что и в достаточно раннем памятнике марийской письменности лугового наречия — «Начатках христианского учения» (1841 г.), диалектную основу которого составляет волжский говор — наблюдается отражение литер. *в* как *б*, причем в тех же словах, что и в букварях (*сѳрвалаш* ‘умолять’, *ава* ‘мать’, *йывырташ* ‘радоваться’, *икшыве* ‘ребенок’, *теве* ‘вот’), см. [Ключева 2016]. Учитывая, что практически все приведенные по исследуемым букварям примеры — тюркские заимствования, по-видимому, произношение именно *б* (а не *в*) фонетически просто ближе к тюркскому оригиналу (ср., например, мар. литер. *чевер* ~ тат. *чибэр*).

3.2.2. *ѳ* (1870) ~ *з* (1873) ~ литер. *в* ~ мар. Г *ѳ*:

В интервокале:

— *аулошко* ‘в деревню’ [УСОЧ 1870: 5, 6], но *агулошко* [Букварь 1873: 6], *агулошка* [Букварь 1873: 6] ~ литер. *авыл*, мар. Г *ал* [Исанбаев 1994: 23], диал. Кр *ацл*, БЯ БЯп ВК *ауи-л*, ЙТ *а-уил*, В *а:βэл*, *ави-л* [Веке IV₁: 29] < тюрк. (ср. тат. *авыл*).

3.2.3. *в* (1870) ~ *з* (1873) ~ литер. *в* ~ мар. Г *ѳ*:

В интервокале:

— *агура* ‘окружает, заслоняет (здесь ‘сохраняет’)’ [Букварь 1873: 9], но *авура* [УСОЧ 1870: 7] ~ литер. *авыраш*, мар. Г *арйш*, диал. БЯп ВК *агуре-т*, ЙТ *ауи-рет*, но ЦЮ В *авэре-т*, Б М У В *авре-т*, Кр Б ВК *авуре-т*, ЯО Т Г *а-рет* [Веке IV₁: 22] < тюрк. (ср. чув. *авар* [Грузов 1965: 220], ср. также чув. *авър* ‘стебель, прут’ < др.-тюрк. *eg-* ‘сгибать’ [ЭСЧЯ, 1: 27]).

Соответствия *з* ~ литер. *в* отмечаются для тюркизмов в разных словах в разных говорах марийского языка (пижанском, малмыжском, волжском, моркинском, йошкар-олинском, мар. СЗ, мар. Г и пр.) [Грузов 1965: 220]²¹. Первичным, согласно Веке, является заднеязычный звук, но Грузов отмечает, что для чувашских заимствований — часто *в*, как в данном примере (*авыраш* ~ *агураш*). Причем причиной перехода *в* > *з*, согласно его объяснению, является соседство с гласными заднего ряда. Однако, заметим, что для марийского слова *авыраш* (диал. *агураш*) чув. соответствие *в*, но др.-тюрк. *g*, что может указывать на иной более древний тюркский источник заимствования в марийский. И тогда в форме *агура* (в букваре) обнаруживается этимологически первичный *з* против вторичного литер. *в*. При этом в мар. Г в обоих случаях с ненормативным отражением *в* в букварях имеет место ноль звука.

3.3.1. *н* ~ литер. *нг* ~ мар. Г *нг*:

— *копшанга-шамычлан* ‘жук-PL-DAT’ [Букварь 1873: 28] ~ литер. *копшанге* ‘жук’, мар. Г *катиангы*, диал. Б *коршанге*, ЦЯ ЦЮ ВК В *кор^фшанге*, УП УСя *кор^фша-нгэ*, ЙТ *корша-нГе*, ЯО Г *кар^фша-нгэ*, Т *кар^фша-нГэ* [Веке IV₃: 875] < ? (~ чув. *катианкя* ‘насекомое’);

²¹ Бывают и обратные соответствия: диал. *в* ~ литер. *з*, что отражает то же фонетическое явление флуктуации *в/з* в марийских диалектах.

— *мӧнэш* ‘обратно’ [Букварь 1873: 19], *мӧнеш* [Букварь 1873: 26], *мӧнешак* ‘обратно-ДЕМ’ [Букварь 1873: 29] ~ литер. *мӧнгеш*, мар. Г *ø*, истор. *мӧнгю* (1775), *мюнгешь* (1785), диал. Кр Б М ЦЯ ЦЮ ВК В *тӧнгӧ*, МК *тӧнго*, УП *тӧнгӧ*, ЙТ *тӧнгӧ*, ЯО *тӧнгӧ* < ПМар **tingz* [Bereczki 2013: 146]).

3.3.2. н ~ литер. н ~ мар. Г н:

— *Озан* ‘Казань’ [Букварь 1873: 40] ~ литер. *Озан* ~ мар. Г устар. *Азан*, *Хазан* < тюрк. (ср. чув. *Хусан*, тат. *Казан*, др.-чув. **Хазан*, согласно Паасонену (с древнейшим конечным -н) [ЭСЧЯ, 2: 369]).

3.3.3. нг/н ~ литер. н ~ мар. Г нг:

— *тенгыжан* ‘море-GEN’ [Букварь 1873: 34], *тэнгыжаишта* ‘море-INE’ [Букварь 1873: 27] ~ литер. *тенгыз*, мар. Г *тангыж*, диал. Б *тè·н̄г̄ăž*, М *dè·н̄г̄ăž*, ММ *tè·н̄ăž*, ЦЯ *tè·н̄ăž*, У *tò·măž*, ЦЮ ЙЧ *tè·н̄ăž*, ЙТ *tè·н̄ăže*, Г *tà·н̄г̄ăž* [Beke IV₈: 2720] < тюрк. (ср. тат. *диңгез* [Исанбаев 1994: 149]).

Соответствия приведенные ниже, хотя и проявляются в немногочисленных и даже единичных примерах, но они достаточно показательные для диалектной атрибуции букварей.

3.4. п (1873) ~ литер. м:

— *опса* ‘дверь’ [Букварь 1873: 24] ~ литер. *омса*, мар. Г *амаса*, диал. Кр Б БЯ М МК УП *opša·*, БЯп ЦЯ *opša* [Beke IV₅: 1699];

— *ушиам* ‘рот-АСС’ [Букварь 1873: 48] ~ литер. *умиша*, мар. Г *ышма*, диал. Кр Б *upša·*, М У УС *up^hša·* [Beke IV₉: 3259].

3.5. н (1870) ~ л (1873) ~ литер. н:

— *меллам* ‘блин(ы)-АСС’ [Букварь 1873: 24], но *мелэнам* [УСОЧ 1870: 4], *мемнам*²² [Букварь 1873: 4] ~ литер. *мелна*, мар. Г *меленä*, диал. Кр Б ММ *mella·*, М *mellä·*, У ЦЮ ВК В *melna·*, ЙТ *me·lna*, ЯО ЯП Т *me·lnä*, Г *tele·nä* [Beke IV₅: 1421] < слав., ср. рус. *блин*;

— *олталаманга* ‘обманув’ [Букварь 1873: 8], *олталэн* ‘обманывая’ [Букварь 1873: 25, 32], *олталмаиш* ‘обман’ [Букварь 1873: 44, 50], но *ондала* ‘обманет’ [УСОЧ 1870: 6], *ондалэиэ* ‘обманывающий’ [УСОЧ 1870: 10] ~ литер. *ондалаиш* ‘обманывать’, мар. Г *алталаиш*, диал. Кр Б М УП УС *oltale·m*, ЙТ²³ УСя *otale·m*, ЦЮ *oldale·m*, ВК В *ondale·m*, ЯТ *olta·lem*, ЯО Т ГШ ГА *alta·lem* [Beke IV₅: 1661] < тюрк. (ср. чув. *улта-*, *олтала* [ЭСЧЯ, 2: 279]).

3.6. т’ (1870) ~ ч (1873) ~ литер. ч ~ мар. Г т’:

— *атяй* ‘отец’ [УСОЧ 1870: 5], *атяйлан* ‘отец-ДАТ’, *атяйн* ‘отец-GEN’ [УСОЧ 1870: 7], *атям* ‘отец-АСС’ [УСОЧ 1870: 10], *ати* ‘отец-ВОС’ [УСОЧ 1870: 10], *атятым* ‘отец-POSS.2SG-АСС’, но в букваре 1873 г. во всех многочисленных случаях формы этого слова записываются в соответствии с литературной нормой мар. Л, т. е. с согласным ч: *ача*, *ачалан*, *ачийн*, *ачат*, *ачажэ*, *ачана*, *ачанам*, *ачаиштан*, *ачаишалан* и т. д. ~ литер. *ача*, мар. Г *ätä*, диал. Кр Б М У *ačša*, МК *ača·*, ЙТ *a·ča*, ЯО Т Г *ä·čä* [Beke IV₁: 80], МК *атя* [Ключева 2017] ~ тюрк. (ср. чув. *атте* [ЭСЧЯ, 1: 70]).

3.7. ш ~ литер. с ~ мар. Г ш:

— *лубшам* ‘роса-АСС’ [Букварь 1873: 27], *лубшан* ‘роса-GEN’ [Букварь 1873: 34] ~ литер. *лупс* ‘роса’, мар. Г *лыпш*, истор. *лупиш* (1785), диал. Кр Б МК У *lupš*, М МК *lups*, В ВК ВИ *lyps*, ЯП ЯО ЙТ Т *lupš*, Г *lapš*, диал. МК *лупш* [Ключева 2017] < ПМар **lupš* [Bereczki 2013: 127];

— *шуан* ‘благо, польза, добро, заслуга’ [УСОЧ 1870: 7], но *суан* [Букварь 1873: 9] ~ литер. *суан*, мар. Г устар. *шуан*, диал. У *šua·p*, УСя *šär*, ЙТ *šü·ar* < тюрк. (ср. чув. *сəван* ‘благо, добро, благоденствие’ < араб. [ЭСЧЯ, 2: 20]).

3.8. ж (1873) ~ литер. з ~ мар. Г ж:

— *тенгыжан* ‘море-GEN’ [Букварь 1873: 34], *тэнгыжаишта* ‘море-INE’ [Букварь 1873: 27] ~ литер. *тенгыз*, мар. Г *тангыж*, диал. Б *тè·н̄г̄ăž*, ЦЯ *tè·н̄ăž*, У *tò·măž*, Г *tà·н̄г̄ăž*, но М *dè·н̄г̄ăž*, ММ *tè·н̄ăž*, ЦЮ ЙЧ *tè·н̄ăž*, ЙТ *tè·н̄ăže* [Beke IV₈: 2720] < тюрк. (ср. тат. *диңгез* [Исанбаев 1994: 149]);

²² В этом слове, вероятно, опечатка *мемнам* вместо *мелнам*.

²³ Тут в словаре Беке УТ, вероятно, опечатка, и должно быть JT.

— *ўжгәр-шамычишам* ‘вещи-PL-POSS.3SG-ACC’ [Букварь 1873: 33], но *ўжгарам* ‘вещи-ACC’ [УСОЧ 1870: 11] ~ литер. *ўзгар*, мар. Г *ыжгәр* ‘сбруя, оборудование для чего-либо’, диал.: В *пзгәр*, ЦЮ ВК У *ўзгәр*, ЙТ *п-згар* [Беке IV₉: 3331].

3.9. к (1870) ~ ø (1873) ~ литер. ø:

— *шоркташ* ‘плакать’ [УСОЧ 1870: 8], но *шорташ* [Букварь 1873: 9], *шортын* ‘плача’ [Букварь 1873: 15], *шортан* и *шортон* [Букварь 1873: 48], *ит шорт* ‘не плачь’ [Букварь 1873: 24], *шортары* ‘плакать-CAUS-IMP.2SG’ [Букварь 1873: 45] и т. п. ~ литер. *шорташ*, диал. Кр Б М ВК *šòrãkta-m*, МК *šorũkta-m*, У ЦЮ *šorta-m*, ЙТ *šòrãktam*, ЯО Т *ša-rtam* [Беке IV₇: 2466];

— *индэки* ‘девять’ [Букварь 1873: 31], но *индэиэ* [УСОЧ 1870: 15], *индэи-лу* ‘девянство’ [Букварь 1873: 15], *индэи-шодэ* ‘девятьсот’ [Букварь 1873: 15] ~ литер. *индеш(е)*, мар. Г *ындеки(ы)*, диал. ВК *ãndiñš*, ЙТ *ãndiñãš*, ЯО *indiñš*, Г *ãndekš*, ВК В *ãndiñše*, ЙТ *ãndiñže*, ЯО *indiñšə*, Т Г *ãndekšə* < ПМар **indeksz* [Bereczki 2013: 25].

3.10. к (1870) ~ н/нг (1873) ~ литер. к

в форманте деепричастий -мõнгõ ~ литер. -меке, мар. Г -мыкы (-мõкõ), например:

— *лимынгажа* ‘став-POSS.3SG’ [Букварь 1873: 9], но *ли-мыка* ‘став’, *ли-мыко* [УСОЧ 1870: 8] ~ литер. *лиймеке*, мар. Г *лимõкõ*;

— *олтаталаманга* ‘обманув’ [Букварь 1873: 8] ~ литер. *ондалмеке*, мар. Г *алталмыкы*;

— *кинелмãнга* ‘встав [Букварь 1873: 36], *кинильмãнгашта* ‘встав-POSS.3PL’ [Букварь 1873: 30], *кинильменгат* ‘встав-POSS.2SG’ [Букварь 1873: 38], *кинильмынгет* ‘то же’ [Букварь 1873: 41] ~ литер. *кынелмеке*, мар. Г *кõнелмõкõ*;

— *мондамãнгашта* ‘забыв-POSS.3PL’ [Букварь 1873: 32], *мондамõнгашта* [Букварь 1873: 32] ~ литер. *мондымеке*, мар. Г *мондымыкы*;

— *иштэмãнга* ‘после того как сделал’ [Букварь 1873: 39] ~ литер. *ыштымеке*, мар. Г *ыштõмыкõ*;

— *шуменãшта* ‘достигнув-POSS.3PL’ [Букварь 1873: 34] ~ литер. *шумеке*, мар. Г *шумыкы*;

— *чарнэменгет* ‘закончив-POSS.2SG’ [Букварь 1873: 37] ~ литер. *чарнымеке*, мар. Г *чарнымыкы*;

— *колмена* ‘услышав’ [Букварь 1873: 41] ~ литер. *колмеке*, мар. Г *колмыкы* и пр.

Суффикс *-меке*, согласно Э. Беке и Н. И. Исанбаеву, сложился из суффикса отглагольного имени *-ме* (*-мы*) и направительного падежа *-ке* (*-кы*). Диал. соответствие *-менге* и *-мõнгõ* (сернурское, малмыжское, калтасинское), *-мõнгõ* (северо-западное) возникли позднее из послелога *мõнгõ* ‘после’ в результате грамматической абстракции последнего [Галкин 1964: 171]²⁴. Дополним, что *-мõнгõ* вместо *-меке* присутствует также в елабужском говоре [Исанбаев 1964: 78] и уржумском (*тõ-пгõ*) [Беке 1938: 4, 11].

Выводы по параграфу 3 представлены в Таблице 2, где приведены наиболее регулярные соответствия согласных, на которые больше трех примеров.

Таблица 2

Выводы по параграфу 3

1870	1873	литер.	мар. Г	Диалекты, соответствующие специфическому написанию в букварах
ø	ø	-й	ø	У Ц Й В Я Т Г
ð'-	й-	й-	й-	Кр Б М МК Ц В Й
в	б	в	в	мар. В, мар. Л (истор.), Ц (но у Беке везде β)

Как видим, отмеченные особенности согласных широко распространены в говорах, причем разных наречий, и связаны, в основном, с разговорной речью (например, ноль звука вместо конечного литер. *-й*, характер произношение β). Прочие специфические черты согласных, рассмотренные в параграфе 3, также отмечаются в разных говорах, хотя некоторые конкретные слова представляются достаточно маркерными, например, во второй редакции: *онса* ‘дверь’ (~ литер. *омса*), фиксирующееся лишь в сернурском диалекте лугового наречия (и далее на восток — в уржумском, малмыжском и других говорах восточно-

²⁴ В горномарийском букваре Кедрова 1871 года соответствующий формант записывается как *манга*. В других горномарийских изданиях XIX века (даже 1-ой половины XIX века) встречается также формант *-мынгы*. Возможно, это проникновение из северо-западного наречия либо устар. форма в мар. Г.

го наречия — *оис'а*). Неожиданно также вместо литер. *мелна* ‘блины’ — *мелла* в букваре 1873 г., которое не фиксируется в луговом наречии, а лишь в малмыжском диалекте и далее на восток в говорах восточного наречия (включая вариант *мелла*). В букваре 1870 г. форма этого слова — *мелэна* — и вовсе наиболее близка к горномарийской — *меленя*.

Данные параграфа 3, в целом, коррелируют и с данными параграфа 1 по палатальности и палатализации согласных — достаточно рельефно проявляются черты малмыжского говора, переходного от лугового наречия к восточному и непосредственно граничащего с ареалом шиньшинско-шоруньжинского говора. Последний и сам несет в себе ряд фонетических черт, общих с малмыжским.

Но с точки зрения грамматики исследуемых памятников, малмыжскому говору противоречит использование в букварях лугового показателя множественного числа *-шамыч* (а не *-лак*, как в уржумском и малмыжском говорах).

Кроме того, что касается грамматики, в двух редакциях букваря по-разному отражаются глаголы 3 лица мн. ч. В первом прошедшем времени в 1870 г. используется окончание *-эве* вместо литер. *-ышт*. А в отрицательных формах настоящего-будущего времени — отрицательная частица *ок* + основа глагола + элемент *-ен*, тогда как в букваре 1873 г. эта грамматическая конструкция соответствует литературной (= центральному говору лугового наречия и всем говорам восточного наречия): отрицательный элемент *огыт* + основа глагола (+ (для глаголов II спряжения) конечный гласный *о, ö* или *е* в соответствии с гармонией гласных)²⁵. Обе данные специфические грамматические конструкции, встречающиеся в первой редакции букваря, соответствуют особенностям волжского и йошкар-олинского говоров лугового наречия, а также северо-западного и горномарийского наречия (только в западных наречиях отрицательная частица *ак* вместо лугового *ок*). При редактировании букваря в 1873 г. они были изменены с соответствующих западным говорам (Й В) на соответствующие восточному (Ц) говору лугового наречия и говорам восточного наречия. В целом, аналогичное направление редактирования букварей, хотя и со значительной флукуацией, прослеживается и в отражении ассимиляции согласных по звонкости/глухости.

Таким образом, можно сделать следующие **общие выводы** по особенностям консонантизма исследованных букварей. Текст первой редакции букваря (1870) достаточно сложен, с точки зрения диалектной атрибуции, и вряд ли отражает историческое состояние какого-то отдельного цельного диалекта. Скорее всего, диалектная разрозненность его специфических черт объясняется следующими факторами, которые, как мы считаем, имели место²⁶:

а) компилятивный характер текстовой основы;

б) главный создатель букварей — Гавриил Яковлев — не являлся носителем конкретного говора и хорошим (на практике) знатком лугового наречия марийского языка (во всяком случае, на момент работы над первым букварем);

в) коллективное редактирование носителями разных говоров, причем, скорее всего даже с целенаправленным стремлением достигнуть некоторого универсального литературного языка, понятного носителям разных диалектов лугового наречия;

Вторая редакция букваря больше соответствует, с точки зрения отражения консонантизма, литер. норме. В ней четче проявляются особенности конкретного диалекта — шиньшинско-шоруньжинского, в ареале которого и создавался букварь 1873 года (это крайний юго-восточный подговор моркинско-сернурского говора лугового наречия). В частности, это озвончение *к* и *п* перед *ш*; произношение *б* вместо *в*. Содержатся в этом букваре и специфические черты фонетики консонантизма соседнего малмыжского говора восточного наречия. (В исторический период создания букварей говор уржумских и малмыжских мари относили к луговому наречию.) Не исключено, что эти фонетические черты малмыжского говора исторически присутствовали (или даже присутствуют) и собственно в шиньшинско-шоруньжинском диалекте, который описан далеко не в полной мере.

Ряд фонетических черт обеих редакций букваря связан с разговорной речью и представлен широко и неравномерно в разных диалектах, например, озвончение глухих согласных после сонант (либо, наоборот, сохранение этимологических глухих в этой позиции). Интересны отраженные в букварях фонетические явления, которые представляются исторически достаточно ранними для марийского языка, возможно, даже архаичными: палатальность согласных (твердых в литер. норме) и систематически ноль звука после *и, ү* вместо литературного *й* в ауслауте.

²⁵ Например, *үдэве* ‘сеять-1PST.3PL’ [УСОЧ 1870: 8], но *үдэн улут* ‘сеять-2PST.3PL’ [Букварь 1873: 9], *ок-онжен* ‘не смотрят’ [УСОЧ 1870: 8], но *огот онжо* [Букварь 1873: 9], *ок-пукшен* ‘не кормят’ [УСОЧ 1870: 8], но *огот пукша* [Букварь 1873: 10].

²⁶ О истории создания букварей см. подробнее [Ключева, Норманская 2015: 18—21]

Приложение к параграфу 1**Примеры на сочетание согласных в букваре с последующей йотированной или переднеязычной гласной (~ литер. гласная среднего или заднего ряда)****(-ря- ~ литер. -ры-)**

— *шүдрям* ‘сто копеек-АСС’ [УСОЧ 1870: 8], *шюдрям* [Букварь 1873: 9] < *шүддө* ‘сто’ + *урым* ‘копейка-АСС’ (< ур ‘белка’, ‘копейка’), но *уржа* ‘копейка-POSS.3SG’ [УСОЧ 1870: 8], *уржат* ‘копейка-POSS.3SG-DEM’ [Букварь 1873: 9] ~ литер. ур, мар. Г *ыр* < ПМар **urз* [Bereczki 2013: 297].

(-ря- ~ литер. -ре-)

— *ит-сря* ‘не сердись’ [УСОЧ 1870: 7], *ит сря* [Букварь 1873: 8] ~ литер. *сыраш* ‘сердиться’, мар. Г *сбір* ‘храбрость, нрав, облик’ < ? (ср. чув. *сър*, *сърä* ‘краска, цвет’).

(-ря-/рй- ~ литер. -ра-)

— *үдырмяш* ‘женщина’ (здесь ‘женщины’) [УСОЧ 1870: 10, 12], но *үдурамаш-шамыч* ‘женщина-PL’ [Букварь 1873: 51] ~ литер. *үдырамыш*, мар. Г *ёдырәмаш*, истор. *удрямъшь* (1785) [Сергеев 2003: 161], диал.: МК *üdrätäš*, М ММ *üdrätäš*, Кр Б *üdrätäš*, ЯО Т *üdrätäš*, Г *эдәрä-mäš* [Beke IV₉: 3302];

— *нөря* ‘мокнет’ [УСОЧ 1870: 6; Букварь 1873: 7] ~ литер. *нөра*, мар. Г *нөрä* < ПМар **nörз*, **nörүз* [Bereczki 2013: 164];

— *виктаря* ‘исправит’ [УСОЧ 1870: 9], *вiktärä* [Букварь 1873: 11—12] ~ литер. *вiktара*, мар. Г *вiktärä*, диал.: В М *biktäre-m*, ЯО Т Г *biktä-rem* [Beke IV₁: 146] < *вик* ‘прямо, прямой’, *виаш* ‘прямой’ < ПМар **wij-aks* [Bereczki 2013: 313] < ФВ **wojke* [UEW: 824—825] + глагольный суф. *-tar* тюрк. происхождения;

— *кря* ‘бьет’ [УСОЧ 1870: 7], но *кра* [Букварь 1873: 8] ~ литер. *кыраш*, мар. Г *кёрäш* ‘бить’ < ПМар **kirem* ‘бью’ [Bereczki 2013: 60];

— *эртаряш* ‘проводить’ [Букварь 1873: 37] ~ литер. *эртараш*, мар. Г *эртäräш* [Beke IV₂: 286] < тюрк. (ср. ДТю *эрт-* ‘проходить, миновать’ [Исанбаев 1994: 197], чув. *урт-* [ЭСЧЯ, 1: 172—173]);

К глаголам выше ср. липш. *пур’аш* ‘суждено’, *ар’аш* ‘отделить’, МК *өр’аш* ‘удивляться’ [Грузов 1965: 211];

— *төря* ‘судья, начальник’ [УСОЧ 1870: 10; Букварь 1873: 15, 18], *төрляш* ‘судить’ [Букварь 1873: 49] ~ литер. *төра*, мар. Г *төрä*, диал. В Й *тор’а* [Иванов 1981: 42], Кр Б БЯп *törä*, ЯО *tö-rä*, но ЦЯ *töra*, ЙТ *tö-ra* [Beke IV₈: 2849] < тат., баш. *түрә*, чув. *түре* [Исанбаев 1994: 155];

— *яряшак* ‘впустую’ [Букварь 1873: 16] ~ литер. *яра*, мар. Г *йәрä*, диал. ЯО *jä-rä* [Beke IV₂: 372] < тюрк. (ср. чув. *яру* ‘свободный, вольный’ [ЭСЧЯ, 2: 504]);

— *мүндрән* [УСОЧ 1870: 8], но *мюндран* ‘далеко’ [Букварь 1873: 10] ~ литер. *мүндыран*, мар. Г *мёндёрән*, диал. Б *mündürä-n*, Т *mündü-rän*, Г *mändä-rän*, но ЦЯ *mündran*, УП *mündära-n* [Beke IV₅: 1532] < *мүндыр* ‘далекий, далеко’ + суф. *-an* (*-än*).

(рй- ~ литер. ру-)

— *руштия* ‘пьяный’ [УСОЧ 1870: 7], но *руштия* [Букварь 1873: 8] ~ литер. *руштия* < мар. *рушита* ‘сусло’ < *ру* ‘закваска, дрожжи’, *руаш* ‘тесто’ (то же в мар. Г) < ПМар **ru*, **rua-(k)š* ~ *-й-*, *-s*, ср. коми *рокос* ‘закваска, дрожжи’ [КЭСК 1970: 242]; ср. МК *р’үшиаш* ‘качать’ ~ литер. *рүшиаш* [Грузов 1965: 211].

(-ли- ~ литер. —лы-)

— *шюлиш* ‘дух’ [Букварь 1873: 35, 41], *шюлишан* ‘с духом’ [Букварь 1873: 36, 41, 49], *шюлишланат* ‘дух-DAT-DEM’ [Букварь 1873: 42, 43], *шюлишетом* ‘дух-POSS.2SG-ACC’ [Букварь 1873: 47] ~ литер. *шүльиш*, мар. Г *шүльиш*, диал. МК *šü-l’ñš*, ЦЯ *šü-l’äš* [Beke IV₇: 2606];

— *лишташ* ‘лист’ [УСОЧ 1870: 8], но *лышташ* [Букварь 1873: 10] ~ литер. *лышташ*, мар. Г *ёльиштäш*, МК У *lištaš*, УСя *lištaš*, ЯП Т *läštäkš*, БЯп ЯО *läštäš* < ПМар **lešte* [Bereczki 2013: 112];

— *сандалик* ‘мир, вселенная’ [УСОЧ 1870: 9], но *сандалык* [Букварь 1873: 30], *сандалыкам* ‘мир-АСС’ [Букварь 1873: 28] ~ литер. *сандалык*, мар. Г *сändäлык* ~ Г *sändä-läk* [Beke IV₆: 2170] < тюрк. (ср. чув. *санталäk* [ЭСЧЯ, 2: 85]);

— *мюляндä* ‘земля’ [УСОЧ 1870: 12], *мюляндä-балнэ* ‘на земле’ [УСОЧ 1870: 12], *мюляндä-балнат* ‘и на земле’ [УСОЧ 1870: 13], но *мландан* ‘земля-GEN’ [Букварь 1873: 34], *мландам* ‘земля-АСС’ [Букварь 1873: 34, 45, 48], *мланда* ‘земля’ [Букварь 1873: 42, 50], *мландашита* ‘земля-INE’ [Букварь 1873: 51] ~ литер. *млände*, мар. Г *мүлэндё*, диал.: ВК *mil’ande*, М *mil’ande*, МК *mil’ande*, но ММ *milände*, В *miilände*, УСя *miländä*, УП *mländä*, ЦЯ ЙК *mälände*, ЙТ *wülände*, Кр Б *mälände*, ЯО Т *mäländä* < ПМар **miländz* [Bereczki 2013: 142].

(-ля- ~ литер. —лы-)

— *паляжа* ‘знать-IMP.3SG’ [Букварь 1873: 28] ~ литер. *палаш*, мар. Г *пäläш*, диал. ЯО Г *pä-lem* [Beke IV₆: 1755] < тюрк. (ср. чув. *палла-* [ЭСЧЯ, 1: 382—383]);

— *от-шалятэ* ‘не разобьешь’ [УСОЧ 1870: 8], но *от шалатэ* [Букварь 1873: 11] ~ литер. *шалаташ* ‘разбивать’, мар. Г *шälätäш*, ЯО Т *šälä-ltem* [Beke IV₇: 2287] < тюрк. (ср. чув. *салат* [ЭСЧЯ, 2: 9]).

(-lä/-ля ~ литер. -ла)

— *черлә* ‘больной’ [УСОЧ 1870: 7; Букварь 1873: 8] ~ литер. *черле*, мар. Г *черлѝ*, диал. Т Г *tserlä-nem* [Веке IV₉: 3052] < тюрк. (ср. чув. *чирлѝ* [ЭСЧЯ, 2: 420]);

— *älä молан* ‘почему-то’ [УСОЧ 1870: 4; Букварь 1873: 5] ~ литер. *ала-молан*, диал. Б М *älä*, ЯО *ä-lä* [Веке IV₁: 39] < тюрк. (ср. тат. *әллә* < рус. ‘или’ [Галкин 1964: 178]);

в т. ч. в суффиксе дательного падежа **(-läin/-лан (1870) ~ -лан (1873) ~ литер. -лан, мар. Г -läin)**:

— *тыйлянт* ‘тебе’ [Букварь 1873: 20], но *тыйланэт* [Букварь 1873: 14] ~ литер. *тыланет*, мар. Г *тѝләнәт*;

— *мелянна* ‘нам’ [Букварь 1873: 42], *мэляна* ‘нам’ [УСОЧ 1870: 12], но *меланна* [Букварь 1873: 42], *меланэм* ‘мне’ [УСОЧ 1870: 8] ~ литер. *мыланна*, *мыланем*, мар. Г *мѝләннә*, *мѝләнәм*;

— *йälän* ‘черт-DAT’ [УСОЧ 1870: 5], но *йалан* [Букварь 1873: 6] ~ литер. *иялан*, мар. Г *иälән*;

— *портлän* ‘дом-DAT’ [УСОЧ 1870: 7], но *пöртлан* [Букварь 1873: 9] ~ литер. *пöртлан*, мар. Г *пöртлән*;

— *пютүлän* ‘для поста’ [УСОЧ 1870: 8] ~ литер. *пүтылан*, мар. Г *пѝтѝлән*;

— *кэлän* ‘кому’ [УСОЧ 1870: 8], но *кэлан* [УСОЧ 1870: 8], *келан* [Букварь 1873: 10] ~ литер. *кöлан*, мар. Г *күлән*;

— *күчүжелän* ‘нищему’ [УСОЧ 1870: 8], но *күчүзелан* [Букварь 1873: 11] ~ литер. *күчызылан*, мар. Г *кѝци-зѝлән*;

— *деглän* ‘человек-DAT’ [УСОЧ 1870: 8], но *деглан* [УСОЧ 1870: 5, 8, 10], *йыглан* [Букварь 1873: 6, 9, 10, 15, 23, 25, 26, 28, 37, 40] ~ литер. *енлан*, мар. Г *ө*.

(-lä- ~ литер. -ле-)

— *шалитьlä* ‘шалить-IMP.2SG’ [УСОЧ 1870: 8], но *шалитьлә* [Букварь 1873: 11] ~ литер. *шалитлаш* ‘шалить’, мар. Г **шалитләш* < рус. *шалить*;

— *ит-мутитьlä* ‘не мути (не мучай)’ [УСОЧ 1870: 8], но *ит мутитьлә* [Букварь 1873: 11] ~ литер. *ө* < рус. *мутить* (*мучить*).

(-ня- ~ литер. -на-)

— *инянэ* ‘верь’ [УСОЧ 1870: 4]; *инянэм* ‘верю’ [УСОЧ 1870: 4]; *иняниша* ‘верующий’ [УСОЧ 1870: 4]; *инянэша* [УСОЧ 1870: 5]; *иняна* ‘верит’ [УСОЧ 1870: 5]; *ок инянэб* ‘не поверят’ [УСОЧ 1870: 6]; *огут-инянэ* ‘то же’ [УСОЧ 1870: 9] ~ литер. *инанаиш*, мар. Г *бĭнянәш*, *бĭнәнәш* ‘верить’, диал. В ВК *äñape-t*, Г *äñä-net*, но ЯО Т *inä-net* ‘верю’ и др. [Веке IV₂: 335], мар. Г *бĭн’әнәш* [Иванов 1981: 79], Т *бĭн’әнәш* [Иванов. Тужаров 1971: 303] < тюрк. (ср. чув. *ёнен-* ‘верить, поверить’ [ЭСЧЯ, 1: 152]).

(-ми- ~ литер. -мы-)

— *семинь* ‘словно’ [УСОЧ 1870: 5 и везде далее], *сегин* [Букварь 1873: 8, 25, 27, 31, 50], но *сегын* [Букварь 1873: 6, 7] ~ литер. *сегын*, мар. Г *сегĭнĭ*.

(-мя-/мй- ~ литер. -мы-)

— *имяже* ‘иголка’ POSS.3SG [Букварь 1873: 11], но *имажэ* [УСОЧ 1870: 9] ~ литер. *име*, *имыже*, мар. Г *им*, *имжѝ*, диал. Кр Б М ЦЯ ЦЮ В ВК ЙТ *име*, УП *имѝ*, ЯО Т *имэ*, Г *им* < **имз* [Bereczki 2013: 25].

В суффиксе номинализованного причастия (< др.-мар. *-*та* (-*mä*) [Галкин 1964: 164]):

— *иштэмяжа* [годам] ‘[когда] он делает; [во время] его делания’=‘делать-PTCP.PASS=NMLZ-POSS.3SG’ [Букварь 1873: 38], но *иштэмажа* [Букварь 1873: 28], *иштэмажам* ‘делать-PTCP.PASS=NMLZ.POSS.3SG-ACC’ [Букварь 1873: 21] ~ литер. *ыштымыже*, мар. Г *бĭштѝмѝжѝ*;

— *кюлемяжам* ‘необходимость-ACC’=‘быть нужным-PTCP.PASS=NMLZ-POSS.3SG-ACC’ [Букварь 1873: 50] ~ литер. *күлмыжым*.

(-мя-/мй-/мй- ~ литер. -ма-/ма-)

— *мяска* ‘медведь’, *мяскам* ‘медведь-ACC’ [УСОЧ 1870: 6], но *маска*, *маскам* [Букварь 1873: 6] ~ литер. *маска*, мар. Г *мöскä*, диал. ЯО *mä-skä*, ЯП Т *mä-skä*, но Кр Б М МК УП УСя ВК В *maška*, ЦЯ ЦЮ *maska*, ЙТ *ma-ska* [Веке IV₅: 1414] < корень *мас-* (*мас’-*, *мäs-*, *möc-*) ~ фин. *mies*, эст. *tees* ‘мужчина’ ~ жгонское *мас* ‘то же’ ~ *маиш* в мар. слове *үдырамаиш* ‘женщина’ ~ *мас*, *маиш* в топонимах + суф. *-ка* отыменных существительных, т. е. это табуированное название медведя — «человечек» [Кузнецова 2010: 61], иначе [Bereczki 1968: 70—76];

— *үдырямяш* ‘женщина’ (здесь ‘женщины’) [УСОЧ 1870: 10, 12], но *үдурамаиш-шамыч* ‘женщина-PL’ [Букварь 1873: 51] ~ литер. *үдырамаиш*, мар. Г *бĭдĭрә-mäш* ~ диал.: МК *üdü-rä-mäš*, М ММ *üdü-rä-mäš*, Кр Б *üdü-rä-mäš*, ЯО Т *üdü-rä-mäš*, Г *ädärä-mäš*, но У ЦЮ ВК *üdü-rä-mäš*, ЙТ *üdü-rä-mäš* [Веке IV₉: 3302];

— *шымятэн* ‘утешая’ [Букварь 1873: 25] ~ литер. *шыматаиш* ‘утешать’, мар. Г *шĭмätäш* < *шыма*, мар. Г *шĭmä* ‘ласковый, нежный, тихий, гладкий’ (+ суф. *-t*) > ? (ср. чув. *çemçe* ‘мягкий, нежный, слабый’, якутское *сым* ‘мякиш’).

В суффиксе отыменных прилагательных *-an* (*-än*) < *-*a* со значением обладания + *-*n* с притяжательным значением [Галкин 1964: 66]:

— *люмян* ‘по имени’ [Букварь 1873: 13, 17, 19, 32, 49] ~ литер. *лүман*, мар. Г *лѝmän* < *лүм* ‘имя’, мар. Г *лѝм* < ПМар **lüm* [Bereczki 2013: 129];

— *шюмян* ‘сердечный’ [Букварь 1873: 25] ~ литер. *шўман*, мар. Г *шўман* < *шўм* ‘сердце’ < ПМар **šūm* [Bereczki 2013: 266—267];

— *меман* ‘наш’ [УСОЧ 1870: 6 и везде далее], но *мемнан* [Букварь 1873: 5 и везде далее] ~ литер. *мемнан*, мар. Г *мёмнан* < *ме* ‘мы’, мар. Г *mä* < ПМар **me* [Bereczki 2013: 136].

(-ся-/-сә- ~ литер. -са-)

— *тусянжам* ‘с внешностью-POSS.3SG-ACC’ [Букварь 1873: 8], *тўсәнэм* ‘с внешностью-ACC’ [УСОЧ 1870: 12], но *тўсанжам* ‘то же’ [УСОЧ 1870: 7] < *тўсан* ‘цвета, с внешностью=NMLZ’ < *тўс* ‘цвет’, диал. УП М Б ВК *tūs* ‘цвет’, ЯО *tūs*, но ЦЯ ЦЮ *tūs*, ЙТ *tūs* [Beke IV₈: 2991], мар. В мишк. *tўс* [Иванов 1981: 61] < тюрк. (ср. чув. *tēs* [ЭСЧЯ, 2: 223]).

(-зя-/-зә ~ литер. -за-/-за)

— *изий* ‘старший брат’ [УСОЧ 1870: 7; Букварь 1873: 8], *изийн* ‘старший брат-GEN’ [УСОЧ 1870: 7; Букварь 1873: 9], *изяже-шамыч* ‘старший брат-POSS.3SG-PL’ [Букварь 1873: 14], *изяжа* — *шамычан* ‘старший брат-POSS.3SG-PL-GEN’ [Букварь 1873: 14], *изяжа* ‘брат-POSS.3SG’ [Букварь 1873: 14], но *изак шоляк* ‘братья’ [Букварь 1873: 19] ~ литер. *иза(й)*, мар. Г *йзә*, диал. У *изя* [Иванов 1981: 50], М ММ *izak*, Б БЯ *iza*, В *izä*, ЯО *zä* < ПМар **ica* [Bereczki 2013: 26];

— *рвезя-шамыч* ‘мальчики’ [УСОЧ 1870: 7], но *рвеза-шамыч-лан* ‘детям’ [УСОЧ 1870: 7], *рвеза-шамыч* ‘дети’ [Букварь 1873: 7], *рвеза-шамычан* ‘ребенок-PL-GEN’ [Букварь 1873: 21], *рвеза-шамычланат* ‘ребенок-PL-DAT-DEM’ [Букварь 1873: 29] ~ литер. *рвезе*, мар. Г *йрвезёй*, диал. Кр Б БЯ ВК *ârβεεε*, У *ârβè-žä*, М *urβεεε*, МК *urβè-žä*, ЯО *arβè-žä*, но БЯп ЦЯ ЦЮ *ârβεεε*, ЙТ *ârβε-ze*, Т *arβè-zä*, Г *arβè-zä* [Beke IV₂: 296] < ПМар **urwe-cä* ‘Kind, junger Mann’ [БД: 2187] < ФУ **orpa(sz)* ~ **orwa(sz)* [UEW: 343];

— *азяжам* ‘ребенок-POSS.3SG-ACC’ [Букварь 1873: 27] ~ литер. *аза*, мар. Г *äzä*, диал.: М *äzä* [Иванов 1981: 65], М МК *az'a* [Грузов 1965: 166], С *az'z'a*, *az'a*, *äzä*, *äz'a*, кукум. *äz'a* [Вершинин 2011: 16], мар. СЗ *äzä* [Иванов, Тужаров 1971: 19] < тюрк. (ср. чув. *ача* > удм. *аза*, морд. *айзья*, *ажя*).

(-зә ~ литер. -за) в глаголах повелительного наклонения (IMP.2PL):

— *иштызä* ‘делайте’ [Букварь 1873: 23] ~ литер. *иштыза*, мар. *иштыдä* < ПМар *ištem* [Bereczki 2013: 18];

— *кычалзä* ‘ищите’ [Букварь 1873: 23] ~ литер. *кычалза*, мар. Г *кычäлдä*, диал. МК *kičalam*, УП УСя *kičalam*, ЯО Т *käčäläm*, Г *käčäläm* < ПМар **kičalam* ‘ищу’ [Bereczki 2013: 54].

(-зй ~ литер. -зе, -зй- ~ литер. —зы-)

— *тулзä* ‘месяц’ [Букварь 1873: 27] ~ литер. *тылзе*, Г *тёйлзёй*; *тулзән* ‘лунный’ [Букварь 1873: 33] ~ литер. *тылзын*, но *тулза* ‘месяц’ [Букварь 1873: 14] *тулзам* ‘месяц-ACC’ [Букварь 1873: 27] ~ литер. *тылзым*, диал.: УП *ti-läzä*, ММ *tälze*, МК *ti-läzä*, Кр Б М *tälze*, БЯ *tälze*, ЯО *tälä-zä*, но УСя *tiläzä*, УС *tä-läzä*, БЯп ЦЯ *täläze*, ЙТ ЙЧ *tälä-zä*, Т Г *täläzä*, Г *täläzä*, В *tiläše*, ВИ *tläže*, В ВК *täläže*, ЦЮ *täläše* [Beke IV₈: 2740] < ФУ **tälä'zä*, **tälä'zä* [КЭСК 1970: 283].

(ши- ~ литер. шы-)

— *шип* ‘тихо’ [Букварь 1873: 21] ~ литер. *шып*, мар. Г *шён*;

— *шыжем* ‘осенью’ [УСОЧ 1870: 8], но *шыжем* [Букварь 1873: 10] ~ литер. *шыжым*, мар. Г *шёнжём*, истор. *шыже* ‘осень’ (1775), *шыже* (1785), диал. Б БЯ М *šiče*, МК *šičä*, У *šičä*, ЯО Т Г *šäzä* < ПМар **šičzä* ‘осень’ [Bereczki 2013: 232];

— *шимшэ* ‘седьмой’ [УСОЧ 1870: 13], *луатшимыт* ‘семнадцать’ [УСОЧ 1870: 14], но *шэмэт* ‘семь’ [УСОЧ 1870: 14], *шэм-лу* ‘семьдесят’ [УСОЧ 1870: 15], *шым* ‘семь’ [Букварь 1873: 14, 17, 18, 19, 38], *шымыша* ‘седьмой’ [Букварь 1873: 38], *шымша* [Букварь 1873: 39] ~ литер. *шым(ыт)*, мар. Г *шён(ыт)*, истор. *шимитъ* (1785), диал. МК *šišimčt*, УСя *šäšäm*, *šičäm*, *šišim*, УС *šämät*, *šimät* < ПМар **šišim* [Bereczki 2013: 229];

— *икишва-шамычам* ‘ребенок-PL-ACC’ [УСОЧ 1870: 7], *икишве-шамычем* [УСОЧ 1870: 8], *икишет* ‘ребенок-POSS.2SG’ [УСОЧ 1870: 11], *икишба-шамычам* ‘ребенок-PL-ACC’ [Букварь 1873: 9], но *икишбе-шамычем* [Букварь 1873: 10] ~ литер. *икишве*, мар. Г *ишёнвёй*, диал. МК *i-k'šičä*, *ičä-šičä*, УП *i-k'šičä*, ЦЯ ЦЮ В *ik'šičä*, ЙТ *i-k'šičä*, Г *i-k'šičä* [Beke IV₂: 322—323] < сложное слово: *иге* ‘детеныш’ + ПМар **šičwə* ~ -ү- [БД: 3608];

— *шидэтам* ‘гнев-POSS.2SG-ACC’ [Букварь 1873: 25], *шидэшкен* ‘рассердившись’ [Букварь 1873: 23] ~ литер. *шыде*, *шыдешкаш*, мар. Г *шёндён*, диал. Кр Б М *šide*, УП *šičä*, ЦЯ В ЦЮ ВК *šäde*, ЙТ *šäde*, ЯО Т Г *šä-dä* [Beke IV₇: 2374].

(-тү ~ литер. -тө, -тү- ~ литер. -ты-, -тй- ~ литер. -та-)

— *пютү* ‘пост’ [Букварь 1873: 40], *пютүм* ‘пост-ACC’ [Букварь 1873: 39], *пютүлән* ‘для поста’ [УСОЧ 1870: 8], но *пюту* [Букварь 1873: 39], *пютулан* [Букварь 1873: 10] ~ литер. *пютө* (*пютым*, *пютылан*), мар. Г *пётён* (*пётём*, *пётёлән*), диал.: ВК ЦЮ *pütü*, ЯО Т *рп-тп*, но ЦЯ, Кр *pütö*, УП *pütä*, МК *püt-tö*, ЙТ *рп-tö* [Beke IV₆: 2085] < ? (ср. ОТю *büt-* ‘кончатся, завершаться, осуществляться, истощаться, иссякать (о силе), исполняться и пр.’ [ЭСТЯ 1978: 303], а также тюркизмы в марийском: *пыташ* ‘кончатся’, *пютынъ* ‘целый’, ? мар. Г *пютылангаш* ‘вянуть’);

— *күтү* ‘стадо (здесь пастух)’ [УСОЧ 1870: 9], *кютү* [Букварь 1873: 12], но *күтө* ‘стадо’ [УСОЧ 1870: 9] ~ литер. *күтө*, мар. Г *көйтө*, диал. ВК ВИ *kütü* [Beke IV₄: 1141]; *күтәш* ‘пастушить’ [Букварь 1873: 7], но *күташ* [УСОЧ 1870: 6] ~ лит. *күташ*, мар. Г *көйтәш* < тюрк. (ср. чув. *көт*- ‘пасты’ [ЭСЧЯ, 1: 288]).

(-дү- ~ литер. -ды-)

— *мюндүрка* [Букварь 1873: 36], но *мюндурка* [Букварь 1873: 35] ~ литер. *мүндыркө*, мар. Г *мөндүркө*.

(-дә/-дә- ~ литер. -да/-да-)

— *мюляндә* ‘земля’ [УСОЧ 1870: 12], но *мюляндам-балнә* ‘на земле’ [УСОЧ 1870: 12], *мюляндам-балнат* ‘и на земле’ [УСОЧ 1870: 13], *мландан* ‘земля-GEN’ [Букварь 1873: 34], *мландам* ‘земля-ACC’ [Букварь 1873: 34, 45, 48], *мланда* ‘земля’ [Букварь 1873: 42, 50], *мландашта* ‘земля-INE’ [Букварь 1873: 51] и т. д. ~ литер. *мланде*, мар. Г *мүләндө* < ПМар **milandz* [Bereczki 2013: 142];

— *шкеландә* ‘вам самим (сам-DAT-POSS.2PL)’ [Букварь 1873: 23] ~ литер. *шкеланда*, мар. Г *ышкеләндә* < ПМар притяж. суф. 2 л. мн. ч. *-*ta(tä)* [Галкин 1964: 82];

— *кредәлаш* ‘биться’ [Букварь 1873: 51] ~ литер. *кредәлаш*, мар. Г *кредәләш* < мар. *кыраш* ‘бить’ (< **kirem* ‘бью’ [Bereczki 2013: 60] ~ **kirä* [Bereczki 1992: 16] < ФП *kirä* [UEW: 666] + сложн. глагольный суф. -*едал*: *-*ta* (-*tä*) + *-*le* [Галкин 1966: 99]).

(ки- ~ литер. кы-)

— *кил-дэмом* ‘связанный-ACC’ [УСОЧ 1870: 7], *килдэмом* [Букварь 1873: 8] ~ литер. *кылдаш* ‘связать, завязать’, мар. Г *көйләш*, диал. У МК УП УСя *kilde-m*, ЯО Т Г *kä-lde-m* [Beke IV₃: 730] < ПМар **kiltE-*, **kildE-* < ФВ **kiltä* [UEW: 657]. Грузов относит слово *кылдыш* ‘узел, завязка’ к финно-угорскому лексическому пласту [Грузов 1965: 63];

— *пешкидэможа* ‘затвердевший’ [Букварь 1873: 44] ~ литер. *пешкыде* ‘твердый’, мар. Г ø, диал. МК *pě-šküdä* [Beke IV₆: 1813] < ПМар **peš*, **peškä-dä* [БД: 1945];

— *кизет* ‘сейчас’ [Букварь 1873: 51], но *кэзт* [УСОЧ 1870: 11, 12], *кезет* [Букварь 1873: 42, 43] ~ литер. *кызыт*, мар. Г *көзәйт*, диал. Кр Б УП УСя УС *ki-zät*, М *ki-zät*, МК *ki-zit*, В *ki-zit* [Beke IV₃: 808] < ? (ср. удм. *кысык* ‘быстро, скоро’, тат. *кызу* ‘быстро, скоро’ < тат. *кыз-у* ‘накаливаться’);

— *киниль* ‘вставай’ [УСОЧ 1870: 5, 6; Букварь 1873: 5, 7] и многократно в формах этого глагола в тексте букваря 1873 г. (см. примеры выше — п. 1.2), но [*илижъ*] *кынильшашлык* ‘должны воскреснуть (букв. ожив восстать)’ [Букварь 1873: 29].

(-кю- ~ литер. -кы-)

— *мюшкюр* ‘живот’ [УСОЧ 1870: 9; Букварь 1873: 11] ~ литер. *мүшкыр*, мар. Г *мөшкыр* < ПМар **müški-r* [Bereczki 2013: 156];

— *үшкюшем* ‘бык-ACC’ [УСОЧ 1870: 13] ~ литер. *үшкыж*, мар. Г *үшкүж*, диал. Кр Б М ВК В *üškü-ž* Й Т Г *ü-šküž*, но У УСя ЦЮ *ü-škäž* [Beke IV₉: 3322] < ПМар **üškäž* ‘бык’ [Bereczki 1992: 84].

(-зи- ~ литер. -зы-)

— *кугиза* ‘царь’ [УСОЧ 1870: 8, 10, 11; Букварь 1873: 10] и везде далее, в т. ч. в формах этого слова в обоих словарях, *кугизанышет* ‘твое царство’ [Букварь 1873: 43] и в др. формах этого слова в букваре 1873 г. ~ литер. *кугыжа*, *кугыжаныш*, мар. Г *кугизә*, *кугизәниш*, диал. Г *кугизә* [Beke IV₄: 1005] < сложное слово, первый элемент — *куго*, *кугу* ‘большой’ < ПМар **ku-guz* [Bereczki 2013: 86].

(-зә- ~ литер. -за-)

— *үжгәр-шамычшам* ‘вещь-PL-POSS.3SG-ACC’ [Букварь 1873: 33], но *үжгарам* ‘вещи-ACC’ [УСОЧ 1870: 11] ~ литер. *үзгар*, мар. Г *өжгәр* ‘сбруя, оборудование для чего-либо’, диал.: В *үзгәр*, но ЦЮ ВК У *үзгәр*, ЙТ *үзгәр* [Beke IV₉: 3331] < ? (ср. тат. *әчиһаз* ‘оборудование’).

(пи-/пи- ~ литер. пы-/пы-)

— *пиштэт* ‘положишь’ [УСОЧ 1870: 8; Букварь 1873: 10], но *пыштэн* ‘положил’ [Букварь 1873: 13] ~ литер. *пышташ*, мар. Г *пышташ*, диал. МК *пышташ* ‘власть’ [Грузов 1965: 16], УП УСя *pištem* ‘положу’ < ПМар **pištem* [Bereczki 2013: 186];

— *пызырен* ‘выжав’ [Букварь 1873: 16] ~ литер. *пызыраш*, мар. Г *пөзирәш*, диал. Б УП УСя *pižârem* < перм., ср. удм. *пызыртыны* ‘выжать (сок, воду)’, коми *пидзыртны* [Bereczki 1992: 106];

— *пичал* ‘ружье’ [Букварь 1873: 36] ~ литер. *пычал*, мар. Г *пичәл*, диал. МК УП УСя *pičša-l*, УС *pičša-l*, ЙТ *pičšal*, ЯО Т *pičšäl*, Г *pičšäl* [Beke IV₆: 1851], Й *пичал* [Иванов 1981: 38] < тюрк. (ср. чув. *пашал* < рус. *пицаль* [ЭСЧЯ, 1: 409]);

— *пичкемыш* ‘тьма’ [УСОЧ 1870: 9], *пичкемеш* [Букварь 1873: 12], *пичкемашалташа* ‘омраченный’ [Букварь 1873: 44] ~ литер. *пычкемыш*, мар. Г *пөчкемыш*, диал. Б *pičškemäže*, УП *pičškemäš* [Beke IV₆: 1875] < *пич* ‘духота, душный, глухой, дремучий, глубокий, темный, мрачный, мгlistый’, мар. Г *пөч*, диал. Кр Б М МК У УСя *pičš*, ЦЮ *pič* [Beke IV₆: 1874—1875] ~ чув. *пачә* ‘душный’ [ЭСЧЯ, 1: 408]; ср. чув. *пачәрән* ‘сжимать, сдавить’ < ? ФУ:

мар. *пызыраш* ‘нажимать, давить’, мар. Г *пӱзӱрӱш*, удм. *пызыртыны* ‘выжать (сок, воду)’, коми *пидзыртны* [ЭСЧЯ, 1: 408—409];

— *пирчан* ‘с зерном (зернами)’ [Букварь 1873: 17], *пирчедэма* ‘без зерен’ [Букварь 1873: 18] ~ литер. *пырче*, мар. Г *пӱрчӱ*, диал. УСЯ *рj-рj-šš* ‘зерно’ [Веке IV₆: 1838], У *пирчэ* [Иванов 1981: 50] < тюрк. (ср. чув. *пӱрчӱ* ‘зерно’ [ЭСЧЯ, 1: 424]);

— *питэн* ‘закончилось’ [Букварь 1873: 18], *питыма* ‘кончившееся, окончание’ [Букварь 1873: 30], *питэн* ‘кончатся-СВВ’ [Букварь 1873: 19], *питыма* ‘кончить-РТСР.PASS’ [Букварь 1873: 30], но *ок пытэ* ‘не закончится’ [Букварь 1873: 29]; в производном глаголе: *питарат* ‘закончат’ [Букварь 1873: 17], *питарен* ‘закончив’ [Букварь 1873: 38] ~ литер. *пыташ*, *пытараш*, мар. Г *пӱтӱш*, *пӱтӱрӱш*, диал. У МК *rite-m*, ЯО ЯП Т Г *рә-tem* [Веке IV₆: 1847] < чув. *пӱт-* ‘кончиться’ [ЭСЧЯ, 1: 426];

— *шиштик* ‘соловей’ [УСОЧ 1870: 8], *шиштикам* ‘соловей-АСС’ [УСОЧ 1870: 8], но *шиштык*, *шиштыкам* [Букварь 1873: 10] ~ литер. *шӱштык*, мар. Г *шӱжэвӱк*, диал. Кр Б М МК *šüšpü-k*, В ВИ ЙТ ЯО *šŋ-špŋk*, Г *šəž-βək*, но ЦЯ *šü-p^ošək*, УП УСЯ ЦЮ ВК *šü-špək* [Веке IV₇: 2634] < тюрк. (ср. чув. *шӱпчӱк*).

(пи- ~ литер. пе-)

— *питыректэн* ‘закрывать-CAUS-2PST.3SG’ [Букварь 1873: 16] ~ литер. *петырыкташ*, мар. Г *пӱтӱрӱктӱш* — понудит. от *петыраш* ‘закрывать’, мар. Г *пӱтӱрӱш* ‘закрывать’, диал. мар. Г *pi-t_orem* [Веке IV₆: 1815] < тюрк. (ср. чув. *вит-* ‘закрывать, покрывать’).

(бя- ~ литер. ва-)

— *абяштан* ‘мать-POSS.3PL-GEN’ [Букварь 1873: 21], *абатлан* ‘мать-POSS.2SG-DAT’ [Букварь 1873: 21], *абят* ‘мать-POSS.2SG’, *абятан* ‘мать-POSS.2SG-GEN’ и везде аналогично в букваре 1873 г., но *аватын* ‘мать-POSS.3SG-GEN’ [УСОЧ 1870: 11] ~ литер. *ава*, мар. Г *ävä*, диал. Кр Б М У *ава-*, ЯО Т Г *ä-βä*, зват. Кр Б М УСЯ *ава-ḷ*, ЦЯ *ä-βäḷ*, М ЦЮ *авi-*, ЯО *ä-βi*, ЙЧ ЙТ *а-βaj* [Веке IV₁: 19] ~ чув. *апай* [ЭСЧЯ, 1: 51];

— *бярэ* ‘?’ , *бярэ* ‘?’ [УСОЧ 1870: 8], *бярэ*, *бярэ* [Букварь 1873: 10] ~ литер. ?.

(вя-/вӱ- ~ литер. ва-)

— *вятэжа* ‘его жена’ [Букварь 1873: 14, 16] ~ литер. *ватыже* ~ мар. Г *вӱтӱжӱ*, ЯО Т Г *βä-tə* [Веке IV₁: 112] < тюрк. (ср. чув. *ватӱ* [ЭСЧЯ, 1: 102—103]);

— *вӱшкэ* ‘быстро, скоро’ [УСОЧ 1870: 6] ~ литер. *вашке* ~ мар. Г *вӱшке*, диал. ЯО *βä-ške* [Веке IV₁: 109] < тюрк. (ср. чув. *васка* ‘торопиться, спешить’ [ЭСЧЯ, 1: 102]).

(чи-/чи-/~ литер. чы-/чы-)

— *вучидэма* ‘нежданный’ [Букварь 1873: 43], но *вуча* ‘ждет’ [УСОЧ 1870: 7; Букварь 1873: 8], *вучем* ‘жду’ [Букварь 1873: 50] ~ литер. *вучаш*, *вучыдымо*, мар. Г *вычаш*, *вычыдымы*, диал. Кр БЯп МК У ЦЮ *виçет*, В ВК *виçет*, Б М *виçет*, Г *вӱçет*, Я ЯП Т *виçет* < ПМар * *виçет* [Bereczki 2013: 319];

— *чи тышааш* ‘чтобы терпеть’ [Букварь 1873: 45], *читэн* ‘терпя’ [Букварь 1873: 19, 49], *читышаашлык* ‘терпение’ [Букварь 1873: 45] ~ литер. *чыташ*, мар. Г *чӱтӱш*, диал.: УП *čšite-m*, УС *čšjite-m*, Кр БЯ БЯп ЦЯп Цю ВК В *čšäte-m*, Г *tsə-tem* [Веке IV₉: 3104] < тюрк. (ср. чув. *чӱт-* [ЭСЧЯ, 2: 405]);

— *чиде* ‘мало’ [Букварь 1873: 44] ~ литер. *чӱдӱ*, мар. Г *чӱдӱ*, диал. Кр ЦЯ ЦЮ *čšüdö*, МК *čšü-dö*, УП *čšü-dä*, ВК *čšäde*, ЙТ *tsŋ-dö*, Г *tsə-dä* [Веке IV₉: 3204];

— *чыла* [УСОЧ 1870: 7, 9, 11, 12, 13], *чылам* ‘все-АСС’ [УСОЧ 1870: 11; Букварь 1873: 28], но *чыла* ‘все’ [Букварь 1873: 8 и везде далее] ~ литер. *чыла*, мар. Г *чӱлӱ*; истор. *чыля* (1785), диал. Кр Б М УС ЦЯ ЦЮ ВК В *čäla*, МК УП УСЯ *čila*, ЙТ *cäla*, ЯО Т *cälä*, Г *cilä* < ПМар * *čila* [Bereczki 2013: 5];

— *-шамычин* ‘показатель мн. числа-GEN’ [УСОЧ 1870: 11, 12], *-шамычим* ‘то же-АСС’, но *шамычан* [Букварь 1873: 14 и везде далее], *-шамычам* [Букварь 1873: 19 и далее] и др. многочисленные формы слова, но нет случаев с мягким знаком или *и* после *-шамыч* (1873) ~ литер. (мар. Л диал.) *шамыч*, *шамычин*, *шамычым* ~ мар. СЗ *шамыц*, *шац* ~ чув. *-сам*, *-сем* (показатель мн. числа) + *-t* (др.-мар. показатель мн. числа) посредством соединительного гласного *e*, ведущего к смягчению *-t > -i > -č* [Галкин 1964: 65—66].

Сокращения

Языки и диалекты

араб. — арабский
болг. — болгарский
домар. — домарийский
др.-мар. — древнемарийский

др.-тюрк. — древнетюркский
др.-чув. — древнечувашский
иран. — иранские
мар. — марийский

мар. В — восточное наречие марийского языка

Б — калтасинский говор восточного наречия (Калтасинский и Мишкинский районы Республики Башкортостан), в случае ссылки на Беке — калтасинский говор, д. Орьебаш Тюльдинского с/с Калтасинского р-на Республики Башкортостан (= В в издании [Веке]);

БЯ — калтасинский говор восточного наречия, д. Старояшево Старояшевского с/с Калтасинского р-на Республики Башкортостан (= ВJ)

БЯп — мишкинский (?) говор восточного наречия, д. Красный Ключ (Йошкар-вамаш) (= ВJр)

Кр — красноуфимский говор восточного наречия, в случае ссылки на Беке — д. Сарсы-Первые, Сарсы-Вторые Красноуфимского городского округа Красноуфимского района Свердловской области (= P)

кукм. — кукморский говор восточного наречия (Кукморский район Республики Татарстан)

мишк. — мишкинский говор восточного наречия (Мишкинский район Республики Башкортостан)

М — малмыжский говор восточного наречия (Малмыжский район Кировской области), в случае ссылки на Беке — д. Старый Ноныгерь Большекитякского с/п Малмыжского р-на Кировской области (= M)

МК — кильмезский подговор малмыжского говора, в случае ссылки на Беке — д. Карманкино Вихаревского с/п Малмыжского р-на Кировской области (= МК); в случае ссылки на [Ключева 2017] — д. Азиково (Нурдуваш) Кильмезского района Кировской области

ММ — малмыжский говор восточного наречия (Малмыжский район Кировской области), в случае ссылки на Беке — д. Изи Малмыж (ныне не существующая) ~ с. Новый Бурец Вятскополянского р-на Кировской области (= MM)

С — сарапульский говор восточного наречия (Агрызский район Республики Татарстан, Малопургинский, Каракулинский и Киясовский районы Удмуртской Республики)

У — уржумский говор восточного наречия (бывший Уржумский уезд Вятской губернии, ныне Уржумский район Кировской области), в случае ссылки на Беке — три ныне не существующие деревни — д. Петрушин(о) (Печан-Починга), д. Сабуял и д. Нижняя Сюкся (Сүксы) (Пауты) (= U)

УП — уржумский говор восточного наречия (бывший Уржумский уезд Вятской губернии, ныне Уржумский район Кировской области), д. Петрушин(о) (Печан-Починга) (= UP)

УС — уржумский говор восточного наречия (бывший Уржумский уезд Вятской губернии, ныне Уржумский район Кировской области), д. Нижняя Сюкся (Сүксы) (Пауты) (= US)

УСя — уржумский говор восточного наречия (бывший Уржумский уезд Вятской губернии, ныне Уржумский район Кировской области), д. Сабуял (= USj)

мар. Г/Г — горное наречие марийского языка

ГА — горное наречие марийского языка, д. Архипкино (ныне не существует) ~ с. Владимирское Красновожского с/п Горномарийского р-на Республики Марий Эл (= KA)

ГЕ — горное наречие марийского языка, с. Еласы Еласовского с/п Горномарийского р-на Республики Марий Эл (= KJ)

ГН — горное наречие марийского языка, д. Высоково (Нер-мучаш) Троицко-Посадского с/п Горномарийского р-на Республики Марий Эл (= KN)

ГШ — горное наречие марийского языка, д. Шиндыръялы (Шӱндӱрвӱл) Виловатовского с/п Горномарийского р-на Республики Марий Эл (= KJ)

мар. Л — луговое наречие марийского языка

В — волжский говор лугового наречия (Волжский и Звениговский районы Республики Марий Эл), в случае ссылки на Беке — д. Большие Маламасы (Кугы-Моламас) Красноярского с/п Звениговского р-на Республики Марий Эл (= Ć)

ВИ — волжский говор лугового наречия, д. Именцы Именецкого с/п Звениговского района Республики Марий Эл (= ĆN)

ВК — волжский говор лугового наречия, д. Кукшнур Октябрьского с/п Моркинского района Республики Марий Эл (= SK)

Й — йошкар-олинский говор лугового наречия, в случае ссылки на Беке — деревни Туршемучаш Медведевского р-на, Куберсола Советского р-на и Шуармучаш Советского р-на Республики Марий Эл (= J)

ЙК — йошкар-олинский говор лугового наречия, д. Куберсола Кужмаринского с/п Советского р-на Республики Марий Эл (= JK)

ЙТ — йошкар-олинский говор лугового наречия, подговор д. Туршемучаш Туршинского с/п Медведевского р-на Республики Марий Эл (= JT), переходный к соседнему яранскому говору северо-западного наречия

ЙЧ — йошкар-олинский говор лугового наречия, д. ~ ул. Чихайдарово г. Йошкар-Ола Республики Марий Эл (= CĆ)

липш. — липшинский говор лугового наречия

Ц — центральный (моркинско-сернурский) говор лугового наречия

ЦЮ — моркинский подговор центрального (моркинско-сернурского) говора лугового наречия, д. Юшуттур (Ўшӱттӱр) Себеусадского с/п Моркинского р-на Республики Марий Эл (= CÜ)

- ЦЯ — сернурский подговор моркинско-сернурского (центрального) говора лугового наречия, д. Средний Ядыкбеляк (Ядыкплек) Староторъяльского с/п Новоторъяльского р-на Республики Марий Эл (= UJ)
 мар. СЗ — северо-западное наречие марийского языка
 Т — тоншаевский говор северо-западного наречия (Тоншаевский район Нижегородской области), в случае ссылки на Беке п.(< д.) Арба Тоншаевского района Нижегородской области (= V)
 Я — яранский говор северо-западного наречия, в случае ссылки на Беке деревни Одегово Санчурского р-на и Покста Тужинского р-на Кировской области (= J)
 ЯО — яранский говор северо-западного наречия, д. Одегово Люмпанурского с/п Санчурского района Кировской области (= JO)
 ЯП — яранский говор северо-западного наречия, д. Покста (Покшта) Тужинского городского поселения Тужинского р-на Кировской области (JP)

мокш. — мокшанский
 морд. — мордовские
 ОПерм. — общепермский
 осетин. — осетинский
 ОТю — общетюркский
 перм. — пермские
 перс. — персидский
 ПМар — прамарийский
 рус. — русский
 слав. — славянские

тат. — татарский
 тюрк. — тюркские
 удм. — удмуртский
 ФВ — прафинно-волжский
 фин. — финский
 ФУ — прафинно-угорский
 чув. — чувашский
 эрз. — эрзянский
 ФП — прафинно-пермский

Г л о с с ы

1 — первое лицо
 1PST — первое прошедшее время (очевидное)
 2 — второе лицо
 2PST — второе прошедшее время (неочевидное)
 3 — третье лицо
 ABE — абессив (лишительный суффикс)
 ADV — адвербиаль (обстоятельственный падеж)
 ACC — аккузатив (винительный падеж)
 CAUS — каузатив (понудительный залог)
 COM — комитатив (совместный падеж)
 CVB — деепричастие
 DAT — датив (дательный падеж)
 DEM — выделительно-указательный суффикс
 GEN — генитив (родительный падеж)

ILL — иллатив (направительный падеж)
 IMP — повелительное наклонение
 INE — инессив (местный падеж)
 INF — инфинитив (неопределенная форма глагола)
 ITER — многократный
 NEG — отрицательная форма
 NMLZ — номинализация
 NOM — номинатив (именительный падеж)
 PASS — страдательное (причастие)
 PL — множественное число
 POSS — притяжательный суффикс
 PTCP — причастие
 SG — единственное число
 VOC — вокатив

О б щ и е

букв. — буквально
 диал. — диалект, диалектное
 ед. ч. — единственное число
 истор. — историческая фиксация слова (в источниках XVIII века)
 л. — лицо
 литер. — литературный язык (здесь, если нет дополнительных указаний, имеется в виду лугово-восточный литературный язык)

мн. ч. — множественное число
 понудит. — понудительный залог
 разг. — разговорное
 редуц. — редуцированное
 с/п — сельское поселение
 с/с — сельсовет
 спр. — спряжение
 устар. — устаревшее

Л и т е р а т у р а

- БД — База данных С. Л. Николаева, сделанная по марийским словарям: Анкета-тысячесловник исконной марийской лексики. {S. L. Nikolaev's database, made using Mari dictionaries: A 1000-word survey of indigenous Mari vocabulary.}
 Букварь 1873 — Букварь для луговых черемис. Казань, 1873. {Primer for the Meadow Cheremis. Kazan, 1873.}
 Васильев 1926 — *Ўнымарий* (Васильев В. М.) Марий мутэр (Марийский словарь). Москва, 1926. {*Ўнымарий* (Vasilyev V. M.) Марий мутэр (Mari dictionary). Moscow, 1926.}

- Вершинин 2011 — *Вершинин В. И.* Словарь марийских говоров Татарстана и Удмуртии. Йошкар-Ола, 2011. {*Vershinin V. I.* Dictionary of Mari dialects of Tatarstan and Udmurtia. Yoshkar-Ola, 1994.}
- Галкин 1964 — *Галкин И. С.* Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Ч. I. Йошкар-Ола, 1964. {*Galkin I. S.* Historical grammar of the Mari language. Morphology. Part I. Yoshkar-Ola, 1964.}
- Галкин 1966 — *Галкин И. С.* Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Ч. II. Йошкар-Ола, 1966. {*Galkin I. S.* Historical grammar of the Mari language. Morphology. Part II. Yoshkar-Ola, 1966.}
- Гордеев 1983 — *Гордеев Ф. И.* Этимологический словарь марийского языка / Под ред. *Галкина И. С.* Йошкар-Ола, 1983. Т. 2. {*Gordeev F. I.* Etymological dictionary of the Mari language / Ed. *Galkin I. S.* Yoshkar-Ola, 1983. P. 2.}
- Грузов 1960 — *Грузов Л. П.* Современный марийский язык. Фонетика. Йошкар-Ола, 1960. {*Gruzov L. P.* The modern Mari language. Phonetics. Yoshkar-Ola, 1960.}
- Грузов 1965 — *Грузов Л. П.* Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении. Йошкар-Ола, 1965. {*Gruzov L. P.* Phonetics of the Mari dialects in a historical view. Yoshkar-Ola, 1965.}
- Грузов 1969 — *Грузов Л. П.* Историческая грамматика марийского языка: Введение и фонетика. Йошкар-Ола, 1969. {*Gruzov L. P.* Historical grammar of the Mari language: Introduction and phonetics. Yoshkar-Ola, 1969.}
- Ефремов 1981 — *Ефремов А. С.* Некоторые наблюдения над фонетикой шоруньжинского говора // Вопросы марийской диалектологии. (= Труды МарНИИ.) Йошкар-Ола, 1981, 49. С. 58—70. {*Efremov A. S.* Some observations on the phonetics of the Shorunza dialect (= Works of MarSRILLH. Yoshkar-Ola, 1981. Vol. 49. P. 58—70.}
- Иванов 1981 — *Иванов И. Г.* Марий диалектологий. Университетсье студент-влакклан тунемме книга (Марийская диалектология. Учебник для студентов университета). Йошкар-Ола, 1981. {*Ivanov I. G.* Mari dialectology. A textbook for universities. Yoshkar-Ola, 1981.}
- Иванов, Тужаров 1971 — *Иванов И. Г., Тужаров Г. М.* Словарь северо-западного наречия марийского языка. Йошкар-Ола, 1971. {*Ivanov I. G., Tuzharov G. M.* Dictionary of the North-western dialect of the Mari language. Yoshkar-Ola, 1971.}
- Исанбаев 1964 — *Исанбаев Н. И.* Говор елабужских мари // Вопросы диалектологии и истории марийского языка. (=Труды МарНИИ.) Йошкар-Ола, 1964, 18. С. 61—105. {*Isanbaev N. I.* Sub-dialect of the Elabuga Mari (= Works of the MarSRILLH.) Yoshkar-Ola, 1964. Vol. 18. P. 61—105.}
- Исанбаев 1994 — *Исанбаев Н. И.* Марийско-тюркские языковые контакты. Ч. 2. Словарь татарских и башкирских заимствований. Йошкар-Ола, 1994. {*Isanbaev N. I.* Mari-Turkic linguistic contacts. Part 2. Dictionary of the Tatar and Bashkir loanwords. Yoshkar-Ola, 1994.}
- ИЭСОЯ — *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1—4. М.-Л., 1958—1989. {*Abaev V. I.* Historical-etymological dictionary of the Ossetian language. Vol. 1—4. M.-L., 1958—1989.}
- КЭСК 1970 — *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970. {*Lytkin V. I., Gulyaev E. S.* Concise etymological dictionary of the Komi language. M., 1970.}
- Ключева 2017 — *Ключева М. А.* Диалектологические материалы 2017 г. Записи от Иванова Александра Аркадьевича, 1952 г. р., уроженца д. Азиково (Нурдуваш) Кильмезского р-на Кировской области, носителя кильмезского говора восточного наречия марийского языка (апрель 2017 г., г. Йошкар-Ола). {*Klyucheva M. A.* Dialectological materials of 2017. Recordings from Ivanov Alexander Arkadyevich, born 1952, native of the village Azikovo (Nurduvash), Kilmezsky district, Kirov Oblast, speaker of the Kilmez sub-dialect of the Eastern dialect of the Mari language (April 2017, Yoshkar-Ola).}
- Ключева 2016 — *Ключева М. А.* Словарь по памятнику марийской письменности «Начатки христианского учения», 1841 // <http://lingvodoc.ispras.ru/#/>, 2016. {*Klyucheva M. A.* Dictionary of “Beginning of the Christian doctrine”, 1841 // <http://lingvodoc.ispras.ru/#/>, 2016.}
- Ключева, Норманская 2015 — *Ключева М. А. (при участии Ю. В. Норманской)* Первые луговомарийские буквари 1870-х гг.: лингвистический обзор. Ч. 1. Введение. Гласные звуки и буквы для них // Урало-алтайские исследования, 2015, 4 (18). С. 18—63. {*Klyucheva M. A. (with contributions from Yu. V. Normanskaya)* First Meadow Mari primers from 1870s: a linguistic survey. Part 1. Introduction. Vowel sounds and letters for them // Ural-Altai Studies, 2015. Vol. 4 (18). P. 18—63.}
- Кузнецова 2010 — *Кузнецова М. Н.* Названия диких и домашних животных в марийском языке. Йошкар-Ола, 2010. {*Kuznetsova M. N.* Names of wild and domestic animals in the Mari language. Yoshkar-Ola, 2010.}
- Куклин 2013 — *Куклин А. Н.* Олык-эрвел марий фонетика: Тунемме книга / Марий кугыжаныш у-нт; *Куклин А. Н.* ямдылен. Йошкар-Ола, 2013. (Фонетика лугово-восточных мари: учебное пособие (на марийском языке)). {*Kuklin A. N.* Phonetics of the Meadow-Eastern Mari: a textbook (in Mari). Yoshkar-Ola, 2013.}
- МРС — Марийско-русский словарь/Гл. ред. *Галкин И. С.* Т. 1—10. Йошкар-Ола, 1990—2005. {Mari-Russian Dictionary, Ed. *Galkin I. S.* Yoshkar-Ola, 1990—2005.}
- МСГМЯ 2012 — Моркинско-сернурский говор марийского языка: коллективная монография/*Барцева Л. И., Васильев В. Н., Иванов И. Г., Матросова Л. С., Учайев З. В.* Йошкар-Ола, 2012. {Morki-Sernur dialect of the Mari language: collective monograph / *Bartseva L. I., Vasilyev V. N., Ivanov I. G., Matrosova L. S., Uchayev Z. V.* Yoshkar-Ola, 2012.}

Начатки 1841 — Начатки христианского учения или краткая священная история и краткий катехизис, переведенный на черемисский язык лугового наречия в Казани 1839 года. Казань, 1841. {Beginning of the Christian doctrine. Kazan, 1841.}

НРФ МарНИИ, МФЭ-74 № 76 — Научный рукописный фонд МарНИИ языка, литературы и истории имени В. М. Васильева (Йошкар-Ола), Материалы фольклорных экспедиций-74 № 76. Записи Г. В. Алексева {The scientific manuscript fund of the Mari Scientific Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev (Yoshkar-Ola), Materials of folklore expeditions-74 No. 76. Records of G. V. Alekseev}.

Сергеев 2002 — *Сергеев О. А.* Истоки марийской письменности: Историко-лингвистический анализ рукописных памятников марийского языка XVIII—XIX веков. Йошкар-Ола, 2002. {*Sergeev O. A.* Origins of the Mari writing: A historical-linguistical analysis of the 18th—19th centuries' manuscript monuments of the Mari language. Yoshkar-Ola, 2002.}

Сергеев 2003 — *Сергеев О. А.* Из истории отечественной лексикографии. Словарь черемисского языка с русским переводом. Йошкар-Ола, 2003. {*Sergeev O. A.* Excerpts on the history of Russian lexicography. Dictionary of the Cheremis language with a Russian translation. Yoshkar-Ola, 2003.}

УСОЧ 1870 — Упрощенный способ обучения чтению черемисских детей лугового населения. Казань, 1870. {A simplified method of teaching Cheremis children of the Meadow population to read. Kazan, 1870.}

ЭСТЯ 1978 — *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков (Т. 2). Общeturкские и межтуркские основы на букву «Б». М., 1978. {*Sevortian E. V.* Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common Turkic and Interturkic stems starting with letter "B". M., 1978.}

ЭСЧЯ 1996 — *Федотов М. Р.* Этимологический словарь чувашского языка. Т. 1—2. Чебоксары, 1996. {*Fedotov M. R.* Etymological dictionary of the Chuvash language. Vol. 1—2. Cheboksary, 1996.}

Beke — *Beke Ö.* Mari nyelvjárási szótár (Tscheremissisches Wörterbuch). Т. I—IX. Szombathely, 1997—2001.

Beke 1938 — Tscheremissische märchen, sagen und erzählungen/Gesammelt und herausgegeben von *Ödön Beke* (= SUST LXXVI). Helsinki, 1938.

Bereczki 1968 — *Bereczki G.* Wichtigere laugeschichtliche Lehren der russischen Lehwörter im Tscheremissischen // CSIFU, II. Budapest, 1968. S. 70—75.

Bereczki 1992 — *Bereczki G.* Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte II. Szeged, 1992. (= Studia Uralo-Altaica, 34.)

Bereczki 2013 — *Bereczki G.* Etymologisches Wörterbuch des Tscheremissischen (Mari). Der einheimische Wortschatz. Weisbaden, 2013.

UEW — *Redei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I—III. Budapest, 1986—1991.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена первым марийским букварям (лугового наречия), изданным Братством святителя Гурия в Казани в 1870 и 1873 гг. Исследуется специфика обозначения согласных в данных памятниках марийской письменности и отражение в них диалектных и исторических черт системы консонантизма марийского языка.

SUMMARY

The author deals with the first alphabet books in the Mari language (the Meadow Mari dialect), which were published by the Brotherhood of prelate Gury in Kazan (1870 and 1873). The main concerns of the article are the specific features of denoting the Mari consonants in these written monuments and the dialectal and historical features of the Meadow Mari consonant system.

Ключевые слова: марийский язык, финно-угорские языки, памятники письменности, Братство святителя Гурия, историческая фонетика, марийская диалектология, система консонантизма, орфография

Keywords: Mari, the Finno-Ugric languages, written monuments, the Brotherhood of prelate Gury, historical phonetics, the Mari dialectology, consonant system, orthography

Ключева Мария Аркадьевна, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева (Йошкар-Ола); keymachine@yandex.ru

Maria A. Klyucheva, Mari Scientific Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev (Yoshkar-Ola); keymachine@yandex.ru

**Дискуссионная заметка к статье М. А. Ключевой
«Первые марийские буквари (лугового наречия) 1870-х гг.
Ч. 2. Особенности консонантизма»¹**

В помещенной в настоящем выпуске журнала статье М. А. Ключевой «Первые марийские буквари (лугового наречия) 1870-х гг. Ч. 2. Особенности консонантизма» разобраны основные отличия графики [УСОЧ 1870; Букварь 1873] от литературного марийского языка, плюс приведены диалектные параллели, в первую очередь, по словарю [Веке]. Далее к каждому рассматриваемому слову, по возможности, даны праформы по [Bereszki 2013] или указания на источник заимствования, или возможные параллели внутри финно-угорских языков, выявленные уже самим автором. В настоящей заметке не ставим цели детального разбора этимологических гипотез, с которыми не всегда можно согласиться, но, опираясь только на материал, собранный М. А. Ключевой и приведенный в статье, безусловно, весьма ценный, показать, что его можно проинтерпретировать иначе, чем это было сделано в статье.

Собственно, то, с чем мы планируем полемизировать, — это два основных вывода, сделанных в заключении работы:

- 1) «компилятивный характер текстовой основы» Букваря (1870), связанный с тем, что по мнению автора статьи «главный создатель букварей — Гавриил Яковлев — не являлся носителем конкретного говора и хорошим (на практике) знатоком лугового наречия марийского языка (во всяком случае, на момент работы над первым букварем)»; «коллективное редактирование носителями разных говоров, причем, скорее всего, даже с целенаправленным стремлением достигнуть некоторого универсального литературного языка, понятного носителям разных диалектов лугового наречия»;
- 2) с тем, что в Букваре (1873) можно выделить «особенности конкретного диалекта — шиньшинско-шоруньжинского, в ареале которого и создавался букварь 1873 года (это крайний юго-восточный подговор моркинско-сернурского говора лугового наречия). В частности, это озвончение *к* и *п* перед *и*; произношение *б* вместо *в*. Содержатся в этом букваре и специфические черты фонетики консонантизма соседнего малмыжского говора восточного наречия».

Обратимся к разбору материала, на основании которого сделан первый вывод о «компилятивном характере текстовой основы» Букваря (1870), связанным «с целенаправленным стремлением достигнуть некоторого универсального литературного языка, понятного носителям разных диалектов лугового наречия». Он сразу вызвал сомнения, поскольку, как известно, основой методики Н. И. Ильминского, в рамках которой работали все создатели первых кириллических книг, изданных Переводческой комиссией, учрежденной при Братстве св. Гурия в г. Казани, в 1869 году, было соответствие разговорной речи носителей конкретного диалекта. В настоящее время в рамках работы по гранту РГНФ № 15-04-00361 «Первые памятники письменности на уральских и алтайских языках» было описано уже более двадцати первых кириллических книг на удмуртском, саамском, мансийском, селькупском, башкирском, татарском, казахском, чувашском языках, ср. [Бакула 2016; Безенова 2016а, б; Дыбо, Норманская 2016; Норманская 2015; Норманская, Каримова, Экба 2017; Норманская, Кошелюк 2017, Нуриева 2015, 2017; Савельев 2016]. В большинстве книг мы как раз и нашли системную подачу речи носителя одного из диалектов, но в ряде словарей можно было выявить два пласта лексики, которую по графическим и морфологическим особенностям можно было отнести к двум разным диалектам.

Поэтому вывод М. А. Ключевой о «компилятивном характере текстовой основы» Букваря (1870) представляется нуждающимся в доказательствах ввиду его важности, поскольку если он подтвердится, то это будет первая текстовая книга (не словарь!), в правке которой участвовали носители разных диалектов.

Обратимся к подробному анализу текста на предмет выявления доказательств вывода М. А. Ключевой. Представляется, что эти доказательства должны удовлетворять следующему условию: должно быть не менее шести примеров какого-либо явления, при этом не менее трех примеров должны бы были свидетельствовать о системе одного диалекта, а не менее трех других примеров о системе другого диалекта,

¹ Работа выполнена при поддержке гранта № 15-04-00361 «Первые памятники письменности на уральских и алтайских языках».

поскольку если речь идет об одном случайном отклонении, то оно не может быть свидетельством «компилятивного характера текста».

Но на материале, приведенном в статье М. А. Ключевой, примеров, удовлетворяющих этому условию, для [УСОЧ 1870] нам выявить не удалось (полного глоссирования Букварей мы не проводили, возможно, что М. А. Ключева привела в статье не все примеры, на которых она основывалась, делая вывод, но в таком случае, следует их дать привести более исчерпывающим списком).

Напротив, на материале [Букварь 1873] есть определенное количество примеров, удовлетворяющих этому критерию, например:

колебания л' vs. л:

— *пыльпомаш* 'небо' [Букварь 1873: 26], НО *пылпомошто* [Букварь 1873: 42];

— *тульза* 'месяц' [Букварь 1873: 14], НО *тулзä* [Букварь 1873: 27]

— *нальмо* 'взятое' [Букварь 1873: 8], НО *налметам* 'взятое-POSS.2SG-ACC' [Букварь 1873: 26]

колебания р' vs. р:

— *вюрь* 'кровь' [Букварь 1873: 39, 48], НО *вюржам* 'кровь-POSS.3SG-ACC' [Букварь 1873: 15];

— *мөрь* 'ягода' [Букварь 1873: 16], *мөрян* 'ягодный, с ягодами' [Букварь 1873: 16], НО *мөрым* 'ягода-ACC' [Букварь 1873: 16];

— *верь* 'место' [Букварь 1873: 19], НО *верэм* 'место-ACC' [Букварь 1873: 7];

колебания нж vs. нч:

— *онжаш* 'смотреть' [Букварь 1873: 5], *онжа* 'смотри' [Букварь 1873: 8], НО *ончыкташ* 'показать' [Букварь 1873: 15], *ончэн* 'смотреть-СВВ' [Букварь 1873: 27]

— *онжека* 'вперед' [Букварь 1873: 7], НО *ончална* [Букварь 1873: 9, 15, 16, 20, 24], *ончеклан* 'наперед (на будущее)' [Букварь 1873: 10],

Есть и колебания написания отдельных слов, важных, с точки зрения М. А. Ключевой, для определения диалектных особенностей: «Неожиданно также вместо литер. *мелна* 'блины' — *мелла* в букваре 1873 г., которое не фиксируется в луговом наречии, а лишь в малмыжском диалекте и далее на восток в говорах восточного наречия (включая вариант *мелла*)». Но реально в [Букварь 1873] представлено еще одно написание этого слова, ср. *мемнам* [Букварь 1873: 4], которое М. А. Ключева считает частично опечаткой («В этом слове, вероятно, опечатка *мемнам* вместо *мелнам*»).

Представляется, что данные, приведенные в самой статье, несколько противоречит выводам о «компилятивности» Букваря (1870). Если текст какого-то из букварей и можно было бы считать «компилятивным», то очевидно, что только [Букварь 1873], для которого автор статьи указывает конкретный диалектный источник («шиньшинско-шоруньжинский» говор), а не первое издание [УСОЧ 1870], в котором примеров различной рефлексии практически нет.

Но нам представляется, что и в случае графических колебаний в [Букварь 1873] речь идет не о «компилятивном характере», а о колебаниях, которые присутствуют и в современных марийских говорах даже в произношении одного носителя, подробнее см. ниже.

Перейдем к разбору доказательств второго вывода статьи об атрибуции [Букварь 1873] одновременно с шиньшинско-шоруньжинским говором моркинско-сернурского диалекта лугового наречия и обнаружении в нем одновременно черт малмыжского говора восточного наречия. То есть, фактически автор статьи указывает, что в [Букварь 1873] есть надежные признаки разных весьма далеких генетически групп говоров². Итак, М. А. Ключева установила, что в [Букварь 1873] есть, с одной стороны, у части слов признаки лугового наречия, в других — восточного. При этом для каждой группы признаков ей удалось даже установить конкретный современный говор, в котором представлены эти особенности.

Проанализируем, насколько эти гипотезы подтверждаются материалом, приведенным в статье. Как было указано выше, действительно в [Букварь 1873] есть ряд колебаний в графике отдельных слов. Возможно ли их соотнести с разными диалектными пластами? Оказывается, что нет, поскольку, как видно из материала статьи, в этих словах в восточных и луговых диалектах по словарю [Beke] и по полевым материалам автора, присутствуют как твердые, так и мягкие рефлексии сонанта:

² Согласно общепринятой классификации, ср., например, [Bereczki 1994], марийский язык разделяется на четыре группы наречий: луговое, восточное, северо-западное и горное. В ряде работ обсуждается вопрос о сближении в одну группу лугового, восточного и северо-западного наречий. Но здесь мы не будем останавливаться на разборе подробных аргументов в пользу того или иного решения. Для наших целей достаточно отметить, что малмыжский диалект восточного наречия и шиньшинско-шоруньжинский говор моркинско-сернурского диалекта лугового наречия генетически весьма далеки друг от друга и существенно отличаются.

колебания л' vs. л:

— *пыльпомаш* 'небо' [Букварь 1873: 26], НО *пыльпомошто* [Букварь 1873: 42], как в луговых, так и в восточных диалектах в этом слове, как указано в статье, видимо, на основании полевых материалов автора, поскольку ссылка на источник не приведена, представлена мягкая рефлексация л': вост. МК *pil'*, луг. В ВК *pil'*, но при этом в [Bereczki 1992] даны рефлексии с твердой рефлексацией вост. М *pil*, луг. *pyl*.

— *тульза* 'месяц' [Букварь 1873: 14], НО *тулзä* [Букварь 1873: 27], в этом слове как в луговых, так и в восточных диалектах есть примеры как мягкой, так и твердой рефлексации: диал. вост. МК *ti-lâžä*, но ММ *tâlže*; луг. В *til/tše*, ВИ *tl/dže*, но В ВК *tâl/dže*.

В вопросе рефлексации **нж vs. нч** как в восточных, так и в луговых говорах присутствует разнотипная рефлексация:

— *онжааш* 'смотреть' [Букварь 1873: 5], *онжа* 'смотри' [Букварь 1873: 8], НО *ончыкташ* 'показать' [Букварь 1873: 15], *ончэн* 'смотреть-СВ' [Букварь 1873: 27], ср. вост. диал. МК, луг. ВК В *oń/dže-m*, но вост. диал. М *an/dže-m*, луг. ЙТ *o-ń/DZem* [Веке IV₅: 1676]

Итак, можно видеть, что и современные материалы дают разнотипную по палатальности сонантов и твердости vs. мягкости аффрикат в этих словах, наша полевая работа с носительницей калтасинского (восточного) диалекта А. Т. Сиивонен (Сельдюковой) также показала, что рефлексация **нж vs. нч** колеблется в произношении разных слов даже у одного носителя. Поэтому эти явления не являются диагностическим для определения разнотипных пластов в [Букварь 1873].

Что же считает диагностическим для определения разных диалектных слоев (восточного и лугового) в [Букварь 1873] М. А. Ключева? В материалах статьи мы нашли только одно такое явление «литер. *мелна* 'блины' — *мелла* в букваре 1873 г., которое не фиксируется в луговом наречии, а лишь в малмыжском диалекте и далее на восток в говорах восточного наречия (включая вариант *мелла*)», но, как было показано выше, реально в [Букварь 1873] представлены два разных написания этого слова. Все остальные явления, которые отличают [Букварь 1873] от литературного марийского языка, присутствуют как в восточных, так и в луговых наречиях. Таким образом, нам представляется, что вывод о малмыжском диалектном пласте в [Букварь 1873] не подтверждается материалом самой статьи.

Рассмотрим, есть ли в материалах статьи доказательства четкой атрибуции [Букварь 1873] с шиньшинско-шоруньжинским говором? Оказывается, что тоже нет, поскольку этот говор упоминается в статье до выводов только один раз, при этом форма, приведенная из него в качестве параллели к лексеме [Букварь 1873], отличается от нее:

«— *шугш* 'червь, черви' [Букварь 1873: 28], *шугш-шамычам* 'червь-PL-ACC' [Букварь 1873: 28] ~ литер. и мар. Г *шукш* < ПМар **suks* [Bereczki 2013: 254], ср. в говорах Татарстана и Удмуртии: елабужское, мамадышское, кукм. *шугыш* и *шугуш*, кукм. *сугус*, мамадышское *шыгыш* [Вершинин 2011: 744], шиньшинское *шугыш* [НРФ МарНИИ, МФЭ-74 № 76, Тетрадь 2 (без нумерации страниц, последняя страница)].»

Получается, что на материале разбора примеров статьи выводы ее автора доказать невозможно. Но позволяет ли этот материал сделать какие-то интересные выводы о диалектной принадлежности первых марийских букварей? Конечно, для полного анализа необходимо проведение полного глоссирования материала. Но, оказывается, что и на материале статьи есть такие примеры:

- 1) как на единообразную рефлексацию в обоих букварях, но отличающуюся от литературной марийской,
- 2) так и на рефлексацию согласных и грамматических показателей, которая различается в [УСОЧ 1870] и [Букварь 1873] и, как показывают данные современных диалектов по [Bereczki 1994], именно она различается в разных луговых диалектах.

Вот примеры из статьи М. А. Ключевой архаизмов и диалектных инноваций в Букварях:

- 1) Особенность, характерная для обоих букварей: **ноль звука на месте ауслатного литер. -й, мар. Г. ноль звука (< ПМар. *j-)**. По [Грузов 1965: 208] это свойственно большинству марийских говоров за исключением **уфимского, кильмезского, малмыжского, северо-западных диалектов.**

— *ни* 'лыко' [УСОЧ 1870: 7; Букварь 1873: 8] ~ литер. *ний*, мар. Г *ни*, истор. *ни* (1775), *ни* (1785), диал. ЦЯ ЦЮ ЙТ *ni*, УП ВК В ЯО ЯП Т Г *ni*, но Кр Б М МК *nij* < ПМар **nij* [Bereczki 2013: 161];

— *и* 'год' [Букварь 1873: 11, 17-19] ~ литер. *ий*, мар. Г *и*, истор. *и* (1775), *ие* (1785), диал. У ЦЮ ВК В Я Й Т Г *i*, но Кр Б М *ij* < ПМар **ij* [Bereczki 2013: 21];

— *кю* 'камень' [Букварь 1873: 44] ~ литер. *күй*, мар. Г *кү*, истор. *кю* (1775, 1785), диал. У ЦЮ ВК В Я Й Т Г *kü*, но Кр Б М *kij* < ПМар **kij* [Bereczki 2013: 98];

— *ли* 'будь' [УСОЧ 1870: 4; Букварь 1873: 4] ~ литер. *лий*, мар. Г *ли*, *ок-ли* 'нельзя' [УСОЧ 1870: 8] [Букварь 1873: 10] ~ литер. *ок лий*, мар. Г *ак ли*, *лина* 'будем' [УСОЧ 1870: 4; Букварь 1873: 4] ~ литер. *лийына*, мар. Г *лина*, *ит-ли* 'не будь' [УСОЧ 1870: 10] ~ литер. *ит лий*, мар. Г *ит ли*, *лиже* 'пусть будет' [УСОЧ 1870: 10] ~ литер. *лийже*, мар. Г *лижби*, *инэит-ли* 'пусть не будут' [УСОЧ 1870: 12] ~ литер.

ынышит лий, мар. Г *б̄нж̄б̄ишт̄б̄и л̄иэп* < литер. *лияш* ‘быть’, мар. Г *лиаш*, диал. У ЦЮ ВК В ЙТ *liam*, ЯО Т Г *liām*, но Кр Б *lijam*, М *lijām* < ПМар **liam* [Bereczki 2013: 114];

— *мю* ‘мед’ [УСОЧ 1870: 3] [Букварь 1873: 3] ~ литер. *м̄й̄й̄*, мар. Г *м̄й̄*, *м̄юм* ‘мед-АСС’ [УСОЧ 1870: 4] ~ литер. *м̄й̄й̄ым*, но разг. *м̄йм̄*, мар. Г *м̄йм̄* ~ диал. У ВК ЦЮ В Я Й Т Г *т̄й̄*, Кр Б М *т̄ий̄* < ПМар **t̄ij̄* [Bereczki 2013: 154];

— *ј̄м* ‘масло-АСС’ [УСОЧ 1870: 4; Букварь 1873: 4, 39] ~ литер. *ј̄й̄ым*, но разг. *ј̄м*, мар. Г *ј̄м* < литер. *ј̄й̄* ‘масло-НОМ’, мар. Г *ј̄*, диал. У ЦЯ ЙТ Г *й̄*, но Кр Б БЯп М ММ МК *ij̄* < ПМар **ij̄* [Bereczki 2013: 303];

— *шюм* ‘шея-АСС’ [УСОЧ 1870: 4] ~ литер. *ш̄й̄й̄ым*, мар. Г *ш̄йм̄* < литер. *ш̄й̄й̄* ‘шея-НОМ’ ~ мар. Г *ш̄й̄*, истор. *шю* (1775), диал. У ЦЮ ВК В Я Й Т Г *ш̄й̄*, но Кр Б М МК *šij̄* < ПМар **šij̄* [Bereczki 2013: 263];

— *ви* ‘сила’ [Букварь 1873: 37], *вим* ‘сила-АСС’ [Букварь 1873: 26, 37, 44, 47, 51], *вижам* ‘сила-POSS.3SG-АСС’ [Букварь 1873: 41] ~ литер. *вий̄*, мар. Г *ви*, истор. *ви* (1775), *ви* (1785), диал. Кр Б М *wij̄*, У ЦЮ ВК В Я Й Т *wī* < ПМар **wij̄* [Bereczki 2013: 312].

2) В букварях представлено несколько черт, которые могли бы свидетельствовать об их принадлежности к разным диалектам:

а) **-нз- (1870) ~ -нч- (1873) ~ литер., луг. большинство говоров -нч- ~ мар. Г, СЗ, луг. йошкар-ол. -нз-, мар. В *н̄з̄* (< ПМар. **н̄з̄*)**

— *тинза* ‘глаза’ [УСОЧ 1870: 8], но *шинча* [Букварь 1873: 9] ~ литер. *шинча*, мар. Г *с̄б̄нз̄ä*, истор. *шиндза* (1775), *шинза* (1785), диал. Кр Б У ЦЮ *ših̄z̄a*, М *ših̄z̄a*, ВК В *šāh̄z̄a*, ЙТ *šāh̄z̄a*, ЯП ЯО Т ГШ *šāh̄z̄ä*, Г *sāh̄z̄ä* < ПМар **ših̄-z̄a* **ših̄-ñz̄a* [Bereczki 2013: 234];

— *шиза* ‘знает’ [УСОЧ 1870: 8], но *шинча* [Букварь 1873: 10], *шинчен* ‘узнав’ [Букварь 1873: 25], *шинчиша* ‘знающий’ [Букварь 1873: 25], *шинчэм* ‘знаю’ [Букварь 1873: 46], *шинчиде* ‘не зная’ [Букварь 1873: 44], *шинчидэмо* ‘незнаемое’ [Букварь 1873: 25] ~ литер. *шинчаиш*, мар. Г *с̄б̄нз̄äиш*, диал. Кр Б М У ЦЮ *ših̄d̄že-m*, ВК В *šāh̄d̄že-m*, ЙТ *šā-n̄DZem*, ЯО ГШ *šā-n̄dzem*, Т *šā-n̄DZem*, ГА ГЕ *sā-n̄dzem* [Beke IV₇: 2392] < ПМар см. выше (корень слова *шинчаиш* ‘знать’ ~ *шинча* ‘глаз’).

б) **д- (1870) ~ й-//д- (1873) ~ литер., СЗ, луг., вост. большинство говоров, мар. Г й- ~ мар. вост. свердлов., мишкин., малмыж., луг.: йошкар-ол., моркин., пектубаев., пижанск. д'- [Грузов 1965: 208] (< тюрк. *ј-*) (в начале слова) (все случаи — в тюркизмах и словах с неясной этимологией):**

— *дэн* ‘человек’ [УСОЧ 1870: 4 и далее], но *йын* [Букварь 1873: 4 и далее] ~ литер. *ен*, мар. Г литер. *ø*, диал. Кр Б М МК *d'è-η*, ЦЮ *d'ā-η*, ВК В *d'ā-η*, ЙТ Т *d'è-η*, но ЦЯ *jā-η*, УС *jì-η*, Б УП УСя ЯО *jè-η*, ГЕ *jä-η^с*, ГА *jä-ηg* [Beke IV₂: 393] < чув. *сын* ‘человек, люди, народ, общество’ (< ПТю **jalāñuk*) [ЭСЧЯ, 2: 153; EDAL];

— *дэнай* ‘невестка’ [УСОЧ 1870: 4], но *енгай* [Букварь 1873: 4] ~ литер. *енгай*, мар. Г *енгä*, диал. Кр МК *d'engä*, М *d'engä*, ЙТ *d'jeñGä*, Т *d'je-ñgä*, но Б *jenga*, УП *jñgä*, ЦЯ *jñga*, УСя УС *ingä*, ЯО Г *je-ñgä* [Beke IV₂: 395] < тюрк. (ср. чув. *инке* [ЭСЧЯ, 1: 168]);

— *дишам* ‘семья-АСС’ [УСОЧ 1870: 8; Букварь 1873: 9], *дишке* ‘семья-СОМ’ [Букварь 1873: 19] ~ литер. *еш*, мар. Г *йиш*, диал. Кр М МК *d'e-š*, ЙТ *d'jā-š*, ЦЮ *d'ā-š*, ВК В *d'ji-š*, Т *d'jā-š*, ГА *d'ji-š* < ? (ср. чув. *йиш* ‘количество; группа; семья’, удм. *эшто, эшко* ‘коллективно, семейно’);

— *дидэ* ‘каждый (послелог)’ [Букварь 1873: 21, 27, 33], *дидэат* ‘и каждый’ [Букварь 1873: 21], *дидэак* ‘каждый-DEM’ [Букварь 1873: 36] ~ литер. *еда*, мар. Г *йыде*, диал. Кр *d'āde*, ЙЧ ЙТ *d'jā-de*, ГШ *djā-de*, БЯп *d'āda*, ЦЮ *d'āda*, В ВК *d'jeda* [Beke IV₂: 405].

в) **3 лица множественного числа первое прошедшее время: -эве (1870), мар. Г, СЗ, луг. западная группа йошкар-олинских говоров [Bereczki 1994: 23] ~ в этом значении используется форма второго прошедшего времени -ышт (1873), литер. мар., луг. большинство говоров, вост.;**

г) **отрицательные формы настоящего-будущего времени: ок + основа глагола + -ен (1870), мар. Г, СЗ ~ огыт + основа глагола (+ (для глаголов II спряжения) конечный гласный о, ö или е (1873), литер. мар., вост. (сведения по рефлексации этой формы в луговых говорах в доступной нам литературе не найдена).**

Еще важно отметить, что в текстах обоих букварей нет наиболее диагностической черты, указывающей на СЗ и Мар.Г.: *ц-* на месте литер. *ч-*:

— *черлә* [Букварь 1870: 7; Букварь 1873: 8] ‘больной’ (~ литер. *черле*, мар. Г *ц̄ерл̄ө*, В, Ц, М, Кр, Б *t̄š̄erle*, В, В(м), У, Кр, Б *t̄š̄erlane-m* ‘болею’, Т, мар. Г *tserlä-nem* [Beke IV₉: 3052]) < тюрк. (ср. чув. *чирлө*) [ЭСЧЯ, 2: 420];

— *чила* [Букварь 1870: 7] / *чыла* [Букварь 1873: 8] ‘все’ (~ литер. *чыла*, мар. Г *ц̄ил̄ä*, диал. У, М(к) *čila*) < ПМар **čila* [Bereczki 1992: 7], **čilz* [Bereczki 2013: 5];

Представим итоги рассмотрения диалектных особенностей букварей в виде таблицы (данные о рассматриваемых признаках в современных диалектах приводятся по [Bereczki 1994]):

	Букварь (1870)	Букварь (1873)	луговые диалекты				восточные большинство	северо-западные большинство	мар. Г
			литер.	луговые большинство	моркинский	йошкар-олинский ³			
-θ < ПМар. *j-	+	+	—	+	+	+	+	—	+
ч- < ПМар. *č	+	+	+	+	+	— // + ⁴	+	—	—
-нз- < ПМар. *ńǰ	+	—	—	—	—	+	—	+	+
ð'- < тюрк. j-	+	+ // —	—	+ // —	+ // —	+	+ // —	—	—
3 лица мн. ч. прош. вр. -эве	+	—	—	—	—	+	—	+	+
отриц. формы наст. вр.: ок + основа глагола	+	—	—	?	?	?	—	+	+

Итак, можно видеть, что рассмотренные особенности Букваря (1870) полностью совпадают с диалектными чертами йошкар-олинского диалекта лугового наречия марийского языка, по классификации [Bereczki 1994], носители которого проживали на широкой территории от Яранска до Уржума. В рамках дальнейшей полевой работы планируется выявить все говоры, которые удовлетворяют этим условиям.

На основании рассмотренных признаков диалектная основа Букваря (1873) совпадает с большинством других луговых диалектов. Однако, обращение к особенностям написания отдельных слов, отмеченных в статье М. А. Ключевой, позволяет уточнить и диалект, который лег в основу этого Букваря. А именно, *меллам* 'блин(ы)-АСС' [Букварь 1873: 24], *НО мемнам* (видимо, опечатка вместо *мелнам*) [Букварь 1873: 4], которое и М. А. Ключева считает единственным четким указанием на наличие малмыжского пласта лексики в Букваря (1873): «*мелла* в букваре 1873 г., которое не фиксируется в луговом наречии, а лишь в малмыжском диалекте и далее на восток в говорах восточного наречия (включая вариант *мелла*)». Но данные недавно опубликованного в Хельсинки словаря [Moisio, Saarinen 2008: 177] как раз указывают, что **единственный говор, в котором бытовало одновременно два варианта произношения *mella, melna* — это моркинский диалект лугового наречия марийского языка**. Это же касается и другого диагностического слова, приведенного М. А. Ключевой «*онса* 'дверь' (~ литер. *омса*), фиксирующееся лишь в сернурском диалекте лугового наречия (и далее на восток — в уржумском, малмыжском и других говорах восточного наречия — *онс'а*)». По данным словаря [Moisio, Saarinen 2008: 455] в моркинском диалекте было представлено одновременно две формы *omsa', opsa'*.

Таким образом, на основании рассмотренного материала, можно предположить, что Букварь (1873) был написан на моркинском диалекте. Это полностью согласуется с данными приведенными в статье [Ключева, Норманская 2015] о назначении Г. Я. Яковлева, предположительного автора Букваря (1873), в 1871 году в деревню Унжа Шиньшинского прихода Царевококшайского уезда, которая находилась на территории распространения моркинского диалекта, и подтверждает вывод М. А. Ключевой о том, что в Букварь (1873) был написан на шиньшинско-шоруньжинском говоре.

В заключении хочется подчеркнуть, что нами не было выявлено указаний на «компилятивный» характер букварей. Наоборот, в них очень точно, сравнимо с наиболее современным словарем, подготовленным финскими учеными [Moisio, Saarinen 2008], зафиксирована устная речь носителей йошкар-олинского диалекта в Букваре (1870) и шиньшинско-шоруньжинском говора моркинского диалекта в Букваре (1873) диалектов. Автором второй редакции Букваря (1873) бесспорно можно считать Г. Я. Яковлева. А имя составителя первого лугового Букваря (1870) нуждается в дальнейшем выяснении, поскольку это вряд ли мог быть Г. Я. Яковлев, проживавший в 1869—1870 гг. в Козьмодьянском уезде, на территории распространения горного диалекта марийского языка.

³ В этой заметке мы вслед за [Bereczki 1994] обозначаем так группу говоров, распространенных от Яранска до Уржума. Согласно [Куклин 2016], эти говоры относятся к луговым, но он выделяет их в разные группы. Поскольку мы не нашли детальных описаний этих говоров и оснований их разделять на группы, то придерживаемся классификации, предложенной Г. Берецки.

⁴ В современном йошкар-олинском говоре по классификации [Куклин 2016] ПМар. *č > c, но, как указывается в работе [Bereczki 1994:23], в других говорах этой группы, расположенных от Яранска до Уржума, представлен рефлекс ПМар. *č > č.

Литература⁵

Бакула 2016 — *Бакула В. Б.* Вокализма первого слога в кильдинском диалекте саамского языка по данным Евангелия от Матфея (1878) // Урало-алтайские исследования, 2016, 3. С. 13—33. {*Bakula V. B.* Vocalism of the first syllable in the Kildin dialect of the Sami language based on data from Matthew's Gospel (1878) // *Ural-Altaic Studies*, 2016. Vol. 3. P. 13—33.}

Безенова 2016a — *Безенова М. П.* Наставление христианское святителя Тихона на вотском языке 1891 г.: графические и вокалические особенности // Урало-алтайские исследования, 2016, 1. С. 7—40. {*Bezenova M. P.* The “Christian admonition of St. Tikhon in the Votyak language” (1891): graphical and vocalic specifics // *Ural-Altaic Studies*, 2016. Vol. 1 (20). P. 7—40.}

Безенова 2016b — *Безенова М. П.* Наставление христианское святителя Тихона на вотском языке 1891 г.: особенности консонантизма // Урало-алтайские исследования, 2016, 3. С. 46—63. {*Bezenova M. P.* The “Christian admonition of St. Tikhon in the Votyak language” (1891): consonantism specifics // *Ural-Altaic Studies*, 2016. Vol. 3 (22). P. 46—63.}

Дыбо, Норманская 2016 — *Дыбо А. В., Норманская Ю. В.* Первые кириллические книги на казахском языке как источники для изучения истории диалектов и создания литературной нормы // Урало-алтайские исследования, 2016, 4. С. 138—153. {*Dybo A. V., Normanskaya Yu. V.* First Cyrillic books in Kazakh as sources for dialect and literary norm studies // *Ural-Altaic Studies*, 2016. Vol. 4. P. 138—153.}

Куклин 2016 — *Куклин А. Н.* Разновидности ассимиляций гласных и согласных в звуковом потоке речи луговых и уральских мари // Вестник марийского государственного университета, 2016, 1 (10). С. 105—112. {*Kuklin A. N.* Varieties of vowel and consonant assimilation in sound stream of the Meadow and Ural Mari speech // *Mari State University Bulletin*, 2016. Vol. 1 (10). P. 105—112.}

Норманская 2015 — *Норманская Ю. В.* Ударение в первых книгах на селькупском языке, созданных Н.П.Григоровским в XIX веке // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований, 2015, 4. С. 9—17. {*Normanskaya Yu. V.* Stress in the first Selkup-language books, created by N. O. Grigorovskiy in the 19th century // *Tomsk journal of linguistic and anthropological studies*, 2015. Vol. 4. P. 9—17.}

Норманская, Каримова, Эмба 2017 — *Норманская Ю. В., Каримова Р. Н., Эмба З. Н.* В. В. Катаринский — автор первой кириллической книги на башкирском языке? // Урало-алтайские исследования, 2017, 2. С. 46—53. {*Normanskaya Yu. V., Karimova R. N., Ekba Z. N.* Is V. V. Katarinski the author of the first Bashkir-language book? // *Ural-Altaic Studies*, 2017. Vol. 2. P. 46—53.}

Норманская, Кошельюк 2017 — *Норманская Ю. В., Кошельюк Н. А.* Архивный пельымско-русский словарь, составленный русским священником о. Константином Слобцовым, как источник, позволяющий оценить точность записей в мансийских словарях А. Каннисто и Б. Мункачи // Урало-алтайские исследования, 2017, 3. С. 151—161. {*Normanskaya Yu. V., Koshelyuk N. A.* Archival Pelym-Russian dictionary, compiled by the Russian priest, father Konstantin Slovtsov, as a source for estimating the accuracy of recordings in the Mansi dictionaries of A. Kannisto and B. Munkácsi. // *Ural-Altaic Studies*, 2017. Vol. 3. P. 151—161.}

Нуриева 2015 — *Нуриева Ф. Ш.* Диалектная основа книг на «крещено-татарском» языке второй половины XIX века // Урало-алтайские исследования, 2015, 2. С. 67—74. {*Nurieva F. Sh.* Dialectal basis of the books in “Kresheno-Tatar” language of the second half of the 19th century // *Ural-Altaic studies*, 2015. Vol. 2 (17). P. 67—74.}

Нуриева 2017 — *Нуриева Ф. Ш.* Языковой памятник говора сергачских мишарей: текст исповеди XIX века // Урало-алтайские исследования, 2017, 3. С. 161—174. {*Nurieva F. Sh.* A linguistic monument of the Sergach Mishars' dialect: a confession text from the 19th century // *Ural-Altaic Studies*, 2017. Vol. 3. P. 161—174.}

Савельев 2016 — *Савельев А. В.* Чувашский перевод одной проповеди середины XIX века // Урало-алтайские исследования, 2016, 1. С. 68—105. {*Savelyev A. V.* Chuvash translation of a mid-19th century sermon. *Ural-Altaic Studies*, 2016. Vol. 1. P. 68—105.}

Bereczki 1994 — *Bereczki G.* Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte I. Szeged, 1994. (= *Studia Uralo-Altaica*, 35.)

Moisio, Saarinen 2008 — *Moisio A., Saarinen S.* Tscheremissisches Wörterbuch. *Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXXII*. Helsinki, 2008, XIX.

Норманская Юлия Викторовна, Институт языкознания РАН (Москва); julianor@mail.ru

Yulia V. Normanskaya, Institute of Linguistics (Moscow); julianor@mail.ru

⁵ Основные источники и сокращения перечислены в Списке литературы и Списке сокращений к статье М. А. Ключевой, здесь приведены только дополнительные названия.

Валентин Иванович Рассадин

Валентин Иванович Рассадин был одним из крупнейших в мире специалистов в области сравнительно-исторического монгольского и тюркско-монгольского языкознания, известный исследователь малочисленных тюркских языков и их диалектов Саяно-Алтайского региона России и Монголии. Он всегда был примером компетентного и независимого исследователя лингвиста, продолжающего традиции великих ученых XIX—XX веков. Эти качества особенно ценны в наше время, когда личность ученого поглощается так называемой современной парадигмой.

Более 50 лет В. И. Рассадин выполнял самоотверженный титанический труд по изучению и описанию языка малой исчезающей тюркоязычной народности — тофаларов, который почти не был известен науке. Созданное им полное научное описание тофаларского языка явилось научной базой, на основе которой была разработана тофаларская письменность. Он описал звуковой строй тофаларского языка и их основные закономерности. Изучение фонетики этого языка велось посредством восприятия звуков речи на слух. Слух у Валентина Ивановича был настолько острым и совершенным, что экспериментальное исследование полностью подтвердило его правильность.

Внедрение в школьную программу преподавания родного языка спасло тофаларский язык от исчезновения, он получил шанс для развития как полноценный и полноправный член многонационального российского сообщества. Таким же путем был спасен и этнос сойотов Бурятии, тоже получивших из рук В. И. Рассадина свою письменность, букварь и школьное преподавание.

В. И. Рассадин родился 12 ноября 1939 года в г. Пскове, который в первые же дни Великой Отечественной войны, был оккупирован гитлеровскими войсками. В 1943 г. вместе с матерью он был угнан в фашистское рабство в Литву, где и встретил спустя два года день освобождения, день Победы. В 1957 г. он поступил в Ленинградский госуниверситет имени Жданова на восточный факультет на монгольскую филологию, поскольку еще в школьные годы интересовался и увлекся восточными языками, в частности, татарским, самостоятельно изучив и арабскую письменность. В то же время будущий ученый интересовался и тюркологией, получив разрешение посещать некоторые лекции и на соседней тюркской кафедре, в качестве второго восточного языка изучал древнетюркский язык. В 1962 году получил специальность «монголовед-филолог».

По окончании университета работал переводчиком с монгольского языка в г. Дархане МНР при Управлении Стройтреста №1 Минстроя СССР в МНР. В 1963—1966 гг. учился в очной аспирантуре Новосибирского госуниверситета по специальности «тюркские языки» и изучал тофаларский язык. В 1967 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Лексика современного тофаларского языка», в 1983-м — докторскую диссертацию на тему «Тофаларский язык и его место в системе тюркских языков». В 1991 г. Рассадину присвоено ученое звание «профессор» по специальности «языки народов СССР». Спустя год, он избирается членом-корреспондентом РАЕН по секции «Российская энциклопедия», а в 2007-м — академиком РАЕН по секции «Российская энциклопедия».

Удостоен почетных званий: «Заслуженный деятель науки Бурятской АССР» (1980), в 1988 г. избран иностранным членом-корреспондентом Международного финно-угорского научного общества (Хельсинки, Финляндия), «Заслуженный деятель науки РСФСР» (1990), Почетный знак «Серебряная сигма» СО РАН (1999), Награжден орденом «Дружба» (2001), в 2001 году удостоен первой Бурятской республиканской общественной премии «Признание» в области науки с вручением диплома и золотой медали «Алдар соло», «Передовик науки Монголии» (2005), член Российского комитета тюркологов (2008), «Заслуженный деятель науки Республики Калмыкия (2009), Знак отличия Республики Саха (Якутия) «Гражданская доблесть» (2009), серебряная медаль Академии наук Республики Саха (Якутия) «За заслуги в развитии науки Республики Саха (Якутия)» (2014), орден «Полярная звезда» (Монголия, 2014), Золотая медаль Академии Наук Монголии «Хубилай хан», «Заслуженный профессор Бурятского государственного университета» (2014), «Почетный профессор Монгольского университета «Гурван эрдэни» (2009), «Почетный доктор Академии наук Монголии» (2014), «Почетный доктор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН» (2014), «Почетный работник высшего профессионального образования» (2014). Кроме того, является лауреатом Всемирного объединения «МОМТ VATAN», награжден Почетными знаками и Почетной грамотой за развитие национальной культуры тюркомесхетинцев (КИВАТЕК) (2012), награждался многочисленными Почетными грамотами разного уровня. Он ветеран Сибирского отделения РАН, ветеран войны и труда, несовершеннолетний узник фашистских концлагерей.

Кроме того, он являлся экспертом РНФ, РГНФ, руководителем и исполнителем российских и международных грантов, членом редколлегии научных журналов как в России, так и за рубежом. Был членом Совета старейшин при Президенте Республики Бурятия с 1996 г. по 2006 г.

Трудовая и научная деятельность началась в 1966 г., когда он после окончания очной аспирантуры был приглашен на работу в отдел языкознания Института общественных наук (ныне Институт монголоведения, буддологии и тибетологии) Бурятского научного центра СО РАН в качестве младшего, затем старшего научного сотрудника, а в 1988 г. избирается главным научным сотрудником отдела языкознания. Работал в этой должности до февраля 2006 года, когда был переведен на работу в Калмыцкий госуниверситет.

Свои исследования В. И. Рассадин проводит в трех основных направлениях: 1) монголоведном; 2) тюркологическом; 3) алтаистическом. Основной особенностью исследовательской деятельности ученого является то, что при изучении живых монгольских и тюркских языков и их диалектов он опирается главным образом на собственный полевой материал, собранный им во время многочисленных экспедиционных поездок в места расселения носителей этих языков и диалектов, причем как на территории России (Бурятия, Хакасия, Горный Алтай, Тува, Иркутская область), и Киргизии, так и Монголии и Китая. В течение 35 лет он почти ежегодно ездил в эти диалектологические экспедиции. В своих работах он вводит в научный оборот большое количество нового, во многом уникального фактического материала из малоизученных языков и диалектов, некоторые из которых находятся ныне на грани исчезновения.

В. И. Рассадин получил международное признание и как специалист по диалектам и говорам бурятского языка, истории монгольских языков и их исторических связей с тюркскими языками. Работы Рассадина В. И. почти целиком строились на его полевых диалектологических записях. Диалектологические работы вводят в науку новый уникальный фактический материал, опираясь на положения, выдвинутые в данных работах, учителя смогут скорректировать преподавание литературного языка в условиях говора.

В своих трудах проф. В. И. Рассадин разрабатывает такие крупные проблемы монгольского и тюркского языкознания, как, например, историческая фонетика бурятского языка, сравнительно-историческая грамматика бурятского языка, этимологический словарь бурятского языка, присаянские и нижнеудинский бурятские говоры, тюрко-монгольские исторические языковые связи, взаимовлияние тюркских и монгольских языков и др. Свои исследования он строит на широком сравнительном материале из современных, средневековых и древних монгольских и тюркских языков, каковыми прекрасно владеет.

Значительны заслуги В. И. Рассадина в разработке научной проблемы взаимодействия монгольских и тюркских языков и народов в истории и современности. В. И. Рассадин — автор более 450 трудов по этой тематике, в их числе 48 монографий. Авторитет В. И. Рассадина как специалиста по проблемам тюркологии и монголистики признан во всем мире.

Разработки В. И. Рассадина в области алтаистики, касающиеся как проблем установления родства монгольских языков с тюркскими, так и выдвижения новых методов исследования этой гипотезы получили полную поддержку и одобрение алтаистов. В. И. Рассадину принадлежит ряд монографий, научных статей, докладов, в которых выдвинута основополагающая, причем спорная проблема алтаистики — проблема сложения и существования тюрко-монгольской языковой общности, наличие которой фактически и легло в основу гипотезы генетического родства так называемых алтайских языков: тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских. Разделяя контактную теорию появления столь огромного количества общих элементов, особенно между тюркскими и монгольскими языками, В. И. Рассадин показал и обосновал, что тюрко-монгольская языковая общность в основном сложилась в результате тюркского влияния на лексику в монгольских языках, которое и началось в общемонгольскую эпоху, так же обосновал монгольское происхождение части тюркской лексики, относящейся к эпохе Юаньской империи, эпохи экспансии монголов. Разработан семантический метод изучения лексики алтайских языков. Кроме того, выявленный общий тюрко-монгольский лексический материал был разбит на лексико-семантические группы и тем самым В. И. Рассадин попытался установить наличие и соотношение действительно общих и заимствованных элементов, для установления реального объема и глубины контактов алтайских народов. Были выработаны соответствующие критерии для определения явных взаимных заимствований и выявления элементов подлинной языковой тюрко-монгольской общности, если таковая в действительности выявится, которую можно отнести к алтайскому праязыку и тем самым подтвердить или опровергнуть гипотезу о генетическом родстве так называемых алтайских языков.

По мнению В. И. Рассадина, сравнительное изучение тюркских языках Саянского региона, включая и сойотский показало, что сама эта подгруппа делится на два четких ареала: 1) степной — с языками тувинским (Россия, Монголия) и кёк-мончаков (Монголия, Китай) и 2) таежный, куда входят тофаларский и сойотский (Россия), цаатанский и уйгуро-урянхайский (Монголия) языки. К таежному ареалу, согласно В. И. Рассадину, по многим признакам примыкает и тоджинский диалект тувинского языка (Россия).

В. И. Рассадин известен также и как переводчик с немецкого на русский классического труда академика О. Н. Бётлингга «О языке якутов» (издан в Санкт-Петербурге в 1851 г.). Его перевод опубликован в издательстве «Наука» в 1989 г.

Валентин Иванович Рассадин, посвятивший свою жизнь изучению тофаларов, одного из тюркских народов Сибири, начал с их языка. Он жил с носителями языка бок о бок в тайге, чумах, на горных пастбищах, записывал речь, собирал образцы богатого фольклора маленького народа. Валентин Иванович составил уникальную картотеку тофаларского языка, в ней 40 тысяч карточек. И уже на основании этой картотеки им создан и издан в Москве академический «Тофаларско-русский словарь» объемом более 16 тысяч слов, иллюстрированных тщательно подобранными примерами. Изучая язык тофаларов, сойотов ученый руководствовался желанием понять культуру, духовную жизнь народа. В отличие от многих современных исследователей, он знал, что для этого необходимо научиться видеть мир сквозь призму их родного языка. Любой народ — это прежде всего его язык, который объединяет современников, роднит потомков и предков. Есть язык — есть народ, нет языка — нет и народа.

Фольклористы высоко ценят работы Валентина Ивановича Рассадина по фольклору тофаларского народа. Широко известны и этнографические труды В. И. Рассадина, посвященные разнообразным аспектам материальной и духовной культуры тюрко-монгольских народов. Он исколесил почти всю Восточную Сибирь, всю Среднюю Азию, Монгольскую Народную Республику. И каждый раз привозил не только «языковые» записи, но и ценный этнографический материал, связанный с духовной культурой тюркских народов. Он готовил к изданию свои полевые записи.

В рамках созданной им научной школы «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание», В. И. Рассадиным подготовлено 50 кандидатов и 6 докторов наук, успешно работающих в монголоведении и тюркологии.

Трудно поверить в то, что мы потеряли великого ученого, светило монголоведения и тюркологии, подвижника, бескорыстно служащего науке и людям, очень скромного, просто замечательного, отзывчивого, теплого, душевного человека, который чужие интересы ставил выше своих.

Валентин Иванович посвятил себя науке, внес огромный вклад в развитие отечественного монголоведения, тюркологии и алтаистики. Профессиональный, творческий путь В. И. Рассадина свидетельствует о ярком таланте, мастерстве и самоотдаче, подтверждает то, что истинный ученый всегда верен высочайшим принципам творчества, созидания, гуманизма.

Блистательный, многогранный, «обыкновенный гениальный ученый» скончался 15 августа 2017 года.

Дыбо Анна Владимировна, Институт языкознания РАН (Москва); adybo@mail.ru

Anna V. Dybo, Institute of Linguistics of RAS (Moscow); adybo@mail.ru

Салаев Бадма Катинович, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (Элиста); uni@kalmsu.ru

Badma K. Salaev, Gorodovikov Kalmyk State University (Elista); uni@kalmsu.ru

Трофимова Светлана Менкеновна, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (Элиста); trofimova_sm@kalmsu.ru

Svetlana M. Trofimova, Kalmyk State University (Elista); trofimova_sm@kalmsu.ru

Валентин Иванович Рассадин
(12 ноября 1939 — 15 августа 2017)

Валентин Иванович Рассадин прожил насыщенную и интересную жизнь. Он был не только ученым-теоретиком, много и плодотворно занимавшимся изучением тюркских и монгольских языков, не только лингвистом-практиком, проводившим месяцы в экспедициях, но и прекрасным педагогом и просветителем, оставившим после себя многочисленных учеников, создавшим научную школу, внесшим огромный вклад в сохранение тофаларского и сойотского языков.

Валентин Иванович родился в Пскове в 1939 году в ижорской семье и в детстве воспитывался у бабушки, от нее воспринял язык и культуру ижорцев. Некоторые ижорские песни Валентин Иванович помнил и тогда, когда всякая связь с ижорцами прекратилась.

В детстве ему пришлось перенести тяжелое испытание, в 1942 году он был угнан фашистами в Литву вместе с матерью, где он и находился до конца войны. Затем вместе с отцом-военным пришлось много поехать по стране, поучиться в школе в том числе с детьми самых разных национальностей. Интерес к языкам проявился еще в детстве. Так, татарский язык он начал изучать от соседа по парте и тогда уже заметил сходство татарских местоимений с ижорскими. Отсюда возник и интерес к проблеме родства языков, и к восточным языкам в целом.

В 1957 году В. И. Рассадин поступил на монгольское отделение Восточного факультета Ленинградского университета. По окончании он провел год в Монголии, работая там переводчиком. Затем, в 1963 году поступил в аспирантуру Новосибирского университета, где его руководителем стала знаменитая Е. И. Убрятова. Кандидатская диссертация В. И. Рассадина была посвящена лексике тофаларского языка.

Тофалары и их язык занимали особое место в жизни Валентина Ивановича. С 1964 по 1976 год он ездил в экспедиции к тофаларам, подолгу жил среди них, работал вместе с ними, впитывал их язык не только в ходе опросов, но и в ходе бытового общения. В результате до того крайне фрагментарно представленный в научных работах язык малочисленного тюркского народа получил фундаментальное описание, выполненное в книгах «Фонетика и лексика тофаларского языка» [Рассадин 1971], «Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении» [Рассадин 1978], «Словарь тофаларско-русский и русско-тофаларский» [Рассадин 2005]. Позже тофаларскому языку и его месту в системе тюркских языков была посвящена и докторская диссертация Валентина Ивановича [Рассадин 1983].

В. И. Рассадин создал письменность для тофаларского языка на основе кириллицы, учитывающую все его фонетические особенности, которая была утверждена в 1989 году. В том же году был издан первый тофаларский букварь, потом другие учебники, хрестоматии и словари. С 1990 года тофаларскому языку стали обучать в начальных классах тофаларских школ и старших группах детских садов. Тофаларские учителя постоянно обращались к Валентину Ивановичу за дополнительной подготовкой, и он помогал им в освоении родного, но, к сожалению, мало используемого языка. И хотя сферой применения тофаларского языка по-прежнему остается только домашнее общение, Валентину Ивановичу удалось несколько стабилизировать положение этого исчезающего языка. Позже В. И. Рассадин предпринимает попытки по возрождению другого исчезающего тюркского языка — сойотского, носители которого фактически перешли на бурятский или русский языки.

По окончании Новосибирского университета В. И. Рассадин переезжает в Улан-Удэ и начинает работать в отделе языкознания Института общественных наук (сейчас Институт монголоведения, буддологии и тибетологии) Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН. В Бурятии Валентину Ивановичу удалось создать собственную научную школу, написать множество интересных работ по монголистике и тюркологии. Пожалуй, наиболее важной работой этого периода являются «Очерки по исторической фонетике бурятского языка» [Рассадин 1982]. При всей скромности этого названия это одно из самых подробных и глубоких на тот момент исследований фонетики северно-монгольских языков. В нем содержится множество интересных наблюдений над фактами не только бурятского, но и других монгольских языков, изучаются вопросы влияния тунгусо-маньчжурских языков на становление бурятского как отдельного языка. В те же годы Валентин Иванович пишет подробные описания некоторых говоров бурятского языка (нижнеудинского и окинского).

Для работ Валентина Ивановича характерно основательное знание диалектного материала. Это неудивительно, в течение 35 лет В. И. Рассадин ездил в диалектологические экспедиции по местам расселения тюркских и монгольских народов, как в России (Бурятия, Хакассия, Горный Алтай, Тува, Иркутская область), так и за ее пределами (Киргизия, Монголия, Китай).

В 2006 году по приглашению ректора Калмыцкого государственного университета Г. М. Борликова Рассадин переезжает в Элисту, климатические условия которой более благоприятны для его здоровья, и становится руководителем «Научного центра монголоведных и алтаистических исследований» КГУ и профессором кафедры калмыцкого языка и монголистики.

Всегда интересовали Валентина Ивановича и взаимоотношения монгольских языков с тюркскими и тунгусскими. Он неоднократно возвращался к этой теме, см., например, «Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках» [Рассадин 1980], а в элистинский период жизни издал специализированные монографии «Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Ч. 1: Тюркское влияние на лексику монгольских языков» [Рассадин 2007], «Ч. 2: Монгольское влияние на лексику тюркских языков» [Рассадин 2008]. В. И. Рассадин рассматривает алтайскую семью как состоящую только из континентальных семей: тюркской, монгольской и тунгусо-маньчжурской. При этом родство всех трех семей между собой он не считает окончательно доказанным, хотя и достаточно вероятным. Более того, он высказывает достаточно неожиданную мысль о более близком родстве тюркской и тунгусо-маньчжурской семьи друг с другом, при том, что монгольские языки более удалены от них. Основанием для этого служат целый набор общетунгусо-маньчжуро-тюркской лексики, связанной с охотой и другими культурными реалиями, отсутствующей при этом в монгольских языках. В спорах о генетической принадлежности основ, демонстрирующих ротацизм и ламбдаизм в монгольских языках В. И. Рассадин высказывался в пользу заимствования подобных основ из тюркского языка булгарского типа, носители которого находились в контакте с предками монголов в хуннскую эпоху.

Периодически обращался Валентин Иванович и к теоретическим проблемам монгольского языкознания (см. работы «Очерки по морфологии и словообразованию монгольских языков» [Рассадин 2011], «Проблема классификации частей речи в монгольских языках» [Рассадин 2003], «Категория числа в монгольских языках» (совместно с С. М. Трофимовой) [Рассадин 2013]), предлагая нестандартные решения для разнообразных спорных вопросов монголистики.

Можно долго перечислять награды и звания Валентина Ивановича, заслуженного деятеля науки Бурятской АССР и РСФСР, передовика науки Монголии, кавалера ордена Дружбы, отражающие признание его авторитета в России и мире, но главный результат, как кажется, для ученого, что многие его книги вошли в золотой фонд классической литературы по тюркологии и монголистике, что многие результаты подтверждены и признаны ведущими специалистами, что его многочисленные ученики продолжают работать над интересными ему темами и всегда будут с благодарностью вспоминать Валентина Ивановича Рассадина.

Мы скорбим вместе с родными и близкими Валентина Ивановича.

Литература

- Рассадин 1971 — *Рассадин В. И.* Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971. {*Rassadin V. I.* Phonetics and vocabulary of the Tofa language. Ulan-Ude, 1971.}
- Рассадин 1978 — *Рассадин В. И.* Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М., 1978. {*Rassadin V. I.* Morphology of the Tofa language in comparative view. M., 1978.}
- Рассадин 1980 — *Рассадин В. И.* Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. 1980. {*Rassadin V. I.* Mongolic-Buryat loanwords in Siberian Turkic languages. 1980.}
- Рассадин 1982 — *Рассадин В. И.* Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М., 1982. {*Rassadin V. I.* Essays on historical phonetics of the Buryat language. M., 1982.}
- Рассадин 1983 — *Рассадин В. И.* Тофаларский язык и его место в системе тюркских языков. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, 1983. {*Rassadin V. I.* The Tofa language and its place in the Turkic language system. Doctor of Philology thesis. 1983.}
- Рассадин 2003 — *Рассадин В. И.* Проблема классификации частей речи в монгольских языках. Улан-Удэ, 2003. {*Rassadin V. I.* The problem of categorizing the parts of speech in Mongolic languages. Ulan-Ude, 2003.}
- Рассадин 2005 — *Рассадин В. И.* Словарь тофаларско-русский и русско-тофаларский. СПб, 2005. {*Rassadin V. I.* Tofa-Russian and Russian-Tofa dictionary. SPb, 2005.}
- Рассадин 2007 — *Рассадин В. И.* Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Ч. 1: Тюркское влияние на лексику монгольских языков, Элиста, 2007. {*Rassadin V. I.* Essays on the history of the Turkic-Mongolic language unity formation. P. 1: Turkic influence on Mongolic vocabulary. Elista, 2007.}
- Рассадин 2008 — *Рассадин В. И.* Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Ч. 2: Монгольское влияние на лексику тюркских языков, Элиста, 2008. {*Rassadin V. I.* Essays on the history of the Turkic-Mongolic language unity formation. P. 2. Mongolic influence on Turkic vocabulary. Elista, 2008.}

Рассадин 2011 — *Рассадин В. И.* Очерки по морфологии и словообразованию монгольских языков. Элиста, 2011. {*Rassadin V. I.* Essays on morphology and word-building of the Mongolic languages. Elista, 2011.}

Рассадин 2013 — *Рассадин В. И., Трофимова С. М.* Категория числа в монгольских языках, Курс лекций. Киров: МЦНИП 2013. {*Rassadin V. I., Trofimova S. M.* Category of number in Mongolic languages. Lecture course. Kirov: ISRP, 2013.}

Грунтов Илья Александрович, Институт языкознания РАН (Москва); altaica@yandex.ru

Ilya A. Gruntov, National Research University Higher School of Economics (Moscow); altaica@yandex.ru

Дмитрий Михайлович Насилов¹

Дмитрий Михайлович родился 18 марта 1935 г. в Зарайске, небольшом городке на окраине Московской области, славным разве что своей историей и выходцами из него, которые стали известными лингвистами: это русист Виктор Владимирович Виноградов и востоковед Владимир Михайлович Насилов. В 1953 г. Д. М. Насилов поступил на восточное отделение филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, где специализировался по тюркским языкам — современным (турецкий, узбекский) и древним. Впереди для него была очевидной аспирантура, но в отечественном вузовском востоковедении произошла очередная реформа. В воздухе повисла судьба не только Д. М. Насилова, но и самой кафедры тюркской филологии, так как востоковедению задавался практический профиль — преподавание зарубежных восточных языков.

Однако в 1958 г. Дмитрий Михайлович все же получил направление в Узбекистан, в Самаркандский университет. Фундаментальность образования Д. М. Насилова, которое он получил в Московском университете (знания по общей тюркологии, теории языка, умение работать с памятниками), позволила ему создать курс по древнетюркским памятникам, опубликовать несколько статей о древнетюркском глаголе, а также поработать в области сопоставительной грамматики узбекского и русского языков. И еще одна удача: он попал в научную среду. Д. М. Насилов с благодарностью вспоминает как узбекскую профессуру Самаркандского университета, так и тех ученых, которые нашли приют в Узбекистане во время Великой Отечественной войны и еще продолжали работать там; контакты с этими людьми способствовали его научному росту.

Отъезд в Москву через два года (в 1960 г.) не был бегством: отложенная аспирантура должна была осуществиться, и это был (тоже удача) Институт языкознания АН СССР. Защитив в 1964 г. кандидатскую диссертацию по временам глагола в древнеуйгурском языке [Насилов 1964], Д. М. Насилов вошел в число специалистов, для перечисления которых могло хватить пальцев одной руки. Этой сфере тюркской древности он надолго сохранил верность и являлся в Москве единственным специалистом по древнеуйгурскому языку и истории его письменности.

В 60-х гг. ленинградские тюркологи предприняли важную инициативу — издание древнетюркского словаря с учетом материалов словаря В. В. Радлова, продолженного, но не законченного С. Е. Маловым [Радлов 1893]. По приглашению руководства сектора алтайских языков Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР Д. М. Насилов переезжает в Ленинград и включается в работу и как автор статей, и как один из четырех редакторов «Древнетюркского словаря» [ДТС 1969]. Этот труд остается до сих пор настольной книгой отечественных и зарубежных тюркологов.

Впоследствии Д. М. Насилов войдет также в коллектив «Этимологического словаря тюркских языков» [ЭСТЯ 1989, 1997, 2000, 2003], работа над которым после смерти его основателя Э. В. Севортыяна была продолжена группой учеников и коллег (во главе с Л. С. Левитской). Д. М. Насилов принял участие в разработке словарных статей [ЭСТЯ 2003] — таким образом, контакты ученого с московскими коллегами не прерывались.

На наш взгляд, ленинградский период в жизни Д. М. Насилова стал наиболее значимым прежде всего в сфере теоретической тюркологии. В Ленинградском отделении Института языкознания он работал в течение 30 лет, вплоть до 1993 г., из них 10 лет — сотрудником Отдела теоретической грамматики и типологических исследований. Научное окружение (достаточно назвать имена С. Д. Кацнельсона, Ю. С. Маслова, А. В. Бондарко, В. С. Храковского, В. М. Павлова и др.) способствовало реализации его теоретических идей.

В этот период выходят в свет публикации Д. М. Насилова (некоторые в соавторстве с В. Г. Гузевым), в которых предлагается новый взгляд на категорию множественного числа в тюркских языках, уточняется понятие грамматической категории, нулевой формы имени существительного, типов изафета в этих языках и др. Его интерес к теории языка особенно проявился в использовании идей функциональной грамматики при исследовании тюркского глагола. Можно сказать, что в лице Д. М. Насилова формировался новый тип тюрколога, который в границах частного языкознания творчески использовал и внедрял в языковедческий анализ идеи общей лингвистики.

Кроме того, вместе с ленинградскими учеными он участвовал в создании книги «Грамматические концепции в языкознании XIX века» (им написаны разделы о теоретических взглядах О. Н. Бётлингга и

¹ Биография Д. М. Насилова была опубликована в журнале «Урало-алтайские исследования» № 1(4) за 2011 г. Здесь печатается с небольшими изменениями и сокращениями.

В. В. Радлова) [Грамматические концепции 1985]. Здесь следует подчеркнуть, что все историографические статьи Д. М. Насилова соединены между собой идеями о своеобразии становления и последующего развития тюркологии в ее контактах с общим языкознанием, в том числе западноевропейским.

В работах Д. М. Насилова тема глагольных категорий возникла в связи с категорией времени в памятниках, и не только в морфологическом аспекте (что было характерно для описательных грамматик), но и в плане их функционирования в текстах определенной исторической эпохи. В дальнейшем анализ значений глагольных форм с позиций ономаσιологического подхода обнаружил целый ряд проблем, для решения которых ученому потребовалось почти 20 лет исследовательской работы.

Традиционно возник вечный для описательных грамматик тюркских языков вопрос о виде, аналога которого (подобного славянскому виду) в этих языках нет, однако есть признаки, которые связываются с понятием аспекта в общей лингвистике. В работе Д. М. Насилова «О способах выражения видовых значений в алтайских языках» [Насилов 1971] была впервые заявлена тема, связанная с видовыми значениями, и представлено ее типологическое рассмотрение. Очевидно, что следовало найти новый подход для понимания проблемы вида в тюркских языках и рассмотреть систему семантических признаков, скрытых в значении глагольной лексики.

На материале тюркских языков Д. М. Насилов реализовал концепцию семантического поля аспектуальности, взаимодействия разноуровневых средств в границах поля, специфики их формального выражения (аффиксальные и аналитические). Кроме того, были разграничены собственно видовые по существу значения (предельности и фазовости) и акциональные (способы глагольного действия). В последних были показаны различия качественной и количественной акциональности.

Разным аспектам проблемы видовых значений Д. М. Насилов посвятил около 30 публикаций, и лишь в 1989 г. все это нашло выражение в монографии «Проблемы тюркской аспектологии. Акциональность» [Насилов 1989], на настоящий день наиболее значимой теоретической работе по проблеме вида (аспекта, акционсарта) в тюркских языках. Это исследование стало основой докторской диссертации Д. М. Насилова. В дальнейшем это направление исследования приобрело и типологический характер (сопоставление алтайских языков), что нашло отражение в работе «Акциональность в алтайских языках: типология и “детерминанта”» [Насилов 2006].

Общие проблемы алтаистики также являлись важным направлением научной работы Д. М. Насилова: это серия исследований по истории алтаистической концепции — «Проблемы алтаистики и монголоведения» [Проблемы 1975], вопросам алтайской языковой общности — «Тюркологические сборники» [Тюркологический сборник 1974, 1975, 1977, 1978] и «Залоговость в алтайских языках» [Насилов 1999]. Столь же значимыми являются работы Д. М. Насилова типологического направления, включенные в типологические серии: «Результатив в узбекском языке» [Насилов 1983], «Типология итеративных конструкций» [Насилов 1997а], «К типологии уступительных конструкций в узбекском языке» [Насилов 2003], «Эвиденциальность в тюркских языках» [Насилов и др. 2007], «Таксис в тюркских языках» [Насилов и др. 2009] и др.

Значительное место в научных интересах Д. М. Насилова занимали проблемы сравнительно-исторического языкознания, реконструкции, выполненные на материале исследования отдельных категорий, а также целых пластов языка: он участвует в шеститомной плановой работе «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков», сделанной тюркологами Института языкознания РАН [СИГТЯ 1984, 1987, 1989, 2000, 2002, 2006].

В серии работ, посвященных новым подходам и направлениям в лингвистике в свете задач теоретической тюркологии, ясно проступает определенная «просветительская» цель теоретических исследований Д. М. Насилова. Назовем некоторые из них: «О двух подходах к контрастивной грамматике тюркских языков» [Насилов 1997б], «К понятию грамматической категории» [Насилов 1980], «Уровни семантических абстракций и соотношение языковой и внеязыковой семантики в функциональной грамматике» [Насилов 1985], «К соотношению объективной действительности, логики и языка» [Насилов, Маслиева 1985], «По поводу термина “функция” в функциональной грамматике» [Насилов 1995].

Немногие из тюркологов так внимательно, как Д. М. Насилов, изучают жизнь и научное наследство своих предшественников: это А. Н. Кононов, Г. Ф. Благова, Ф. Д. Ашнин. Дмитрию Михайловичу принадлежат публикации о В. В. Радлове, А. Н. Самойловиче, С. Е. Малове, О. Н. Бётлингке, П. М. Мелиоранском, Е. Д. Поливанове, А. Н. Кононове, Н. А. Баскакове, Г. П. Мельникове. В этом ряду две работы Д. М. Насилова имеют совершенно особое значение: это «Репрессивная тюркология» (в соавторстве с Ф. Д. Ашниным и В. М. Алпатовым) [Репрессированная тюркология 2002] и книга — памятник А. Н. Самойловичу [Самойлович 2005], в которой воссозданы и снабжены комментариями основные работы одного из ведущих тюркологов отечественной науки первой трети XX в., отправленного в небытие «репрессивной машиной» и возрожденного из этого небытия Г. Ф. Благовой и Д. М. Насиловым.

После переезда в Ленинград, наряду с работой в Ленинградском отделении Института языкознания АН, Д. М. Насилов преподает на восточном факультете ЛГУ (вплоть до отъезда в Москву) такие спецкурсы, как «Древнетюркские памятники», «Древнеуйгурский язык», «Введение в алтаистику», «Сравнительная грамматика тюркских языков».

В 1993 г. в судьбе Д. М. Насилова вновь происходит перелом: теперь он оставляет Петербург с устроенной и налаженной жизнью и переезжает в Москву — он снова в Московском университете, круг замкнулся. Но не только в университете. Д. М. Насилов начинает работать в новом Институте языков народов России, который был открыт в конце 1992 г. (его возглавлял тогда В. П. Нерознак). В этом Институте при участии Д. М. Насилова был подготовлен и издан энциклопедический справочник «Красная книга языков народов России» [Красная книга 1994], в нем перу Дмитрия Михайловича принадлежит описание языков нескольких малочисленных тюркских народов Сибири и Алтая: как живых, правда, в основном в сфере бытового общения (языки телеутов, челканцев, тувинцев-тоджинцев), так и тех, которые находятся в «группе риска», то есть прямого исчезновения (шорский, чулымский). Д. М. Насилов принял участие и в следующем, связанном с «Красной книгой» издании — «Государственные и титульные языки России» [Языки России 2002], — где представлены сделанные им очерки тувинского, алтайского и хакасского языков.

Этими проблемами Д. М. Насилов занимался и позже, сотрудничая с Институтом национальных проблем образования при Министерстве образования и науки РФ, который в 1950-е гг. явился одним из организаторов Института национальных школ АПН РСФСР (с 1 августа 1966 г. — АПН СССР), в 1974 г. переименованного в Институт проблем образования. В 1999—2005 гг. Д. М. Насилов руководил секцией Федерального экспертного совета по учебникам родного языка для национальных школ при Министерстве образования.

Был и очень насыщенный, «неспокойный» этап в научном творчестве Д. М. Насилова, когда он участвовал в целом ряде проектов: «Госпрограмма по сохранению языков», «Цели образования в полиэтническом пространстве», «Формирование единого (общего) образовательного пространства», «Концепция модели этнической школы», «Направления модернизации национальной школы регионов Севера», «Проблемы составления типовых программ “Родной язык”», «Проблемы и перспективы развития школьного учебника по родным языкам народов России» и др.

Из последних работ Д. М. Насилова хотелось бы выделить «Очерки истории исламской цивилизации» (в соавторстве с И. Г. Добродомовым и А. И. Чайковской) [Очерки 2008], в которых показано влияние арабской лингвистической традиции на грамматические труды тюркского средневековья.

Внимательно разбирая список работ Д. М. Насилова (а их число приближается к тремстам), задумываешься, что выделить, ведь все важно и актуально: и отклики на новые работы коллег, и обзоры происходящих конгрессов и конференций, в которых он регулярно участвовал, и отклики на юбилейные даты уже давно ушедших из жизни ученых, в чьем творчестве он всегда усматривал нечто значимое для современной науки, то есть те нити, из которых сплетается традиция и преемственность. Отзывчивость Д. М. Насилова по отношению ко всему, что связано с языком в любом из его проявлений, соотносилась с общей талантливостью, склонностью не к «теоретизированию», но уяснению сути любого объекта.

Отличное знание тюркологической проблематики, открытость для обсуждения, способность и готовность делиться своими знаниями обусловили несомненный научный авторитет Д. М. Насилова. Как ученый и главный редактор журнала «Российская тюркология» он стал одной из ведущих фигур отечественной тюркологии. По важности места, которое он занимает в современной отечественной тюркологии, его хотелось бы сравнить, например, с Э. В. Севортьяном, который, кажется, даже не подозревая того, определил в свое время путь в науку для многих молодых коллег.

Когда Дмитрий Михайлович входил в кабинет кафедры тюркской филологии в ИСАА (при МГУ), тут же разливался свет доброты, покоя и мягкой усмешливости. Судьба не ошиблась, снова приведя его в Московский университет, хотя, может быть, на этот раз подумав не о нем, а о нас...

Литература

Самойлович 2005 — *Самойлович А. Н.* Тюркское языкознание. Филология. Руника / Отв. ред. *Благова Г. Ф., Насилов Д. М. М.*, 2005. {*Samojlovič A. N.* T'urkskoe jazykoznanie. Filologija. Runika / Ed. by *Blagova G. F., Nasilov D. M. M.*, 2005.}

Грамматические концепции 1985 — Грамматические концепции в языкознании XIX века / Отв. ред. *Кацнельсон С. Д. Л.*, 1985. {*Grammatičeskie koncepcii v jazykoznanii XIX veka* / Ed. by *Kacnel'son S. D. L.*, 1985.}

ДТС 1969 — Древнетюркский словарь / Ред. *Наделяев В. М., Насилов Д. М., Тенишев Э. Р., Щербак А. М.* Л., 1969. {*Drevnet'urkskij slovar' / Red. Nadel'aeV V. M., Nasilov D. M., Tenišev E. R., Ščerbak A. M. L.*, 1969.}

Красная книга 1994 — Красная книга языков народов России: Энциклопедический словарь-справочник / Ред. *Нерознак В. П. М.*, 1994. {*Krasnaja kniga jazykov narodov Rossii: Enciklopedičeskij slovar'-spravočnik / Ed. by Neroznak V. P. M.*, 1994.}

Насилов 1964 — *Насилов Д. М.* Структура времен индикатива в древнеуйгурском языке. Дис. канд. филол. наук. М., 1964. {*Nasilov D. M. Struktura vremen indikativa v drevneujgurskom jazyke. Dis. kand. filol. nauk. M.*, 1964.}

Насилов 1971 — *Насилов Д. М.* О способах выражения видовых значений в алтайских языках // Проблемы общности алтайских языков. Л., 1971. С. 366—376. {*Nasilov D. M. O sposobax vyraženiĵa vidovyx značenij v altajskix jazykax // Problemy obščnosti altajskix jazykov. L.*, 1971. S. 366—376.}

Насилов 1980 — *Насилов Д. М.* К понятию грамматической категории. 1980. {*Nasilov D. M. K pon'a-tiju grammatičeskoj kategorii. 1980.*}

Насилов 1983 — *Насилов Д. М.* Результатив в узбекском языке. 1983. {*Nasilov D. M. Rezul'tativ v uezbekskom jazyke. 1983.*}

Насилов 1985 — *Насилов Д. М.* Уровни семантических абстракций и соотношение языковой и внеязыковой семантики в функциональной грамматике // Проблемы функциональной грамматики. М., 1985. С. 120—132. {*Nasilov D. M. Urovni semantičeskix abstrakcij i sootnošenie jazykovoĵ i vnezjazykovoĵ semantiki v funkcional'noj grammatike // Problemy funkcional'noj grammatiki. M.*, 1985. S. 120—132.}

Насилов 1989 — *Насилов Д. М.* Проблемы тюркской аспектологии: Акциональность. Л., 1989. {*Nasilov D. M. Problemy t'urkskoj aspektologii: Akcional'nost'. L.*, 1989.}

Насилов 1995 — *Насилов Д. М.* По поводу термина «функция» в функциональной грамматике. 1995. {*Nasilov D. M. Po povodu termina "funkcija" v funkcional'noj grammatike. 1995.*}

Насилов 1997а — *Насилов Д. М.* Типология итеративных конструкций. 1997. {*Nasilov D. M. Tipologija iterativnyx konstrukcij. 1997.*}

Насилов 1997б — *Насилов Д. М.* О двух подходах к контрастивной грамматике тюркских языков // Вопросы тюркской филологии. Вып. 3. М., 1997. С. 70—77. {*Nasilov D. M. O dvux podxodax k kontrastivnoj grammatike t'urkskix jazykov // Voprosy t'urkskoj filologii. Vyp. 3. M.*, 1997. S. 70—77.}

Насилов 1999 — *Насилов Д. М.* Залоговость в алтайских языках. 1999. {*Nasilov D. M. Zalogovost' v altajskix jazykax. 1999.*}

Насилов 2003 — *Насилов Д. М.* К типологии уступительных конструкций в узбекском языке. 2003. {*Nasilov D. M. K tipologii ustupitel'nyx konstrukcij v uezbekskom jazyke. 2003.*}

Насилов 2006 — *Насилов Д. М.* Акциональность в алтайских языках: типология и «детерминанта» // Вопросы тюркской филологии. Вып. 6. Материалы Дмитриевских чтений. М., 2006. С. 80—90. {*Nasilov D. M. Akcional'nost' v altajskix jazykax: tipologija i "determinanta" // Voprosy t'urkskoj filologii. Vyp. 6. Materialy Dmitrievskix čtenij. M.*, 2006. S. 80—90.}

Насилов и др. 2007 — *Исхакова Х. Ф., Насилов Д. М., Невская И. В., Шенцова И. В.* Эвиденциальность в тюркских языках // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. СПб., 2007. С. 469—518. {*Isxakova X. F., Nasilov D. M., Nevskaja I. V., Šencova I. V. Evidencial'nost' v t'urkskix jazykax // Evidencial'nost' v jazykax Evropy i Azii. SPb.*, 2007. S. 469—518.}

Насилов и др. 2009 — *Исхакова Х. Ф., Насилов Д. М., Невская И. В.* Таксис в тюркских языках // Типология таксисных конструкций. М., 2009. С. 750—802. {*Isxakova X. F., Nasilov D. M., Nevskaja I. V. Taksis v t'urkskix jazykax // Tipologija taksisnyx konstrukcij. M.*, 2009. S. 750—802.}

Насилов, Маслиева 1985 — *Маслиева О. В., Насилов Д. М.* К соотношению объективной действительности, логики и языка // Логика и язык. М., 1985. С. 96—101. {*Maslieva O. V., Nasilov D. M. K sootnošeniju ob'ektivnoj dejstvitel'nosti, logiki i jazyka // Logika i jazyk. M.*, 1985. S. 96—101.}

Очерки 2008 — *Добродомов И. Г., Насилов Д. М., Чайковская А. И.* Очерки истории исламской цивилизации. 2008. {*Dobrodomov I. G., Nasilov D. M., Čajkovskaja A. I. Očerki istorii islamskoj civilizacii. 2008.*}

Проблемы 1975 — Проблемы алтаистики и монголоведения / Ред. *Цинциус В. И. М.*, 1975. {*Problemy 1975 — Problemy altaistiki i mongolovedeniĵa / Ed. by Cincius V. I. M.*, 1975.}

Радлов 1893 — *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. I. Гласные. М., 1893. {*Radlov 1893 — Radlov V. V. Opyt' slovar'a t'urkskix narėčij. T. I. Glasnye. M.*, 1893.}

Репрессированная тюркология 2002 — *Алпатов В. М., Ашнин Ф. Д., Насилов Д. М.* «Репрессированная» тюркология. М., 2002. {*Alpatov V. M., Ašnin F. D., Nasilov D. M. "Repressirovannaja" t'urkologija. M.*, 2002.}

Дмитрий Михайлович Насилов (к 75-летию со дня рождения) ISSN 2079-1003. Урало-алтайские исследования. 2011. № 1 (4) 143 СИГТЯ 1984 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских язы-

ков: Фонетика / Ред. Тенишев Э. Р. М., 1984. {Srvnritel'no-istoričeskaja grammatika t'urkskix jazykov: Fonetika / Ed. by *Tenišev E. R. M.*, 1984.}

СИГТЯ 1987 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Синтаксис / Ред. Тенишев Э. Р. М., 1987. {Srvnritel'no-istoričeskaja grammatika t'urkskix jazykov: Sintaksis / Ed. by *Tenišev E. R. M.*, 1987.}

СИГТЯ 1989 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Морфология / Ред. Тенишев Э. Р. М., 1989. {Srvnritel'no-istoričeskaja grammatika t'urkskix jazykov: Morfologija / Ed. by *Tenišev E. R. M.*, 1989.}

СИГТЯ 2000 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика / Ред. Тенишев Э. Р. М., 2000. {SIGTJa 2000 — Srvnritel'no-istoričeskaja grammatika t'urkskix jazykov: Leksika / Ed. by *Tenišev E. R. M.*, 2000.}

СИГТЯ 2002 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Региональные реконструкции / Ред. Тенишев Э. Р. М., 2002. {SIGTJa 2002 — Srvnritel'no-istoričeskaja grammatika t'urkskix jazykov: Regional'nye rekonstrukcii / Ed. by *Tenišev E. R. M.*, 2002.}

СИГТЯ 2006 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / Ред. Тенишев Э. Р., Дыбо А. В. М., 2006. {SIGTJa 2006 — Srvnritel'noistoričeskaja grammatika t'urkskix jazykov: Prāt'urkskij jazyk-osnova. Kartina mira prāt'urkskogo etnosa po dannym jazyka / Ed. by *Tenišev E. R.*, *Dybo A. V. M.*, 2006.}

Тюркологический сборник 1974 — Тюркологический сборник — 1974. Памяти А. Н. Самойловича / Ред. Кононов А. Н. М., 1978. {T'urkologičeskij sbornik — 1974. Pam'ati A. N. Samojloviča / Ed. by *Kononov A. N. M.*, 1978.}

Тюркологический сборник 1975 — Тюркологический сборник — 1975. Памяти С. Е. Малова / Ред. Кононов А. Н. М., 1978. {T'urkologičeskij sbornik — 1975. Pam'ati S. E. Malova / Ed. by *Kononov A. N. M.*, 1978.}

Тюркологический сборник 1977 — Тюркологический сборник — 1977 / Ред. Кононов А. Н. М., 1981. {T'urkologičeskij sbornik 1977 — T'urkologičeskij sbornik — 1977 / Ed. by *Kononov A. N. M.*, 1981.}

Тюркологический сборник 1978 — Тюркологический сборник — 1978 / Ред. Кононов А. Н. М., 1984. {T'urkologičeskij sbornik 1978 — T'urkologičeskij sbornik — 1978 / Ed. by *Kononov A. N. M.*, 1984.}

ЭСТЯ 1989 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й» / Ред. Севортян Э. В., Левитская Л. С. М., 1989. {ESTJa 1989 — Etimologičeskij slovar' t'urkskix jazykov: Obščet'urkskie i mežt'urkskie osnovy na bukvy “Ž”, “Ž”, “J” / Ed. by *Sevort'an E. V.*, *Levitskaja L. S. M.*, 1989.}

ЭСТЯ 1997 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «К», «К» / Ред. Левитская Л. С. М., 1997. {Etimologičeskij slovar' t'urkskix jazykov: Obščet'urkskie i mežt'urkskie osnovy na bukvy “K”, “K” / Ed. by *Levitskaja L. S. M.*, 1997.}

ЭСТЯ 2000 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «К» / Ред. Левитская Л. С. М., 2000. {Etimologičeskij slovar' t'urkskix jazykov: Obščet'urkskie i mežt'urkskie osnovy na bukvy “K” / Ed. by *Levitskaja L. S. M.*, 2000.}

ЭСТЯ 2003 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С» / Ред. Левитская Л. С. М., 2003. {Etimologičeskij slovar' t'urkskix jazykov: Obščet'urkskie i mežt'urkskie osnovy na bukvy “L”, “M”, “N”, “P”, “S” / Ed. by *Levitskaja L. S. M.*, 2003.}

Языки России 2002 — Государственные и титульные языки России / Ред. Нерознак В. П. М., 2002. {Gosudarstvennye i titul'nye jazyki Rossii / Ed. by *Neroznak V. P. M.*, 2002.}

Воспоминания о Дмитрие Михайловиче Насилове

Новость о смерти Дмитрия Михайловича Насилова застала меня в музее кочевой культуры, куда я торопилась на экскурсию. Я забила в ближайшую юрту. Было тепло и тихо. Я смотрела сквозь тундук вверх, в небо, и думала, что это может быть символично. Тюркский мир был миром Дмитрия Михайловича — одного из ведущих тюркологов России, доктора филологических наук, нашего зава. Даже шире — алтайский мир.

Помню, как еще на первом курсе мы, студенты-филологи нашей кафедры, слыша лекции Дмитрия Михайловича старшекурсникам, консультации коллегам, аспирантам, докторантам и прочим многочисленным страждущим, становясь случайными свидетелями его бесед с гостями, которые приезжали для личной встречи со всего бывшего Советского Союза, удивлялись, как можно знать столько языков и разбираться в стольких дисциплинах.

Позднее, на втором курсе, «Введение в тюркологию» в исполнении Дмитрия Михайловича казалось нам похожим на повествование о Средиземье: народы, религии и языки, о существовании которых мы раньше и не подозревали, захватывающая ранняя и средневековая истории тюркских народов, смелые гипотезы и хитроумные этимологии. А тюркские руны и древнеуйгурское письмо! Мы чувствовали себя первооткрывателями, читая древние тексты под его руководством. В моей тетради осталась надпись: «Дмитрий Михайлович. Звонить с 22 до 23.» И когда мы перестали смущаться звонить (не так поздно, а вообще), в трубке нам неизменно слышалось его бодрое «Привет!»

На том же курсе начались курсовые работы и Дмитрий Михайлович стал моим научным руководителем. Он поддерживал мое желание писать работы по нескольким тюркским языкам — тем, что являются у нас вторыми восточными. И хотя в магистратуре и аспирантуре у меня сменился руководитель, свеженаписанные главы первому я несла на оценку Дмитрию Михайловичу. Листы со сделанными от руки замечаниями и исправлениями я храню до сих пор.

Дмитрий Михайлович познакомил меня с узбекским языком, который по сию пору остается моим самым любимым из тюркских языков. И теперь у меня тоже есть фото на ослике, как те, что показывал нам Дмитрий Михайлович: они с Ириной Васильевной Боролиной в Узбекистане, такие молодые...

А вот и третий курс — время по-студенчески бояться экзамена по общему языкознанию. Но когда знаешь, что есть Дмитрий Михайлович — с его разъяснениями и поддержкой, не так страшно. А во время его дискуссий с Юрием Владимировичем Щекой после пар по теории основного восточного языка мы сидели тихо-тихо, учась размышлять и не теряться в многообразии точек зрения.

Потом, закончив институт и приступив к работе на кафедре, я стала называться Дмитрию Михайловичу коллегой, а он навсегда остался моим учителем. Помогал, поддерживал и вдохновлял. Часто улыбался и очень много работал. Был активным, бодрым и никак не выглядящим на свои за 70, а потом и за 80. А прежде чем заговорить о делах, всегда спрашивал: «Ты поела или голодная? Возьми бутерброд!» Дмитрий Михайлович был таким заботливым и отзывчивым, что одна из наших студенток однажды сказала: «Знаете, он ведь мне как дедушка, которого у меня никогда не было».

Жаль, что сад, про который Дмитрий Михайлович много рассказывал, тревожась, не померзнут ли саженцы, и радуясь урожаю, я не увидела: «Потом приедешь. Мне будет полегче к лету, тогда и приедешь».

Кочевники верили, что человек после смерти возвращается в большое родное и вечное царство Духа-Тэнгри. Но как нам Вас не хватает здесь, Дмитрий Михайлович!..

Лосева-Бахтиярова Танем Валерьевна, ИСАА МГУ имени М. В. Ломоносова; uni_philology@yahoo.com

Tanem V. Loseva-Bakhtiyarova, Institute of Asian and African studies, Lomonosov Moscow State University; uni_philology@yahoo.com

Воспоминания о Дмитрие Михайловиче Насилове

Мое знакомство с Дмитрием Михайловичем Насиловым, которое с годами переросло в крепкую дружбу, началось в 1996 году, когда он читал нам, студентам третьего курса ИСАА, лекции по орхон-енисейским памятникам, а позже проводил занятия по узбекскому языку. С годами, все ближе общаясь с моим учителем, я не уставала удивляться, как в человеке может сочетаться такое величие и такая скромность. Это был человек, который мог, говоря словами Олджаса Сулейменова, «возвысить степь, не унижая горы».

Для нас, коллег, учеников и последователей, Дмитрий Михайлович был не просто блестящим ученым, а человеком с большим сердцем, добрым, чутким, отзывчивым, родным, никому и никогда не отказывающим в помощи — и в академическом, и в бытовом плане. Несмотря на все свои титулы и регалии он был простым и доступным в общении для всех, принимал искреннее участие в наших делах и заботах. Для каждого он находил нужные слова, предлагал решения в, казалось бы, тупиковых ситуациях.

Трогательная, поистине отеческая забота Дмитрия Михайловича о коллегах и учениках, о совершенно незнакомых людях известна всем, кто был с ним знаком. Много лет работая с ним бок о бок на кафедре тюркской филологии, я неоднократно наблюдала, как люди, специально приезжавшие к Дмитрию Михайловичу из всех городов и весей России, — и не только России — с благоговением входили в кабинет, где работал «неприступный великий ученый», а выходили с улыбкой на лице, долго пожимая ему руку, все еще не веря в то, что их приняли как близких друзей, пообещали помочь и — что действительно очень важно — помогли.

Денно и ночью Дмитрий Михайлович читал чьи-то диссертации, статьи и монографии, правил, переписывал, редактировал, писал рецензии, хлопотал, чтобы рецензии написали другие «нужные» люди. Не говоря уже о той колоссальной работе, которую он вел по журналу «Российская тюркология», по сути взвалив на себя весь груз дел, связанных с его изданием. Он любил подшучивать надо мной: «Не становись, как я, человеком читающим, нужно быть человеком пишущим».

К нему буквально толпой ходили студенты, магистранты и аспиранты со всех языковых (и не только языковых) кафедр нашего института. Непересыхающим ручейком тянулись они и во время занятий, которые проводил Дмитрий Михайлович, и после них. И насколько я знаю, каждому Дмитрий Михайлович протягивал руку помощи. Вспоминаются даже моменты, когда он консультировал мало знакомых ему ребят по скайпу в ночное время перед экзаменами по общелингвистическим курсам.

Что же говорить о коллегах — близких и далеких. Не было ни одного важного повода в их жизни (юбилей, защита диссертации и др.), на который бы Дмитрий Михайлович не откликнулся теплым словом, поздравительным адресом.

Не забывал Дмитрий Михайлович и о своих предшественниках: ему принадлежат публикации о В. В. Радлове, С. Е. Малове, О. Н. Бетлингке, П. М. Мелиоранском и др.

На фоне этих бесконечных дел, кутерьмы, звонков, писем и посетителей Дмитрий Михайлович оставался вечно молодым и юным в душе: много шутил, смеялся, высказывал тонкие ироничные замечания, мог мгновенно перестроить свой график, чтобы присутствовать на каком-то заинтересовавшем его мероприятии, всегда расспрашивал и живо интересовался моими впечатлениями после просмотра какой-либо пьесы, поездки куда-либо и пр.

И никто никогда на нашей кафедре не забудет то щемящее чувство, которые мы испытывали, когда каждый год примерно в середине апреля нас встречал на столе кафедры маленький букетик подснежников, собранных лично Дмитрием Михайловичем. А осенью он всегда угощал нас яблоками с собственных яблонь...

Очевидно, что таких людей, как Дмитрий Михайлович, я больше не встречу. Но всю свою оставшуюся жизнь я буду благодарна Богу, что наши пути пересеклись, и что больше двадцати лет я видела его улыбку и слышала его голос. Светлая память Вам, дорогой Дмитрий Михайлович, мой Учитель и друг...

Оганова Елена Александровна, ИСАА МГУ имени М. В. Ломоносова; ova8@yandex.ru

Elena A. Oganova, Institute of Asian and African studies, Lomonosov Moscow State University; ova8@yandex.ru

Требования к оформлению статей / Style sheet

Резюме

Просьба приложить к статье два резюме: 1) написанное на языке статьи, 2) написанное на одном из языков сборника (напоминаем, что это русский, английский, немецкий), но не на языке статьи.

Оформление

Допустимые форматы файла: .rtf или .doc.

Просим Вас также обязательно присылать текст в формате .pdf или распечатку.

Должны использоваться шрифты, поддерживающие Unicode.

В начале статьи указываются фамилия автора и место его работы.

Заголовки выделяются **полужирным шрифтом**.

Языковые примеры выделяются *курсивом*; смысловые выделения отмечаются **полужирным шрифтом** или **разрядкой**.

Примеры, которые занимают отдельную строку или абзац, просьба нумеровать; номера ставятся в начале в круглых скобках.

Длинные цитаты даются как отдельный абзац и отделяются в начале и в конце одной пустой строкой.

Цитаты заключаются в «кавычки».

Переводы и значения выделяются ‘одинарными (марровскими) кавычками’.

Просьба не расставлять переносы.

Язык и орфография

В статьях на английском языке просьба последовательно придерживаться британского или американского варианта и соответствующей орфографии; в статьях на немецком языке — старых либо новых орфографических правил.

Если статья написана не на родном языке автора, мы рекомендуем дать текст на вычитку носителю языка.

Библиографические ссылки

В тексте статьи по образцу:

в квадратных [] скобках Фамилия год: страница (страницы) (например, [Aijmer 1996: 22—25]).

В конце статьи дается список использованной литературы по приводимым ниже образцам.

Если статья написана не на русском языке, то в библиографии к ней работы на русском и других языках с кириллическим шрифтом можно дать отдельным блоком, без латинской транскрипции. В любом случае ссылка в тексте статьи должна соответствовать написанию в списке литературы.

Summaries

Please provide two summaries: 1) in the language of your paper, 2) in one of the languages of the journal (Russian, English, German), but not in the language your paper is written in.

Formatting

The file is to be submitted in one of the following formats: .rtf or .doc.

Please also add either a .pdf version or a hard copy of the text.

Please use Unicode fonts.

Please indicate the author's name and affiliation on the title page.

Headings have to be **boldfaced**.

Use *italics* for language data; **boldface** or `spacing` for emphasis.

Please number language examples which are not in the body of the text; enclose each number in parentheses.

Please format long quotations as separate paragraphs; add one blank line before and after them.

Please use «double quotes» for quotations.

Please use ‘single quotes’ for meanings.

Please do not hyphenate the document.

Language and spelling

In English articles please use consistently either British or American norm and the respective spelling; in German articles please follow either the old or the new orthography rules.

If the paper is not written in the author's native language, we highly recommend to have it checked by a native speaker.

References

In the body of the text please use the following format:

[Name year: page(s)] (e.g. [Aijmer 1996: 22—25]).

In papers not in Russian works in Cyrillic can be listed separately, without Latin transcription. In any case, their spelling must be identical with the references cited in the text.

At the end of the paper add a list of references as exemplified below.

Примеры оформления библиографии / Sample lists of references

Монография, словарь с именами авторов на титульном листе / Monographic work or dictionary with author's (authors') name(s) on the title page

Грунина 1991 — *Грунина Э. А.* Историческая грамматика турецкого языка. М., 1991.

Janhunen 1977 — *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.

Коллективная монография, словарь с именем ответственного редактора на титульном листе / Collection of papers or dictionary with editor's (editors') name(s) on the title page

Этническая история 1982 — Этническая история народов Севера / Отв. ред. *Гурвич И. С.* М., 1982.

Lessing 1960 — Mongolian-English Dictionary / Ed. *Lessing F.* Berkeley; Los Angeles, 1960.

Статья в коллективной монографии, сборнике / Paper in an (edited) book

Дёрфер 1986 — *Дёрфер Г.* О языке гуннов // Зарубежная тюркология. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986. С. 71—134.

Дмитриев 1958 — *Дмитриев Н. К.* О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сборник. Вып. 3. М., 1958. С. 3—47.

Kiefer, Gyuris 2006 — *Kiefer F., Gyuris B.* Szemantika // A magyar nyelv kézikönyve / Ed. *Kiefer F.* Budapest, 2006.

Nikolaeva 2005 — *Nikolaeva I.* Agreement and linguistic construal // Uralic languages today / Ed. *Fernandez-Vest J.* Paris, 2005.

Статья в журнале / Journal paper

Иллич-Свитыч 1963 — *Иллич-Свитыч В. М.* Алтайские дентальные: *t, d, δ* // ВЯ. 1963, 6. С. 37—56.

Clark 1980 — *Clark L. V.* Turkic Loanwords in Mongol. I: The Treatment of non-initial *s, z, š, č* // Central Asiatic Journal. 1980. Vol. 24, 1—2. P. 23—45.

Doerfer 1969 — *Doerfer G.* Ein altosmanisches Lautgesetz im Kurdischen // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. 1969. Bd. 62. S. 250—263.

Цифровые и интернет-источники / Digital and Internet sources

Helimski 2007 — *Helimski E.* База данных энецкого языка // www.helimski.com, 2007.

Редактор
Е. В. Ковалева

Компьютерная верстка
В. Ю. Гусев

Адрес редакции
125009, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1, корп. 1,
Отдел урало-алтайских языков

Телефон
+7 (495) 691-63-06

Editor
Elena Kovaleva

Computer typesetting
Valentin Gusev

Editorial office
125009, Moscow, B. Kislovskiy sidestr., 1, 1,
Department of Uralo-Altaic languages

Phone
+7 (495) 691-63-06

ISSN 2079-1003

9 772079 100004 >